

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Проект Ага Хана «Человековедение»

ВВЕДЕНИЕ В ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВВЕДЕНИЕ В ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

ПРОЕКТ АГА ХАНА “ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ”

БИШКЕК, ДУШАНБЕ, АЛМАТЫ

2023

Кешавджи Рафик Антропология (США)
Алибай Шираз Архитектура (США)
Абдуллаев Камол История (Таджикистан)
Авербуш Брайн Ближне-восточные языки и цивилизации (США)
Алимардонов Амрияздон Востоковедение (Таджикистан)
Алимбаев Абдурахман Литература (Кыргызстан)
Ахтамова Мунира Филология (Таджикистан)
Аюпов Нурмагамбет Философия (Казахстан)
Бекер Норма Джо Социальные и политические науки (США)
Бекзода Комил Философия (Таджикистан)
Биялова Гульмира Философия, религия (Казахстан)
Биман Виллиам Антропология (США)
Ватаншоев Олимшо Международное образование и развитие (Таджикистан)
Гиёев Курбон Социальные науки (Таджикистан)
Джонбобоев Сунатулло Философия (Таджикистан)
Джураев Абдурахим Культурология (Таджикистан)
Диноршоев Мусо Консультант, философия (Таджикистан)
Доолбекова Жылдыз Политология (Кыргызстан)
Зиёев Хуршед История философии (Таджикистан)
Иваненко Виктория Преподаватель английского языка (Таджикистан)
Идиев Хайридин Социальные науки (Таджикистан)
Имомов Шарофиддин История и международные отношения (Таджикистан)
Кармали Сакина Этика (Великобритания)
Киш Аннамария Социальная антропология (Венгрия)
Курбонхонов Обидхон Социология (Таджикистан)
Лоди Ясмин Политическая философия (Индия)
Мамадамбарова Шарофат Литература и ассесмент (Таджикистан)
Махкамова Светлана Литература (Таджикистан)
Махмаджанова Фируза Философия (Таджикистан)
Махмадхаджаев Ахмаджан Философия (Таджикистан)
Межуев Вадим Консультант, Философия культуры (Россия)
Миршакар Акмал Искусство – живопись (Таджикистан)

Музаффар Мухаммад Али Антропология и психология (Таджикистан)
Мухаматкулов Акрам Политические науки (Узбекистан)
Наботов Зайниддин Теология (Таджикистан)
Назариев Рамазан История философии (Таджикистан)
О’Коннел Джон Музыкология (Великобритания)
Олимов Кароматулло Философские традиции Востока (Таджикистан)
Паринова Ольга Филология (Таджикистан)
Пауел Шарон Международное образование (США)
Пулатова Лола Искусство – музыка (Таджикистан)
Рахимов Мухсин Философия и психология (Таджикистан)
Рахимов Садулло Киноведение (Таджикистан)
Рузадоров Мухаббатшо Социология (Таджикистан)
Саъдуллоев Мадисо Философия (Таджикистан)
Содатсайров Эрадж Политические науки (Таджикистан)
Спектор Александра Филология (Таджикистан)
Степанянц Мариэтта Консультант, Философские традиции Востока (Россия)
Сулайманов Жоомарт Философия и экология (Кыргызстан)
Таджиматов Санджарбек Этнология и этнография (Кыргызстан)
Томсон Чад Социальные и политические науки (Канада)
Турсун-заде Фируза Эстетика (Таджикистан)
Файзуллаева Мохира Политические науки (Таджикистан)
Халилов Мердан Экономика и бизнес (Туркменистан)
Хамон Макс История (Канада)
Хафизова Наталья Политические науки (Таджикистан)
Холл Майкл Исламоведение (США)
Шамолов Абдувахид Философия (Таджикистан)
Шарипов Мехмоншо Исламоведение (Таджикистан)
Шозимов Пулат Социальные науки (Таджикистан)
Шоисматуллаев Шоназар Социология (Таджикистан)
Эльбоев Хамза Культурология (Таджикистан)
Рахимова Самира Права человека (Таджикистан)
Душанбиева Мавджигул Антропология и культура (Таджикистан)
Алифбекова Марифат Образование (Таджикистан)
Калонов Аджамшо Политические науки (Таджикистан)
Ибодов Махмадулло Философия (Таджикистан)

Иллюстрация на обложке: “Навруз” (художник Рахим Сафаров)

Дизайнеры: Михаил Романюк, Амир Исаев, Гулрухсор Азамова

Ответственность за идеи, изложенные в данном учебнике, лежит исключительно на его авторах, а их публикация не подразумевает ответственность Университета Центральной Азии

Репродукция и передача любых опубликованных материалов по системе автоматического поиска информации или с помощью иных средств без разрешения владельца издательского права запрещена

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время Центральная Азия претерпевает глубокие культурные изменения. Появляются новые основы для развития самобытности, поскольку получившие в недавнем прошлом независимость государства сталкиваются с более глобальными экономическими и политическими трудностями. Народы Центральной Азии черпают вдохновение из своего прошлого и ищут поддержки в построении новой системы ценностей, которая была бы основана на богатых традициях данных обществ. Ученые, преподаватели ощущают острую необходимость проявления инициатив в развитии более глубокого понимания этических вопросов и вопроса нравственного выбора, который встает перед обществом. Отвечая этим нуждам, Траст (Фонд) Ага Хана по Культуре учредил в 1997 году Проект Ага Хана «Человековедение» (ПАХЧ). В 2007 году ПАХЧ вошел в состав Университета Центральной Азии (УЦА). Сам УЦА был учрежден в 2000 году в качестве международной организации по образованию. Учредителями УЦА явились Республики Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а также Его Величество Ага Хан IV.

Проект Ага Хана «Человековедение» продвигает плюрализм в идеях, культурах и народах, иницируя и поддерживая разработку и внедрение ориентированного на студентов междисциплинарного материала по гуманитарным наукам, развитие навыков педагогического и профессионального мастерства преподавателей центральноазиатских университетов и общественных социально-ориентированных проектов. ПАХЧ создает мосты между общинами и обществами в Центрально-Азиатском регионе и помогает гражданам Центральной Азии обмениваться своими традициями и устанавливать связи и взаимоотношения с внешним миром. Признание достоинств и понимание всей широты своего культурного наследия даст возможность народам Центральной Азии определить те аспекты, которые позволят им приспособиться к быстрым изменениям. Студенты знакомятся с различными источниками и жанрами посредством различных методов работы на занятиях, разработанных для осуществления активного обучения, помогающих прийти к собственному критическому и глубокому пониманию основных вопросов.

Учебный материал ПАХЧ разрабатывался, апробировался и корректировался с 1997 по 2010гг. до создания того формата, в котором он продолжает существовать на данный момент. Апробация учебных материалов проходила в студенческих аудиториях университетов-партнеров с использованием инновационного ракурса обучения, когда в центре всего процесса ставится не преподаватель, а студент. В итоге материал был рассмотрен двумя группами международных ученых и завершен в 2008 году. В 2010 году окончательно был утвержден финальный вариант восьми учебных материалов ПАХЧ, который включал в себя также и защиту авторских прав используемых текстов. В 2022 году с учетом потребностей национальных сообществ трех стран - Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана - ПАХЧ принял решение начать перевод на национальные языки фундаментальных гуманитарных текстов из Центральной Азии с целью подключения максимально широкой аудитории в процесс формирования междисциплинарного и кросс-культурного дискурса, связанного с вызовами современного мира.

В новую версию базового учебника «Введение в человековедение» включены три дополнительных международных текста, имеющих концептуальный характер и напрямую связанных с общей тематикой всего учебного курса ПАХЧ.

Окончательная версия восьми учебников на трех национальных языках, а также на английском и русском, составляющих весь комплект учебных материалов ПАХЧ, будет широко распространяться среди заинтересованных университетов. Курсы могут быть использованы в тех средних общеобразовательных школах, где пилотный проект уже начат, и участниками данных курсов могут являться учащиеся старших классов. Каждое учебное заведение имеет свои запросы и ожидания, поэтому мы предлагаем преподавателям адаптировать материал курсов в соответствии с особенностями аудиторий и требованиями студентов. Подобная творческая адаптация создает базу для образования, основанного на развитии критического мышления, являясь важным шагом в привлечении центральноазиатских студентов к решению проблем их регионов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Введение	5

2

ГЛАВА ПЕРВАЯ **ПОЗНАНИЕ САМОГО СЕБЯ: ПОНЯТИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВОСПРИЯТИЯ 9**

Кейс-стади

Фланнери О'Коннор. Хорошие деревенские люди	11
---	----

Развитие навыков критического мышления

Создание концептуальных карт	29
------------------------------------	----

Притча

Джалалиддин Руми. Спор о слоне	31
--------------------------------------	----

Тексты:

Амин Маалуф. Странствие Бальтасара.....	33
Халиде Эдип Адывар. Турция встречает Запад	37
Вирджиния Вулф. Своя комната	43
Маша Гессен. Моя бабушка – цензор	49
Тимур Зульфикаров. Книга откровений Омара Хайяма.....	55
Вопросы для анализа	60

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОНИМАНИЕ «ДРУГИХ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ПОЛА. 61

Кейс-стади

Фильм Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни»	63
---	----

Оценка содержания текста.....	64
-------------------------------	----

Оценка содержания фильма Мотыля	65
---------------------------------------	----

Притча

Джалалиддин Руми. О винограде	66
-------------------------------------	----

Тексты

Эдвард Саид. Ориентализм.....	69
-------------------------------	----

Лео Африканус. Описание Тимбукту.....	75
---------------------------------------	----

Усама ибн Мункыз. Автобиография (отрывки о франках)	79
---	----

Редьярд Киплинг. Бремя белого человека	83
--	----

Князь Горчаков. Экспансия Российской Империи	85
--	----

Жусуп Баласагын.Благодатное знание.....	89
---	----

Олжас Сулейменов. Чем порадовать сердце?.....	95
---	----

Президент Насер. Осуждение предложения о создании	
---	--

Ассоциации пользователей канала	99
---------------------------------------	----

Иван Клима. Что мы думаем об Америке	103
--	-----

Мурад Калам. Там	107
------------------------	-----

Вопросы для анализа	111
---------------------------	-----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ	113
Кейс-стади	
Мухаммад Аркун: Современный ислам: лицом к традиции	115
Развитие навыков критического мышления	
Критическое чтение.....	143
Критическое мышление.....	144
Тексты	
Мартин Лютер. Вступление к Латинским работам	147
Михаил Бакунин. Свобода, марксизм и государственность.....	153
Ватиканский собор. Постановление о папской непогрешимости.....	157
Владимир Ленин. Что делать?	161
Абдулла Буби. Прошло ли время иджтихада?.....	165
Азим Нанджи. Закон Божий/Божья воля: основы этики в западной традиции – мусульманский взгляд.....	169
Вопросы для анализа	178
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА	179
Кейс-стади	
Презентация «Дворы империи».....	181
Развитие критических навыков	
Развитие и организация идей.....	183
Тексты	
Чарльз Корреа. Городское жилищное строительство в странах третьего мира: роль архитектора	185
Джон Ф. Ч. Тернер. Жилищное обеспечение: ее часть в другом развитии.....	189
Ле Корбюзье. К новой архитектуре	211
Билл Брайсон. Заметки с маленького острова.....	215
Азиз Несин. Нейтронная бомба спасет цивилизацию.....	219
Марта Колбурн. Жилища афганских кочевников.....	221
Джейсон Ф. Макленнан. Производительность и благосостояние.....	223
Вопросы для обсуждения	234
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА	235
Кейс-стади	
Славенка Дракулич. О качестве краски на стенах в Восточной Европе	237
Развитие навыков критического мышления	
Развитие и организация идей.....	245

Тексты

Анри Лефевр. Производство пространства	247
Аристотель. Политика	251
Халил Инальчик. Османская империя: классический век	253
Орхан Памук. Меня зовут Красный.....	257
Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.....	259
Филипп Мансел. Константинополь.....	263
Джордж Оруэлл. 1984.....	267
Вопросы для анализа	270

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ	271
------------------------------------	------------

Кейс-стади

Азиз Эсмаил. Почему именно история?	273
Жан-Жак Руссо. Рассуждение о науках и искусствах.....	283

Развитие критических навыков

Как писать аргументированное эссе	305
Упражнение по разработке тезиса	307

Плагиат.....	311
--------------	-----

Тексты

Бозэций. Утешение философией (отрывки)	315
Огюст Конт. Общий обзор позитивизма	319
Чолпан. Доктор Мухаммад-Яр	323
Томас Элиот. Полые люди	333

Вопросы для анализа	335
---------------------------	-----

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	336
---------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

«Всё племя Адамово — тело одно,
Из праха единого сотворено.
Коль тела одна только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.
Над горем людским ты не плакал вовек, —
Так скажут ли люди, что ты человек?»

5

Саади Ширази «Гулистан»¹
(Перевод К. Липскерова)

Изучать себя и других — это столь же естественно, как необходимость дышать. Наши попытки познать самого себя, других и человечество на протяжении многих веков были предметом интереса не только великих мыслителей, но и простых людей. Эти попытки в их удивительно разнообразных формах и предметах и называются «Человековедение». «Человековедение» — это не какой-то один специальный предмет, а множество предметов: это философия и кино; изучение наук, религии, общества, литературы и поэзии, истории и культуры. Предполагаемый список этих предметов во много раз длиннее и затрагивает невероятное разнообразие направлений и работ, делающих нас теми, кто мы есть — людьми.

Определенно, вы будете приятно удивлены, увидев при чтении, что множество сомнений и вопросов, которые у вас уже не раз возникали, отражены в тексте. Это должно убедить вас в том, что когда вас волнуют какие-либо сомнения, вопросы, дебаты и даже разногласия в вас самих и с окружающими, тогда вы захвачены ритмом благородной традиции Человековедения. Это также означает, что многие из ваших сомнений и вопросов не исключительно ваши, а однозначно «человеческие». Также и тогда, когда ежедневный опыт неизбежно приводит вас к определенным выводам о жизни, обществе или культуре, вы также заинтересованы в постижении Человековедения.

Далее, находясь на пути серьезного и систематичного познания идей, на пути сомнений и раздумий, вы, несомненно, будете заняты изучением Человековедения. Исходя из этого, мы приглашаем вас вместе с другими окунуться в прошлое и будущее, обратившись к уникальному человеческому занятию — путешествию по тексту «Введение в Человековедение». Одна-единственная книга не в состоянии познакомить вас со всеми возможными темами и вопросами, заключающимися в этой широкой категории Человековедения. Но мы надеемся, что материал, представленный на страницах книги, подтолкнет вас к началу исследования своих собственных идей и воодушевит на продолжение этого исследования за стенами классной комнаты.

Книга разделена на шесть глав. Каждая глава начинается с «изучения отдельного случая» — очерка, фильма, рассказа или презентации слайдов, — после чего следует целая серия коротких записей или текстов. Тексты представляют собой целое разнообразие всевозможных точек зрения по основной теме главы. Тексты извлечены из культурных традиций, которые сформировали Среднюю Азию, включая европейских, исламских, коммунистических и посткоммунистических писателей. Но есть нечто единое, что вы можете обнаружить, — это то, что «традиции» могут быть не столь просты, как мы иногда думаем. Среди любой из них вы обнаружите существование разнообразия перспектив. В действительности иногда может быть не ясно, к какой «традиции» относится писатель. Дальнейшие курсы ПАХЧ включают источники из других культур, восточноазиатских и южноазиатских, оказавших влияние на формирование Средней Азии в целом.

¹ Саади Ширази – персидский поэт 13 века, мыслитель, представитель практического, житейского суфизма, один из крупнейших фигур классической персидской литературы. Основной пафос, пронизывающий его творчество, состоит в проповеди активного гуманизма («человечности», *адамийат*), основанного на сострадании, сочувствии и помощи ближнему.

По ходу чтения задумайтесь о «культурах» во множественном числе, а не в единственном. Не существует просто одной исламской культуры или одной европейской. В этом пособии вы обратитесь к прошлым, настоящим и воображаемым, нереальным культурам. Попытайтесь решить, как они изменились или остались неизменными во времени, в пространстве, среди людей. Мы просим вас постоянно размышлять об этих сравнениях, искать общее и отличное в исследовании и изучении отдельных случаев и текстов. Вместо простого прослушивания предлагаемых сравнений подумайте, почему существуют эти сходства и различия, что они могут означать. В конце, после изучения каждого случая, текста и главы даются различные вопросы, которые помогут вам провести эти сравнения, развить ваше собственное понимание возможного разнообразия вопросов.

Когда вы задумываетесь о значении термина «интерпретация» («толкование»), это уже является ключом к его пониманию. Ни одно из предлагаемых здесь исследований или текстов не имеет только одного возможного значения. Все они могут означать разные предметы для разных людей, в разные времена. При чтении вам всегда необходимо задумываться о всех возможных толкованиях: Как вы понимаете прочитанное? Как другие люди могут понять это? Как вы расцениваете это или иное понимание? Поэтому первая глава посвящена теме интерпретации. В процессе чтения учебника вам необходимо поразмышлять, как вы и другие интерпретируете и понимаете тексты и исследования определенных случаев. Некоторые слова, которые могут вам в этом деле помочь, это определения «буквальный», «ортодоксальный», «вольный» и «радикальный»; они используются при характеристике интерпретаций. Изучите их и постарайтесь увидеть, когда требуется употребить то или другое из них. В общем, буквальная интерпретация указывает на то, что значение ограничено до минимума, а ортодоксальная предлагает пользоваться традиционно принятым значением. Вольная интерпретация предполагает, что значение выходит за рамки обычного; радикальное же предлагает полную реинтерпретацию, исходя из разного ряда ценностей. Давайте рассмотрим некоторые примеры каждого из этих выражений.

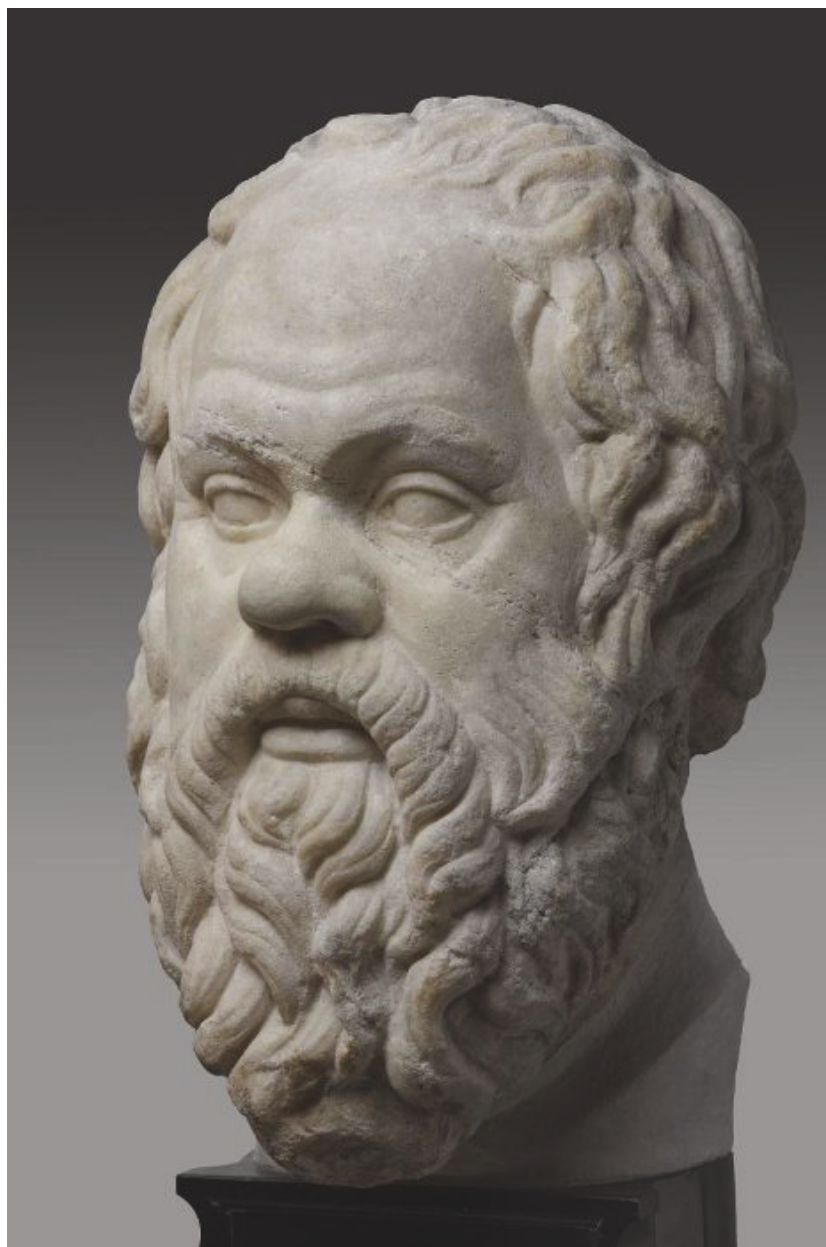
Хорошим примером буквальной интерпретации является картина художника Рене Магритта, изображающая трубку. На ней Магритт написал: «Это не трубка» («Ceci n'est pas une pipe»). То, что он, кажется, предлагает — это трубка, которую он нарисовал, это рисунок трубки, но не сама трубка. Он просит своих зрителей использовать буквальную интерпретацию для понимания его картины. Ортодоксальные интерпретации используются очень часто государственными религиями. В исламе интерпретации шариата (закона) были ограничены четырьмя школами. Долгое время никакие другие интерпретации не разрешались исламскими странами. Эти четыре школы права являются ортодоксальными интерпретациями исламского права. Модернизаторы в исламском мышлении спорят, что эти четыре ортодоксальные интерпретации исламского права являются слишком ограниченными, поэтому необходимо дать пространство интерпретации. Многие исламские страны внедрились модифицированное толкование шариата. Другие предпочли остаться в рамках этих ортодоксальных толкований. Вольные интерпретации обычно расширяют идею, насколько это возможно, без искажения значения. Двести лет тому назад вольные толкователи французской Декларации о правах человека спорили, что такие права должны логически распространяться и на женщин. Сегодня это считается ортодоксальной интерпретацией. Радикальные интерпретации могут развиваться на любом конце спектра. Они могут быть экстремально консервативными или экстремально прогрессивными. Одним из таких примеров является использование «бурги». Коран призывает всех мусульман быть скромно одетыми, прикрывать себя с талии до щиколоток и ходить с покрытой головой. Некоторые ортодоксальные мусульманские женщины интерпретируют это утверждение как ношение хиджаба, где лицо не прикрыто; в то время как радикалы/фундаменталисты интерпретируют это по-другому: она надевает бургу, скрывающую все, включая лицо.

Для того, чтобы помочь вам и дальше в этом исследовании, каждая глава имеет раздел по развитию критических навыков: разнообразные задания формируют умение задавать вопросы, критически читать и мыслить, определять факты в тексте, формулировать ваши мысли, и, наконец, вас просят выразить ваши собственные аргументы в письменном виде. Все эти навыки,

собранные вместе, могут быть использованы для развития вашего собственного понимания разных проблем как поднимаемых в книге, так и тех, с которыми вы ежедневно сталкиваетесь в своей жизни. Другие курсы ПАХЧ дают вам возможность развивать ваше понимание специальных тем в рамках Человековедения, таких как: личность и общество; традиции и изменения; искусство; музыка и история; природа человека; социальная справедливость; гражданское общество.

Все курсы и тексты представляют собой еще одну возможность понять самого себя, окружающих и мир, в котором вы живете. Все традиции и произведения на всех языках, и все идеи, представленные различными культурами и людьми из всей истории человечества, являются вашим интеллектуальным наследием. Ничто из этого не может быть чуждо вашему жизненному опыту. Каждый автор будет говорить с вами, кратко ознакомив вас с тем, как другие оценивают жизнь. Некоторые из этих идей будут совпадать с вашими, а другие, возможно, отличаться от ваших. Однако, они все являются вашими путеводителями к ясности мысли и опыту. Если вы сумеете их удачно использовать, критически проверить, то они откроют вам удивительное богатство знания.

Если вы ищите «правильный» ответ на любой из сложных вопросов, поднятых в этой книге, то вы будете разочарованы. Ни одна из глав не предлагает единственного ответа на любой из затронутых вопросов. Ваша работа заключается в том, чтобы задуматься о разнообразии возможностей, представленных внутри культур и между культурами, и самим сделать вывод. Это одна из самых значительных сил Человековедения — великое разнообразие ответов, которые выработали люди на протяжении истории. Понимание данного разнообразия является первым шагом в развитии вашего собственного понимания возможностей, имеющих в Средней Азии сегодня.

ГОЛОВА СОКРАТА.

Римская копия II в. по греческому оригиналу третьей четверти IV в. до н.э. скульптора Лисиппа. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЗНАНИЕ САМОГО СЕБЯ: ПОНЯТИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

9

ВВЕДЕНИЕ

Первая глава знакомит с темой интерпретации. Фокус нашего исследования - это восприятие самих себя. Мы рассмотрим наше отношение к людям, которые похожи на нас, с точки зрения их пола, религии или общих предпосылок. Является ли наше понимание, как людей, принадлежащих к рассматриваемой группе, более точным, чем понимание ситуации людьми со стороны? Готовы ли мы более благосклонно принимать, приветствовать и защищать тех, кто похож на нас?

В первой главе представлены работы различных авторов (и мужчин, и женщин). Они позволяют читателю проникнуть в суть того, как воспринималась женщина через культуру и время. Подумайте, принимаются или отвергаются обычно точки зрения женщины. Подумайте, как относитесь к мужчинам и женщинам вы сами и общество, в котором вы живете, и как показаны мужчины и женщины в книгах, которые вы читаете. Насколько эти точки зрения отличаются, насколько они точны, и какова ваша точка зрения относительно этих различий и сходств?

В первой главе мы используем художественную литературу. Читатель должен принять во внимание, что художественные произведения помогают нам понять настоящий мир и то как история, представленная в художественной форме, позволяет нам задаваться фундаментальными вопросами о себе и других, связывая их между собой невидимыми духовными связями сквозь историю, которая является универсальной для всех нас даже сегодня. Подумайте о том, как герои этих произведений помогают понять проблемы, с которыми вы встречаетесь в нашей повседневной жизни. Насколько ценны такие комментарии, и почему нам должно быть интересно читать их, вне зависимости от того, нравится ли нам сама история?

Чтобы помочь усвоить информацию, с которой вы встречаетесь в этом учебнике, раздел первой главы «Развитие навыков критического мышления» предлагает упражнение на составление концептуальной карты. Используя ее, постарайтесь понять каждую главу, которую вы читаете. Позволяет ли это вам понять основные идеи и увидеть их связь с другими идеями?

ГРАНТ ВУД. АМЕРИКАНСКАЯ ГОТИКА

ФЛАННЕРИ О'КОННОР. ХОРОШИЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ ЛЮДИ

Фланнери О'Коннор (1925-1964) родилась в Саванне (Джорджия, США) и была единственным ребенком в католической семье. Этот южный библейский пояс известен готической традицией, пропитанной Христом. Рассказы О'Коннор способствовали установлению этой традиции, сочетая комедию с трагедией и жестокостью. Готическое в рассказах О'Коннор касается разрушающейся и злосчастной жизни, подчеркивая мистические и ужасающие аспекты. Работы О'Коннор многочисленны. Они состоят из тридцати одного рассказа, двух повестей, нескольких речей и писем. В приведенном ниже отрывке рассказа «Хорошие деревенские люди» главной героиней является Джой Хоупвел, молодая женщина с сильным чувством морального и интеллектуального превосходства. В результате несчастного случая на охоте Джой потеряла ногу и поэтому носит протез. Она цинично относится к любому виду красоты, предпочитая больше думать о болезнях и проклятье. Она получила докторскую степень по философии и изменила свое имя с Джой на Хульгу (т.к. считала, что оно менее красиво). Джой-Хульга пытается соблазнить продавца Библий, стремясь испортить простого деревенского парня. Однако этот парень сам оказался обманщиком, при встрече с Джой-Хульгой он крадет у нее протез и исчезает. О'Коннор смогла отчетливо показать, как по-разному воспринимают люди окружающих и насколько ошибочными могут быть их впечатления.

Кроме безразличного выражения лица в моменты ее одиночества у миссис Фриман было еще два выражения – упрямое и противоположное, которые она использовала в любой момент своего общения с людьми. Ее упрямое выражение лица было таким же устойчивым и неизменным, как движение огромного грузовика. Глазами она никогда не заруливала ни вправо, ни влево, и поворачивала только тогда, когда главная история меняла свое направление, таким образом, создавалось впечатление, что ее глаза постоянно следили только за белой разделяющей полосой в центре дороги. Она редко использовала другое выражение лица, потому что понимание мысли для нее было неважным, а когда оно становилось важным, все ее лицо моментально останавливалось, и ее черные глаза приходили в почти незаметное движение, во время которого они, казалось бы, начинали уменьшаться. После этого наблюдатель мог заметить, что миссис Фриман выглядела так, как будто ее там не было, несмотря на то, что ее присутствие было настолько же реальным, насколько были реальными несколько снопов пшеницы, лежащих один на другом в определенном месте. Миссис Хоупвел потеряла всякую надежду убедить ее в чем-либо. Это было равносильно пробиванию стены лбом. Миссис Фриман невозможно было доказать, что она была неправа. Она могла говорить и утверждать все, что только могло прийти ей в голову. Иногда это звучало так: «Ну, я не сказала бы, что это так, но я и не стала бы утверждать, что это не так». А когда ее просили прибрать на кухне самую верхнюю полку с пыльными банками со всякой всячиной, она могла заявить: «Я смотрю,

вы съели не так много инжира, консервированного прошлым летом».

Во время завтрака они обсуждали самые главные дела. Каждое утро миссис Хоупвел вставала в семь часов и зажигала свою газовую плиту и ту плиту, которая принадлежала Джой. Джой была ее дочерью – крупная белокурая девушка на протезе. Миссис Хоупвел видела в ней ребенка, несмотря на то что Джой было тридцать два года, и она была хорошо образованна. Джой просыпалась, когда ее мать завтракала, прихрамывая, шла в ванную комнату и захлопывала за собой дверь. Очень скоро через заднюю дверь приходила миссис Фриман. Джой слышала, как ее мать говорила: «Заходи», – и после этого они разговаривали так тихо, что их невозможно было расслышать из ванной. К тому времени как Джой выходила из ванной комнаты, они обычно заканчивали обсуждение прогноза погоды и начинали разговор об одной из двух дочерей миссис Фриман – Глинез или Карамае. Джой называла их Глицерином и Карамелью. Рыжеволосой Глинез было восемнадцать лет, и у нее было много поклонников; Карамае, блондинке, было всего лишь пятнадцать лет, но она была уже замужем и беременна. Она не могла удержать ничего в своем желудке. Каждое утро миссис Фриман рассказывала миссис Хоупвел, сколько раз вырывало ее дочь с момента предыдущего разговора об этом.

Миссис Хоупвел любила говорить людям, что Глинез и Карамая две самые лучшие девушки, которых она знает, и что миссис Фриман истинная леди, и что она не стыдится брать ее всегда с собой и представлять ее всем, кого бы они ни встретили. Еще она рассказывала о том, как она впервые наняла на работу Фриманов, как они были посланы ей Богом и как они работали на нее в течение четырех лет. Причиной того, почему она держала их так долго у себя, было то, что они не были быдлом. Они были хорошими деревенскими людьми. Она позвонила человеку, который, по их словам, мог дать им рекомендации. Тот сказал миссис Хоупвел, что мистер Фриман хороший фермер, но его жена – самая любопытная женщина, которая когда-либо жила на планете. «Она обязательно должна знать обо всем, – заявил он. – Ты можешь держать пари, что она мертва, если она не прибудет еще до того, как осядет пыль. Она захочет знать о вас все». «Он мне очень нравится, – сказал он, но ни я, ни моя жена не можем больше ни минуты терпеть эту женщину в нашем доме». Это расстроило миссис Хоупвел на несколько дней.

В конце концов, не найдя никого другого на эту работу и обдумав предварительно, каким образом она могла бы справиться с этой женщиной, она наняла их. Так как миссис Фриман была таким человеком, который должен быть вовлечен во всё без исключения, миссис Хоупвел решила, что она не только позволит ей знать и участвовать во всех ее делах, но и сделает ее ответственной за все. Сама миссис Хоупвел не обладала никакими плохими качествами характера, но могла так искусно использовать эти же качества характера других людей, что без особых затруднений могла удерживать их на протяжении четырех лет.

«Ничто не идеально». Это было одно из любимых высказываний миссис Хоупвел. Другим таким высказыванием было: «Такова жизнь!» И еще одним, более важным, было: «У других людей тоже есть свое мнение». Обычно она повторяла эти выражения за столом мягким, но настойчивым тоном – так, словно никто другой не знал об этом; и большая, неуклюжая

Джой, чье постоянное негодование уничтожило какое-либо выражение ее лица, глядела на нее со стороны своими холодно-голубыми глазами взглядом человека, который добровольно ослеп и хочет оставаться слепым. Когда миссис Хоупвел говорила миссис Фриман, что такова жизнь, миссис Фриман отвечала: «Вот и я говорю то же самое». Ничто не могло прийти в головы других до того, как это приходило в голову миссис Фриман. Она была быстрее, чем мистер Фриман. Когда, после того как они добирались до места назначения, миссис Хоупвел говорила ей: «Знаешь, что ты как одно колесо позади другого», — и подмигивала, миссис Фриман отвечала: «Я знаю. Я всегда была быстра. Просто некоторые люди всегда быстрее других».

«Все люди разные», — сказала миссис Хоупвел.

«Да, в основном все», — ответила миссис Фриман.

«Мир нуждается в каждом из нас».

«И я говорю то же самое».

Девушка привыкла к такому диалогу во время завтрака и обеда; иногда он продолжался и во время ужина. Когда их не посещали гости, они ели на кухне, так как это было удобнее. Миссис Фриман всегда умудрялась приезжать во время еды и наблюдала за тем, как они заканчивали трапезу. Летом она стояла в дверном проеме, а зимой она стояла либо опираясь одним локтем на холодильник и поглядывала на них с высоты своего роста, либо рядом с газовым обогревателем, немного приподняв сзади юбку. Иногда она стояла у стены, качая головой из стороны в сторону. Она никогда не спешила уходить. Все это очень не нравилось миссис Хоупвел, но она была женщиной с огромным терпением. Она понимала, что ничто не бывает идеальным, что Фриманы представляли собой добрых людей из деревни и что в эти дни если ты встретил хороших деревенских людей, то нужно держаться за них.

У нее был большой опыт общения с быдлом. До Фриманов ей приходилось нанимать новую семью в среднем один раз в год. Жены этих фермеров относились к тому типу женщин, рядом с которыми не хотелось задерживаться слишком долго. Миссис Хоупвел, которая была давно в разводе, нуждалась в ком-то, с кем она могла прогуливаться по полям. Когда она просила Джой об этом, та обычно отвечала с таким раздражением, а ее лицо было так угрюмо, что миссис Хоупвел говорила: «Если ты не можешь идти с удовольствием, то я не хочу тебя видеть вообще». На что девушка, выпрямившись, развернув плечи и откинув назад голову, отвечала: «Если ты хочешь, чтобы я пошла с тобой, вот я здесь — ТАКАЯ, КАКАЯ Я ЕСТЬ».

Миссис Хоупвел прощала такое отношение из-за ноги (которую случайно прострелили на охоте, когда Джой исполнилось десять лет). Для миссис Хоупвел было трудно принять тот факт, что ее ребенку было уже тридцать два года и что у нее нет ноги уже более двадцати лет. Она до

сих пор думала о ней как о ребенке, потому что ее сердце разрывалось от мысли о бедной полной девушке, которая ни разу не танцевала и не имела никаких других забав. Ее настоящее имя было Джой, но как только ей исполнился двадцать один год, она, уйдя из дома, официально изменила его. Миссис Хоупвел была уверена, что дочь долго думала, пока не нашла самое некрасивое имя на любом из языков и изменила свое красивое имя Джой, не сказав об этом своей матери. Официально ее звали теперь Хульгой. Когда миссис Хоупвел думала об имени Хульга, она всегда представляла себе широкий, пустой корпус военного корабля. Она никогда не использовала его. Она продолжала называть ее Джой, на что девушка отзывалась, но чисто механически.

Хульга научилась терпеть миссис Фриман, которая спасла ее от прогулок с матерью. Даже Глинез и Карамая были полезны, когда они занимали внимание, которое в ином случае было бы направлено на нее. Сначала она думала, что не сможет переносить миссис Фриман, так как с ней невозможно быть грубой. Миссис Фриман часто впадала в непонятную обиду и в течение нескольких дней была хмурой, но причины ее недовольства оставались неясными. Ни прямая атака, ни косой взгляд, ни явное пренебрежение к ней никогда ее не задевали. И однажды без предупреждения она начала называть ее Хульгой.

Она не называла ее Хульгой в присутствии миссис Хоупвел, которая пришла бы от этого в ярость, но когда она и девушка оказывались наедине за пределами дома, она начинала вставлять имя Хульга в конец каждого предложения, что заставляло большую, очкастую Джой-Хульгу хмуриться и краснеть, словно бы ее уединение было нарушено. Ее имя было для нее чем-то очень личным. Сначала оно привлекло ее внимание только из-за того, как некрасиво оно звучало, но вскоре ее поразила полная гениальность того, насколько оно подходило ей. Она ассоциировала это имя с некрасивым потным Вулканом, который постоянно оставался у печи и к которому, возможно, приходила богиня, когда бы он ее не позвал. Она видела в этом имени свой самый искусный ход. Одним из ее главных триумфов стало то, что ее мать не могла называть свое чадо Джой, и, более того, она сама смогла превратить себя в Хульгу. Однако то, с каким удовольствием миссис Фриман называла ее Хульгой, только раздражало ее. У нее создавалось впечатление, что своими неподвижными глазами-бусинами миссис Фриман заглядывала глубоко внутрь нее, в глубину самых оберегаемых ею секретов. Она знала, что что-то в ней самой привлекало миссис Фриман. Однажды Хульга поняла, что именно ее деревянная нога занимала миссис Фриман. Миссис Фриман особенно нравилось знать о деталях секретных инфекций, скрытых информации о нападении на детей. Из всех болезней она предпочитала знать о тех, которые приводили к смерти или были неизлечимыми. Хульга слышала, как миссис Хоупвел рассказывала ей детали несчастного случая на охоте, о том, как нога была, в прямом смысле этого слова, отстрелена, и как она не теряла сознания ни на миг. Миссис Фриман могла слушать об этом в любое время, как будто это случилось только час назад. Когда Хульга входила утром на кухню (она могла передвигаться, не гремя своей ногой, но намеренно создавала этот ужасный звук, и миссис Хоупвел была уверена, что причиной этого был именно ужас и неприглядность самого звука),

она кидала на них взгляд, но не говорила ничего. Миссис Хоупвел была в своем красном кимоно, с волосами, уложенными вокруг головы с помощью ленточек. Она сидела у стола, заканчивая свой завтрак, а миссис Фриман сидела, облокотившись на холодильник, не сводя своего взгляда со стола. Хульга всегда ставила на плиту кастрюлю с варившимися яйцами, после чего она просто стояла у стола со сложенными на животе руками, а миссис Хоупвел переводила взгляд с нее на миссис Фриман и думала, что если бы ее дочь хоть немного заботилась о себе, она не выглядела бы так плохо. В ее лице не было ничего такого некрасивого, что могло бы испортить ее при приятном выражении лица. Миссис Хоупвел говорила, что люди, которые всегда на все смотрят добрым взглядом, выглядят красивыми, даже если они и не являются таковыми.

Каждый раз, смотря на Джой, она не могла не думать, что для ребенка было бы лучше не получать докторскую степень. Это уж точно не помогло ей, и теперь, когда у нее была эта степень, у нее уже не было причин для того, чтобы снова посещать учебное заведение. Миссис Хоупвел думала, что занятия в учебных заведениях — это очень хорошо для девушек, но Джой уже все это прошла. В любом случае, она не была достаточно здорова, чтобы снова начать учиться. Врачи сказали миссис Хоупвел, что при условии самой лучшей заботы о ней, Джой сможет дожить до сорока пяти лет. У нее было слабое сердце. Джой ясно давала понять, что, если бы не эти обстоятельства, она была бы сейчас далеко от этих красных холмов и хороших деревенских людей. Она была бы в университете и преподавала бы там людям, которые знали, о чем она говорит. И миссис Хоупвел хорошо могла представить себе Джой, выглядевшую бы там как пугало и читавшую лекции на одну и ту же тему. Здесь почти каждый день она ходила в одной и той же шестилетней юбке и желтой кофте с выцветшим ковбоем на коне. Ей это казалось забавным; миссис Хоупвел это казалось идиотичным, и доказывало, что она все еще была ребенком. Она была очень умна, но в ней не было ни капли разумного смысла. Миссис Хоупвел казалось, что с каждым годом она становилась все менее похожей на других и более похожей на себя: расплывшаяся, грубая и косоглазая. И она говорила такие странные вещи! Своей собственной матери она сказала, внезапно, без извинений, вскочив со стула во время обеда, с потемневшим лицом и набитым ртом: «Женщина! Ты когда-нибудь пытаешься заглянуть внутрь? Ты когда-нибудь смотришь в корень вещей и понимаешь то, чем ты не являешься? Господи!» Она заплакала, снова опустившись на стул и глядя в свою тарелку. «**Мальбранш** был прав: мы не являемся светом для самих себя. Мы не являемся светом для самих себя!» До сих пор миссис Хоупвел не могла понять, что привело ее в такое состояние. Она только сделала замечание о том, что улыбка никогда никому не вредила,

надеясь, что Джой прислушается к нему. Девочка получила докторскую степень по философии, что привело миссис Хоупвел в абсолютное замешательство. Можно сказать: «Моя дочь работает медсестрой», или «Моя дочь — учительница», или даже «Моя дочь — инженер-химик». Но ведь не скажешь: «Моя дочь — философ». Это было чем-то, что умерло вместе с древними греками и римлянами. Целыми днями Джой сидела в своем глубоком кресле и читала. Иногда она выходила на прогулки, но она не любила ни собак, ни кошек, ни птиц, ни цветов, ни природу, ни симпатичных юношей. Она смотрела на молодых парней так, как будто от них пахло глупостью.

Однажды миссис Хоупвел открыла одну из книг, которую девушка только что отложила в сторону, и на первой же открывшейся странице она прочитала: «Наука, с другой стороны, должна каждый раз заново доказывать свою трезвость и серьезность, а также рассказывать о том, что именно лежит в ее интересах. Ничто — чем оно может быть для науки, как не ужасом и не выдумкой? Если наука права, то одно всегда постоянно: наука желает знать ничего и ни о чём. В конце концов, таковым является строго научный подход к ничему. Мы знаем об этом, потому что мы желаем знать ничего и ни о чем». Эти слова были обведены голубым карандашом, и они подействовали на миссис Хоупвел как некое злое заклинание, состоящее из тарабарщины. Она быстро закрыла книгу и вышла из комнаты, словно ей там стало холодно.

Этим утром, когда девушка вошла на кухню, миссис Фриман рассказывала о Карамае. «Ее вырвало четыре раза после вчерашнего ужина, — сказала она, — два раза ночью и после трех часов утра. Вчера она не делала ничего, только копалась в ящике комода. Это все, что она делала вчера. Стояла там и ждала, когда ее вырвет еще раз».

«Она должна есть», — прошептала миссис Хоупвел, потягивая кофе и одновременно наблюдая за Джой у плиты. Ей было интересно, что Джой сказала продавцу Библий. Она не могла даже представить себе, о чем они могли говорить друг с другом.

Это был высокий, измождённый молодой человек, который пришёл к ним вчера с целью продать Библии. Он появился в дверях с огромным черным чемоданом, который перевешивал его на одну сторону так сильно, что ему пришлось прислониться другим боком к двери. Казалось, он едва ли не падал с ног, но заявил очень весёлым голосом: «Доброе утро, миссис Сидарс!» — и поставил свой чемодан на коврик. Он выглядел неплохо, даже несмотря на то, что на нем был пестрый голубой костюм и желтые не подтянутые до конца носки. У него было приятное лицо, и непослушная прядь каштановых волос падала ему на лоб.

«Я миссис Хоупвел», — сказала она.

«Ой! — ответил он, притворяясь удивлённым, но по-прежнему сверкая глазами. — На почтовом ящике было написано «Сидарс», вот я и подумал, что вы миссис Сидарс!» И он приятно засмеялся. Он поднял свой чемодан и, вздыхая, прошёл по коридору вперед. Казалось, что первым шел чемодан и тянул за собой своего хозяина. «Миссис Хоупвел!» — произнёс он, взяв ее за руку. — Я надеюсь, что вы в полном здравии!» Он улыбнулся, но вдруг его лицо застыло. Он остановился и, кинув на нее серьёзный взгляд, сказал: «Леди, я пришёл, чтобы обсудить с вами серьёзные вещи».

«Ну, что ж», — пробормотала она, не особенно радуясь этому, так как ее обед был почти готов. Он вошёл в гостиную, сел на краешек стула с прямой спинкой, поставил свой чемодан между ног и оглядел комнату, как будто пытаясь создать представление о хозяйке по виду ее комнаты. Ее серебро блестело в двух сервантах; она подумала, что он, наверное, никогда не был в такой элегантной комнате.

«Миссис Хоупвел, — начал он, произнося имя почти интимным голосом, я знаю, что вы верите в христианские обряды». *(Автор подчёркивает безграмотность героя. — Прим. ред.)*

«Ну, да», — пробормотала она.

«Я знаю, — сказал он после короткой паузы, с умным видом склонив голову к плечу, — что вы доблестная женщина. Мои друзья сказали мне об этом».

Миссис Хоупвел не нравилось, когда ее принимали за дурочку. «Что ты продаёшь?» — спросила она.

«Библии, — ответил он, и его глаза еще раз пробежались по комнате.

— Я вижу, что в вашей гостиной нет семейной Библии. Я думаю, что вам не хватает именно ее».

Миссис Хоупвел не могла сказать: «Моя дочка — атеист и поэтому не разрешает мне держать Библию в гостиной». Поэтому немного натянуто она сказала: «Я держу мою Библию возле своей кровати». Это было неправдой. Библия лежала где-то на чердаке.

«Леди, — сказал он, — слово Божье должно лежать в гостиной».

«Я думаю, что это вопрос выбора, — начала она. — Я думаю...»

«Леди, — перебил он, — у христианки слово Божье должно лежать в каждой комнате, а не только в сердце. Я знаю, что вы христианка, так как я читаю это на вашем лице».

Она встала и сказала: «Что ж, молодой человек, мне не нужна новая Библия, и, кроме того, я чувствую запах подгорающего обеда».

Он не двинулся с места. Вместо этого он начал ломать пальцы и, глядя на них, мягко сказал: «Честно говоря, леди, не многие покупают сегодня Библии. Кроме того, я знаю, что я очень прост. Я не знаю, как говорить о вещах, не говоря о них. Я — простой деревенский парень». Он взглянул на ее суровое лицо. «Такие, как вы, не любят общаться с такими, как я».

«Почему же! — воскликнула она. — Хорошие деревенские люди являются солью мира! Кроме того, все мы отличаемся друг от друга, и для существования мира нужны все мы. Такова жизнь!»

«Этим вы многое сказали», — ответил он.

«Почему же, я думаю, что в мире осталось очень мало хороших деревенских людей, — сказала она, немного замешкавшись. — В этом-то, по моему, и заключается вся проблема».

Его лицо просветлело. «Я не представился, — сказал он. — Я Манли Пойнтер из деревни, что около Вилохоби — не из самой Вилохоби, а из места, что рядом». «Подожди-ка минутку, — сказала она. — Мне нужно посмотреть, что там с моим обедом». Идя на кухню, она обнаружила, что Джой стояла у двери и слышала весь разговор.

«Отделайся от этой соли земли, — сказала она, — и давай обедать».

Миссис Хоупвел кинула на нее усталый взгляд и уменьшила огонь под овощами. «Я не могу быть грубой с кем бы то ни было», — прошептала она и ушла в гостиную.

Он раскрыл свой чемодан и сидел, держа на каждом колене по Библии.

«Я ценю вашу честность, — сказал он. — Сегодня трудно найти честных людей за пределами деревни».

«Я знаю, — ответила она. — Действительно, гениальный народ». Из-за неприкрытой двери она услышала стон.

«Я думаю, что к вам часто приходят молодые люди, которые говорят, что хотят заработать денег на образование, — продолжил он, — но я не собираюсь заявлять вам об этом. Почему-то мне не хочется идти в колледж. Мне хочется посвятить свою жизнь хрустианским обрядам. Понимаете, — понизив голос, сказал он, — у меня большое сердце, и, возможно, мне не жить долго. Если вы знаете, что с вами что-то не так и, возможно, вы скоро умрете, тогда, мэм...», — он остановился на несколько секунд и с открытым ртом посмотрел на нее.

Он и Джой в одинаковых обстоятельствах! Она почувствовала, как ее глаза наполняются слезами, но она быстро взяла себя в руки и проворчала: «Не хочешь ли ты остаться на обед? Нам было бы очень приятно», — но, не успев произнести эти слова, уже пожалела о них.

«Да, мэм, — сказал он смущенным голосом. — Я бы с удовольствием!»

Джой бросила на него один взгляд, когда была представлена ему, но в течение всего обеда больше ни разу на него не взглянула. Он обращался к ней несколько раз, но она делала вид, что не слышит его. Миссис Хоупвел, хотя и жила с ней, не могла понять ее намеренной грубости, и чувствовала, что должна быть особенно гостеприимной, чтобы возместить отсутствие гостеприимства со стороны Джой. Она навела его на рассказ о себе. Он рассказал, что был седьмым из двенадцати детей и что его отец был раздавлен упавшим деревом, когда ему было восемь лет. Дерево раздавило отца так, что его тело было переломлено на две части и его нельзя было узнать. Его мать очень много работала, что позволяло ей справляться с ситуацией. Она всегда следила за тем, чтобы все ее дети ходили в воскресную школу и чтобы все они читали по вечерам Библию. Сейчас ему девятнадцать лет, и он продает Библии уже четыре месяца. За это время он продал семьдесят семь Библий, и кто-то пообещал купить еще две. Он хотел стать миссионером, потому что, по его мнению, это был единственный способ, которым можно было помочь людям. «Тот, кто теряет свою жизнь, приобретет ее вновь», — просто заявил он и был настолько откровенен, гениален и искренен, что миссис Хоупвел ни за что не улыбнулась бы. Кусочком хлеба он предотвращал падение горошин с тарелки на стол, позже этим же куском хлеба он вылизал свою тарелку. Она также заметила, что краем глаза Джой наблюдала за тем, как он справлялся со своим ножом и вилок, и видела, что каждые несколько

минут он бросал на девушку пронзительные восхищенные взгляды, как будто бы хотел привлечь к себе ее внимание.

После обеда Джой убрала со стола посуду и исчезла, оставив миссис Хоупвел с ним наедине. Он еще раз рассказал ей о своем детстве и о несчастном случае, происшедшем с его отцом, а также о многих других вещах, которые случились с ним. Каждые пять минут ей приходилось подавлять зевоту. Он просидел около двух часов, пока она, наконец, не сказала ему, что ей нужно идти, так как у нее назначена встреча в городе. Он собрал свои Библии, поблагодарил ее и собрался уходить, но остановился в дверях и, пожав ей руку, добавил, что никогда ему еще не приходилось встречать такой доброй леди как она, и спросил, можно ли ему навестить их еще раз. Она ответила, что будет всегда рада увидеть его еще раз.

Когда он спускался по ступенькам вниз, сгибаясь под тяжестью чемодана, Джой стояла у него на пути и смотрела куда-то вдаль. Он остановился перед ней и заглянул ей в лицо. Миссис Хоупвел не слышала, что он сказал ей, но она дрожала при мысли о том, что могла сказать ему Джой. Она видела, что через минуту после того, как Джой ответила ему что-то, он снова заговорил, возбужденно жестикулируя свободной рукой. Затем, к своему удивлению, миссис Хоупвел увидела, что они вместе направились к воротам. Джой дошла с ним до ворот, и миссис Хоупвел не могла представить себе, о чем они разговаривали друг с другом, но спросить об этом не осмелилась.

Миссис Фриман требовала внимания к себе. Она передвинулась от холодильника к обогревателю, так что миссис Хоупвел должна была повернуть голову в ее сторону, если она слушала ее. «Глинез опять была с Харви Хилом вчера вечером, — сказала она. — И у нее появился ячмень».

«Хил, — отсутствующим голосом повторила миссис Хоупвел. — Не тот ли это человек, который работает в автомастерской?»

«Нет. Это тот, который учится в школе **кайропрактики**», — ответила миссис Фриман. «Так вот, у нее появился ячмень. Два дня назад. Когда она вернулась домой вчера, она рассказала мне, как он сказал ей: «Позволь мне излечить этот ячмень». Она спросила его: «Каким образом?» На что он ответил: «Приляг-ка на заднем сиденье этой машины, и я покажу тебе как». Она выполнила его просьбу. Он начал хлопать ее по шее и хлопал до тех пор, пока она не остановила его. Этим утром, — продолжала миссис Фриман, — у нее не было ни ячменя, ни даже следа от него».

«Я никогда не слышала о таком раньше», — сказала миссис Хоупвел.

«Он попросил ее выйти замуж за него гражданским браком, — продолжала миссис Фриман, — но она ответила ему, что не собирается выходить замуж в какой-то конторе».

«Да, Глинез замечательная девушка, — сказала миссис Хоупвел. — Гли-

кайропрактик -
врач, специализирующийся
в вопросах лечения
позвоночника

нез и Карамая — обе замечательные девушки».

«Карамая рассказывала, что когда она вышла замуж, то Лиман сказал ей, что почувствовал себя благословенным. Еще он сказал ей, что и за пятьсот долларов не отказался бы от возможности быть повенчанными священником».

«А за сколько бы долларов он отказался?» — спросила девушка сверху.

«Он сказал, что не отказался бы даже за пятьсот долларов», — повторила миссис Фриман.

«Ну, ладно, нам всем нужно приниматься за работу», — сказала миссис Хоупвел.

«Лиман сказал, что для него это было более свято, — сказала миссис Фриман. — Доктор хочет, чтобы Карамая ела чернослив, вместо лекарств. Он говорит, что боль вызвана давлением. Знаете, где, я думаю, эта боль?»

«Ей будет лучше через несколько недель», — ответила миссис Хоупвел.

«В трубах, — продолжала миссис Фриман. — Иначе у нее не было бы таких болей».

Хульга положила на блюдце два очищенных варенных яйца и поставила на стол полную чашку кофе. Она осторожно села и начала есть, надеясь, что ее вопросы остановят миссис Фриман, которая совсем уже собиралась уходить. Она чувствовала на себе взгляд матери. Первый раунд вопросов был бы направлен на продавца Библий, но она не хотела на них отвечать. Поэтому сама задала вопрос: «Каким образом он хлопал ее по шее?»

Миссис Фриман начала описывать, как он хлопал ее по шее. Она уверяла, что ему принадлежит **“Меркурий” 55-й марки**, но что Глинез сказала, что предпочитает выйти замуж за мужчину с **“Плимутом” 36-й марки**, который согласится на венчание в церкви. Девушка спросила, а что было бы, если бы у мужчины был “Плимут” 32-й марки, на что миссис Фриман ответила, что Глинез хотела только 36-ю марку.

Миссис Хоупвел отметила, что только немногие из девушек мыслят столь же здраво, как Глинез. Она заявила, что восхищается здравым смыслом этих девушек. По ее словам, они напоминают ей замечательного гостя, посетившего их вчера, — молодого человека, продающего Библии.

«Господи, — сказала она, — мне было так скучно с ним, но он был так искренен и гениален, что я не могла быть с ним грубой». «Знаете, он просто хороший деревенский парень, — продолжила она, — просто соль земли».

«Я видела, как он уходил, — отметила миссис Фриман, — а позже я видела, как он отходил от двери», — и Хульга заметила незначительное изменение в ее голосе, маленький намек на то, что он уходил не один, не так ли? На ее лице ничего не отразилось, но шея покраснела, словно она поперхнулась полной ложкой вареного яйца. Миссис Фриман смотрела на нее так, как будто бы они обе знали какой-то секрет.

«Что ж, миру нужны всякие люди, — сказала миссис Хоупвел. — Хорошо, что мы все так не похожи друг на друга».

«Некоторые люди больше похожи друг на друга, чем другие», — заявила миссис Фриман.

Хульга поднялась и направилась в свою комнату с удвоенным шумом, что было ни к чему, и заперла за собой дверь. В десять часов она должна была встретиться у ворот с продавцом Библий. Половину ночи она провела, думая об этой встрече. Все это сперва казалось ей шуткой, но вскоре она стала придавать большое значение этой встрече. Она лежала в кро-

“Меркурий” 55-й марки - американская марка автомобиля 1955 года выпуска

“Плимут” 36-й марки - американская марка автомобиля 1936 года выпуска

вати, представляя себе их диалоги, которые на первый взгляд казались сумасшедшими, но достигали такой глубины, что ни один продавец Библий не мог бы понять этого. Их вчерашний разговор носил подобный характер.

Он остановился и просто стоял напротив нее. Его лицо было костлявым, потным, но сияющим, с немного заостренным носом, со взглядом, совершенно отличающимся от того, который был у него во время обеда. Он смотрел на нее с открытым любопытством, с восторгом, как ребенок, наблюдающий за фантастическим животным в зоопарке, и дышал так, как будто пробежал огромное расстояние, чтобы догнать ее. Его взгляд казался знакомым, но она не могла вспомнить, где она видела его до этого. Почти целую минуту он стоял молча. Затем, набрав полную грудь воздуха, он прошептал: «А вы когда-нибудь пробовали двухдневного цыпленка?»

Девушка замороженно смотрела на него. Его вопрос можно было предложить для рассмотрения на собрании ассоциации философов. «Да», — спустя некоторое время ответила она, как будто бы предварительно рассмотрев этот ответ со всех сторон.

«Он должен был быть очень маленьким», — триумфально заявил он и затрясся от мелкого нервного смеха, сильно покраснев; в его взгляде появилось абсолютное восхищение, в то время как выражение лица девушки оставалось бесстрастным.

«Сколько вам лет?» — спросил он.

Она выдержала паузу, прежде чем ответить на его вопрос. Затем совершенно спокойно сказала: «Семнадцать».

Взрывы его смеха не прекращались, накатывая, словно волны, разбивающиеся о поверхность маленького озера. «Я заметил, что у вас деревянная нога, — сказал он. — Я думаю, что вы очень бравая. Я думаю, что вы очень милая».

Девушка стояла молча, спокойно, никак не реагируя на его слова.

«Прогуляйтесь со мной до ворот, — сказал он. — Вы такая смелая, милая и маленькая, и вы мне понравились в ту же минуту, как я увидел вас входящей в дверь».

Хульга двинулась вперед.

«Как вас зовут?» — спросил он, улыбаясь ей в лицо.

«Хульга», — ответила она.

«Хульга, — пробормотал он. — Хульга. Хульга. Я никогда не встречал кого-нибудь с именем Хульга. Вы стесняетесь, не так ли, Хульга?»

Она кивнула, наблюдая за его большой красной рукой на ручке чемодана.

«Мне нравятся девушки, носящие очки, — сказал он. — Я очень много думаю. Я не из тех, кому в голову не приходит ни одна умная мысль. Это потому, что я могу скоро умереть».

«Я тоже могу умереть», — сказала она неожиданно и взглянула на него. Глаза у него были очень маленькие, карие, и лихорадочно блестели.

«Послушайте, — сказал он, — не думаете ли вы, что некоторым людям суждено сойтись на основе того, что между ними много общего? Например, если они оба думают о чем-то серьезном?» Он взял чемодан в другую руку, так чтобы рука, находившаяся ближе к ней, была свободной. «Я не работаю по субботам, — сказал он, — и мне нравится бродить по лесу, наблюдать за матерью природой и смотреть вдаль, за холмы. Пикники и тому подобное. Могли бы мы завтра пойти на пикник? Соглашайтесь, Хульга», — сказал он и бросил на нее умирающий взгляд, словно чувствуя, что все в нем перевернулось. Казалось, что он даже немного склонился над ней.

Ночью она представила себе, что соблазнила его, и как они дошли до амбара, за двумя крайними полями, и там представила, что все произойдет так, что она с легкостью соблазнит его, а затем, конечно, ей придется считаться с его раскаянием. Настоящий гений может вселить идеи даже в самый неразвитый ум. Она вообразила, как она взяла его раскаяние в руки и превратила его в глубокое понимание жизни. Она собрала весь его стыд и превратила во что-то более полезное.

Она направилась к воротам ровно в десять часов, надеясь не привлечь внимания миссис Хоупвел. Она не взяла ничего съестного, забыв о том, что на пикник обычно берут с собой, еду. На ней были брюки и грязная белая рубашка, и, на всякий случай, она подложила немного Вапекса под воротник, так как у нее не было никакой парфюмерии. Когда она подошла к воротам, там никого не было.

Она посмотрела вдоль пустой дороги и ей пришло в голову, что ее обхитрили и что он просто хотел, чтобы она дошла с ним до калитки, думала о нем. Но вдруг неожиданно он, очень высокий, появился из-за кустов на другой стороне насыпи. Улыбаясь, он приподнял свою новую шляпу с широкими полями. Вчера ее на нем не было, и Хульге стало интересно, купил ли он ее только ради данного случая. Шляпа была цвета поджаренного хлеба, с красными и белыми полосками вокруг тульи, и была ему великовата. Он выступил из кустов, и в руке у него был все тот же черный чемодан. На нем был все тот же костюм и все те же носки, скрутившиеся в его ботинках от ходьбы. Он перешел дорогу и сказал: «Я знал, что вы придете!»

Девушка с ехидством отметила, что он не мог этого знать. Она указала на чемодан и спросила: «Почему вы принесли ваши Библии с собой?»

Он взял ее за локоть, продолжая улыбаться ей сверху, как будто бы не мог остановиться. «Никогда не знаешь, когда тебе может понадобиться слово Господне, Хульга», — ответил он. В какой-то момент ей показалось, что это не может происходить в реальности, но вскоре она уже шагала вверх по насыпи. Они пошли по пастбищу в направлении к лесу. Парень медленно шел рядом с ней, подпрыгивая на носках. Чемодан сегодня уже не казался таким тяжелым; он даже размахивал им. Они прошли половину пастбища, не сказав друг другу ни слова, но вскоре, слегка приобняв ее за спину, он мягко спросил ее: «В каком месте присоединена твоя деревянная нога?»

Она ужасно покраснела, свирепо взглянула на него, отчего парень некоторое время находился в смущении. «Я не хотел обидеть вас, — сказал он. — Я только имел в виду, что вы такая смелая и все такое прочее. Я думаю, что Бог бережет вас».

«Нет, — заявила она, смотря вперед и шагая еще быстрее. — Я даже не верю в Бога».

Здесь он остановился и присвистнул. «Нет!» — воскликнул он, как будто был поражен настолько, что не мог сказать ничего другого.

Она продолжала идти, и через секунду он опять старался держаться рядом с ней, обмахиваясь своей шляпой. «Это очень необычно для девушки», — отметил он, посматривая на нее краем глаза. Когда они достигли опушки леса, он опять обнял ее за спину, притянул к себе, не говоря ни слова, и поцеловал ее.

Поцелуй, в котором было больше напора, чем чувств, привел к тому дополнительному наплыву адреналина в девушке, который придает людям столько сил, что они становятся способными вытащить набитый сундук из огня, но в ее случае сила прилила в мозг. Даже до того, как он отпустил ее, ее мозг, и без того ясный, отстраненный и ироничный, начал рассматривать его с огромного расстояния, с некой усмешкой, но и с сожалением. Ее никогда никто не целовал до этого, и ей было приятно обнаружить, что это было совершенно обычным предметом мозгового контроля. Некоторые люди могли бы наслаждаться проточной водой, если бы им сказали, что это водка. Когда парень, словно чего-то напрасно ожидавший, мягко отпустил ее, она повернулась и продолжала идти, не говоря ничего, как будто все это было для нее совершенно обычным делом.

Пыхтя, он догнал ее и пошел рядом с ней, пытаясь поддержать ее, когда увидел корень, об который она могла споткнуться. Он поймал и придерживал длинные, раскачивающиеся кисти дикого винограда, пока она не прошла мимо. Она вела, а он, тяжело дыша, следовал за ней. Затем они вышли на освещенный солнцем склон холма, который плавно переходил в другой холм, поменьше. За ним они могли видеть ржавую крышу старого амбара, в котором хранилось сено.

Холм был усеян маленькими розовыми цветочками. «Тогда ты не будешь спасена?» — неожиданно спросил он, останавливаясь.

Девушка улыбнулась. Это было в первый раз, когда она вообще улыбнулась в его присутствии. «Благодаря моим ценностям, — сказала она, — я в сохранности, а ты проклят, но, как я тебе уже сказала, я не верю в Бога».

Ничто, казалось, не нарушило восторженного взгляда юноши. Теперь он смотрел на нее так, как будто бы причудливое животное из зоопарка вытянуло свои лапы из решетки и с любовью подтолкнуло его. Ей показалось, что он выглядит так, как будто хочет снова ее поцеловать, и поэтому

она снова пошла, лишив его такой возможности.

«Неужели здесь нет ни одного места, где мы могли бы присесть ненадолго?» — промычал он, смягчив голос к концу предложения.

«В том амбаре», — ответила она.

Они быстро подошли к нему, как будто бы он мог удалиться от них, как поезд. Это был большой, двухэтажный, темный изнутри амбар. Парень указал на лестницу, которая вела на чердак, и сказал: «Жалко, мы не можем подняться наверх».

«Почему это?» — спросила она.

«Ваша нога», — сказал он почтительно.

Девушка бросила на него презрительный взгляд и, держась обеими руками за лестницу, начала взбираться по ней, в то время как он стоял внизу и, казалось, был приятно впечатлен. Она ловко пролезла в проем, посмотрела на него сверху и сказала: «Иди же сюда, если ты все еще хочешь». И он полез по лестнице, неуклюже таща за собой чемодан.

«Нам не понадобится Библия», — заметила она.

«Кто знает», — ответил он, задыхаясь. Возбравшись на чердак, он несколько секунд переводил дыхание. Она села на кучу соломы. Широкий луч солнца, наполненный частичками пыли, косо упал на нее. Она облокотилась на тюк, отвернув свое лицо и смотря на входное отверстие амбара, откуда стоги сена были перетасканы на чердак. Два холма с окрашенными в розовое склонами, лежали напротив темного гребня леса. Небо было безоблачным и холодно-голубым. Юноша присел рядом с ней, подsunул одну руку под нее, а другой обнял сверху, и начал методично целовать ее лицо, беззвучно, как рыба. Не снимая своей шляпы, он сдвинул её назад, чтобы она не мешала ему. Когда ему стали мешать её очки, он снял их и положил себе в карман.

Девушка сначала не отвечала на его поцелуи, но вскоре стала целовать его в ответ, и после нескольких поцелуев в щеку она нашла его губы, прильнула к ним, целуя снова и снова, будто пытаясь вытянуть из него все дыхание. Его дыхание было чистым и сладким, как дыхание ребенка, его поцелуи были липкими, как поцелуи ребенка. Он пробормотал что-то о любви к ней и что-то о том, что полюбил ее с первого же взгляда, но это было похоже на заспанное бормотание капризного ребенка, уложенного в кровать матерью. Все это время ее мозг не отключался и не терялся даже на секунду в ее чувствах. «Ты не сказала, что любишь меня, — наконец прошептал он, слегка оттолкнув ее от себя. — Скажи это».

Она смотрела сквозь него в пустое небо, на черный гребень, лежащий внизу, а затем на два еще более низких зеленых и вздутых озера. Джой не осознала, что он снял её очки, но в любом случае этот пейзаж не казался ей особенным, так как она очень редко обращала внимание на то, что ее окружало.

«Скажи это, — повторил он. — Скажи, что ты любишь меня». Она всегда была осторожна с выражением преданности к чему бы то ни было. «В некотором роде, — начала она, — если использовать это слово в его широком значении, то можно сказать и так. Но я не использую этого слова. У меня нет никаких иллюзий. Я отношусь к тем людям, которые ничего не видят».

Парень нахмурился. «Ты должна сказать это. Я сказал это, и ты должна это сказать», — настаивал он.

Девушка смотрела на него почти с нежностью. «Бедный ребенок, — пробормотала она. — Это просто оттого, что ты не понимаешь», — и она притянула его за шею, опустив его голову себе на плечо. «Мы все прокляты, — сказала она, — но некоторые из нас смогли избавиться от ослепляющих нас повязок и увидели то, что не существует ничего, что можно было бы увидеть. Это своего рода спасение».

Удивленные глаза юноши пусто смотрели сквозь пряди ее волос. «Хорошо, — почти плача, согласился он, — но ты меня любишь или нет?»

«Да», — сказала она, и добавила: «В некотором роде. Но я должна сказать тебе что-то. Между нами, не должно быть ничего нечестного». Она подняла его голову и посмотрела ему в глаза. «Мне тридцать лет, — сказала она, — и у меня несколько степеней».

Взгляд юноши был раздраженным, но преданным. «Мне все равно, — ответил он. — Мне все равно, чем ты занимаешься. Я просто хочу знать, любишь ли ты меня?» Он притянул ее к себе и начал страстно целовать ее лицо, до тех пор, пока она не сказала: «Да, да».

«Хорошо, — сказал он, отпустив ее. — Тогда докажи это».

Она улыбнулась, задумчиво смотря на расплывающийся пейзаж. Она соблазнила его, даже не успев обдумать это. «Как?» — спросила она, чувствуя, что его надо приостановить на минуту.

Он наклонился и прошептал ей на ухо: «Покажи мне, где твоя деревянная нога присоединяется к туловищу».

Девушка слабо вскрикнула, а ее лицо покрылось краской. Ее шокировала не непристойность этого предложения. Когда она была ребенком, ее часто раздирал стыд, но образование избавило ее от последних следов стыда точно так же, как хороший хирург вычищает раковую опухоль; его просьба ничем не задела ее, так же как и его доверие к Библии. Но она была так же чувствительна к своей искусственной ноге, как павлин к своему хвосту. Никто никогда не дотрагивался до ноги, кроме нее самой. Она заботилась о ней так же, как другой заботится о своей душе, в одиночестве, и почти с закрытыми глазами. «Нет», — ответила она.

«Так я и знал, — прошептал он, садясь. — Для вас я просто сосунок!»

«О нет, нет! — вскричала она. — Она присоединена в колене. Почему тебе хочется посмотреть на нее?»

Парень бросил на нее долгий, пронизывающий взгляд. «Потому что, сказал он, — это то, что отличает тебя от всех. Ты не такая, как все остальные». Она сидела, уставившись на него. В ее лице и в ее круглых холодно-голубых глазах не было ничего такого, что указало бы на то, как сильно тронули ее эти слова. Но внутри она чувствовала себя так, как будто ее сердце остановилось и позволило ее мозгу качать всю ее кровь. Она решила, что впервые в своей жизни она была лицом к лицу с настоящей

невинностью. Этот парень, с инстинктом, исходящим от мудрости, смог понять истинную ее. Когда через минуту она сказала хриплым голосом: «Хорошо!» – это выглядело так, как будто она абсолютно сдалась ему. Словно она потеряла свою жизнь и вновь обрела ее неким загадочным образом в нем.

Очень нежно он приоткрыл больную ногу. Искусственная конечность, с белым носком и плоским коричневым ботинком, была сделана из прочного материала, похожего на парусину, и была уродливо присоединена к обрубку ее ноги. Лицо юноши и его голос были благоговейны, когда он полностью раскрыл ногу и сказал: «А теперь покажи мне, как ты его снимаешь и прикрепляешь к своей ноге».

Она сняла протез ради него и прикрепила назад, затем он снял протез сам, обращаясь с ним очень осторожно, как будто он был настоящей ногой. «Смотри! – сказал он с радостным лицом. – Теперь я сам могу сделать это!»

«Прикрепи ногу назад!» – сказала она. Она представила себе, как убежит с ним из дому, и каждую ночь он будет снимать с нее протез, а каждое утро – прикреплять его назад. «Прикрепи ногу назад!» – повторила она.

«Не сейчас», – пробормотал он, ставя ногу подальше от нее. «Пусть полежит там несколько минут. Вместо нее у тебя есть я».

Она вскрикнула и посмотрела на него с подозрением, но он подтолкнул ее назад и снова начал ее целовать. Без ноги она чувствовала себя совершенно зависимой от него. Ее мозг, казалось, совершенно перестал мыслить и стал выполнять какую-то другую роль, в которой он был не так искусен. Выражение ее лица постоянно менялось. Глаза парня, как два металлических шипа, постоянно посматривали назад, где стояла нога. Наконец, она оттолкнула его и сказала: «Прикрепи ее назад, немедленно!»

«Подожди», – ответил он. Он наклонился в другую сторону, притянул к себе чемодан и открыл его. Внутри чемодана на бледно-голубой подкладке лежали всего лишь две Библии. Он взял одну из них и открыл ее обложку. Библия была пуста изнутри, и в ней лежали карманная фляжка для виски, пачка карт и маленькая голубая коробка с рисунком. Одну за другой он разложил все эти вещи перед ней в ряд, словно преподнося приношения в храме богини. Он вложил ей в руки голубую коробку. «ЭТОТ ПРОДУКТ ДОЛЖЕН ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БОЛЕЗНЕЙ», – прочитала она и уронила ее на пол. В это время парень откручивал крышку фляжки. Он остановился и, улыбаясь, указал на колоду карт. Это была необычная колода, с непристойными рисунками на обратной стороне карт. «Глотни», – сказал он, предлагая ей первой свою фляжку. Он протянул ее ей, но, словно загнипнотизированная, она даже не двинулась. Когда она начала говорить, в ее голосе появились почти умоляющие нотки: «Ты же... ты же – просто один из хороших деревенских людей?»

Парень выпрямился. Он выглядел так, как будто только начал понимать, что она, возможно, пыталась оскорбить его. «Да, – ответил он, слегка округляя свои губы, – но это меня ничуть не останавливает. Я так же хорош, как и ты, каждый день недели».

«Отдай мне мою ногу», – сказала она.

Он ногой оттолкнул протез еще дальше от нее. «Да что же ты, давай веселиться, — сказал он убеждающе. — Мы еще многого не узнали друг о друге».

«Дай мне мою ногу!» — вскрикнула она и попыталась дотянуться до протеза, но он с легкостью оттолкнул ее назад.

«Что с тобой вдруг произошло?» — нахмурившись, спросил он, одно- временно закручивая крышку фляжки и быстро кладя ее снова в Библию. «Совсем недавно ты говорила, что не веришь ничему. Я думал, ты особенная девочка!»

Ее лицо покраснело. «Ты христианин! — зашипела она. — Ты замечательный христианин! Ты такой же, как все они — говоришь одно, а делаешь совершенно другое. Ты отличный пример христианина, ты...»

Рот парня злобно искривился: «Я надеюсь, ты не думаешь, — сказал он высоким голосом, полным негодования, — что я верю во все это дерьмо?! Даже если я и продаю Библию, я не наивен, и не вчера родился, и я знаю, чего добиваюсь!»

«Отдай мне мою ногу!» — завизжала она. Он вскочил так быстро, что она едва ли заметила, как он собрал карты и голубую коробку, уложив их в Библию, бросил в чемодан. Она увидела, как он схватил протез и мгновенно с осторожностью уложил его наискосок в чемодан, две Библии — по краям протеза. Он захлопнул чемодан, схватил его, просунул в отверстие, потом и сам начал спускаться вниз. Когда была видна только его голова, он повернулся к ней и окинул ее взглядом, в котором больше не было никакого восхищения. «У меня много интересных вещей, — сказал он. — Однажды таким же образом я получил стеклянный глаз одной женщины. И даже не думай, что ты сможешь поймать меня, потому что меня зовут не Пойнтер. Я использую разные имена в каждом доме, который я навещаю, и никогда не задерживаюсь надолго. И еще, Хульга, — сказал он, произнося это имя так, словно оно ему не нравилось, — ты не так уж и умна. Я не верю ни во что, с того момента как я родился!» Затем шляпа цвета поджаренного хлеба исчезла в дыре, и девушка осталась сидеть на сене в пыльном луче солнца. Когда она повернулась к нему лицом в проеме амбара, она увидела его голубую фигуру, ловко пробирающуюся сквозь зеленое в крапинку озеро.

Миссис Хоупвел и миссис Фриман, которые в это время возились на лугу, выкапывая лук, увидели, как некоторое время спустя он появился из леса и направился лугами в сторону дороги. «Не тот ли это приятный, скучный молодой человек, который хотел продать мне вчера Библию?» спросила, прищурившись, миссис Хоупвел. «Должно быть, он продавал их неграм. Он был так прост, — сказала она, — но, наверное, мир был бы намного лучше, если бы мы все были так просты».

Пристальный взгляд миссис Фриман устремился вдаль и как только догнал его, он исчез за холмом. После этого ее внимание вновь обратилось к злему луковому ростку, который она вытаскивала из земли. «Не все могут быть так просты», — сказала она. Я-то уж точно не смогла бы».

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: O'Connor, Flannery. *The Complete Stories*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1971, pp. 271-291.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ :

1. Рассказ «Хорошие деревенские люди» начинается с нескольких длинных абзацев, но затем повествование принимает, в основном, форму диалога. Почему автор начал рассказ таким образом?
2. Чьими глазами мы смотрим на миссис Фриман? На миссис Хоупвел? Каково, на ваш взгляд, отношение повествователя к этим героиням?
3. Изображается ли Хульга с некой симпатией? С чьей точки зрения?
4. Существуют ли различия между тем, как к ней относятся герои произведения, и тем, как мы, читатели, вынуждены воспринимать ее? Комична ли сцена, когда Пойнтер пристает к ней и крадет ее протез в амбаре?
5. Рассказ заканчивается тем, что миссис Хоупвел и миссис Фриман делают краткие замечания о «простоте» других. Правы ли они в своем восприятии «приятного, скучного молодого человека»? Правы ли они в понимании самих себя? Почему О'Коннор заканчивает свой рассказ словами этих двух женщин?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. К концу рассказа Хульга была удивлена, обнаружив на примере Пойнтера, что не все христиане и деревенские люди действительно искренние и порядочные люди. Как данное восприятие и удивление «другими» отличается или схоже с вашим личным опытом при встрече с «другими»?

СОЗДАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРТ

Многие из нас научились схематично представлять информацию наших исследований следующим образом:

- I. Первая тема
- II. Вторая тема
 - A) подтема
 - Б) подтема
 - 1. подтема
 - 2. подтема
- III. Третья тема

Альтернативой схематичного изображения является создание **концептуальной** карты

Каким образом я могу создать карту?

- Во-первых, забудьте о схеме или параграфах, использующих предложения из текста
- Размышляйте только в рамках ключевых слов или символов

Вам понадобятся:

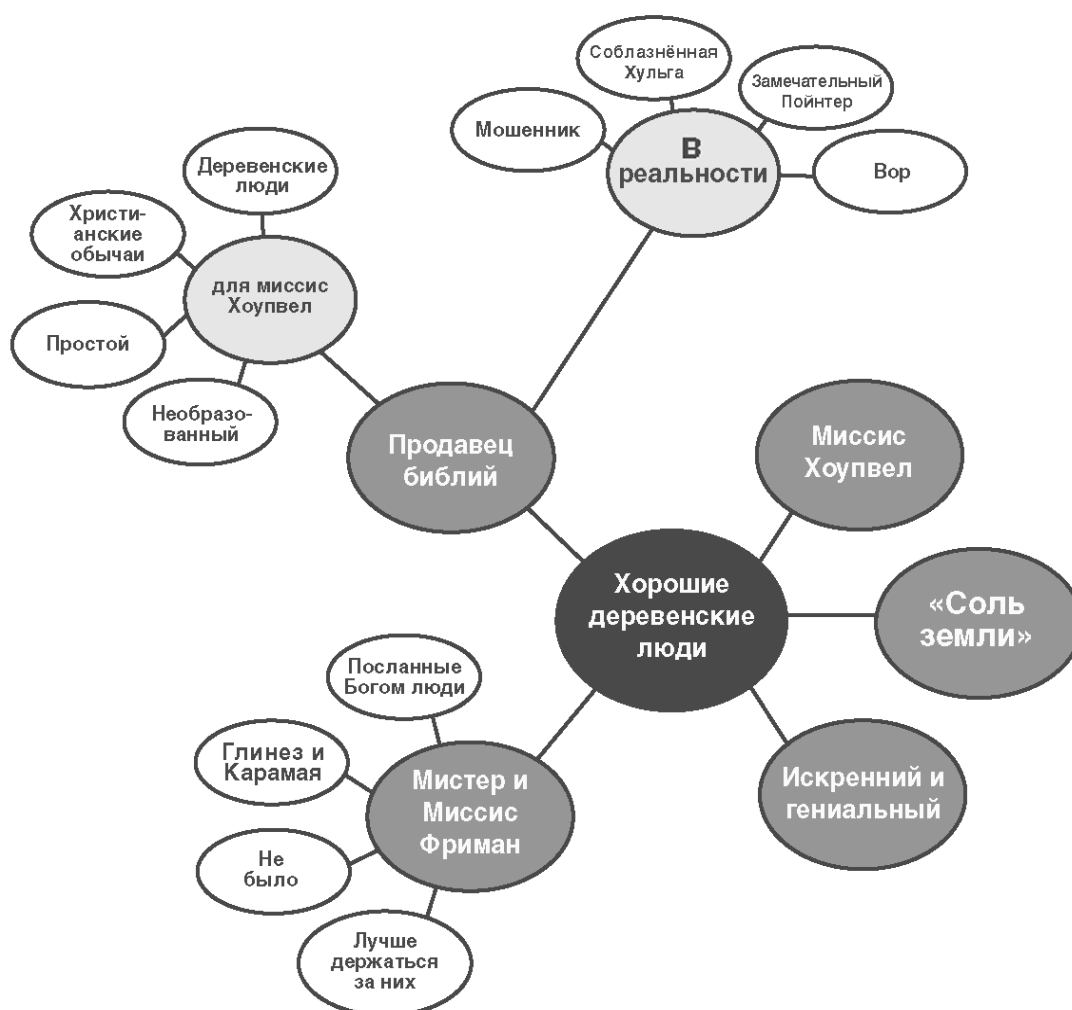
- Карандаш (так как вам придется стереть многое из того, что вы написали) и чистый (нелинованный) большой лист бумаги
- Доска и разноцветные мелки или маркеры
- Маленькие листки бумаги

Напишите в самом центре листа самое главное слово или выражение

«Хорошие деревенские люди»

Вокруг самого главного слова напишите другие важные имена, идеи или взгляды. Тщательно продумайте отношение этих терминов к самому главному термину в центре. И, наконец, перепишите более важные слова ближе к центру. Объедините идеи, которые связаны друг с другом.

Эта карта отражает то, как миссис Хоупвел воспринимала «хороших деревенских людей». Постарайтесь создать свою карту с другой центральной идеей, такой как, например, Хульга, и подумайте о словах в кружочках рядом с этим именем.

ДЖАЛАЛИДДИН РУМИ

СПОР О СЛОНЕ

Из Индии недавно приведен,
В сарае темном был поставлен слон,

Но тот, кто деньги сторожу платил,
В загон к слону в потемках заходил.

А в темноте, не видя ничего,
Руками люди трогали его.

Слонов здесь не бывало до сих пор.
И вот пошел среди любопытных спор.

Один, коснувшись хобота рукой:
«Слон сходен с водосточною трубой!»

Другой, пощупав ухо, молвил: «Врешь,
на опахало этот зверь похож!»

Потрогал третий ногу у слона,
сказал: «Он вроде толстого бревна».

Четвертый, спину глядя: «Спор пустой —
Бревно, труба... он просто схож с тахтой».

Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.

Их мненья — несуразны, неверны —
Неведением были рождены.

А были б с ними свечи — при свечах
И разногласья не было б в речах.

«Странствие Бальтасара»

АМИН МААЛУФ. СТРАНСТВИЕ БАЛЬТАСАРА

Амин Маалуф родился в 1949 году в Бейруте (Ливан). Как араб-католик, он посещал иезуитскую школу в Бейруте. После изучения социологии и экономики стал журналистом. В 1975 году гражданская война нарушила мир в Ливане, и Маалуф эмигрировал со своей семьей во Францию. Первая книга Маалуфа – «Крестовые походы глазами араба» (1983) - описывает конфликт между культурами Востока и Запада с XI по XIV вв., представляя новый взгляд на старую тему. Книги Маалуфа, замечательного рассказчика и профессионального историка, были переведены более чем на 20 языков мира. В «Странствии Бальтасара» он описывает жизнь Бальтасара Эмбриако, итальянского продавца книг XVII века. Бальтасар - католик, но скептически относится к любой организованной религии, своими наблюдениями и взглядами он напоминает современного интеллектуала. Представляя историю прошлого, Маалуф пытается лучше понять современный мир, он особенно заинтересован в обсуждении корней, восприятия и различий между Востоком и Западом.

Я всегда думал, что я разрыдаюсь, впервые увидев **Геную**, но обстоятельства моего приезда туда значительно отличались от того, что я себе представлял. На самом деле, я родился в этом городе, даже до того как появился на свет, и тот факт, что я никогда его не видел, сделал его еще более дорогим моему сердцу, словно я покинул его и должен был любить его еще сильнее, чтобы быть прощенным.

Никто не принадлежит Генуе так, как принадлежат ей генуэзцы с Востока. Никто не любит ее больше, чем они. Даже если бы она пала, для них она продолжала бы стоять. Даже если бы она стала уродливой, для них она все равно оставалась бы самой красивой. Даже если бы ее превратили в руины и разграбили, они все равно видели бы в ней процветание и гордость. Ничто так не принадлежит своей империи, как **Корсика** и маленькая прибрежная республика, где каждое хозяйство отворачивается от другого, где каждая семья желает чумы всем остальным и где все население проклинает католического короля, в то же время, осаждая приемные его представителей, в поиске его расположения или влияния. Однако в небе над генуэзскими изгнанниками такие имена как **Каффа**, **Тана** и **Ялта** продолжают сиять вместе с именами Мавоцастро, Фамагуста, Тенедос Фосея, Перанда Галата, Самоотраса и Кассандрия, Лесбос, Лемнос, Самос, Икария, Хиос и Гибелет — словно многочисленные звезды из галактики Млечного Пути.

Мой отец всегда говорил мне, что нашей родиной была не современная Генуя, а Генуя прошлого. Но он быстро добавлял к этому, что во имя Генуи прошлого я должен прославлять современную Геную, несмотря на то, как сильно она пала. Я даже должен был любить ее пропорционально

Генуя – город на северо-западе Италии, ведущий к средиземноморскому порту

Корсика – остров, регион Южно-Восточной Франции в Средиземном море

Каффа – в настоящее время город Феодосия, лежащий у Черного моря

Ялта – город на Южном берегу Крыма

ее бедствиям, как стареющую и немощную мать. Кроме всего прочего, он говорил мне не держать зла на нее, если я когда-нибудь посету наш родной город, и он не узнает меня. Тогда я еще что он имел в виду. Каким образом могла Генуя узнать или не узнать меня? Однако, когда на рассвете нашего последнего дня плавания я издали увидел город, лежащий среди его холмов, — с его высокими шпилями, заостренными крышами, узкими окнами и, особенно, с его зубчатыми башнями, квадратными или круглыми, одна из которых, я знал, все еще носила имя нашей семьи, — я не мог не думать о том, что Генуя смотрела на меня. Мне было интересно, узнает ли она меня.

Капитан Доменико не узнал меня. Когда я представился ему, он никак не отреагировал. Он явно никогда не слышал об Эмбриако, об их роли в Крестовых походах, или же об их сеньорстве в Гибелете. Если он доверял мне настолько, чтобы рассказать мне о своих контрабандных подвигах, то только потому, что я был из Генуи и добился того, чтобы меня изгнали из Хиоса, куда, как он думал, моя нога никогда вновь не ступит. Но со своим генуэзским партнером, мастером Грегорио Мангиавача, который пришел, чтобы принять доставленный груз, он обращался совершенно по-другому. Это был огромный, рыжебородый мужчина, в желто-красном, словно перья попугая, одеянии, и я никогда не забуду его реакцию, когда он услышал мое имя.

Мои руки дрожат и в моих глазах появляются слезы даже сейчас, когда я вспоминаю об этом.

Мы еще не сошли на берег, и Мангиавача прибыл на палубу с несколькими из своих клиентов. Я представился как Бальтасар Эмбриако из Гибелета, и только собирался объяснить, каким образом я оказался на корабле, как он перебил меня, схватив за плечи и тряся, словно пытаюсь поспорить со мной.

«Бальтасар Эмбриако чей сын?»

«Сын Томмасо Эмбриако».

«Томассо Эмбриако чей сын?»

«Сын Бартоломео», — ответил я тихо, пытаюсь не засмеяться.

«Сын Бартоломео Эмбриако, сын Уго, сын Бартоломео, сын Анзальдо, сын Петро, сын...»

И он продолжал перечислять на память всю мою родословную вплоть до девятого колена. Я сам не смог бы повторить этого.

«Откуда ты знаешь обо всех моих предках?» — спросил я. Вместо ответа он взял меня за руку и сказал:

«Не окажете ли вы мне честь и не останетесь ли переночевать под моей крышей?»

Так как у меня не было ни денег, ни места, куда я мог бы пойти, к генуэзцу или оттоманцу, такое приглашение было просто настоящим подарком судьбы. Я забыл о принятой вежливости и выражении нежелания и стеснения; было ясно, что я был желанным гостем в доме мастера Грегорио. У меня даже появилось странное чувство, что он веками стоял на пристани в Генуе, ожидая моего возвращения.

Он позвал двух своих людей и представил им меня, особенно выделив мое имя. Они сняли свои кепки и низко склонились передо мной, а затем попросили меня быть снисходительным к ним и указать им на мой багаж,

чтобы они могли присмотреть за ним. Капитан Доменико, продолжающий наблюдать за всем этим, был горд тем, что у него на судне был такой знатный пассажир, но, немного сконфуженный тем, что мое имя ни о чем ему не говорило низким голосом объяснил, что, так как я был насильно изгнан турецкими **янычарами**, у меня не было никакого багажа.

янычары —
элитные войска в
Оттоманской империи

Мастер Грегорио, истолковав это по-своему, почувствовал восхищение знатной кровью, текущей в моих венах. Он сказал своим людям — и всем тем, кто был в радиусе нескольких сот шагов, — что я был героем, который бросил вызов законам неверного султана и поборол тяжелые ворота его тюрьмы. Такие герои как я не плывут на корабле с багажом, как обыкновенные продавцы антиквариата.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Maalouf, Amin. Balthasar's Odyssey. Translated by Barbara Bray. London. Harvill Press, 2002, pp. 226–228.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что вы думаете об утверждении Бальтасара, что «никто не принадлежит Генуе так, как принадлежат ей генуэзцы с Востока»? Что он действительно имеет в виду?
2. Каково восприятие Генуи генуэзцами с Востока? Изменились или нет их чувства и отношение к ней с тех пор, как они несколько веков назад стали жить за пределами своей родины?
3. Чего ожидал Бальтасар, когда возвращался в Геную? Почему она так дорога ему, несмотря на то что он никогда там не был?
4. Почему генуэзец Грегорио Мангиавача обращается к Бальтасару с таким почтением? [Вспомните, что сам лично он не предводительствовал в крестовых походах, а был продавцом антиквариата] Что делает Бальтасара особенным гостем? Что можно узнать о семье Эмбриако из короткого диалога между Бальтасаром и Мангиавача?
5. Что думал мастер Грегорио об оттоманских турках и генуэзцах, сражавшихся против них?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Можете ли вы провести параллель между представлениями генуэзцев из Генуи и генуэзцев с Востока, указав различия?
2. Как восприятие «других» в рассказах «Хорошие деревенские люди» и «Странствие Бальтасара» передает некую форму отношения людей к посторонним?

Мусульманские женщины, одетые в традиционную одежду, во время обучения в университете Каира

ХАЛИДЕ ЭДИП АДЫВАР. ТУРЦИЯ ВСТРЕЧАЕТ ЗАПАД

Халиде Эдип Адывар (1882–1964) родилась в Стамбуле (Турция). Она получила традиционное начальное образование, после чего была одной из первых мусульманских учениц в американском колледже для девочек — миссионерской школе в Стамбуле. Здесь она познакомилась со многими европейскими авторами и позже перевела много романов на турецкий язык. Когда Халиде было 16 лет, она написала полемичную книгу против пурдаха мусульманской традиции, предписывающей женщине скрываться от глаз мужчин. К 1921 году она организовала женскую бригаду и завоевала мировую известность как одна из первых женщин-писательниц и активисток современного исламского мира. Увлеченная волной национализма и либеральных реформ, она сыграла значительную роль в пантюркистском движении, пропагандируя турецкую литературу и общество. Протестуя против европейских предубеждений в отношении ислама, она была ярким националистом. Однако ее негативное отношение к вступлению в президентскую должность Ататюрка (Мустафы Кемалю, 1881–1938) заставило ее покинуть Турцию и жить за границей с 1924 по 1939 год. В это время она читала лекции на английском языке в Европе, Индии и Америке. Вернувшись в Турцию, она возглавила факультет английской литературы в Стамбульском университете. Ниже приводится отрывок лекции, которая была прочитана в Индии, где Эдип оспаривает точку зрения, что разделение религии и государства омолодит как Турцию, так и ислам. Роль женщин, которых рассматривают как типичный пример «других» в обществе, в котором преобладают мужчины, обсуждается в контексте религиозного и светского общества. Она предлагает свой взгляд на то, как формируется роль женщины и насколько она важна для прогрессивного развития либерального общества.

Турок, скорее всего, никогда не был националистичным в своей политике. Строители империи редко националистичны. Их конечным и самым высшим идеалом в политике неизбежно является некая форма демократии. Когда турок стал мусульманином, демократическая сторона его природы укрепилась, так как демократия — это доминирующий аспект ислама. Та часть западного идеализма, которая проповедует равенство среди людей, быстро одержала победу над оттоманским умом. Жители Оттоманской империи не могли понять ее националистической стороны, а именно разделения на маленькие группы, что впоследствии привело бы к образованию независимых государств. Из-за недостатка понимания в этой сфере они пострадали больше, чем какая-либо другая нация страдала от наступления западных идеалов на Ближний Восток.

Еще во времена **Танзимата** [оттоманской административной реформы XIX века] оттоманские турки верили, что мусульмане могли быть политически равными. С Танзиматом они начали верить и в то, что все люди могут и должны быть политически равными, а когда этот принцип был применен в смешанном обществе людей, они не могли понять причины политической дезинтеграции. Это был их внутренний недостаток понимания.

Танзимат –
административные
реформы XIX века в
Оттоманской империи

С пришествием западных идеалов возник более важный вопрос. Исламское общество чем-то отличалось от западного общества. Возможно ли было достичь широкого распространения западных идеалов, не изменяя самой природы исламского общества? Мусульманское государство может реформировать свою армию в соответствии с современными стандартами, оно может принять механическую сторону цивилизации, оно может открыть специальные школы для подготовки специалистов в определенных профессиях и искусствах, оно даже может объявить равенство мусульман и не мусульман — ислам уже объявил о различных правах людей тысячу лет назад. Но было ли возможно изменить природу исламского общества, не изменяя природы самого ислама? И в чем заключалась доминирующая разница между исламским и западным обществами, которая не допускала внутреннюю «вестернизацию»? Эта разница заключалась в исламском законе. Изменения не могли его коснуться. Священный закон, за соблюдением которого в исламском обществе следили **улемы**, не допускал изменений. Поэтому на первый взгляд казалось, что по своим творческим и критическим способностям турки далеко отстают от западных народов. Но было ли мусульманское турецкое общество настолько же неподвижным и застойным, какими являются другие мусульманские общества? Не существовала ли невидимая объективная психология, которая пыталась преодолеть или устранить то, что препятствует развитию? Мы можем найти правильный ответ на вопрос об изменениях в современной Турции, изучая турецкую душу, которая в продолжительной попытке выразить себя оказалась в борьбе между религиозной ортодоксальностью и более свободным, важным национальным инстинктом. Как только мы проникнем под поверхностную неподвижность и понаблюдаем за тем, как они освободились от резкого арабского рационализма исламского средневековья, и какой отпор дали они тирании персидского духа, который принуждал к повторению древних и чуждых по духу форм мысли, то ясно увидим разницу между мусульманами-турками и другими мусульманами мира.

Самым статичным аспектом жизни в исламе является его закон, и этот религиозный закон передал свой характер и форму турецкому исламскому обществу. Но с того самого момента как турки приняли ислам и создали класс улемы, который должен был следить за тем, чтобы они не преступили рамок Божественного закона, они неосознанно начали шагать вперед, к изменениям. С точки зрения всего мира, современная Турция только недавно стала светским государством, и любому наблюдателю покажется, что изменения произошли вследствие одного указа, за одну ночь и были навязаны туркам властью террористического правительства. Но Турция не превратилась из теократии в светское государство в один момент. Переход стал логической кульминацией и результатом постепенных изменений в процессе развития. Но он все еще не завершен. Окончательную и завершающую фазу **секуляризации** можно понять только [в контексте изменений] в Османской империи, происходивших на протяжении веков.

Во времена Сулеймана слово «канун» (человеческий закон) вошло в турецкую юриспруденцию вместе со словом «шариа» (Божий закон). Канун сначала занимал менее важное место, но постепенно начал утверждать себя и набрал столько силы, что стал затмевать шарию. Само название «канун» является прямым противостоянием ортодоксальным принципам,

улемы-

религиозные ученые и
законоведы

секуляризация

(от лат. *saecularis* -
светский) - освобождение
от церковного влияния

и в те дни из всех исламских государств он существовал только в Османской империи.

Принятие швейцарского кодекса, который заменил исламский семейный закон в 1926 году, стало более серьезной реформой. Такое изменение можно было осуществить и без принуждения, несмотря на то что это вызвало бы острую критику.

Через год после того, как правительство султана было распущено (в 1922 году) в Константинополе (Стамбуле) началось серьезное обсуждение того, нужно ли восстановить пересмотренный семейный закон 1919 года, который был аннулирован султаном в 1916 году. В 1924 году Национальная Ассамблея начала рассмотрение этого вопроса, который вызвал огромный интерес, особенно среди женщин городов и, в частности, Константинополя. На большом собрании женщин в националистическом клубе был выбран комитет женщин, который должен был изучить ситуацию и послать петицию в Национальную Ассамблею. Комитет выбирал из законов о семье Швеции, Франции, Англии и России, и, приняв швейцарский закон как самый желаемый, он направил переведенную копию этого закона вместе с петицией в Национальную Ассамблею. В то время петиция не привела ни к каким конкретным результатам. Но в то же время существовала группа очень заинтересованных молодых депутатов, которые выступали за принятие западного кодекса вместо восстановления пересмотренного семейного права от 1916 года. Махмут Эсат Бей (Бозкурт, 1892–1943) — молодой депутат Смирны (Измира), который стал министром юстиции в 1925 году, был одним из лидеров этого движения. В 1926 году был принят закон о семейном праве, соответствующий швейцарскому кодексу. Это событие может быть рассмотрено как, возможно, одно из двух самых значительных и важных изменений в период диктатуры. Именно этот закон станет символом объединения турков с семьей европейских наций, позволяя турецкой семье получить ту же стабильность, которая стала западным идеалом семьи.

Принятие швейцарского закона, который был полностью западным, вместо пересмотра и изменения исламского семейного права, позволяющего браку стать более свободным или менее стабильным институтом, и похожего на русский закон о семье, стало еще одним триумфом западных идеалов над восточными на территории Турции, а также говорит о более долгосрочной трансформации, чем это осознается сегодня.

Право на образование, которое получили турецкие женщины, больше не подвергается сомнению даже самыми маленькими политическими группами, а сфера, где женщины могут работать, продолжает расширяться. Тот факт, что женщины не получили в то время избирательного права, стало своего рода благословением.

Ибо они были защищены от опасности ассоциации с политическими партиями, и их действия за пределами политического мира не могли быть остановлены по политическим причинам.

В турецких домах женщины остаются хранительницами очага может быть потому, что кроме всего прочего многие из них своим трудом вносили свою лепту в обеспечение семьи. В настоящее время офисы, заводы и магазины в городах переполнены работницами; вдобавок к тому, что женщинам приходится содержать семью, а иногда в связи с этим они интересуются благосостоянием детей в обществе, их гигиеной и организацией маленьких ассоциаций, которые обучают малоимущих женщин вышивке, шитью, вязанию и тому подобному. На сегодняшний день излюбленной сферой деятельности турецких женщин, после преподавания, является медицина. Все это, конечно, городской аспект ситуации. В сельских местностях женщины до сих пор продолжают жить своей прежней жизнью, со всей ее тяжелой, рутинной работой и будут жить в таких условиях до тех пор, пока не будет введена более современная сельскохозяйственная система и не будет предложено элементарное образование в этих регионах. Не будет преувеличением, если скажем, что около 90 процентов турецких женщин очень трудолюбивы. Вопрос заключается не в том, как же обеспечить их работой, а в том, как лучше их подготовить к работе, дать больше свободного времени. Только маленький процент (в Турции меньше, чем где-либо еще) бездействующих богачей подражает праздным богачам других стран. К сожалению, о Турции судят по жизни и взглядам этих богачей, которые бросаются в глаза путешественникам, но не по жизни тяжело работающего большинства.

В целом, за последние двадцать лет женщины в Турции, также как и везде, почувствовали выгоду от изменений больше, чем мужчины. К счастью для Турции, **эмансипация** женщин стала результатом программ политических партий, а не результатом борьбы между полами. Вклад Республики в социальную эмансипацию женщин, заключавшийся в представлении нового гражданского кодекса, привел движение к его самой высокой и исторически значимой стадии. Но должно смениться по крайней мере одно поколение, прежде чем эффект станет явным. Общественная критика, утверждающая, что с «вестернизацией» большая часть зла и западной безнравственности вошла в турецкие обычаи, не так уж серьезна. Это зло влияет на маленькую группу праздных богачей, в то время как хорошие качества, хотя и медленнее, проникают в массы...

Сейчас, когда государство совершенно избавило себя от религиозного контроля, оно, в свою очередь, должно оставить в покое ислам. Оно должно не только объявить, что «каждый гражданин Турции может принять ту религию, какую он (или она) хочет», но и позволить мусульманскому обществу обучать религии свою молодежь. Сейчас, когда школы больше не обучают религиозным основам и религиозные институты запрещены, исламское общество, если оно остается религиозным обществом, должно создать свои собственные методы религиозного образования, а также свои собственные моральные и духовные санкции. Более того, в согласии с религиозными ритуалами и основами, среди турецких мусульман сегодня, скорее всего, произойдут изменения. Такие изменения должны быть внедрены без правительственного вмешательства.

Предложения, приходящие время от времени от профессоров университетов, о введении новых форм обрядности в исламе — например, о замене органной музыки на вокальную музыку, о вхождении в мечеть, не снимая обуви, об установлении скамеек, чтобы верующие могли молиться сидя, и об отмене многих сложных движений во время молитвы — были встречены бурным негодованием. Все эти изменения могут произойти с согласия людей, но вмешательство правительства в эти самые святыя права человека может привести к опасным прецедентам. Это может ограничить религиозную жизнь турков и ввести политику в религию. Основное значение долгих и самых интересных фаз секуляризации заключается в том, что турецкая психология отделяет этот мир от следующего. Исключение религии из политики, с одновременным сохранением власти государства над религией является противоречивым аспектом последней фазы, который должен быть исправлен.

Не только в Турции, но и везде, где религия пересекается с властью, это становится непреодолимым барьером на пути к миру и пониманию. Однако фундаментальная доктрина каждой религии заключается в идее мира и братства всех людей. Если бы только религии могли быть освобождены от политического влияния во всем мире, барьеры между людьми разных вероисповеданий разрушились бы быстрее, чем этого можно ожидать.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Adivar, Halide Edib. "Turkey Faces West: A Turkish View of Recent Changes and their Origin." *In Modernist Islam 1840–1940*, edited by Charles Kurzman. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 215–219.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что вы думаете об утверждении Адывар о том, что «демократия есть доминирующий аспект ислама»?
2. Чем отличаются турецкие мусульмане от других мусульман мира?
3. Какое, с точки зрения Адывар, основное отличие турков [от других мусульман] позволило им с большим энтузиазмом приветствовать юридическую и религиозную реформации? Что Адывар думает о других мусульманах?
4. Что, по мнению Адывар, сделало Оттоманскую империю уникальной в исламском мире? Что заставило оттоманских турков принять радикальные изменения в применении ортодоксального мусульманского закона, шариата? Означает ли это, что турки являются не истинными мусульманами?

5. Почему, с точки зрения Адывар, турки, и особенно турецкие женщины, хотели пересмотреть закон о семье? Что, на ваш взгляд, привлекло их к европейским законодательным кодексам?
6. Какую пользу получили турецкие женщины от законодательных реформ? Каково отношение Адывар к идеалам западной семьи и к тому, как обращаются там с женщинами?
7. Что думает Адывар о роли религии в государстве? Каким образом может выжить ислам без вмешательства правительства? Что до сих пор остается проблематичным в государственных, религиозных делах Турции?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В рассказе «Хорошие деревенские люди» миссис Хоупвел представляет свою дочь только как профессора в университете. Адывар также говорит о преподавании как об излюбленной профессии женщин в Турции. Объясните эти совпадения.
2. С вашей точки зрения, похожи ли идеи Адывар о разнице между мусульманами-турками и мусульманами из других частей исламского мира на идею о различиях, о которых говорил Маалуф Калам? Объясните почему.

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ. СВОЯ КОМНАТА

Среди самых страстных защитниц феминистского движения, которое процветало в Англии в начале XX века, была романист Вирджиния Вулф (1882–1941). Вулф убеждала, что равный доступ к образованию и экономическому процветанию более важен, чем право на голосование. В своих романах и эссе Вулф показывает, что женщины могут добиться власти только путем финансовой и психологической свободы от мужчин. Свобода, доказывала Вулф, является предпосылкой творческой силы. Для того чтобы женщина сохранила свою собственную творческую свободу, у нее должно быть достаточно денег и «своя комната». В феминистском эссе «своя комната» (1929) Вулф отвечает на заметку священника о том, что ни одна женщина не может сравниться с гением Вильяма Шекспира. В отрывке, приведенном ниже, Вулф рисует выдуманную сестру Шекспира, Юдит, в условиях шестнадцатого века. Она использует этот художественный персонаж, чтобы задаться вопросами относительно психологического аспекта женской творческой силы.

...Позвольте мне вообразить, так как трудно найти настоящие факты, что бы случилось, будь у Шекспира замечательно талантливая сестра, скажем, Юдит. Сам Шекспир ходил, по всей вероятности, — так как его мать была наследницей — в школу, где он изучил латынь, **Овидия**, **Вергилия** и **Горация**, а также правила грамматики и логики. Хорошо известно, что он был диким ребенком, который незаконно охотился на кроликов, возможно, застрелил оленя и, раньше чем ему стоило это делать, женился на женщине, жившей по соседству, которая родила от него быстрее, чем положено. Эта выходка вынудила его отправиться в Лондон на поиск удачи. Похоже, что он был предрасположен к театру; он начал ухаживать за лошадьми у театральных дверей. Скоро он получил работу в самом театре, стал успешным актером и жил в центре вселенной, встречаясь со всеми, зная всех, практикуя свое искусство на сцене, упражняясь в остроумии на улице, и даже получил доступ во дворец королевы. В то же самое время, давайте предположим, его одаренная сестра осталась дома. Она была так же смела, с такой же силой воображения, с таким же желанием увидеть мир, как и он. Но ее не отправили в школу. У нее не было возможности обучиться грамматике или логике, не говоря уже о чтении Горация и Вергилия. Иногда она бралась за книгу, скорее всего, принадлежащую ее брату, и прочитывала несколько страниц. Но затем приходили ее родители и просили ее заштопать носок или присмотреть за тушеным мясом, а не тратить время на книги и бумаги. Они, возможно, обращались к ней строгим, но добрым голосом, так как были людьми солидными, знали условия женской жизни и любили свою дочь, более того, она, наверное, была любимицей своего отца. Возможно, она тайком исписывала несколько страниц на чердаке, но осторожно прятала их или

Овидий

(43 г. до н.э. - около 18 г. н.э.) - древнеримский поэт

Вергилий

(70–19 гг. до н.э.) - древнеримский поэт

Гораций

(65–8 гг. до н.э.) - древнеримский поэт

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ.

Ванесса Белл, масло,
картон, 1911 - 1912.

сжигала. Вскоре, не достигнув и двадцати, она была помолвлена с сыном соседнего прядильщика шерсти. Она плакала и говорила, что не хочет выходить замуж, за что была сильно избита своим отцом. Затем он перестал бранить ее. Он умолял ее не вредить ему и не заставлять его стыдиться. Он пообещал, что подарит ей бусы и красивую нижнюю юбку, и на его глазах наворачивались слезы. Как могла она не послушаться его? Как могла она разбить его сердце? И только сила собственного таланта подтолкнула бы ее на это. Она собрала маленький узелок своих вещей и, спустившись по веревке вниз, летней ночью направилась в Лондон. Ей не было и семнадцати. Птицы, поющие на изгороди, были менее музыкальны, чем она. Ее фантазия была быстра, ее талант в составлении мелодии слов был подобен таланту ее брата. Как и его, ее тянуло к театру. Она стояла у театральной двери; она хотела играть, говорила она. Мужчины смеялись ей в лицо. Директор — толстый, большегубый мужчина — хохотал. Он промышчал что-то о танцах пуделей и женской игре на сцене. «Ни одна женщина, — сказал он, — не может быть актрисой». Он намекнул ей, вы и сами можете представить о чем. Она не могла обучаться своему ремеслу. Могла ли она хотя бы искать еду в таверне или скитаться по улицам города в полночь? Но ее гений заключался в литературе и жаждал знания о мужчинах, женщинах и их жизни. В конце концов, потому что она была так молода, так похожа на поэта Шекспира, с теми же серыми глазами и изогнутыми бровями, Ник Грин, актер и директор, сжалился над ней. Она понесла ребенка от этого господина, и поэтому — ибо кто может измерить страсть и насилие в сердце поэта, когда оно заключено и удушено в женском теле — одной зимней ночью она покончила жизнь самоубийством, и лежит сейчас где-то на перекрестке дорог, где останавливается сегодня автобус.

...Любая женщина, родившаяся в шестнадцатом веке с огромным даром, без сомнения, сошла бы с ума, застрелилась бы или закончила бы свои дни в одиноком домике за деревней полуведьмой, полуколдуньей, которую все бы боялись и постоянно над ней насмехались. Не нужно особенного знания психологии, чтобы с уверенностью утверждать, что высокоталантливая девушка, пытающаяся найти применение своему таланту в поэзии, была бы настолько расстроена, измотана, разрываемая на части своими собственными же инстинктами, столкнулась бы с таким количеством препятствий, что она обязательно бы заболела и обезумела. Ни одна девушка не могла прийти в Лондон, стоять у сцены, стремясь привлечь внимание директора к себе как к актрисе, не подвергая себя опасности и не причиняя себе страданий, которые могли быть совершенно не рациональными — так как это могло стать **фетишем**, придуманным в некоторых обществах по неизвестным, но, несмотря на это, неизбежным причинам. В те времена невинность, так же как и сегодня, обладала религиозным значением в жизни женщины, и это настолько пропитало нервы и инстинкты, что освобождение от нее требовало в жизни такой смелости, которой обладали только некоторые. Для женщины, которая была поэтом и драматургом, свободная жизнь в Лондоне в шестнадцатом веке означала нервный стресс и дилемму, которые могли бы и убить ее. Если она выживала, то все, что

бы она ни написала, становилось искаженным и деформированным, исходя из напряженной и болезненной фантазии. И без сомнений, подумала я, смотря на полку без пьес, написанных женщинами, ее работа осталась бы не подписанной. Конечно, она бы искала подобного спасения. Пережиток того самого чувства невинности диктовал анонимность женщинам даже в девятнадцатом веке. **Каррер Белл, Джордж Элиот, Жорж Санд** – все жертвы внутренней борьбы, как показывают их работы, безуспешно пытались скрыть себя за мужскими именами. Таким образом, они отдали дань той условности, которая, если бы не была создана противоположным полом, была бы открыто одобрена ими («честь женщины заключается в том, что о ней не говорят», сказал Перикл, который сам был у всех на устах); публичность женщины отвратительна. Анонимность у них в крови...

Таким образом, эта женщина, которая родилась в шестнадцатом веке с поэтическим талантом, была несчастна, была женщиной, которая боролась сама с собой. Все условия ее жизни, все ее инстинкты были чужды тому состоянию ее мыслей, которое необходимо для освобождения всего, что накопилось в ее голове. Но каково состояние мыслей, которое подходит ее творческой деятельности, спросила я. Может ли кто-нибудь прийти к пониманию того состояния, которое двигает вперед и делает возможным это душевное странное творчество? На этом я открыла том с трагедиями Шекспира. Каково было душевное состояние Шекспира, например, когда он написал «Лира», «Антония и Клеопатру»? Естественно, это состояние было наиболее подходящим для написания самой замечательной поэзии, которая когда-либо существовала. Но сам Шекспир ничего не сказал об этом. Все, что мы обычно знаем, или случайно узнаем, это то, что он «никогда не стер ни одной строки». Более того, ни один поэт не сказал о состоянии души, наверное, вплоть до восемнадцатого века. Возможно, **Руссо** первым начал говорить об этом. В любом случае, к девятнадцатому веку самосознание развилось так, что в привычку писателей вошло описание своих мыслей в дневниках или автобиографиях. Их жизни также были описаны, а их письма напечатаны после их смерти. Поэтому, хотя мы не знаем, что пришлось пережить Шекспиру, когда он писал «Лира», мы знаем что пришлось пережить **Карлейлу**, когда он писал «Французскую революцию»; что пришлось пережить Флоберу, когда он писал «Мадам Бовари»; мы знаем, что происходило с **Китсом**, когда он попытался сочинять стихотворения против наступающей смерти и равнодушия к войне.

В этом огромном потоке современной литературы признаний и самоанализов можно найти подтверждение того, что написание гениальной работы почти всегда является победой над колоссальными трудностями. Все направлено против вероятности того, что это всецело исходит из ума писателя.

Каррер Белл

(1816-1855) - псевдоним английской поэтессы, романистки Шарлотты Бронте

Джордж Элиот

(1819-1880) - псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс

Жорж Санд

(1804-1876) – псевдоним французской романистки Авроры Дюпен

Руссо, Жан-Жак

(1712-1778) - французский философ, писатель

Карлейль, Томас

(1795-1881) - английский писатель, историк

Китс, Джон

(1795 – 1821) - английский поэт

Основные материальные обстоятельства против этого. Собаки лают; люди перебивают; надо работать и зарабатывать; здоровье портится. Более того, равнодушие мира выразилось в усложнении этих трудностей и создании новых, более сложных проблем. Он не просит людей писать поэмы, романы и истории; он не нуждается в них. Ему безразлично, подберет ли Флобер правильное слово или проверит ли на точность Карлейль тот или иной факт. Разумеется, он не платит за то, чего он не хочет. И поэтому Китс, Флобер, Карлейль и любой другой писатель страдал, особенно в разгар творческой силы в годы юности, от всякого рода отвлечений и разочарований. Проклятие, крик агонии доносятся из таких книг анализа и признаний. «Могучие поэты в страданиях мертвы», — это было бремя их творения. Если несмотря на все это, что-то и получится, то это чудо, и, наверное, ни одна книга не была рождена во всей той целостности, в которой она была зачата.

Но для женщин, думала я, смотря на пустые полки, эти трудности были неизмеримо более угрожающими. Во-первых, нельзя и представить себе, что вплоть до начала девятнадцатого века у нее была «своя комната», не говоря уже о тихой или звуконепроницаемой комнате, если только ее родители не были очень богатыми или знатными людьми. Так как ее денег, сумма которых зависела от воли ее отца, едва ли хватало на одежду, она была лишена даже тех условий, в которых жили Китс, Теннисон или Карлейль — все очень бедные люди. Они ходили на прогулки, отправлялись в короткие путешествия по Франции, не имея своего собственного жилья, которое, несмотря на всю бедность, защищало бы их от притязаний и жестокости их семей. Такие материальные трудности были угрожающими, но еще более грозными были трудности нематериальные. Равнодушие мира, которое было так трудно выносить Китсу, Флоберу и другим гениальным мужчинам, в ее случае превращалось во враждебность. Мир не говорил ей, как им: «Пиши, если хочешь, — мне все равно». Мир говорил ей, хохоча: «Писать? Что ж хорошего от твоей писанины?»

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Woolf, Virginia. "A room of one's own." *In The Humanistic Tradition*, edited by Gloria A. Fiero, third edition. New York: McGraw-Hill, 1998, pp. 114–116.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

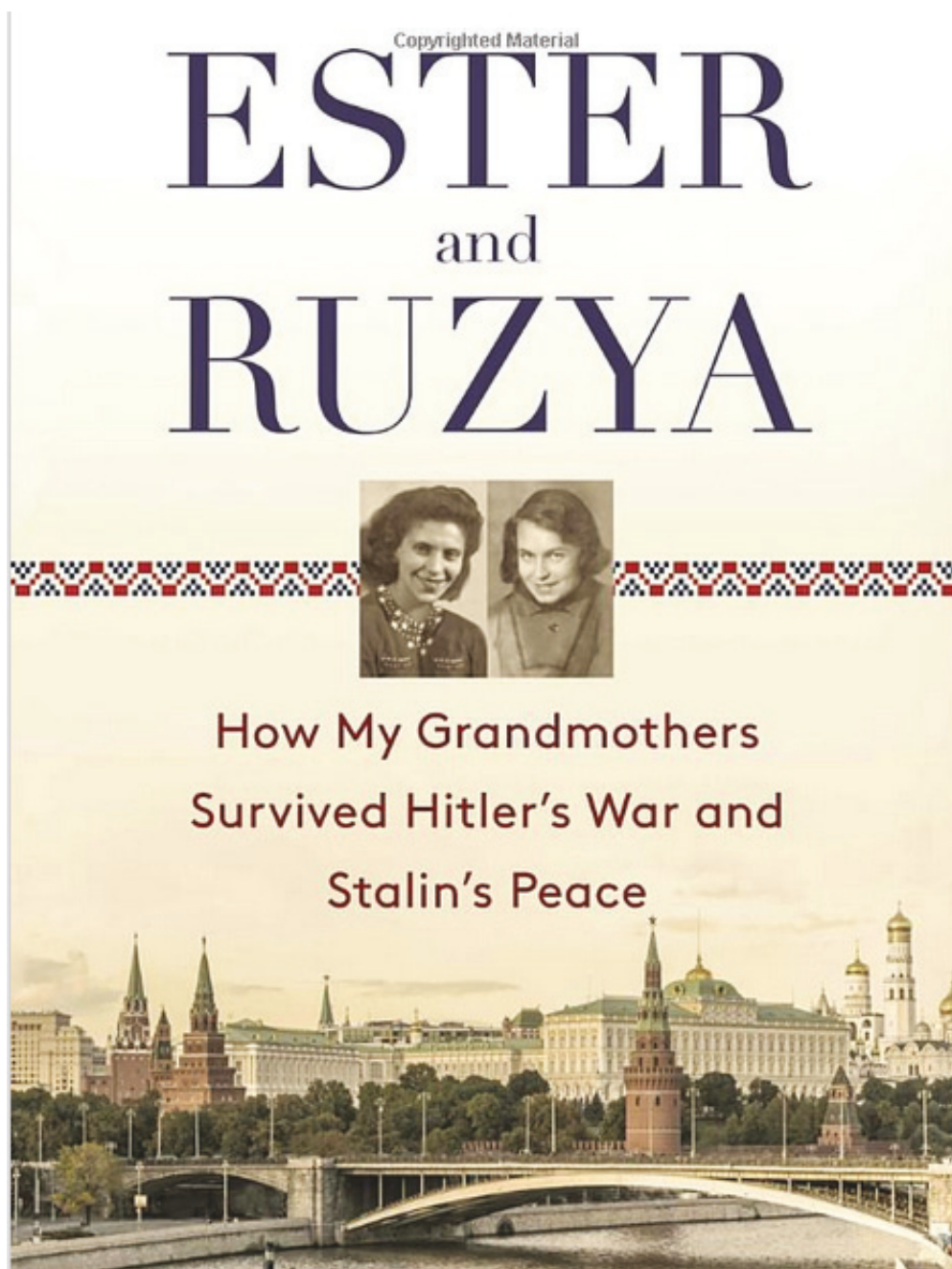
1. Чем отличается от Шекспира его вымышленная сестра Юдит? Какие различия отмечает Вулф в их воспитании? Как относится к Юдит ее отец? Что хочет сказать Вулф историей Юдит?
2. Что должны преодолеть девушки, чтобы найти свое место в жизни? Почему, по словам Вулф, женщины с поэтическим даром сталкивались с таким эмоциональным переживанием и физическим унижением?
3. Что вы думаете о следующей строке: «... Публичность женщины отвратительна. Анонимность у них в крови...»? Почему великие поэтессы вынуждены были прятаться за мужскими именами?

4. Как, с точки зрения Вулф, состояние мысли человека определяет его/ее поэзию или прозу?
5. Почему Вулф думает, что писательницы и поэтессы сталкивались с гораздо большими трудностями, чем писатели и поэты? Как «мир» относится к женщинам-писательницам? Что нужно писательнице, по мнению Вулф, для того чтобы писать свободно и комфортно?

47

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Какие параллели можно провести между разными культурами в обращении с женщинами, по работам Адывар и Вулф? Чем взгляды Адывар об эмансипации и жизни женщин похожи на взгляды Вулф? Почему они утверждают, что обществу нужно пересмотреть то, что оно думает о женщинах?
2. Была ли у Хульги (из рассказа О' Коннор «Хорошие деревенские люди») «своя комната»? Чем требования к женщине, существующие в воображении миссис Хоупвел, похожи на требования общества к вымышленной сестре Шекспира?

Обложка книги Маши Гессен «Эстер и Рузя»

МАША ГЕССЕН. МОЯ БАБУШКА - ЦЕНЗОР

Родившаяся в России в 1967 году, Маша Гессен эмигрировала со своей семьей в Соединенные Штаты в 1981 году, бежав от государственного антисемитизма. В 1991 году она вернулась в Москву, где работала журналистом русско- и англоязычных изданий. Как писатель, интересующийся советской и постсоветской культурой и обществом, Гессен написала несколько книг, включая «Права лесбиянок и гомосексуалистов в Российской Федерации» (1993), «Снова умершие: российская интеллигенция после коммунизма» (1993). Взятый из интернет-библиотеки «Гранта» рассказ «Моя бабушка — цензор», повествует историю ее бабушки Рузи, «милой пожилой еврейской женщины», которая проработала советским цензором в течение 11 лет в послевоенный период, когда для успеха и выживания большое значение имело членство в Коммунистической партии.

Я жалею. Я только что прибыла в Москву после доклада на Балканах. Сейчас 1993 год. Я американская журналистка, но последние несколько лет провожу все больше и больше времени в Москве — в городе, где я родилась. Я узнаю все лучше моих бабушек, которые остались здесь, когда моя семья переехала в Соединенные Штаты в 1981 году, когда мне было четырнадцать...

Я знала, что моя бабушка Розалия, для меня — баба Рузя, была членом Коммунистической партии. Когда мне было около десяти лет и меня раздрало между тошнотворной, но привлекательной эстетикой, преподаваемой в школе, и убедительными диссидентскими симпатиями моих родителей, мама сказала мне, что баба Рузя состоит в партии. Будучи воспитанной в узком кругу еврейских интеллектуалов, я не знала больше никого, кто был бы членом партии.

«Баба, — спросила я однажды, — почему ты вступила в партию?»

«Потому что я верила в цели и идеалы партии», — медленно и осторожно ответила моя бабушка.

Я не обратила особенного внимания на использование прошедшего времени или осторожность ее ответа и, развернувшись, ушла, испытывая разочарование от ответа, который звучал так, будто был взят из учебника. Что я действительно хотела узнать не имело ничего общего с этим рассказом. Я хотела знать, почему тот день, когда я получила свой красный пионерский галстук, был самым радостным днем моей жизни. И это при том, что я уже прочитала **Солженицына**? Но это был вопрос принадлежности, а рассказы моих бабушек говорят о чем угодно, но не об этом.

Я знала кое-что еще. Где-то в конце 1970-х моя мама раздобыла копию книги **Джорджа Оруэлла** «1984». Она бесконечно цитировала ее. Она рассказывала эпизоды из этой книги, как будто они были взяты из реальной жизни. Однажды за кухонным столом она говорила, громко смеясь, о Министерстве правды — только представьте себе! Представьте себе место, где новости ежедневно переписываются так, чтобы они подходили под идеологическую линию.

Солженицын, Александр
(1918-2008) -
русский писатель

Оруэлл, Джордж
(1903-1950) - английский
писатель, публицист

СТАЛИН

«А что ты думаешь, я делала в Главлите?» — спросила баба Рузя, опять-таки медленно и осторожно.

Главлит. «Глав» — главный. «Лит» — литература. Означает: Главное управление по литературе. Во время нашей прогулки от автобуса баба Рузя рассказывает мне о том, чем она там занималась. Сначала, в течение трех лет, она работала в отделении, известном как Отделение контроля за иностранными средствами массовой информации. Контроль проводился, как только книги, журналы и все напечатанное на бумаге пересекало границу. Почта пересылала посылки такого рода в Главлит, где целая армия читателей, известных как «политические редакторы», а позже, в их пенсионных книжках, просто называемых «цензорами», проверяла напечатанную литературу на признаки антисоветских замечаний.

«Иногда мы ставили на них печать «Разрешено», и только после этого они отправлялись в библиотеки и магазины, — говорит моя бабушка. — Но это редко случалось. В основном мы ставили печать «Для внутреннего пользования». То есть иногда можно было просто выдернуть несколько страниц, но в основном мы просто запрещали их. Так как редко какой-то журнал или книга не содержали ничего такого, что могло опорочить Советский Союз. Люди ведь не посылали Шекспира или **Диккенса** через границу. Они посылали современную литературу. Все, что было нужно — это фраза типа «даже такое недемократичное общество как Советский Союз», чтобы быть обреченным на специализированную библиотеку.

Каждый раз, когда корреспондент из новой страны получал аккредитацию, она должна была быстро выучить язык. Немецкий, французский и английский языки она уже знала. Итальянский, чешский, румынский, польский — тоже не были проблемой. Но вот венгерский язык — как она ни билась над ним, она не смогла уйти дальше словаря...

Некоторые вещи она помнит очень хорошо. Некоторых журналистов. Вальтер Кронкайт из **ЮПИ** — он писал много рассказов, но все они были обычными, сухими и скучными, «удивительно скучными». Но Макс Франкел из «Нью-Йорк Таймс» был писатель с изюминкой. «Понимаешь, у него было свое мнение, и он выражал его так смело, как хотел». Она целиком переводила его статьи и отправляла их с посылным к секретарю Сталина. В течение нескольких часов «исправленная» Франкелем копия телеграфировалась в Нью-Йорк. Каждый день в конце своей смены, обычно заканчивающейся утром, так как основная часть отправок уходила ночью, она подготавливала сводку ежедневных новостей для сталинского кабинета, что было обычно циркулирующим упражнением по переводу на русский язык того, что иностранные корреспонденты отбирали из советских газет — в основном разрешен был только пересказ советских историй. «В общей сложности я работала на Главлит около пятнадцати лет, и ни разу за эти пятнадцать лет я не сделала ни единой ошибки в переводе». Я верила ей. В любом случае, она знала бы, если бы сделала хотя бы одну ошибку. Ошибки имели летальный исход. Некоторые моменты она помнит очень хорошо. «Дело врачей».

«Дело врачей» началось в 1952 году. Впервые она услышала о нем от машинистки в кабинете. Но сначала вы должны знать, насколько в то время Рузя боялась потерять работу. Антикосмополитская кампания начинала

Диккенс, Чарльз
(1812-1870) -
английский романист

ЮПИ -
"Юнайтед Пресс
Интернэшнл" -
информационное агенство
США

свой пятый год существования, пятый год бешеного официального **анти-семитизма**, пятый год, как евреи не могли найти работу или удержаться на своих местах в университетах. Без ее работы, Рузя и ее ребенок оказались бы в отчаянном положении. Примите во внимание то, что она была единственной еврейкой во всем отделении, контролирующем иностранных корреспондентов, и что она была единственным беспартийным членом коллектива. К этому времени ее страх потерять работу был настолько велик, что она бы вступила в партию, но уже не могла этого сделать, так как была еврейкой. И машинистка сказала: «Знаешь, они собираются выслать евреев в Сибирь».

Затем корреспонденты начали писать статьи, утверждая то же самое. И действительно, это было очевидно. Другие этнические группы Сталин отправил в ссылку целиком: он выслал чеченцев и ингушей с Кавказа в сибирский Казахстан, татар из Крыма и немцев с Волги; а теперь, когда евреи стали «козлами отпущения» нации, он без сомнения переселил бы их. Антикосмополитская драма явно была в самом разгаре, во всех газетах рассказывалось о «Деле врачей» — ужасающей истории о заговоре еврейских врачей, сговорившихся убивать невинных советских граждан. Их называли «убийцами в белых халатах». И, как подтверждала история, проводились бы показательные судебные заседания, казни на Красной площади и погромы по всей стране. Потом, в знак спасения евреев, великодушное правительство сослало бы их всех в Сибирь.

Корреспонденты продолжали писать о возможности такой последовательности событий, и она продолжала вычеркивать их. Ей было ясно, что истории были правдивы, но ясно было и то, что она не могла дать им хода, так как каждый день, когда она выполняла свою работу достаточно хорошо, был еще одним днем, когда ее могли не сослать в ссылку. В некотором роде, эти корреспонденты писали для нее, напоминая ей о ее будущем по несколько раз каждую ночь.

Цензорам не разрешалось общаться с иностранными корреспондентами, хотя все они видели мою бабушку много раз. Как единственную молодую женщину во всем отделении, и к тому же красивую, ее всегда посылали на пресс-конференции под видом советского корреспондента...

Корреспондентов бесконечно привлекал вопрос о личности цензора (почему-то они все, казалось, думали, что их послания читал один человек). Они даже спорили об этом. В какой-то момент они представляли цензора громадным мужчиной, делающим крупные отметки карандашом.

Изучая в 1997 году документ о сороковой годовщине Международной молодежной и студенческой конференции в Москве, я обнаружила, что Даниел Шор, комментатор-патриарх американского радио, был корреспондентом **Си-Би-Эс** в Москве в 1956–1957 годах.

антисемитизм -
ненависть и
несправедливое
отношение к евреям

патриарх -
здесь в значении:
“старейший
представитель какой-либо
деятельности”

Си-Би-Эс -
американский
телевизионный канал

«Вы, наверное, слишком молоды, чтобы знать это, — сказал мне Шор по телефону, — но в те дни в Советском Союзе существовала цензура для иностранных корреспондентов».

Я знаю, сказала я. Я не слишком молода, и я внучка цензора. Я говорю ему, что это пожилая, симпатичная еврейка. Я даже предлагаю им встретиться, если он будет в Москве. Он приглашает меня пообедать с ним.

Одним из преимуществ независимой журналистской деятельности является то, что вы позволяете себе говорить о том, о чем вы хотели бы сказать, но по каким-то причинам вы этого не сделали, но, вспомнив, вы доводите эту информацию до журналиста. Когда мы встретились в ресторане примерно через неделю, в Вашингтоне, Даниел Шор показывает мне свой текст беседы по Национальному общественному радио, где он сравнивает разговор со мной как «встречу со своим палачом в маске». В нашей беседе я предлагаю ему встретиться с моей бабушкой, на что он отвечает, что не может смотреть в лицо приятной маленькой старушке после того, как ненавидел большого мужчину на протяжении сорока лет. «Передавайте ей привет, — говорит он, — и скажите ей, что оставшееся послание удалено».

Я немного переживаю, передавая это послание моей бабушке, но она смеется. Вы обязательно должны услышать, как смеется баба Рузя, и как ее смех звенит и переливается в русское «р».

«Я уже позвонил некоторым из ребят и рассказал им, — говорит мне Даниел Шор за обедом. Надеюсь, вы не возражаете». Ему восемьдесят семь.

Почти что через год позвонил один из «ребят». Мартин Калб — глава центра средств массовой информации при Гарварде — собирается в Москву, где он служил в 1959 году, и хочет встретиться с моей бабушкой. Извините, говорю я, она не цензировала вас, к этому времени она уже уволилась. Он все равно хочет встретиться с ней.

Она нервничает в ожидании этой встречи. Захочет ли он знать секреты? Это неправильно: она пообещала не выдавать их. Захочет ли он узнать больше о ней самой? Зачем ему это?

Она только и делает, что говорит, и рассказывает свои истории, пока Калб и его жена не перебивают ее, так как автобус должен отвезти их на прием в Кремль. Она говорит мне, что надо бы как-нибудь досказать эту историю, рассказать ему о том, как она покинула Главлит. «Он такой симпатичный», — улыбается она.

Спустя несколько недель я получаю письмо от Калба, где он благодарит меня за встречу и предлагает мне подать заявку на стипендию в его центре. Мысль о том, что цензорская работа моей бабушки может помочь мне получить стипендию для учебы в Гарварде кажется мне забавной, но я не ответила ему, потому что я неорганизованная и просто ленивая.

История о том, как она покинула Главлит, не была такой уж и историей. По окончании «Дела врачей» она наконец-то смогла вступить в партию. Затем, после того как Хрущев начал борьбу против культа личности Сталина, в 1956 году руководство Главлита изменилось, проводились чистки в его рядах, и ее выгнали с работы за то, что она вязала на профсоюзном собрании. Она никогда не связала ни одной вещицы в своей жизни: просто кто-то пытался преподать ей урок.

Через некоторое время она начала переводить книги: о путешествиях и исследованиях **Руаля Амундсена** и **Жака Кусто**. Теперь, когда ей семьдесят восемь, она зарабатывает на жизнь, переводя любовные романы. Она консультируется у меня относительно названий некоторых деталей машин, а иногда — по более вульгарной терминологии.

Амундсен, Руаль
(1872-1928) -
норвежский полярный
путешественник и
исследователь

Кусто, Жак-Ив
(1910-1997) -
французский океанолог

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Gessen, Masha. "My Grandmother: The Censor." Granta 64.

URL : <http://www.granta.com/extracts/655>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Каково происхождение повествователя? Как это связано с темой повествования?
2. Каким образом родители автора стали «инакомыслящими», в то время как ее бабушка была членом Коммунистической партии? Какую роль играла коммунистическая идеология в жизни бабы Рузи? Подумайте о восприятии советской власти бабой Рузей. Каким образом ее работа в Главлите изменила ее политические взгляды?
3. Будучи государственным цензором, была ли баба Рузя настоящим цензором для своих детей? Почему родители Маши эмигрировали из России? На каких книгах выросли родители Маши?
4. Что думала баба Рузя о своей работе? Считала ли она, что выбрала приличную, уважаемую работу?
5. Как относились к евреям в сталинской России? Чего так боялась баба Рузя?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Чем отличается мнение американских журналистов о личности цензора от мнения о «хороших деревенских людях»?
2. Почему один из американских журналистов был удивлен, когда узнал, что цензором была женщина? Как это соотносится с требованиями и отношением к женщинам, о которых рассуждали Адывар и Вулф?

«УХОДЯЩИЕ В ГЛУБОКУЮ НОЧЬ». Художник Бабур Исмаилов (Узбекистан)

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ: КНИГА ОТКРОВЕНИЙ ОМАРА ХАЙЯМА

Тимур Касымович Зулфикаров — поэт, прозаик, сценарист и драматург. Родился в 1936 году в г. Душанбе. Окончил Литературный институт им. Горького (Москва, Россия). Автор 30 книг «уникальной беспрецедентной прозы и поэзии», тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о легендарном Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта».

*Я, имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим,
я скажу Книгу Откровений.
Я скажу Книгу Своей Жизни.
Аллах помоги и помилуй!
Удержи руку мою ослабляю перед исходом моим!
Удержи язык мой остывший молчный!
Удержи язык мой, падающий как древние минареты хорасанских
мечетей! падающий гиблый шаткий как Большой Минарет Баг-
дадской Мечети Халифов Джамиа ал-Хуляфа!
Удержи язык мой наклонный склонный как Большой Минарет
нишапурской мечети Укайл, окруженной чуждыми слепыми степ-
няками **сельджуками**...
Они рыщут слепцы и рубят мекканскими мечами стены мечетей!
и рубят мечами мечети!..
Помоги Аллах?
Да?..*

[.....]

*Аллах я пел как ранний росный петух с перерезанным горлом.
Хрипло. Обрывисто. Тайно...
Но пел.
Но пел упоенно заливаясь захлебываясь собственной пьяной
пролитой пряной уходящей кровью...
Но пел в империи немоты и неволи... Пел в империи пришлых
сельджуков...
Но пел. Господь мой!..
Но!..
[.....]*

сельджуки-
ветвь огузов- туркмен,
живших в районе
Сырдарьи

*..И пришла пора сельджуков (и грядет пора сельджуков).
И пришла пора немых муадзинов (и грядет пора немых муадзинов).
И пришла пора петушков мечущихся с переломанным слепым
глухим кривым горлом (и грядет эта пора).
И пришла пора немых уст... пора немых... пора поющих ртов, зо-
вущих смертную стрелу... пора кривых глухих хриплых измятых
горл (пришла!).*

*...Тогда вы забыли ту стрелу ата?
Тогда та стрела забылась затянулась ата?
Тогда вы забыли ту стрелу в империи халифате молчащих уст уст?
Тогда вы забыли тот последний минарет? Да, ата? да?..
Но!*

[.....]

*...Ата ата ата проснитесь ата проснитесь пробудитесь ата
встаньте!..
Это я, ваш сын Омар Омар, проснитесь ата!..
Встаньте ата!.. Это я Омар Омар Омар... ваш сын, ата...
ваш Омар... отрок с нагой бритой головой, с черными, как у вас,
сизыми как хератские полнотелые полноплодные многоводные
сливы глазами... с глазами полными слез... встаньте пробудитесь
очнитесь ата ата ата... родной... муадзин... немой, лазурный
певчий кеклик с изломанным разъятым изъятым хрипящим мел-
ким горлом!..
Ата-отец проснитесь...*

[.....]

*Сынок сынок Омар Омар поэт... зачем... зачем... зачем петух
в немой в глухой ночи зачем поэт в империи стрелы победной
смертной В Империи Стрелы Победной Смертной?..*

[.....]

*Сынок сынок сынок Омарджан Омарджан, я тут я с тобой,
я среди смертных стад, это Ангел Азраил с бараньими текучими
лазами жует рукав моего моего зеленого дряхлого бухарского
бекасабового чапана...
Но но но сынок Омарджан, пойдди скажи соседу Учкуну-
Мирзе (он мается он страждет сынок!) скажи Учкуну-Мирзе,
что я прощаю ту стрелу блаженную, что я уже тогда простил,
на минарете...
Пойди скажи Омар!..*

Пророк сказал в исходе своем с последнего минбара:
О, мусульмане, если я ударил кого-нибудь из вас — вот спина моя,
пусть и он ударит меня...
Если кто-нибудь обижен мною — пусть он воздаст мне обидой за
обиду...
Если я похитил чье-нибудь добро — пусть отнимет его у меня
обратно...
Не бойтесь навлечь на себя гнев мой — зло не в моей
природе...

[.....]

... Но у последней Доски Грушевой, у последней доски
погребального омовенья, я Ходжа Имам Омар ибн Ибрахим
скажу вам оставшиеся редкие мои склонившиеся надо мной
возлюбленные друзья мои... Музаффар ал Исфазари, Кори-
Мансур гончар, Абу-л Хасан аль Бай-хаки друг ранних хмельных
медовых застолий дастарханов травяных речных моих слепых...
Мухаммад аль Багдади математик, муж дальней моей сестры
Муниффы-апы...

...Муниффа-апа, сестра ты оттуда от-ту-у-да рукой
машешь мне у стога осеннего зыбкого вялого сена сена сена...
Ты машешь? не манишь?.. апа... плещешь руками...
Тебе горячо? горячо?.. апа, у тебя на ладони горящая первая
из кипящего хиссарского казана-котла слоеная самбуса...
И ты отдаешь ее мне?.. апа, сестра, и ты отдаешь ее мне...
как в детстве...
Ты манишь? ты машешь?.. зовешь?..я скоро! я скоро...
Я скоро, апа... еще самбуса не остынет не охладет на тихой
ладони твоей... еще самбуса не увянет в руках твоих тонких
сквозящих как прутья февральские **ветлы**... еще не остынет,
родная моя... еще не остынет кипящая самбуса... и руки твои
не успеет обжечь уязвить...
Я скоро! я скоро... я скоро... родная... апа...
Но так далеки твои руки!.. Ты машешь... ты машешь...
не манишь... не манишь... оттуда... оттуда...
Оттуда!..

ветла-
белая ива

И вот уж близки твои руки...

Но у последней грушевой Доски Погребального Омовенья (и его уж не услышит тело мое восковое? и душа перед ним отлетит избежит?) я скажу вам склонившиеся надо мной последние люди мои, возлюбленные мои... печальные прощальные мудрые мужи мои... Я скажу!..

Я скажу в халифате мертвых глин, в Империи Мертвых Глин!.. в империи Иных, в халифате сельджуков, в империи охотников, в империи всадников рыцущих, в империи Стрелы я скажу... Я скажу...

Близки! близки близки времена, когда праведники не будут знать, что они праведники, а грешники — что они грешники... Ибо не станет Бога в душах людских лютых... вольных... И не станет границ, и многие уйдут за рубежи души... И будет время стад кочующих во тьме из ада в рай, из рая в ад!.. И такие времена близки! и такие времена близки, как моя Доска Омовенья, как дамасский кувшин-кумган Ата Ибрахима с погребальной кладбищенской водой... вот он стоит у изголовья моего... готовится...

...И вот глядите — только что в этом кумгане тяжело стояло плескалось живое роилось томилось вино, а уже уже вода погребальная... кладбищенская... немая!.. А?..

...Но вы все говорите, что такие времена близки а уповаете на иное, а они уже наступили!.. наступили... Они уже наступили... а грядут еще более тяжкие...

[.....]

*А река течет течет течет течет...
А она не уходит... уходит уходит уходит...
Боже!..*

*...Во имя Аллаха милостивого милосердного!..
Да благословит Аллах господина нашего Мухаммада!
Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!
Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!..
Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк Его!.. Да!..*

Я сказал Фатиху!..

*Я имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим я сказал
Книгу Откровений.*

Я сказал Книгу Моей Жизни.

Я сказал Книгу Моей Смерти...

*...Не уходи не уходи не уходи волна волна волна блаженная
блаженная блаженная!..*

Не уходи Волна Блаженная!..

А она не уходит...уходит уходит уходит...

Боже!...

источник: Зульфикаров Т. Книга откровений Омара Хайяма / Цари небесные и земные. – М.: Худож. лит., 2009. С. 335-464.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что волнует поэта Омара Хайяма больше всего в произведении Тимура Зульфикарова?
2. Насколько исторические откровения Омара Хайяма созвучны современности?
3. Что с вашей точки зрения лежит в основании откровений О. Хайяма: историческое предупреждение, месть, человеколюбие, сострадание или что-то иное?
4. Какая ответственность лежит на поэте в кризисные периоды истории?
5. Какая ценность стоит выше самой исторической необходимости во взглядах Омара Хайяма?

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

60

1. Чем отличаются друг от друга понятия «различие» и «восприятие»? Вспомните восприятие «других» в работах О' Коннор, Вулф, Гессен, Адывар и Зульф리카рова. Кого бы вы назвали «другими» в вашем обществе или общине? Что вы узнали о восприятии и отношении в этой главе?
2. В этой главе мы читали и обсуждали разные взгляды на женщин в разное время. Каково отношение к женщинам в вашем современном обществе? Как вы думаете, понимается ли роль женщины в вашем обществе как равная роли мужчин? Почему да? Почему нет?
3. Всегда ли мы правы, думая о других в рамках «мы» и «они»? Как требования к другим влияют на то, как люди обращаются с определенными группами? Вспомните отношение миссис Хоупвел и миссис Фриман к хорошим деревенским людям. Сравните «Хороших деревенских людей» с работой Вулф «Своя комната».
4. Как понимание «других» осложняет жизнь для определенных групп в обществе? Подумайте в рамках истории Гессен об обращении с евреями в сталинской России и эссе Вулф о пишущих женщинах. Сравните беспокойство этих писательниц о выделении «других» из группы.
5. Как осуществляется духовный диалог поэта с самим собой и «другими» в произведении Тимура Зульф리카рова в контексте взаимоотношений индивидуальных и универсальных ценностей человечества? С какими авторами данного раздела созвучны идеи Тимура Зульф리카рова?

ГЛАВА ВТОРАЯ ПОНИМАНИЕ «ДРУГИХ», С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ПОЛА

61

ВВЕДЕНИЕ

Во второй главе мы переходим от интерпретации текстов или объектов к интерпретации людей. Читателю будет представлена идея о том, что люди часто смотрят на мир с точки зрения «нас» и «других». Мы определяем «нас» не в абсолютном контексте, а в контексте наших отношений и отличий от «других», часто основанного на понятиях превосходства и отсталости. Читатель должен обратить внимание на то, как подобное разделение влияет на методы интерпретации намерений, действий, ценностей, слов и заслуг других, а также на то, как такое восприятие влияет на общение друг с другом. Читатель также должен задуматься и о том, что наше восприятие может оказаться неточным, так как оно часто основано на обобщениях, принятых группой людей, а не основывающихся на нашем реальном опыте общения с другими индивидами.

Эта тема будет рассмотрена в основном в рамках дискуссии об ориентализме — термин, обычно используемый для ссылки на востоковедение. Однако в последние годы это слово получило более широкое толкование. Сегодня «ориентализм» часто понимается как предписанная форма отношения к Востоку, которая основана больше на предубеждении и очарованности, чем на действительности. Эдвард Саид — выдающийся ученый в этой сфере, критикует такое отношение к Востоку за его преувеличение различий и создание ненужных и ложных разделений между культурами мира. Фильм Мотыля «Белое солнце пустыни» приводит тонкий пример того, как Восток изображается Западом.

Читая эти работы и просмотрев этот фильм, постарайтесь определить, каким образом каждый автор или режиссер относится к той группе, о которой он пишет или снимает фильм. Определите то, как предубеждения писателей, связанные с их национальностью, полом и религией, повлияли на понимание «других». Задайте себе вопрос, смог ли хотя бы один из этих писателей, преодолев свои предубеждения, взглянуть на «других» не как на отсталых, странных или так отличающихся от нас. Задумайтесь и о том, добились ли эти писатели лучшего понимания себя посредством рассмотрения «других».

Раздел по развитию критического мышления во второй главе предназначен для оказания помощи студентам в оценке содержания источников информации. Каким образом вы можете определить объективность и достоверность информации в тексте? Упражнение, предложенное вам в этой главе, продемонстрирует, как ответить на этот вопрос.

**КРАСНОАРМЕЕЦ СУХОВ.
ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ФИЛЬМА «БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»**

ФИЛЬМ ВЛАДИМИРА МОТЫЛЯ «БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»

Фильм Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни» (1969) - один из шедевров советской киноиндустрии. Актеры - Анатолий Кузнецов, Павел Луспекаев, Спартак Мишулин - работали в трудных условиях, так как фильм снимался также в пустыне Туркмении, недалеко от окрестности города Байрам-Али. Солдат Сухов, мечтающий вернуться домой, служит в Красной Армии в Туркестане и борется с басмачами. Выполняя возложенную на него задачу развивать и защищать Советскую республику, Сухов спасает гарем восточных женщин от рук предводителя басмачей. Несмотря на то, что фильм «Белое солнце пустыни» был знаменит и очень популярен среди советского народа, режиссера Мотыля советские власти не любили, и, по иронии судьбы, до перестройки Мотыль в Советском Союзе не получил официального признания. Во время просмотра фильма подумайте над тем, какие персонажи являются положительными, а какие отрицательными, кто из них обладает определенной степенью цивилизованности, а кто нет, кого можно назвать главным персонажем картины, а кого второстепенным.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как вы понимаете цитату «Восток - дело тонкое»?
2. В своих ранних воображаемых разговорах с женой Сухов отмечает, что он живет в период освобождения. От чего освобождает Сухов жителей Средней Азии?
3. Чем образы главаря басмачей Абдуллы и его сторонников отличаются от изображения Сухова, Петрухи и Верещагина в этом фильме? К кому, по вашему мнению, Мотыль желает вызвать вашу симпатию и почему?
4. На какие различия между обращением с женщинами Средней Азии и России указывают образы, появляющиеся во время воображаемых разговоров Сухова со своей женой?
5. Вспомните разговор Абдуллы с Саидом. Какова цель восстания Абдуллы? Кем были басмачи? Объективен ли Мотыль в своем изображении героев фильма или у него есть свои предубеждения? Аргументируйте свои ответы.
6. Как относится Сухов к женщинам Средней Азии? Что хочет сказать Мотыль об обращении с женщинами в Средней Азии до советской эпохи? Вспомните эпизоды об «общезитии свободных женщин Востока» и эпизод о том, как Абдулла вновь возвращает свой гарем. Обращается ли Абдулла со своими женами по-человечески, цивилизованно, так же как Сухов и Верещагин обращаются со своими женами?

7. Как бы отрегировала Вулф на изображение среднеазиатских женщин в фильме Мотыля «Белое солнце пустыни»?
8. Как вы понимаете характер Верещагина? Каково его происхождение? Почему он думает, что помочь Сухову победить восставших является благородным делом? Что подталкивает Верещагина к действию? Вспомните изображения, фотографии и картины на стенах его дома.
9. Каково общее представление образа Средней Азии в фильме Мотыля? На ваш взгляд, выглядела ли вся Средняя Азия подобным образом? Использует ли Мотыль обобщенные образы в понимании Востока? Обоснуйте свой ответ.
10. Некоторые местные жители, как, например, Саид, были готовы помочь Сухову в его борьбе против Абдуллы. Как вы думаете, было ли это проявлением дружеских чувств? Почему да или почему нет?
11. Многие советские люди считали, что «Белое солнце пустыни» отводит от проблем, излечивает болезни, укрепляет здоровье и поднимает настроение. Как вы думаете, почему этот фильм стал настолько популярным, что его транслировали на каналах советского телевидения во время государственных праздников?

ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА *

Стратегии для оценки содержания текста:

1. Прочитайте вступление. Чего добивается автор? Пытается ли он или она убедить вас в чем-то, прояснить или подтвердить что-то или вызвать вашу симпатию?

* Questions adapted from the Purdue OWI, "evaluating Content in the source." *OWI Online Writing Lab*. West Lafayette: Purdue university, 2003. URL: http://owl.english.purdue.edu/handouts/research/r_evalsource3.html.

АБДУЛЛА – ПРЕДВОДИТЕЛЬ БАСМАЧЕЙ

2. Примите во внимание происхождение автора и возможные предрассудки.
3. Проверьте другие источники, чтобы подтвердить точность представленной информации.
4. Определите намеченную аудиторию. Относитесь ли вы к этой аудитории?
5. Рассмотрите тон, стиль, уровень фальсификации информации и время, когда источник был опубликован.

ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ ФИЛЬМА МОТЫЛЯ

1. Постарайтесь определить следующее:

- а) Считаете ли вы, что содержание фильма Мотыля представляет настоящие факты и мнения, или служит пропагандой?
- б) Приводит ли Мотыль достаточно доказательств? Предлагает ли он всеобъемлющий образ Средней Азии?
- в) Является ли язык, используемый героями Мотыля, объективным или эмоциональным? Используются ли в этом фильме обобщенные образы людей и культуры?
- г) Надежен и объективен ли автор, советский режиссер Владимир Мотыль, в своем представлении содержания фильма?

Проверьте на точность:

- а) Насколько современен этот фильм? Не запоздал ли он на 30 лет? Некоторая информация устаревает, как только появляются новые исследования, однако другие источники информации могут быть вполне пригодны через много лет после их появления.
- б) Можете ли вы найти какую-либо другую информацию о Средней Азии, которая могла бы подтвердить или опровергнуть точку зрения Мотыля?
- в) Насколько правдоподобен этот фильм? Что вы знаете о киностудии, где был создан этот фильм? Были ли киностудии в Советском Союзе независимы? Какими были возможные последствия существования независимых и зависимых киностудий в Советском Союзе?
- г) Существуют ли в этом фильме незначительные или значительные обобщения, доказательства которых не приведены?
- д) Являются ли аргументы этого фильма односторонними? Признают ли они существование других точек зрения? Если да, то каковы эти аргументы и как они влияют на содержание фильма?

ДЖАЛАЛИДДИН РУМИ

О ВИНОГРАДЕ

*Вот как непонимание порой
Способно дружбу подменить враждой,*

*Как может злобу породить в сердцах
Одно и то ж на разных языках.*

*Шли вместе тюрк, перс, араб и грек.
И вот какой-то добрый человек*

*Прятелям монету подарил
И тем раздор меж ними заварил.*

*Вот перс тогда другим сказал: «Пойдем
На рынок и ангур* приобретем!»*

*«Врешь, плут, - в сердцах прервал его араб,
- Я не хочу ангур! Хочу эйнаб!»*

*А тюрк перебил их: «Что за шум,
Друзья мои? Не лучше ли узум!»*

*«Что вы за люди! - грек воскликнул им.
- Стафилъ давайте купим и съедим!»*

*И так они в решении сошлись,
Но, не поняв друг друга, подрались*

* Ангур- виноград. В этой притче спорящие называют виноград каждый на своем родном языке (эйнаб - по-арабски, узум - по-турецки, стафилъ - по-гречески)

*Не знали, называя виноград,
Что об одном и том же говорят.*

*Невежество в них злобу разожгло,
Ущерб зубам и ребрам нанесло.*

*О, если б стоязычный с ними был,
Он их одним бы словом помирил.*

*«На ваши деньги, - он сказал бы им,
- Куплю, что нужно всем вам четверым.*

*Монету вашу я учетверю
И снова мир меж вами водворю!*

*Учетверю, хоть и не разделю,
Желаемое полностью куплю!*

*Слова несведущих несут войну,
Мои ж - единство, мир и тишину».*

источник: Звёзды поэзии. Пер. с фарси (с таджикского)
В. Державина.— Душанбе: Адиб, 1988. С. 256.

АРАБСКАЯ ЖЕНЩИНА.

«Такие картины часто передают настроение сладострастия...», как в случае с алмеей, арабской женщиной, изображенной французским художником Жан-Леонам Жеромом (1824-1904). Западное видение восточных женщин и их осуждение с позиции «ориентализма»

ЭДВАРД САИД. ОРИЕНТАЛИЗМ

Эдвард Саид (1937-2003) родился в Иерусалиме во времена оккупации Палестины Великобританией. Он получил образование в престижных университетах Соединенных Штатов. Вплоть до смерти, в 2003 году, он работал профессором университета и деканом докторских программ по сравнительной литературе при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Его работы были переведены на девятнадцать языков в разных странах. Он является автором многочисленных статей, которые печатались в таких изданиях, как *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *Le Monde Diplomatique*, *The Times*, *The Observer*, *El Pais*. Саид был хорошо известен своей поддержкой палестинского дела и оппозиции американской внешней политике на Ближнем Востоке, чем и нажил себе много врагов. В своей самой влиятельной книге «Ориентализм» (1978) Саид выдвигает идею, что создание «ориентализма» говорит больше о колонизаторах и их бессознательных желаниях, чем о действительности или природе колонизации.

Я начал с предположения о том, что Восток не является инертным фактором природы. Он не просто существует, также как и Запад не существует сам по себе. Мы должны серьезно рассмотреть великолепное наблюдение **Вико** о том, что люди сами создают свою историю, а также свое знание, и применить это наблюдение к географии: как географическое и культурное наследие — не говоря уж об историческом наследии— такие места, регионы и географические секторы, как Восток и Запад, созданы человеком. Поэтому, точно так же как и Запад, Восток является идеей со своей собственной историей и традицией мысли, воображения и словаря, которые придали ему реальность и присутствие на Западе и для Запада. Эти два географических элемента поддерживают и, в некотором роде, отражают друг друга.

После такого заявления необходимо привести разумные доказательства. Во-первых, было бы неверным прийти к заключению о том, что Восток в своей сущности был идеей, или созданием без соответствующей ему реальности. Когда **Дизраэли** в своем романе «Танкред» написал о том, что Восток был карьерой, он имел в виду, что для умных молодых людей с Запада интерес к Востоку превращался во всепоглощающую страсть. Дизраэли не должен пониматься как тот, кто описывает Восток только как место карьеры для людей с Запада. Существовали и до сих пор существуют культуры и народности, чье местоположение на Востоке, чья жизнь, история и традиции обладают реальностью более великой, чем что-либо сказанное о них на Западе. Данное изучение ориентализма не может добавить ничего к этому факту, кроме как молчаливо принять его. Однако явление ориентализма, как я понимаю его в данной работе, заключается не в уровне сочетания ориентализма и Востока, а во внутренней стойко-

Вико, Джамбаттиста
(1668-1744) -
итальянский философ и
историограф

Дизраэли, Бенджамин
(1804-1881) -
английский сенатор и
писатель

Уоллес, Стивенс
(1879-1955) -
американский поэт

Паниккар, Кавалам
(1895 -1963) -
индийский историк,
государственный деятель

Флобер, Густав
(1821-1880) -
французский писатель

куртизанка -
танцовщица, женщина
легкого поведения

Ренан, Эрнест
(1823-1892) - французский
историограф, писатель

сти ориентализма и его идей о Востоке (Восток как карьера), несмотря на соответствие или несоответствие его с «настоящим» Востоком. С моей точки зрения, утверждение Дизраэли о Востоке относится к созданной стойкости, к обычному созвездию идей о почти выдающемся Востоке, а не к его реальному бытию, как сказал об этом **Уоллес Стивенс**.

Вторым разумным подтверждением стал тот факт, что идеи, культуры и истории не могут быть серьезно поняты или исследованы без изучения их силы, или, точнее, конфигурации их власти. Вера в создание Востока — или, как я называю это, «ориентализация» — как в необходимость фантазии, неискренна. Отношения между Западом и Востоком основаны на отношениях власти, доминирования и различной степени количественной гегемонии, как очень точно отмечено во вступлении к классической работе **Паниккара** «Азия и господство Запада»*. Восток был «овосточен» не только потому, что средний гражданин Европы в девятнадцатом веке видел в нем все восточное, но и потому, что была такая возможность сделать из него Восток. Существует очень много несогласий, например, с тем фактом, что встреча **Флобера** с египетской **куртизанкой** создала широко распространенный образ восточной женщины. Она никогда не рассказывала о себе, она никогда не выражала своих эмоций, свое присутствие, свою историю. Он говорил за нее и представлял ее. Он был посторонним, сравнительно богатым мужчиной, что оказалось историческим фактом господства, позволяющим ему не только овладеть **Кучук Ханем** физически, но и говорить за нее, а также указывать читателю на то, что было в ней «типично восточным». Я считаю, что пример власти Флобера над Кучук Ханем не случаен. Это хорошо демонстрирует относительную стабильность между Востоком и Западом и позволяет рассуждать о Востоке.

Это наталкивает нас на третье разумное подтверждение. Нельзя предполагать, что структура ориентализма является ничем иным как структурой лжи или мифов, которая вскоре просто исчезнет. Я верю в то, что особенная ценность ориентализма заключается в нем как в символе европейско-атлантической власти над Востоком, а не в его правдивом рассуждении о Востоке (как он понимается в своей академической или научной форме). Однако мы должны уважать и попытаться понять очевидную спаянную интенсивность ориенталистских рассуждений, их влияние на социально-экономические и политические организации, а также достойную уважения стойкость. Любая система идей, которая может остаться неизменной как элемент мудрости (в академическом мире, книгах, на конгрессах, в университетах, иностранных организациях) со времен **Эрнеста Ренана** в конце 1840-х годов до настоящего времени в Соединенных Штатах, должна быть чем-то более внушительным, чем коллекцией лжи. Поэтому ориентализм является не воздушной фантазией Европы о Востоке, а созданным организмом теории и практики, в который было вложено значительное количество материала на протяжении многих поколений. Постоянный вклад превратил ориентализм как систему знания о Востоке в общепринятую сетку для фильтрации Востока в западное сознание. С увеличением количества вклада, который стал очень про-

* K. M. Panikkar, *Asia and Western Dominance* (London: George Allen & Urwin, 1959).

дуктивным, утверждения стали применяться не только к ориентализму, но и к общей культуре. **Грамши** пришел к важному выводу о различии между гражданским и политическим обществом, где первое состоит из добровольных (или, по крайней мере, рациональных и не принудительных) учреждений, таких как школа, семья и союзы, а последнее состоит из государственных организаций (армия, милиция, центральная бюрократия), чья роль в государстве заключается в прямом господстве. Культура, конечно же, играет большую роль в гражданском обществе, где влияние идей, учреждений и работ других людей осуществляется не насильственным образом, а, по словам Грамши, на основе всеобщего согласия. Таким образом, в любом обществе, не являющимся тоталитарным, существует господство одной культурной формы над другой. Грамши назвал форму такого культурного господства гегемонией — незаменимое слово для понимания культурной жизни индустриального Запада. Гегемония, или, вернее, результаты культурной гегемонии придают ориентализму ту стойкость и силу, о которой я говорил. Ориентализм никуда не ушел от того, что **Денис Хэй** назвал идеей Европы** — от коллективного понятия, отделяющего «нас», европейцев, от «них» — не европейцев. Более того, можно утверждать, что основным компонентом европейской культуры стало именно то, что позволило этой культуре стать доминирующей, как в Европе, так и за ее пределами — это идея европейской личности как доминирующей над всеми другими, не европейскими национальностями и культурами. Кроме того, существует гегемония европейского понятия о Востоке, подтверждающего превосходство Европы над отсталым Востоком и отвергающего возможность того, что у более независимого или более скептически настроенного мыслителя может быть свое собственное понимание по этому поводу...

В постоянном аспекте ориентализм полагает свою стратегию на гибком позициональном превосходстве, которое ставит человека Запада в целую серию возможных отношений с Востоком, а также без потерь относительно его превосходства. И почему это должно быть по-другому, особенно за период экстраординарного европейского могущественного влияния, начиная от позднего Ренессанса по настоящее время? Ученый, образованный человек, миссионер, торговец или солдат был там или думал о Востоке, и под зонтом западной гегемонии над Востоком за период с конца XVIII века возникает комплекс Востока, подходящий для обучения в академии, для показа в музее, для реконструкции в колониальном ведомстве, для теоретической иллюстрации в антропологических, биологи-

Грамши, Антонио
(1891 -1937) -
итальянский политический
лидер и теоретик

Хэй, Денис
(1915-1994) -
британский историк

** *Denys Hay, Europe: The Emergence of an Idea*, 2nd ed. (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1968) [author]

ческих, лингвистических, расовых и исторических тезисах о человечестве и Вселенной, например, экономических и социологических теориях о развитии, культурной личности, национального или религиозного характера. В дополнение, вообразимое исследование Востока было основано, более или менее, на исключительно независимом западном сознании, вне которого не вызывающий сомнения восточный мир появляется, во-первых, согласно главным идеям о том, кто или что было восточным, затем, согласно детальной логике управления, не просто эмпирической действительностью, а набором желаний, подавлением, вкладами и проектами. Если мы можем указать на великие ориенталистские труды гениального ученого Сильвестре де Сакю “Арабская хрестоматия” или Эдварда Уильяма Лейна “Манеры и обычаи современных египтян”, нам необходимо также отметить и Ренана и Гобино, расовые идеи которых вытекают из такого же импульса, как и великое множество порнографических романов Викторианской эпохи (просмотрите исследования работы Стивена Маркуса “Похотливый турок”).

И еще, некто может неоднократно спрашивать себя: некие вопросы ориентализма есть главная группа идей, не принимающих во внимание множество материалов, — относительно которых кто может отрицать, что они насквозь пронизаны доктринами европейского превосходства различного рода, расизма, империализма и подобны догматическим точкам зрения на “Восток” как вид идеальной и неизменной абстракции? — или многочисленные труды, созданные почти бесчисленными индивидуальными писателями, которые кто-то мог бы понимать как индивидуальные требования авторов, связанные с Востоком. В известном смысле две альтернативы: общая и детальная — есть две реальные перспективы в том же материале. В обоих требованиях кто-то должен был бы иметь дело с первопроходцами, как Уильям Джонс, с великими художниками, как Нерваль и Флобер. И почему нельзя принять обе перспективы вместе или одну за другой? Разве там нет очевидной опасности искажения (точный вид академического ориентализма, всегда склонного к чему-либо), где систематически поддерживается тот или другой, тоже главный или тоже специфический, уровень описания?

Я опасаясь искажения и неточности, вернее, той неточности, которая создана слишком догматичным обобщением и слишком позитивистско-локализованной целью. В моей борьбе с этими проблемами мне пришлось иметь дело с тремя основными аспектами современной реальности, которые, с моей точки зрения, указывают на способ избавления от методологических или перспективных трудностей, о которых я говорил. В первый же момент эти трудности могут привести к написанию грубой полемики на таком неприемлемом уровне обобщения, что эта работа не будет заслуживать никаких усилий для прочтения. В следующий же момент эти трудности приведут к написанию таких детальных и атомических серий анализов, в которых, принимая во внимание их особенную убедительность, потеряются общие черты насильственного информирования в данной области знания. Каким образом тогда мы можем распознать индивидуальность и примирить ее с интеллигентным, но ни в коем случае не с пассивным или же диктаторским, обобщенным гегемоном контекста?

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Vintage Books Edition, 1979, p. 4-9.

73

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Объясните своими словами, как Эдвард Саид понимает Восток.
2. Утверждает ли Саид, что существующие идеи об ориентализме и идеи востоковедения непостоянны? Что особенно занимает Саида в этой книге?
3. Каково происхождение ориентализма, с точки зрения Саида? Как был создан термин «ориентализм»? Как Восток стал «восточным»? Почему Саид считает, что ориентализм есть созданное явление?
4. Почему он отвергает востоковедческие рассуждения как необоснованные?
5. Должны ли мы, по мнению Саида, воспринимать ориентализм как организм знания и науки о Востоке? Почему да или почему нет?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В своей книге Саид называет отношение между Востоком и Западом сложной гегемонией или господством Запада. Заметно ли это в фильме Мотыля? Изображает ли Мотыль отношения между азиатами и русским сержантом Суховым в фильме «Белое солнце пустыни» в форме гегемонии и господства? Используйте примеры из фильма для обоснования своего ответа.
2. Эдвард Саид также обсуждает отсталость Востока и превосходство европейской культуры. Заметно ли это в фильме Мотыля? Является ли отношение Сухова к женщинам примером, указывающим на отсталость Востока? На ваш взгляд, изображает ли этот фильм различия в понимании «нас», как европейцев, и «их», как азиатов, в контексте превосходства европейской культуры?
3. Саид приводит пример господства, используя историю Флобера о египетской куртизанке Кучук Ханем. Как вы думаете, похожи ли образы женщин Азии в фильме «Белое солнце пустыни», как «типично восточных», на изображение женщин Флобером?

МЕЧЕТЬ ДЖИНГАРЕЙБЕР В ТИМБУКТУ

ЛЕО АФРИКАНУС. ОПИСАНИЕ ТИМБУКТУ ИЗ «Описаний Африки» (1526)

Лео Африканус (1485–1554), урожденный Эл Хасан ибн Мухаммед эл-Веззаз аль-Фази, родился в Гренаде (Испания). Когда ему было семь лет, он со своими родителями был изгнан оттуда королем Фердинандом и королевой Изабеллой вместе с тысячью других мусульман. Осев в Северной Африке, он обучался в Фесе и вскоре стал сопровождать своего дядю в дипломатических миссиях по Северной Африке и суб-сахарскому королевству Гана. Позже он был захвачен христианскими пиратами и представлен великому Папе эпохи Возрождения Льву Десятому в качестве исключительного ученого раба. Лев X освободил его, окрестив новым именем Иоханис Лео де Медичи, и поручил ему написать детальное обозрение Африки, что и дало ему имя Лео Африканус. Это описание было для европейцев единственным источником информации об Африке в течение нескольких веков. Следующий отрывок описывает Ганский город Тимбукту. Тимбукту стал в Европе символом самого труднодоступного города, но в то время, когда Лео Африканус посетил этот город, он был центром оживленной торговли африканскими товарами и книгами. Подумайте, как на это описание «другого» города могла повлиять позиция Лео Африкануса как постороннего человека.

Название этого королевства современно и было выбрано в честь города, построенного королем **Манса Сулейманом** в 610 году **хиджры** (1232 год по восточному календарю) на расстоянии около двенадцати миль от рукава **реки Нигер**.

Люди Тимбукту живут в хижинах, сделанных из покрытого глиной плетня и покрытых кровельной соломой вместо крыши. В центре города стоит храм, построенный из камня и цементного раствора под руководством архитектора **Гранаты**. Кроме того, там стоит огромный дворец, спроектированный тем же самым архитектором, где живет король. Множество магазинов ремесленников, купцов и, в особенности, прядильщиков хлопка. Материал также импортируется из Европы в Тимбукту **берберскими** купцами.

Кроме тех женщин-рабынь, которые продают еду, женщины города придерживаются традиции прикрывать свои лица. Жители очень богаты, особенно приезжие, которые просто поселились в стране, так что даже сам король выдал двух своих дочерей замуж за двух братьев-бизнесменов, потому что они были очень богаты. В Тимбукту есть множество колодцев со сладкой водой, и, кроме того, когда Нигер в приливе, вода доставляется в город по каналам. Зерно и звери также в изобилии, и поэтому жители потребляют много молока и масла. Однако потребление соли очень ограничено, потому что ее доставляют из Тегаза, что около 500 миль от Тимбукту. Мне приходилось бывать в Тимбукту, когда горсть соли продавалась за 80 **дукатов**. Король владеет богатыми сокровищами, состоящими

Манса Сулейман -

правил королевством Тимбукту в 1336-1359 гг.

хиджра -

переселение Мухаммада и его приверженцев из Мекки в Медину в 622 году. При халифе Омаре I (634-344) год хиджры объявлен началом мусульманского летоисчисления

река Нигер -

река в Западной Африке

Граната -

Исхак эс Сахили ел-Гарнати, которого Манса Сулейман привел в Тимбукту

берберский -

коренные жители Северной Африки, принявшие ислам

дукат -

денежная единица в Гане

из монет и золотых слитков. Один из этих слитков весит 970 фунтов*.

Королевский двор замечателен и очень хорошо организован. Когда король со своим двором переезжает из одного города в другой, он сидит на верблюде, а лошадей его слуги ведут за ним за узду. Во время сражений слуги взбираются на верблюдов, а солдаты на лошадей. Когда кто-либо желает побеседовать с королем, этот человек должен стоять на коленях и преклоняться перед королем. Однако этому правилу должны подчиняться только послы и те, кто никогда ранее не разговаривал с королем. У короля имеется около 3000 кавалерии и бесчисленное количество пехоты, вооруженной луками из дикого фенхеля, которые они используют для стрельбы отравленными стрелами. Король воюет только с враждебными соседями или с теми, кто не хочет платить ему дань. Когда он одерживает победу, он продает всех захваченных людей — даже детей — на рынке в Тимбукту.

В этой стране рождаются только маленькие и неказистые лошади. Купцы используют их для своих путешествий, а придворные — для перемещения по городу. Однако хорошие лошади доставляются из **Берберии**. Их доставляют в караванах, и через 10–12 дней после доставки их ведут к владыке, который выбирает и платит за столько лошадей, сколько ему захочется.

Король является признанным врагом евреев. Он не разрешает ни одному еврею жить в городе. Если ему становится известно, что берберский купец часто посещает их или ведет с ними торговлю, он конфискует все товары этого купца. В Тимбукту много судей, преподавателей и священников, которые специально назначены королем. Он очень ценит образование. Здесь также продается много рукописных книг, привезенных из Берберии. Прибыль, полученная от этой торговли, превосходит прибыль, полученную от торговли каким-либо другим товаром.

Вместо чеканных монет здесь используются самородки из чистого золота, а для маленьких покупок люди используют **каури** (раковины), привезенные из Персии, 400 из которых равны одному дукату. Шесть и две третьих их дукатов равны одной римской унции золота.

Люди Тимбукту миролюбивы. У них в традиции продолжительное вечернее гуляние по городу от 10 вечера и до часу ночи, сопровождаемое игрой на музыкальных инструментах и танцами. Каждому жителю прислуживает множество слуг, как женского, так и мужского пола.

Город легко поддается огню. Во время моего второго путешествия в Тимбукту (наверное, около 1512 года) половина города сгорела всего лишь за пять часов. Кроме того, в тот день ветер был настолько силен, что жители второй половины города стали переносить свое имущество, опасаясь огня.

На территории, окружающей Тимбукту, нет ни садов, ни огородов.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Leo Africanus. "Description of Timbuktu." *In Reading About the World*, vol. 2, edited by Paul Brians, et al. HarperCollinsCustomBooks. Online text Internet History Sourcebook. URL: http://www.fordham.edu/halsall/med/leo_afri.html.

**СОВРЕМЕННЫЙ ТИМБУКТУ,
МАЛИ**

Берберия –

область Северо-западной Африки между берегом Средиземного моря и Сахарой

каури -

раковина, заменяющая деньги в некоторых частях Азии и Африки

* Такие удивительные слитки часто упоминаются арабскими писателями об Африке.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

77

1. Как описывает Лео Африканус политическую, социальную и экономическую структуру Тимбукту? Что способствует экономической стойкости Тимбукту?
2. Как бы отличалось описание Лео Африкануса, если бы он сам не был родом из Африки?
3. Знакомы ли вы с каким-либо описанием среднеазиатского города, которое можно было бы сравнить с описанием Тимбукту?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Каким образом можно использовать «Описание Тимбукту» в переосмыслении востоковедческого понимания, о котором говорит Саид в своей книге?
2. Востоковедение, с точки зрения Саида, внедряет идею о европейском превосходстве над восточной отсталостью. Каким образом город Тимбукту может быть рассмотрен как пример удачной восточной цивилизации, на основе того, что мы знаем о его торговле, развитии и образовании?

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЛЕКАРСТВА ИЗ МЕДА.

Из арабского манускрипта. Педаний Диоскорид (1 в.)

УСАМА ИБН МУНКЫЗ. АВТОБИОГРАФИЯ (ОТРЫВКИ О ФРАНКАХ)

Усама ибн Мункыз (1095–1188) — арабский полководец и писатель, творивший во времена крестовых походов, когда европейские христиане пытались завоевать Святую землю. Он был родом из аристократической семьи Шайзира, города на севере Сирии. Как представляющего угрозу для местного правительства, его выслали из Шайзира в 1138 году, и он нашел пристанище в империи Фатимидов в Египте, где прожил десять лет — до обвинения в заговоре с целью убийства своего покровителя, и это снова вынудило его бежать. В 1174 году он воевал на стороне Саладина против христиан. Его контакты с христианами или франками, как их называл Усама, дали ему возможность увидеть их традиции и культуру. Франки ему показались странными, и он с насмешкой и ужасом повествовал об их диком образе жизни. Единственно, чем он был приятно поражен, это смелостью христианских воинов. Следующий отрывок из его автобиографии дает понять, как один из мусульман воспринимает христианскую культуру.

Загадочны труды Создателя, творца всего существующего! Говоря о франках, невозможно не прославлять Аллаха (да возвеличится его слава!), и не принести ему жертвоприношение, ибо Он не видит в них ничего другого, как животных с доблестной храбростью в борьбе, так как животные обладают только доблестной силой в ношении груза. Я приведу вам примеры их действий и любопытных черт их менталитета.

В армии короля **Фулка**, сына Фулка, служил франкский знатный рыцарь, который прибыл на эту землю для того, чтобы совершить святое паломничество и вернуться домой. Мы были в таких тесных отношениях, что он стал называть меня своим братом. Между нами существовало взаимное чувство дружбы и согласия. Когда он решил вернуться домой морем, он сказал мне:

— Мой брат, я возвращаюсь в свою страну, и я хочу, чтобы ты отправил со мной своего сына (мой сын, которому было тогда четырнадцать лет, находился в тот момент рядом со мной) в мою страну, где он может увидеть рыцарей, набраться мудрости и обучиться рыцарству. Когда он вернется, он будет настоящим мудрецом.

Таким образом, на меня свалились слова, которые никогда не были бы произнесены разумным человеком, так как даже пленение моего сына не могло принести ему большего вреда, чем путешествие в страну франков. Однако я сказал этому человеку:

—Во имя твоей жизни, у меня была такая же идея. Но единственное, что останавливает меня от осуществления этой идеи, это то, что его ба-

Крестовые походы - серия религиозных военных походов XI-XV веков, предпринятых европейскими христианами с целью освобождения Святой земли от мусульман

Король Фулк - король Иерусалима (1131-1143)

бушка, моя мать, любит его настолько сильно, что не хотела отпускать его сегодня со мной, до тех пор, пока я не поклялся, что верну его к ней.

После этого он спросил меня:

— Твоя мать еще жива?

— Да, — ответил я.

— Ну что ж, — сказал он, — не слушайся ее.

Вот пример, демонстрирующий их любопытную медицину.

Лорд аль-Мунаятира написал моему дяде письмо с просьбой выслать ему врача для нескольких его больных людей. Мой дядя послал ему христианского врача, звавшегося Табибом. Табиб отсутствовал всего лишь десять дней. Мы высказали ему свое удивление: «Как быстро ты излечил своих пациентов!»

На это он ответил:

— Они привели ко мне рыцаря, на чьей ноге появился нарыв, и слабоумную женщину. К ноге рыцаря я прикладывал маленькую припарку до тех пор, пока гнойник не открылся и не стал исчезать, а женщину я посадил на диету и сохранял ее хорошее настроение. Потом к ним пришел франкский врач и заявил им: «Этот человек не знает ничего о том, как излечить этих людей». Затем он обратился к рыцарю: «Что ты предпочитаешь больше, жизнь с одной ногой, или смерть с двумя?» Рыцарь ответил: «Жизнь с одной ногой». Врач приказал: «Приведите ко мне сильного рыцаря с острым топором». Пришел рыцарь с острым топором. Я стоял рядом. Врач положил ногу пациента на кусок дерева и приказал рыцарю отрубить эту ногу одним ударом топора. Рыцарь сделал один удар — я наблюдал за этим, — но нога все еще оставалась прикрепленной к туловищу. Он ударил второй раз, и, когда отрубленная нога отскочила в сторону, пациент тут же умер. Затем врач осмотрел женщину и сказал: «В голове этой женщины поселился дьявол, который овладел ею. Обрежьте ее». Они обрили ее голову и разрешили ей есть постную пищу, в которой содержался чеснок и горчица. Ее состояние стало ухудшаться. Врач ответил на это так: «Дьявол вошел в нее через голову». Поэтому он взял бритву, сделал крестообразный надрез на ее голове и содрал всю кожу с центра надреза до тех пор, пока он не увидел череп, и стал натирать череп солью. Женщина умерла в тот же момент. После этого я спросил их, нуждаются ли они всё еще в моей помощи, и, получив отрицательный ответ, я вернулся домой, узнав об их медицине то, чего я до этого еще не знал.

Однако мне пришлось свидетельствовать другой пример медицины, который отличался от предыдущего.

У короля франков был казначей — рыцарь Бернар, который (да проклянет его Аллах!) был одним из самых проклятых и злых франков. Однажды лошадь лягнула его в ногу, что вызвало ее воспаление, и раны открывались четырнадцать раз в разных местах. Каждый раз, когда одна рана закрывалась, появлялась новая. Все это происходило в то время, как я молился о его проклятии. Когда его навещил франкский доктор, он снял с ноги все ранее приложенные мази и стал промывать раны сильным уксусом. Этот метод лечения привел к закрытию всех ран и к выздоровлению этого человека. Он снова стал дьяволоподобным. Другой пример, иллюстрирующий их любопытную медицину, таков: в Шайзаре жил ремесленник Абу аль-Фас, у которого был сын, заболевший однажды золотухой.

Каждый раз, когда одна часть золотушной раны заживала, другая ее часть открывалась заново. Этот ремесленник был со своим сыном по делам в Антиохе. Один франк заметил болезнь мальчика и спросил о нем его отца. Абу аль-Фас ответил: «Это мой сын». Тогда франк сказал ему: «Можешь ли ты поклясться своей религией, что если я дам тебе рецепт, который излечит твоего сына, ты сам не начнешь продавать его? Тогда я тебе дам этот рецепт». Ремесленник поклялся, и франк сказал: «Возьми не сломанные листья **солероса**, сожги их и замочи пепел в оливковом масле и сильном уксусе. Прикладывай это к золотушной ране до тех пор, пока она не исчезнет. Затем возьми сожженное первоначально, замочи в топленом масле и продолжай прикладывать к тому месту, где находилась рана. Это излечит его».

Отец использовал этот рецепт, и мальчик был излечен. Раны закрылись, и мальчик снова стал здоров.

Я сам использовал этот рецепт для излечения этой болезни, и он всегда помогал.

Однажды я сопровождал Аль-Амира Му'ин аль-Дина (да будет милосерден Аллах к его душе!) в Иерусалим. Мы остановились в Наблусе. Там перед Аль-Амиром предстал слепой — молодой, хорошо одетый мусульманин, который приносил Аль-Амиру фрукты, и попросил его о разрешении быть зачисленным в его свиту в Дамаске. Амир согласился. Я расспросил людей об этом человеке и обнаружил, что его мать была замужем за франком, которого она убила. Ее сын строил всякие уловки против франкских паломников и помогал своей матери убивать их. В конце концов, франки выдвинули против него обвинение и судили его в соответствии с судебными процедурами франков.

Они выставили огромную бочку, наполненную водой. Напротив нее они установили деревянную доску. Затем они связали руки осужденного, обвязали его плечи веревкой и окунули его в бочку. Они верили, что если он невиновен, то его тело пойдет ко дну, и при помощи веревки они вытащат его из воды, чтобы он не умер. А если же он виновен, то его тело не пойдет ко дну. Этот человек приложил много усилий к тому, чтобы его тело пошло ко дну, однако этого не произошло. Поэтому он должен был подчиниться их приговору. Они выкололи ему глаза раскаленным шилом.

Позже этот человек прибыл в Дамаск. Аль-Амир Му'ин аль-Дин (да будет милосерден Аллах к его душе!) назначил ему плату, достаточную чтобы покрыть все его расходы, и сказал своему рабу: «Приведи его к Бурхану аль-Дину аль-Балки (да будет милосерден Аллах к его душе!) и попроси его от моего имени приказать кому-нибудь обучить этого человека Корану и мусульманскому закону». Услышав это, слепой человек сказал: «Да будут твоими слава и триумф! Но я никогда даже не думал об этом...»

солерос -
однолетнее травянистое
растение, листья которого
используются для
производства стекла

«Что же, ты думал, я сделаю для тебя?» – спросил Му'ин аль-Дин. Слепой ответил: «Я думал, вы дадите мне коня, мула и доспехи и сделаете меня воином».

На это Муин аль-Дин сказал: «Я никогда и не думал, что слепой может стать воином».

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Ibn Munqidh, Usamah. "Excerpts on the Franks." *Autobiography*. Fordham: Internet Medieval Sourcebook, 1998. URL : <http://www.fordham.edu/halsall/source/usamah2.html>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что говорят нам рассказы Мункыза об отношении между мусульманами и крестоносцами?
2. Принимая во внимание существование негативных историй о медицине франков, каково общее впечатление Мункыза об искусстве этой медицины? Какова была польза местным мусульманам от медицины франков?
3. Какие другие элементы образа жизни франков поразили Мункыза как необычные? Почему Мункыз осмеивает франкские процедуры осуждения и наказания?
4. Почему мусульмане относятся по другому к франкам, пришедшим позже, чем к франкам из ранних походов?
5. Как вы думаете, каково общее впечатление Мункыза о крестоносцах?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Сравните Лео Африкануса и Ибн Мункыза. В чем отличие восприятия Востока европейцами от восприятия франков мусульманами? Как эти различия соотносятся с рассуждениями Эдварда Саида об ориентализме?
2. В фильме Мотыля можно заметить дружбу между местными азиатами и посторонними, представленными русскими солдатами, в частности, с сержантом Суховым. В чем отличие этой дружбы от дружбы франков и мусульман, изображенной Ибн Мункызом?

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ. БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Редьярд Киплинг (1865–1936) родился в британской Индии. Он получил образование в Англии и вернулся в Индию в 1882 году. Хотя он и являлся представителем британского империализма, но был глубоко погружен в индийскую культуру. «Империализм, формирование и управление империей — есть политика, которая сегодня вышла из моды, так как она предполагает военное и культурное доминирование одной нации над другой», — считает Киплинг. К концу 1890 года Редьярд опубликовал на английском языке около 80 историй и баллад, которые раньше были неизвестны за пределами Индии. С 1892 по 1896 год он жил в Соединенных Штатах, где написал знаменитую «Книгу джунглей». После возвращения в Англию в 1899 году, он опубликовал «Бремя белого человека» — обращение к Соединенным Штатам взять на себя задачу по развитию Филиппин, недавно отвоеванных в испано-американской войне. Это стихотворение о высокомерном отношении империалистов вызвало огромную дискуссию как в Америке, так и в Европе.

Твой жребий — Бремя Белых!
 Как в изгнание, пошли
 Своих сыновей на службу
 Темным сынам земли;
 На каторжную работу —
 Нет ее лютей,—
 Править тупой толпою
 То дьяволов, то детей.

Твой жребий — Бремя Белых!
 Но это не трон, а труд:
 Промасленная одежда,
 И ломота, и зуд.
 Дороги и причалы
 Потомкам понастрой,
 Жизнь положи на это —
 И ляг в земле чужой.

Твой жребий — Бремя Белых!
 Терпеливо сноси
 Угрозы и оскорбленья
 И почестей не проси;
 Будь терпелив и честен,
 Не ленись по сто раз —
 Чтоб разобрался каждый—
 Свой повторять приказ.

Твой жребий — Бремя Белых!
 Награда же из наград —
 Презренье родной державы
 И злоба пасомых стад.
 Ты (о, на каком ветрище!)
 Светоч зажжешь Ума,
 Чтоб выслушать: «Нам милее
 Египетская тьма!»

Твой жребий — Бремя Белых!
 Мир тяжелей войны:
 Накорми голодных,
 Мор выгони из страны;
 Но, даже добившись цели,
 Будь начеку всегда:
 Изменит иль одурчит
 Языческая орда.

Твой жребий — Бремя Белых!
 Его уронить не смей!
 Не смей болтовней о свободе
 Скрыть слабость своих плечей!
 Усталость не отговорка,
 Ведь туземный народ
 По сделанному тобою
 Богов твоих познает.

империализм -
 контроль одной страны над
 другими через политику,
 экономику и культуру

«БРЕМЯ БЕЛЫХ».
Критика империализма
Киплингом

Твой жребий — Бремя Белых!
Забудь, как ты решил
Добиться скорой славы, —
Тогда ты младенцем был.
В безжалостную пору,
В череду глухих годин
Пора вступить мужчиной,
Предстать на суд мужчин!

84

источник: Киплинг Р. Избранное/Пер. с английского
В. Топорова.- Л.: Худож. лит., 1980.С. 469–470.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ :

1. Как вы понимаете «бремя белого человека»?
2. Какой цели служит белый человек, по словам Киплинга?
3. Какие аргументы предлагает Киплинг, чтобы воодушевить белого человека на вступление в цивилизованные отношения с незападным миром? Позволительны ли они?
4. Какой вывод можно подразумевать, с точки зрения Киплинга, о не белых людях?
5. Почему стихотворение Киплинга считается гимном империализма?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В своей книге Эдвард Саид говорит об ориентализме и Востоке как о «карьере». Как вы думаете, можно ли истолковать стихотворение «Бремя белого человека» Киплинга как карьеру? Какова эта карьера? Аргументируйте свой ответ.
2. В фильме Мотыля кто является «белым», а кто «пленником», используя слова Киплинга? Объясните свой ответ. Имеем ли мы право на такое сравнение?
3. Как описание Тимбукту соотносится с пониманием Востока в книге Саида «Ориентализм» и стихотворении Киплинга «Бремя белого человека»?

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ. ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) был русским министром иностранных дел при царях Николае I и Александре II с 1856 по 1882 гг. Был хорошим другом Отто фон Бисмарка («Железного канцлера»). Горчаков был вовлечен во многие европейские и мировые политические сражения. Так, в 1870 году разорвал отношения, установленные при заключении Парижского мира, завершившего Крымскую войну, и ликвидировал статью этого договора о Черном море. Министр иностранных дел играл большую роль в период, называвшийся «великой игрой», игроками которой были Российская и Британская империи, каждая из которых пыталась установить контроль над территорией, простиравшейся от Кавказа до Китая. Ставкой были богатства Азии. С расширением Российской империи до границ Британской Индии Англия начала искать новые пути колонизации территорий, лежащих севернее от Индии. Нижеприведенное донесение было написано князем Горчаковым и распространено русскими послами на иностранных территориях. Оно показывает, как министр иностранных дел понимал ответственность Российской империи. Рассмотрите отношение Горчакова к «другим», среднеазиатам, и определите причину написания такого послания европейским властям.

...Позиция России в Средней Азии напоминает позицию всех цивилизованных государств, которым пришлось сотрудничать с полудикими, кочующими народностями, не имеющими устойчивой социальной организации.

В таких случаях в интересах безопасности своих границ и по коммерческим причинам более цивилизованным государствам всегда приходится применять власть над теми, чей бурный и неоседлый образ жизни превращает их в нежелаемых соседей.

Во-первых, нам нужно подавить набеги и грабеж. Чтобы остановить это, племена, живущие на границе, необходимо включить в государство с более или менее налаженной системой подчинения. Как только это будет выполнено, эти племена станут более миролюбивыми, но, в свою очередь, будут подвергаться большей угрозе атак со стороны более отдаленных народностей.

Государство обязано защищать их от такого грабежа и должно наказывать тех, кто совершает его. Отсюда вытекает необходимость далеких, дорогих и периодичных экспедиций против врага, чья социальная организация делает его неуловимым. Если грабители наказаны, экспедиции прекращаются, и выученный урок скоро забывается. Таким образом, прекращение экспедиций становится нашей слабостью. Однако характерной для азиатов чертой является то, что они не уважают ничего, кроме видимой и ощутимой силы. Убеждающие доводы разума и цивилизованные интересы пока еще не имеют никакого влияния на них. И поэтому нам приходится начинать здесь работу заново.

Для того чтобы прекратить это состояние постоянного беспорядка, в центре каждого из враждебно настроенных племен были установлены укрепленные форты, что оказывает значительное влияние на эти племена и приводит ко все менее и менее насильственному подчинению власти. Но вскоре еще более отдаленные племена начинают угрожать этой второй линии защиты и, таким образом, обращают наше внимание на необходимость таких же методов их укрощения. Поэтому государству приходится выбирать между двумя альтернативами: или же прекратить этот бесконечный труд, оставить эту границу в состоянии вечного покоя, отказаться от всех успехов, предельной безопасности и цивилизованности, или, с другой стороны, начать втягиваться все глубже и глубже в варварские страны, где трудности и затраты увеличиваются с каждым шагом вперед.

Такова судьба каждого государства, оказавшегося в подобной ситуации. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Алжире, Голландия в ее колониях, Англия в Индии — всем им пришлось участвовать, не столько из-за амбиций, сколько по причине насущной необходимости, в этом марше вперед, в котором самое трудное — это знать, когда следует остановиться...

В результате этого были установлены следующие принципы:

1. Было принято решение о необходимости объединения двух наших укрепленных линий границы — одной, простирающейся от Китая до озера Иссык-Куль, и другой — от Аральского моря вдоль берегов Сырдарьи — специально укрепленными пунктами так, чтобы все наши позиции находились в состоянии взаимной поддержки, не оставляя ни одного свободного пространства, где кочевники могли бы безнаказанно осуществлять свои набеги и грабежи.
2. Необходимо, чтобы непрерывная линия наших укрепленных фортов располагалась на достаточно плодородной территории, не только, чтобы гарантировать обеспеченность едой, но и для того, чтобы способствовать процессу постоянной колонизации — единственного фактора, который может привести к будущей стабильности и процветанию захваченной страны, путем приведения соседних народностей к цивилизованной жизни.
3. И, наконец, необходимо немедленное установление окончательной границы, чтобы избежать опасности быть увлеченными в ходе репрессивных мероприятий — а это неминуемо — на необъятные территории.

Для того чтобы добиться этого, необходимо установление системы, которая должна зависеть не только от основания, которое может быть гибким, но и от географических и политических условий, которые постоянны и неизменны.

Эта система была предложена нам очень простым фактом, результатом длительного опыта, а именно, тем, что кочевые племена, которые невозможно ни поймать, ни наказать, ни держать в порядке, являются нашим самым неудобным соседом. В то время как люди, занятые сельским хозяйством и торговлей, привязанные к определенной территории и обладающие развитой социальной организацией, дают нам возможность обзавестись соседями, с которыми мы можем развить тесные отношения.

Таким образом, наша пограничная линия должна охватить первых и остановиться недалеко от территории вторых.

Эти три принципа предлагают четкое, естественное и логичное объяснение нашей последней военной операции в Средней Азии...

Мне не нужно подчеркивать здесь, что интерес России лежит не в расширении своей территории, а, кроме всего прочего, в избежании нарастающей напряженности на ее границах, что может затруднить и приостановить ее внутреннее развитие.

Программа, которую я только что представил, соответствует этим интересам.

Последние несколько лет цивилизация этих государств, являющихся соседями России на азиатском континенте, часто рассматривается как специальная миссия России...

Царский кабинет, принимая это задание на себя, берет за основу интересы России. Однако он также верит в то, что он одновременно способствует развитию человечества и цивилизации. И поэтому у него есть все основания надеяться, что выбранные им тактика и принципы будут справедливо и чистосердечно оценены.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Prince Gortchakoff. "Circular Despatch to Russian Representatives Abroad." *Nations and Empires: Documents on the History of Europe and on Its Relations with the World*, edited by R. C. Bridges et al. London: Macmillan, St. Martin's Press, 1969, pp.168-170. Available at Mosaic URL: <http://college.hmco.com/history/west/mosaic/chapter14/source424.html>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что подразумевает князь Горчаков под «цивилизованными нациями»?
2. Что, по мнению Горчакова, делает европейцев более цивилизованными, чем азиатов? Почему Горчаков заявляет, что люди Азии не понимают ничего, кроме силы?
3. На чем Горчаков основывает свое представление о Востоке?
4. Согласны ли вы с Горчаковым по поводу того, что до прихода русских на территории Средней Азии не существовало никакой цивилизации?
5. Оправдывают ли принципы Горчакова русскую оккупацию Средней Азии? Почему да или почему нет?

6. Считаете ли вы, что русское нашествие на Среднюю Азию являлось человеческим и цивилизованным? Верите ли вы утверждению Горчакова, что захват территории Средней Азии был мотивирован не желанием Российской империи увеличить размеры своей территории, а желанием установления безопасности на своих границах?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

88

1. Как вы считаете, соответствует ли фильм Мотыля идеям, изложенным князем Горчаковым? Объясните свой ответ.
2. Каким образом можно сравнить мнение Киплинга об империализме с мотивами князя Горчакова и фильма «Белое солнце пустыни»? Как вы думаете, похожи ли идеи Горчакова на идеи Киплинга? Почему да или почему нет?
3. Как вы думаете, каковым был бы ответ Саида на фильм и на идеи князя Горчакова?
4. Похожи ли лейтмотивы Горчакова, по вашему мнению, на лейтмотивы Киплинга или отличны от них? Почему они оба верили, что «белый человек» должен «цивилизовать» дикие народности Востока?

ЖУСУП БАЛАСАГЫН. БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Жусуп (Юсуф) Баласагын (ок.1016-1077) был выходцем из определенной культурной зоны и политического региона, охватывающего в свое время Отрар (Фараб), Шаш (Ташкент), Тараз, Чуйскую долину, Прииссыккулье, Фергану, Кашгари. Образование Юсуф Баласагын получил в признанных культурных центрах того времени - Фарабе, Кашгаре, Бухаре. В совершенстве владея арабским и персидским языками, он проработал философские и научные сочинения по различным отраслям знания. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Широко образованный, умудренный жизненным опытом, он прибыл в Кашгар и здесь в течение восемнадцати месяцев напряженной работы написал большое поэтическое произведение. В предлагаемом отрывке поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») автор интерпретирует исламское миропонимание на основе местного историко-культурного контекста. Текст Ж. Баласагына даст возможность студентам ознакомиться с местной интерпретацией ислама.

Во имя Аллаха милостивого и Милосердного

*Возвещается хвала господу,
да будет велик он и славен*

*Хвалою творцу начинаю я слово -
Во славу творца моего всеблагого.*

*Несчетны хвалы ему и величанья -
Творец всемогущий не знает скончанья.*

*Он землю и небо, и солнце с луною,
И тварей всех создал, и время земное.*

*Создать пожелав всего сущего суть,
Он все сотворил, повелев ему: "Будь!"*

*Томимы печалью все твари вселенной,
Лишь он беспечален, вовек несравненный!*

*О ты вечно сущий, бескорбный, могущий,
Тебе лишь названия эти присущи!*

*Величие - знак твоих высших примет:
Подобных тебе не бывало и нет!*

*Никто не сольется с тобой, ты - единый,
Исток и свершение -ты, первопричинный!*

*Единство твое не объемлется счетом,
Все в мире твоим сопричастно щедротам.*

*Поистине, вечный отец, ты един –
Един, вне слияния с сущим - один!*

[.....]

*Любимый возвестник! Благим всевладыкой
Был послан ты, избранный, пастве великой.*

*И темная ночь озарилась сияньем,
И блеск осветил тебя ярким сверканьем.*

[.....]

**О достоинствах
четырех сподвижников пророка,
да пошлет им господь
благословение**

*И четверо верных друзей его главных
Совет с ним держали в трудах его славных.*

*Два тестя достойных, два зятя любимых –
Все были мужами высот несравнимых.*

*Главнейший из них, самый первый- Атык,
Муж веры, он духом и словом велик.*

*Презрел он все блага, и душу и тело,
Любовью к посланнику жил он всецело.*

*Другой был - Фарук, человек несравненный,
Был духом он славен и речью бесценной:*

*Дано было верной стези пестуну
С чела шариата совлечь пелену.*

*А третий - Осман был. Разумный и верный,
Отмечен был щедростью он беспримерной.*

*Все блага презрел он в раденье высоком,
Две дочери даны ему были пророком.*

*Наследником доблестей их был Али,
Ум, смелость его все собой превзошли.*

*Открыт был и щедр его дух величавый,
За мудрость и ум он увенчан был славой.*

[.....]

*Кричат журавли, караваном парят,
Как будто верблюдов шагающих ряд.*

*Они, к вожаку воззывая, курлычат,
Как будто бы девушка милого кличет.*

*Что кровь, красноклюва, что прах, черноброва.
Кричит куропатка - смеется бедово.*

*И ворон кричит, поднимая свой клюв,
И гуси скрипят, долу шею пригнув.*

*Поет соловей среди розовых кущей, -
Звучит день и ночь его голос влекущий.*

*И серны резвятся в цветущих полянах,
Играют маралы в просторах багряных.*

*И хмурится небо, и плачет навзрыд,
А радостный дол многоцветьем блестит.*

*И смотрит весь мир на себя в эту пору:
Все рады, друг друга любя, в эту пору.*

[.....]

О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака

*Хвалю создателю начал я слово –
Во славу зиждителя сил всеблагого.*

*Он создал веленьем своим все земное,
Зажег над вселенной он солнце с луною.*

*Вертящийся он сотворил небосвод,
От века свершающий круговорот,*

*Велел в синем небе быть звездам светящим
И ночь озарил он сияньем блестящим.*

*Одни звезды в небе подобны узорам,
Другие - высоты обходят дозором.*

*Одни создал он для людей в поученье,
Другим - путеводное дал назначенье.*

*Высоко и низко - тьма звездных огней,
Одни из них ярче, иные - темней.*

*Сатурну пробить в каждом знаке высоко
Два года дано восемь месяцев срока.*

*Юпитер - вторая звезда. В Зодиаке
Он десять да два еще месяца в знаке.*

*Марс - третий по счету. От взгляда его
Все в мире цветущее станет мертво.*

*А Солнцу дано быть четвертой звездой,
Весь мир озаряет оно красотою.*

*А пятой - Венере - дано своим ликом
Утешить тебя даже в горе великом.*

*А дальше - Меркурий. Где виден он, там
Свершаться желаньям дано и мечтам.*

*Луна идет низко - вослед всем планетам
И, с Солнцем встречаясь, горит полным светом.*

*Двенадцать созвездий в кругу Зодиака –
Их место едино в нем или двойко.*

*Овен - знак весны, а Телец - рядом с ним,
Потом Близнецов мы и Рака узрим.*

*Там Лев и Колосья, Весы - им вослед,
А Лук - Скорпиону ближайший сосед.*

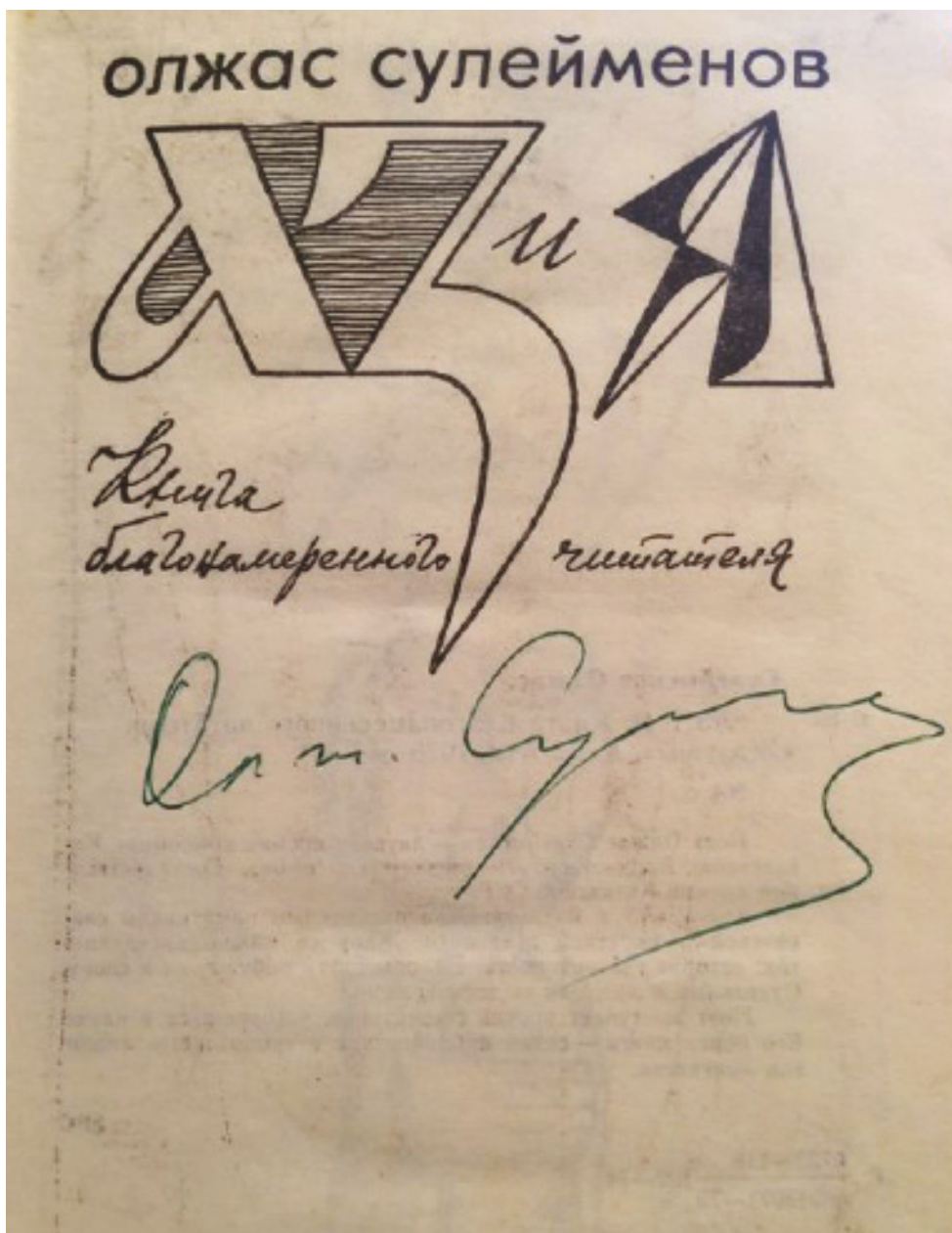
*Затем - Козерог, Водолей, Рыб сиянье,
Взойдя, они небу даруют сверканье.*

*Три знака весенних, три - связаны с летом,
Три знака -осенним, три – зимним приметам.*

источник: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. - М.:Наука, 1983.
С.30-40.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Какие ценности и основы исламской веры отражены в тексте Ж. Баласагына?
2. Не является ли этот текст переводом Корана или его местной интерпретацией?
3. Какие качества Всевышнего описаны в тексте?
4. Что универсального есть в тексте?
5. Как, по Ж.Баласагыну, взаимосвязаны понятия “благодать” и “единобожие”?
6. Насколько актуальна сегодня в Центральной Азии и в мире традиционная интерпретация (традиционный тафсир) сакральных текстов? В данном случае Корана?

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ. ЧЕМ ПОРАДОВАТЬ СЕРДЦЕ? (1962г.)

Олжас Сулейменов (1936 г.) — казахстанский поэт, писатель, общественный и политический деятель, которого на родине называют мыслителем планетарного масштаба. За последние полвека произведения Олжаса Сулейменова были переведены почти на все языки народов ближнего зарубежья. В странах дальнего зарубежья творчество О.Сулейменова тоже пользуется большой популярностью, его стихи и поэмы переведены на английский, французский, немецкий, испанский, чешский, польский, словацкий, болгарский, венгерский, монгольский и турецкий языки.

*История наша — несколько вспышек в ночной степи.
...Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку.
...Я сын города, мне воевать со степью.
Старики, я хочу знать, как погибли мои города?*

...Сырдарья погоняет ленивые желтые волны.
Белый город Отрар, где высокие стены твои?
Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
Перекрыты каналы.
Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
Люди ели погибших
И пили их теплую кровь.
Счет осадных ночей майским утром прервала измена,
И наполнился трупами длинный извилистый ров.
Только женщин щадили,
Великих, измученных, гордых,
Их валяли в кровавой грязи
Возле трупов детей,
И они, извиваясь, вонзали в монгольские горла
Исступленные жала изогнутых тонких ножей.

Книги!
Книги горели!
Тяжелые первые книги!
По которым потом затоскует спаленный Восток!
Не по ним раздавались
Протяжные женские крики,
В обожженных корнях затаился горбатый росток.

Пересохли бассейны. Дома залегли под золою.
Можно долго еще вспоминать
О сожженных степях.
Только сердце не хочет,
Оно помешает мне, злое!
Чем тебя успокоить?
Порадовать, сердце, тебя?
...Чем?

Рыжий, кем бы я был, родись я немного раньше?
Юра, кем бы я стал десять пыльных столетий
тому назад?
Кровь, пожарище. Ур-р!
Я б доспехами был разукрашен,
И в бою наливались бы желчью мои глаза.
Я бы шел впереди разношерстных
чингизских туменов,
Я бы пел на развалинах дикие песни
свои,
И, клянусь, в тот же век, уличенный
в высокой измене,
Под кривыми мечами батыров
коснулся б земли.
На дороге глухой без молитвы меня б
схоронили,
И копыта туменов прошли бы по мне
на Москву,
И батыры седые отвагу б мою
бранили,
И, поставив тот камень, пустили б
стихи на раскур.
Простоял бы столетья источенный взглядами
камень,
Просвистели б нагайками добрые песни мои,
Оседлали бы горы,
и горы бы стали песками,
А вот Пушкин стоит.
О кипчаки мои!..
Степь не любила высоких гор.
Плоская степь
Не любила торчащих деревьев.
Я на десять столетий вперед
Вам бросаю укор,
О казахи мои, молодые и древние!..
Степь тянула к себе
Так, что ноги под тяжестью гнулись,
Так, что скулы — углами,
И сжатое сердце лютей,
И глаза раздавила ,

Чтоб щелки хитро улыбнулись.
Степь терпеть не могла
Яснолицых высоких людей.
Кто не сдался.
Тому торопливо ломала хребет,
И высокие камни валила тому на могилу,
И гордилась высоким,
И снова ласкала ребят.
Невысоких — растила,
Высоким — из зависти мстила.
Даже кони приземисты,
Даже волосы дыбом не встанут,
Даже ханы боялись
Высокие стены лепить.
И курганы пологи,
И реки мелки в Казахстане.
А поземка московская,
Словно в Тургайской степи.

Я стою у могилы высокого древнего
парня,
Внука Африки,
Сына голубоглазой женщины.
Собутыльник Парижа
И брат раскаленной Испании,
Он над степью московской
Стоит, словно корень женьшеня.
Я бывал и таким,
Я бываю индийским дагором!
...Так я буду стоять, пряча руки,
у братских могил...
Я бываю Чоканом!
Конфуцием, Блоком,
Тагором!
...Так я буду стоять, пряча зубы,
у братских могил...
Я согласен быть Буддой,
Сэсю и язычником Савлом!
Так я буду молчать у подножия братских
могил...

Я согласен быть черепом.
Кто-то согласен быть саблей...

.....

Так мы будем стоять!
Мы, Высокие, будем стоять!
Попроси меня нежно — спюю.
Заруби — я замолкну.
Посмотри, наконец, степь проклятая,
Но моя —
Все вершины в камнях и в окурках,
В ожогах от молний.

источник: Сулейменов О. Избранное: Стихотворения и поэмы / Сост. и автор предисловия С.Абдулло. – Алматы: Раритет, 2006.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что Вы знаете о событиях Отрарской трагедии, которой посвящено стихотворение?
2. На сколько смысловых частей и по какому признаку можно разделить стихотворение?
3. Почему в тексте возникает образ Пушкина и какую роль он играет?
4. Что выбирает поэт между этосом и этносом? Дайте подробный ответ. Какой концепт Олжаса Сулейменова ближе всего подходит для описания и объяснения этого выбора?

СУЭЦКИЙ КАНАЛ, 1869 год.

Празднование по случаю открытия Суэцкого канала, построенного Французской компанией в 1869 году. Изначально Египет удерживал контроль над ним, но был вынужден отказаться от акций в пользу британцев, столкнувшись с финансовыми затруднениями. Передача контроля еще более обострила «колониальное господство» западных сил

ПРЕЗИДЕНТ НАСЕР. ОСУЖДЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОЗДАНИИ АССОЦИАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КАНАЛА

Речь президента объединенной Арабской Республики 15 сентября 1956 года

Гамаль Абдель Насер (1918–1970) родился в Египте, где закончил Королевскую военную академию. Он был активистом групп, которые противостояли иностранному вмешательству. После службы в армии во время войны с Израилем в 1948 году он присоединился к “Свободным офицерам”, чья деятельность была направлена на подрыв империалистических устремлений британцев. В 1949 году в результате военного переворота был свергнут египетский король Фарух I, поддерживаемый британцами. После силовой борьбы с президентом Нагибом, Насер в 1956 году был единственным кандидатом на президентских выборах и впоследствии стал вторым египетским президентом. Политическая стратегия Насера могла бы считаться арабским социализмом, включая нейтральный панарабизм и национализацию египетских ресурсов и власти. Он положил конец 72-летнему господству британского империализма и национализировал компанию Суэцкого канала. Это привело к вторжению англо-французских и израильских сил, однако под влиянием Объединенных Наций оккупанты вынуждены были отступить. Был ли Насер героем, реформировавшим свою страну и восстановившим арабскую гордость, или же ярким националистом, который привел Египет скорее к серьезным поражениям и потерям, нежели к миру и процветанию? Подумайте над тем, как Насер представлял себе египетскую нацию, ее ресурсы и господство в стране чужестранцев.

В эти решающие дни человеческой истории, во время которых правда борется за свое признание в международном хаосе с преобладающими злыми силами господства и империализма, Египет стойко стоит за сохранение своей независимости. Ваша страна стоит твердо и верно за сохранение ее достоинства перед империалистическими планами многих наций, которые раскрыли свое желание доминировать над другими и превосходить их.

В эти дни и при таких обстоятельствах Египет решил показать миру, что когда маленькие нации решат сохранить свою независимость, у них это получится, и когда эти нации полны решимости защищать свои права и сохранять свое достоинство, они, без сомнения, добьются успеха в достижении своих целей...

Я говорю от имени каждого египетского араба, от имени всех свободных стран и всех тех, кто верит в свободу и готов защищать ее. Я говорю от имени принципов, провозглашенных этими странами в Атлантическом уставе. Многие из этих стран нарушают сегодня эти принципы, и поэтому на наши плечи легла ответственность вновь утвердить и установить их...

Всеми возможными способами мы пытались сотрудничать с теми странами, которые претендуют на помощь маленьким нациям и которые пообещали сотрудничать с нами, заранее запросив свои гонорары. Мы отказались платить эти гонорары, и они начали сражаться с нами. Они сказали, что заплатят за строение высокой плотины, но затем сняли предложение,

тем самым вызывая недоверие к египетской экономике. Можем ли мы декларировать наше право на суверенность? Египет настаивает на том, что его суверенность должна оставаться в целостности, и отказывается уступить какую-либо часть этой суверенности во имя денег.

Египет национализировал Суэцкий канал. Когда Египет даровал концессию De Lesseps, в концессии между египетским правительством и компанией было оговорено, что компания Суэцкого канала является египетской и поэтому подчиняется его властям. Египет национализировал эту компанию и объявил сохранение свободы передвижения.

Но империалисты обозлились на нас. Британия и Франция заявили, что Египет захватил Суэцкий канал, как будто бы он принадлежал им. Британский секретарь по иностранным делам забыл, что только два года назад он подписал соглашение, в котором говорилось, что Суэцкий канал является неотъемлемой частью Египта.

Египет объявил готовность к переговорам. Но с началом переговоров последовали угрозы и запугивания...

В палате общин Эден заявил, что между странами, использующими канал, не должно существовать никакой дискриминации. С нашей стороны, мы подтверждаем и заверяем отсутствие какой-либо дискриминации в отношении тех, кто пользуется каналом. Он также заявил, что Египту нельзя позволить одержать победу, потому что такая победа будет означать успех арабского национализма и будет противоречить их политике поддержки Израиля.

Сегодня они говорят о новой ассоциации, главной целью которой будет обкрадывание египетского канала и лишение Египта взносов за использование канала, на получение которых он имеет все права. Предложения, сделанные Эденом в палате общин и поддержанные Францией и Соединенными Штатами, явно нарушают конвенцию 1888, так как существование двух учреждений, организующих навигацию по каналу, является невозможным.

Заявляя, что успех Абдель Насера ослабит британские позиции против арабского национализма, Эден признал, что его настоящей целью является не сам Абдель Насер как таковой, а победа над арабским национализмом и уничтожение его причин. Эден находит ответы на свои вопросы в своей речи. Месяц назад он громко объявил о том, что его целью был Абдель Насер. Сегодня египтяне полностью осознают свое право на независимость, и арабский национализм полностью готов к своей новой судьбе...

Тот, кто атакует Египет, не покинет Египет живым. Мы будем сражаться в обычной войне, в тотальной войне, в партизанской войне. Тот, кто атакует Египет, скоро поймет, что он навлек на себя огромное бедствие. Тот, кто атакует Египет, атакует весь арабский мир. В своих докладах они утверждают, что «все будет завершено в сорок восемь часов». Они не знают, насколько мы сильны на самом деле.

Мы верим в международное право. Но мы никогда не покоримся. Мы покажем всему миру, как маленькая страна может противостоять великим силам, угрожающим ей своей вооруженной мощью. Несмотря на то, что Египет обладает незначительной силой, он велик до тех пор, пока в нем живет вера в свои силы и убеждения. Я убежден, что каждый египтянин разделяет со мной мои убеждения и верит во все то, о чем я сейчас говорю.

Мы будем защищать свою свободу и независимость до последней капли нашей крови. Это истинное чувство всех египтян. Вся арабская нация встанет за нас в нашей борьбе против агрессии и господства. Свободные люди — люди, которые действительно свободны, — также постоят за нас и поддержат нас в борьбе против сил тирании...

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: *The Suez Canal Problem*, 26 July-22 September 1956, U. S. Department of State Publication No. 6392 (Washington: G. P.O., 1956), pp. 345–351. Online version. Internet Sourcebooks, 1998. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/mod/1956Nassersuez1.html>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Каков контекст, в котором написана данная речь? В какой период истории Северной Африки/Среднего Востока была произнесена эта речь?
2. Как бы вы охарактеризовали тон речи Насера?
3. Каково отношение Насера к Британии и Франции?
4. Как вы думаете, прав ли Египет в национализации Суэцкого канала? Почему да или почему нет?
5. Каким образом Насер ищет поддержки других арабских наций в борьбе против западных сил?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Сравните Насера и Саида. В чем сходство и в чем отличие понимания ими господства и верховенства?
2. Какова была бы реакция Насера на стихотворение Киплинга? Как вы думаете, почему их понимание империализма схоже или отличается между собой?

СТАТУЯ СВОБОДЫ

ИВАН КЛИМА. ЧТО МЫ ДУМАЕМ ОБ АМЕРИКЕ

Ивана Клима (род. в 1931 г.) отличает интригующее происхождение, которое отражается в его романах и коротких рассказах, что вызывает массу вопросов, имеющих отношение к отождествлению, с которыми сталкиваются индивиды в современном мире. Он родился в Праге. Хотя его отец был евреем, его растили как протестанта. Это не спасло его во время войны, когда он провел три года в нацистском лагере. После Второй мировой войны он изучал в Праге литературу, стал заместителем директора престижной интеллектуальной газеты “Литературни новини”. Быстро стал успешным писателем и драматургом, но его работы рассматривались как радикальные, и коммунистическим режимом он был объявлен диссидентом. Он потерял работу, а его произведения в Чехословакии были запрещены. Тем не менее, это не заглушило его голос и не помешало быть услышанным во время Пражской весны, хотя Советы зажимали диссидентов. В 1969 году Клима был приглашен в Мичиганский университет в Анн-Арборе (США), но очень скоро вернулся в Прагу, где с тех пор и живет. В 1990 году был снят запрет на его работы, и сегодня его книги открыто публикуются в Чехословакии, — до этого предыдущие его книги выходили только за рубежом. Им созданы такие произведения, как “Летний роман”, “Любовь и мусор”, “Судья на суде”, “Мои золотые ремесла”, “В ожидании темноты, в ожидании света”, “Конечная близость”, а также публицистическая работа “Дух Праги”. Ниже приводится отрывок из его вклада в Granta-издание “Что мы думаем об Америке”, где он говорит о том, что американские свободы важнее, чем изобилие.

Я принадлежу ко все уменьшающейся группе людей, которые помнят Вторую мировую войну. Мне представляется это игрой случая, что в тот день, когда нас притащили в концентрационный лагерь (в то время мне было десять лет) нацистская Германия начала войну с Соединенными Штатами. Парадоксально, но при всем отчаянии от того, что с нами произошло, люди вокруг меня стали обнимать друг друга. Они верили, что участие Америки в этом конфликте стало решающим моментом и что война скоро завершится — у Гитлера не оставалось надежды на победу. Борьба не окончилась так быстро, как мы представляли это себе, но я хорошо помню эскадроны летящих крепостей, пролетающих над городом, где находился мой лагерь во время последнего года войны. Я стоял на дворе барака и наблюдал за ними с чувством возвышенного ужаса и радости, потому что их спокойный полет явно предзнаменовал скорое поражение немцев.

В отличие от моих соотечественников из **Западной Богемии**, я не воспринимал американцев как освободителей. **Лагерь Терезин** был освобожден Красной Армией, так же как и Прага, в которую я вернулся после освобождения. Я любил смотреть американские фильмы о войне, даже если мне и не нравились надоевшие ежедневные мюзиклы — они, казалось мне, принадлежали другому миру, который я не знал. Позже я понял, что мюзиклы и фильмы о войне представляли две крайности американского отношения к жизни.

Западная Богемия -
часть Западной Чехии

Терезинский лагерь -
нацистский
концентрационный лагерь
в городе Терезин

Стейнбек, Джон
(1902-1968) -
американский писатель

Хемингуэй, Эрнест
(1899-1961) -
американский романист,
лауреат Нобелевской
премии

Дос Пассос, Джон Родерико
(1896-1970) -
американский писатель

Фолкнер, Уильям
(1897-1962) -
американский писатель,
лауреат Нобелевской
премии

Торнтон, Уайлдер
(1897-1975) -
американский драматург,
эссеист

Хеллер, Джозеф
(1923-1999) -
американский
прозаик-романист

Мейлер, Норман
(1923-2007) -
американский писатель,
журналист

Рот, Йозеф
(1894-1939) -
австрийский писатель,
журналист

Президент Никсон -
президент США
с 1969- 1974 гг.

Вьетнамская война
(1955-1975) -
война между США и
Вьетнамом

Вскоре после войны все американские фильмы исчезли из Чехословакии, а с ними и фильмы о войне и мюзиклы — это было началом эры коммунизма. Вместе с ними исчезли книги всех современных американских писателей, за исключением книг коммуниста Ховарда Фаста. Однако недалеко от ботанического сада в Праге я наткнулся на своеобразный канцелярский и книжно-переплетный магазин, который все еще оставался в частном владении. Я часто общался с владельцем этого магазина, и в один день он загадочно сказал, что хочет мне что-то показать. Из глубины своего магазина он принес два романа: один из них был написан **Стейнбеком**, а другой — **Хемингуэем**. В те дни такие книги были вроде контрабанды. Я заплатил ему за два сокровища и унес их с собой. Я влюбился в них. Позже, когда цензура была ослаблена, мне удалось прочитать работы **Дос Пассоса, Фолкнера, Уайлдера, Хеллера, Мэйлера, Рота** и других. Они повлияли на всю мою дальнейшую жизнь. Я знаю, что для многих людей американская культура представляется в форме голливудских фильмов и бесконечных телевизионных сериалов. Для меня же американской культурой, кроме всего прочего, является ее литература, которая, без сомнения, была одной из самых значительных в прошлом веке.

Я впервые посетил США в 1968 году, чтобы предстать на премьере моего спектакля «Замок». Я помню, как я был поражен Нью-Йорком, который казался мне городом с другой планеты и из другой культуры. (Именно поэтому я не полюбил этого города: мне казалось, что в этом огромном агломерате цемента и асфальта люди, а особенно дети, либо сходили с ума, либо страдали от лишений). Год спустя мне предложили принять должность приглашенного профессора в Мичиганском университете в Анн-Арборе. К тому времени, оккупационная Советская армия хорошо устроилась в Чехословакии. Началась чистка, вновь была введена строгая цензура, и культура ушла в подполье. Я покинул страну за день до того, как границы были закрыты. В тот момент я думал о США, в основном, как о земле свободы. (На мосту, который я должен был переходить каждый день на пути к моему кабинету, кто-то нарисовал огромные красные серп и молот, что казалось парадоксом для тех, кто на некоторое время смог выбраться из земли коммунистических символов). Я также никогда не забуду, как после телевизионной программы, во время которой президент **Никсон** красноречиво защищал **Вьетнамскую войну**, на экране появился комментатор, который начал так критиковать Никсона, что мне трудно было в это поверить. Это все было частью американской демократии и свободы, которыми я до сих пор восхищаюсь.

Мне много раз говорили о том, как искусственны американские отношения — плоски, потому что они просто являются социальными нормами. На мой взгляд, это не так. Американцы в основном живут в мире, но в моменты несчастных случаев и трагедий они начинают действовать. Я говорю здесь не только об атаках террористов. Однажды во время снегопада я съехал с дороги в кювет, и моя машина застряла в сугробе. Было около 20 градусов мороза, и дул такой пронизывающий ветер, что любой, кто оказался бы на улице в это время, мог окоченеть. Но несмотря на это, через нескольких секунд подъехал грузовик, водитель которого подбежал к машине, чтобы убедиться, что никто в машине не пострадал, и спросил нас, нуждаемся ли мы в его помощи. Он помог одному из моих

спутников подняться на ноги и организовал буксировку нашей машины. Водитель следующей машины, проезжавшей мимо нас несколькими минутами позже, попытался вытянуть нас из сугроба на цепи. Я не думаю, что водители машин в нашей стране были бы так озабочены и принесли бы себя в жертву в такой ситуации.

Мы вернулись из Америки через шесть месяцев, когда неосталинистская эпоха Чехословакии была в самом разгаре. Америка превратилась в воплощение свободы для всех нас: оттуда до нас доходили нецензурированные новости, их журналисты интересовались происходящим в нашей стране, а их интерес и репортажи о ситуации в нашей стране помогли нам обуздать стремление коммунистического режима искоренять всех тех, кто противостоял им. А временами мы даже посещали свободную территорию резиденции американского посла. Меня ободряло знание о существовании целого континента, где можно было жить свободно, где людей не сажали в тюрьму из-за их отношения к режиму, где не осуществлялась конфискация книг, где не было запрета на писателей и где профессоров не выгоняли из университетов только потому, что они отвергали тоталитарную (или какую-либо другую) идеологию.

Почти целый век существует своего рода американская мечта. Для некоторых она воплощается в неограниченном богатстве, для других в свободе. Я не поклонник огромных магазинов и грандиозных особняков с дюжиной комнат, в которых живут два-три человека и несколько породистых собак и кошек. Я никогда не жаждал более чем одной машины, или частного самолета с реактивным или с каким-нибудь другим особым двигателем. Во мне существует антипатия к расточительности, но я не придерживаюсь мнения о существовании прямого отношения между богатством Америки и бедностью третьего мира. Не идеализируя политики больших **монополий** (как американских, так и европейских), я уверен, что богатство Америки, накопленное путем тяжелого труда многих поколений, по сути своей является результатом творческой деятельности свободных жителей. Не стоит обвинять американцев в бедности **третьего мира**, источниками которой являются обстоятельства, существующие в странах третьего мира, а также и деморализующее отсутствие свободы, переживаемое всеми их жителями.

Во время моих посещений США в течение последних десяти лет я обнаружил для себя, что свобода там продолжает торжествовать, в то время как они стали еще более обеспеченными. Такая обеспеченность явно вызывает провокации в условиях современного мира. Было бы намного лучше, если бы американцы — и мы, европейцы, — стали ограничивать себя.

Свободу также рассматривают с разных точек зрения. Для некоторых она представляет свободу духа и независимость от власти, для других она

монополия -

контроль рынка одной компанией

третий мир -

слабо развивающиеся страны, расположенные в основном в Южном полушарии

представляет порок, а также духовную и моральную развращенность. И, действительно, свобода приводит к парадоксальным последствиям. Одним из них является необузданный культ развлечений, которые все быстрее и быстрее превращаются сегодня в основную социальную ценность: обратите, например, внимание на астрономические суммы денег, выплачиваемые хоккеистам и баскетболистам, популярным певцам и звездам экрана и кино. А прилив насилия, ужаса и извращения, потворствующих самым основным инстинктам, информация о которых вытекает из водосточных канав прессы, кино и телевидения, по-моему, являются не столько выражением свободы, сколько проявлением морального падения, которое в конечном итоге представляет угрозу свободе граждан. С этой точки зрения, я не согласен с посланием известного фильма Формана «Ларри Флинт».

Несмотря ни на что, однако, я считаю, что атаки фанатиков против жителей Нью-Йорка, или любого другого места в мире, являются атакой на гражданские свободы, воплощенные Америкой, а поэтому и на мою собственную свободу. Какое-либо иное восприятие этих атак означает согласие с реакционными тоталитарными силами, отвергающими демократию, гражданское право, расовое и гендерное равенство, свободу жизни в соответствии со своими собственными убеждениями и исповеданием (или его отсутствием) любой веры.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Klima, Ivan. "What we Think of America." Translated by Gerald Turner. Granta 77. URL: <http://www.granta.com/extracts/1644>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. В какой степени личный опыт Клима повлиял на его видение Америки? Объективен или субъективен он в своем видении?
2. Какие изменения принес коммунистический режим в Чехословакию после Второй мировой войны?
3. Что думает Клима об Америке: ее литературе, городах, людях и социальных отношениях? Чем Америка его привлекает? Что отталкивает от нее?
4. Согласны ли вы с мнением Клима, что Америку нельзя обвинять в бедности третьего мира?
5. Какие виды свободы обсуждает Клима? Почему у него возникает двойное представление об американском обществе?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Сравните понимание «других» в работе Мункыза «Книга назидания» и в работе Клима «Что мы думаем об Америке».
2. Сегодня многие критикуют Америку за отсутствие морали. Как такое понимание Америки может быть рассмотрено в рамках придуманных «других», которые описываются Саидом в «Ориентализме»? (Прочтите идею выдуманной истории в статье Саида.)
3. Поддержал бы Клима идею свободного египетского государства? Почему да или почему нет?

МУРАД КАЛАМ. ТАМ

Мурад Калам родился в 1973 году в Сиэтле (Вашингтон, США). В 2002 году стал обладателем награды О. Генри и в 2001 г. — стипендиатом Фулбрайта за письменное творчество, а сейчас является комментатором национального общественного радио. Выпускник Гарвардской юридической школы в 2002 году, вместе со своей женой он живет в Вашингтоне, где работает адвокатом. Калам исследует забытые стороны жизни афроамериканцев. Он продемонстрировал особую меткость в передаче визуальных деталей, свое острое восприятие в запечатленных им диалогах и удивительную способность изображать драматические события, что всегда завораживает читателя. В настоящее время в Вашингтоне он работает над второй повестью, действия которой происходят в Каире. Ниже приведен отрывок, в котором Калам повествует о своем опыте жизни в Египте, и о том, как обнаруженная им действительность оказалась отличной от его представлений.

Шесть месяцев, предшествующих Иракской войне, я жил в **Каире**.

Я только относительно недавно был обращен в ислам. Я был воспитан баптистом, но с возрастом стал атеистом. Однако в колледже, когда я наткнулся на Коран в переводе, я был так поражен силой его послания, а также его литературной силой, что перестал употреблять алкоголь, кутить и сменил имя.

Как мусульманин, в Америке я уже привык к невежественному и подозрительному отношению ко мне, а сейчас меня до боли доводит мысль о перспективе безрассудной, но неизбежной войны с Ираком. Конечно, я был до невозможности наивен: для меня Средний Восток, как и все другие элементы ислама, существовал в форме некоего восточного экзотического эфира, воплощенного в покрытой чадрой женщине, Каабе и девственницах рая. Я направился в Египет, будучи убежденным в том, что в отличие от Америки в арабском мусульманском мире нет ни коррупции, ни лицемерия и что этот мир не ответственен за ужасающие условия существования в нем. Люди уверяли меня, что Египет, как и его мусульманские соседи, был безжалостной диктатурой, но до тех пор, пока я сам не начал там жить, я отказывался верить в это. Всё, чего я хотел — это быть экспатриантным романистом, инакомыслящим и наслаждаться известностью обращенного в ислам в мусульманской стране.

В течение целой недели я продолжал пребывать в счастливой уверенности, что живу не в стране зверской милиции. Когда я нанял дикое, гудящее такси «**пежо**» вдоль по Нилу, мой водитель ругался и громко смеялся над плакатами о выборах египетского президента, развешанными на каждом углу с абсурдным лозунгом: «Мубарек: Да! Да!» Несмотря на то, что я глядел на все широко раскрытыми глазами, тогда я не заметил на горизонте игл минаретов, которые были спрятаны в смоге Каира.

Каир -
столица Египта
Пежо -
марка французского
автомобиля

Все, кого бы я ни встречал: дворник, профессор, врач, мальчик, разливающий чай, и боваб — казались такими веселыми, даже при всей убогости Каира. Этих незначительных доказательств оказалось достаточно, чтобы я пришел к выводу, что американские ученые, критикующие Средний Восток за его широко распространенный деспотизм, были абсолютно неправы: мусульманский мир не хотел демократии только потому, что хотел быть оставленным в покое.

На следующей недели я был представлен прогрессивному тридцатилетнему египетскому судье, который изучал права человека во Франции. В роскошном египетском ресторане он прошептал мне: «Не принимайте счастье египтян за то, чего они хотят. Быть счастливым является частью нашей культуры. Здесь происходит огромное количество нарушений прав человека и насилия. Если тот, кому не следует слышать о чем я говорю, услышит нас, он немедленно донесет на меня правительству».

Мое настроение начало меняться. В интернете я начал следить за делом доктора Саада Эддина Ибрахима — известного египетского защитника демократии, который был посажен в пыльную тюрьму Каира за критику правительства. Я начал замечать на каждом углу группу нахмуренных египетских солдат в черных беретах с висящим на плече изношенным автоматом Калашникова.

Через дорогу от моей квартиры, на улице в центре Каира, в кафе Рише я каждый день курил **шишу** и пил кофе со всеми моими новыми египетскими друзьями. Это кафе было известно как место, частенько посещаемое Саддамом Хусейном во время его учебы в университете Каира. Мои египетские друзья отказывались поверить мне, когда я говорил им, что война начнется в начале следующего года. Они уверяли меня, что либо Франция, либо ООН предотвратят войну, даже если это и кажется безнадежным. Однако моих друзей, основная часть которых работала в качестве экскурсоводов и выглядела как уличные хлопотуны, подражающие американским рэпперам, казалось, не заботили никакие явные, по моим меркам, проблемы: ни скорая война, ни падение египетского фунта, ни переполненные улицы, ни общая несостоятельность правительства во всем, кроме подавления инакомыслия. Война настанет или не настанет. Только Аллах знает об этом. Милиция зверствовала, министры воровали деньги простых людей, каждый, кто бы это ни был, врач, адвокат, боваб, имам, бюрократ мог обокрасть вас, как только вы отвернетесь от него. Конечно же, ничто не работало в Каире так, как этого хотелось бы. Но что они могли поделать?

Когда бы я ни заговаривал с ними о демократии, они всегда переводили разговор на тему о сексе, спрашивая меня, действительно ли все американские девочки такие нимфы, какими они представлялись в импортированных боевиках с субтитрами, обожаемых моими друзьями. Разговоры хоть на сколько-нибудь важную тему — о президенте, о правительстве, о чем-нибудь другом, кроме евреев, которые, по мнению моих друзей, были виноваты во всем, включая и катастрофическое состояние египетской экономики — были невозможны с моими говорливыми друзьями. Иногда я задавал себе вопрос, о чем бы говорили друг с другом мои бедные друзья, если бы палестинцы захватили их страну и евреев нельзя было обвинить в этом.

**УЛИЧНЫЙ БАЗАР В
ЕГИПТЕ**

шиша -
разновидность кальяна

Я отправился совершить хадж в Саудовскую Аравию. Когда я хотел забронировать себе билет в Мекку, покрытая платком египтянка, работающая на египетских авиалиниях, заставила меня заплатить несуществующий налог «за бронь» — ее попытка обвести меня вокруг пальца происходила всего лишь через несколько минут после полуденного зова к молитве. Мне было интересно, зачем вообще она носила этот платок.

В Мекке мне представилась такая же смесь неразберихи, господства и апатии, которую, мне казалось, я оставил позади, в Египте. Как и в Египте, ничто не функционировало даже в самом центре благословенного места хаджа, так как мы посетили не исламское государство, а еще одну циничную арабскую **клептократию**, которая только притворялась, что придерживается настоящих исламских идеалов.

Жители Саудовской Аравии не могли даже организовать безопасность хаджа. Каждый день моего исполнения ритуалов хаджа я был частичкой массы мусульман, съехавшихся сюда со всего мира: турки и пакистанцы, малазийцы, арабы и жители Нигерии. Мы беспорядочно продвигались вперед, без определенного направления, угрожая жизни упавших женщин, хромых и старцев в своей спешке от одного ритуала к другому. Однажды я оказался на улице, настолько переполненной паломниками, что не мог сделать даже одного шага вперед, и мне пришлось запрыгнуть на багажник машины, чтобы не быть задавленным в паническом бегстве.

Ночью я бродил среди устроившихся на ночь паломников, приходя в отвращение от грязных лиц тех из них, кто только рад был спать на грязных улицах. Утром улицы снова становились забитыми и покрытые платками женщины, которым было трудно передвигаться только потому, что им так редко разрешено покидать их дома, медленно переваливаясь с одной ноги на другую, шли впереди меня. Там, где проходил ритуал бросания камней, мне довелось увидеть маленьких девочек, падающих в толпе паломников; турки, толкающие арабов, африканцы, толкающие индийцев, — так что каждый день определенное количество паломников было задавлено до смерти. На следующий день я читал статьи об этих происшествиях в газете «Саудовское время» («четырнадцать паломников было задавлено при возникшей панике»), которая цитировала людей власти, ответственных за хадж, но никогда не принимавших ответственность за случившееся. Не существовало ни одного обещания об уменьшении количества паломников или о контроле многочисленной толпы, с целью предотвращения случаев смерти.

**РИТУАЛ БРОСАНИЯ
КАМНЕЙ**

**клептократия -
власть воров**

Мутаван — грозная саудовская религиозная милиция, следящая за строгим следованием **ваххабистскому исламу**, патрулировала улицы, избивая или арестовывая каждого, кто пропускал молитву. Трудно было сказать, молились ли местные жители из чувств подлинной набожности или от страха быть избитыми.

Однажды утром после молитвы в Великой мечети я обнаружил, что мои сандалии были украдены с полки для обуви.

Я вернулся в Каир в феврале. К тому времени даже те египтяне, кто хотел забыть обо всех неприятностях, поняли неизбежность войны. Наш египетский экскурсовод сказал нам, что бомбежка началась прошлой ночью, и поэтому мы не должны были больше общаться по-английски в переполненных поездах и покинуть наши квартиры в Каире. Я заперся в своей квартире и ждал новостей из американского посольства. В следующую пятницу с балкона я наблюдал за четвертью миллиона египтян, протестующих внизу — мужчин и молодых парней, поющих, бьющих окна, закидывающих солдат камнями и несущих знамена. Огромный танк пронёсся по моей улице, стреляя водяными ядрами в толпу, в то время как солдаты теснили протестующую толпу назад при помощи дубинок.

Через неделю я вылетел домой, оставив все мои иллюзии об арабском мире в моей квартире в Каире. Я не мог дожидаться того момента, когда я снова буду в Америке. Во время длительного полета домой я пообещал себе, что я никогда не приму ничего меньшего, чем демократию для своих соотечественников по религии — мусульман в арабском мире, и никогда не буду извиняться за тиранию, которую маскирует сейчас ислам.

Однако, несмотря на все лицемерие и все страдания, свидетелем которых я стал во время моего пребывания в Египте, нельзя было забыть ни откровенность бедных и праведных, ни глубину веры многих мусульман и **коптов**. Я изучал ислам с шейхом из деревни Гиза; я наблюдал за владельцами магазинов, кормящих незнакомцев во время ночей **Рамадана**; местные нищие молились, не пропуская ни одного дня, на растрепанном картоне. Только благодаря такому выражению истинной духовности я не потерял своей веры.

Даже сейчас я вспоминаю страх за свои жизни на лицах моих друзей — египтян. Возможно ли, что фашизм, взбудораживший однажды Европу, теперь захватил Средний Восток и что в настоящее время вся надежда на истинную исламскую ценность свободы, современности и равенства в мусульманском мире лежит не на Востоке, а на Западе?

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Kalam, Murad. "Over There." *Granta* 84.

URL: <http://www.granta.com/extracts/2103>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Каково происхождение Калама? Что вызвало его интерес к изучению Среднего Востока?
2. Каковы были его первоначальные взгляды на Египет? Почему его взгляды стали изменяться? В чем вы видите основу изменений в его восприятии действительности Среднего Востока?

ваххабистский ислам - реформистское движение в исламе, требующее строгого соблюдения Корана. Был основан Абдулом Ваххабом (1703-1792) и распространялся в Аравии.

копты - христиане, коренные жители Египта

Рамадан - месяц обязательного для мусульман поста

3. На ваш взгляд, было ли его восприятие арабского мира точным или воображаемым? Что он имел в виду, когда отметил, что Средний Восток был «восточным экзотическим эфиром»?
4. Почему Калам ожидал, что Египет будет лучше Америки? Чем отличался Калам от своих друзей мусульман в Египте? Почему он так хотел вернуться в Америку?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В отрывке из «Ориентализма» Эдвард Саид обсуждает превосходство европейской культуры над восточной культурой. Соответствует ли вопрос, который был задан Каламом в конце его истории, аргументу Саида?
2. Как вы думаете, благодаря своему опыту жизни в Египте, смог ли Калам увидеть настоящий Восток, или он обрел новое неправильное понимание Востока?
3. Как бы вы сравнили описание Востока Каламом с описаниями Лео Африкануса?

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

1. Если бы вы были жителем колонизированной территории, что бы вы сказали относительно работ Киплинга и Горчакова?
2. Как соотносится «Описание Тимбукту» Лео Африкануса с истолкованием «Ориентализма» Эдварда Саида, а в особенности с изображением Центральной Азии Мотылем и Горчаковым?
3. Обсудите и сравните отношения между франками и мусульманами во время Крестовых походов, описанных в рассказах Мункыза, с отношениями между Суховым и Саидом в фильме Мотыля.
4. Что обычно случается, когда люди посещают страны, которые им кажутся загадочными и экзотическими? Рассмотрите критику Эдварда Саида и примеры из фильма «Белое солнце пустыни», а также работы Лео Африкануса, Мункыза, Климма и Калама.
5. Как термин «другие» связан с современными спорами о национализме? Рассмотрите примеры Киплинга, Горчакова, Насера и из вашей страны.
6. Насколько созвучны идеи Баласагына и Сулейменова с идеями других авторов данной главы, рассмотренными не только в контексте интерпретации в структуре Запад – Восток, но и в контексте различной интерпретации внутри самого Востока в структуре центрального и периферийного дискурса.

КОРАН.

Страницы из Корана, украшенные медальонами и каллиграфическим письмом на пергаменте, 17 век.
(Библиотека художественного искусства Бриджмена, Лондон)

ВВЕДЕНИЕ

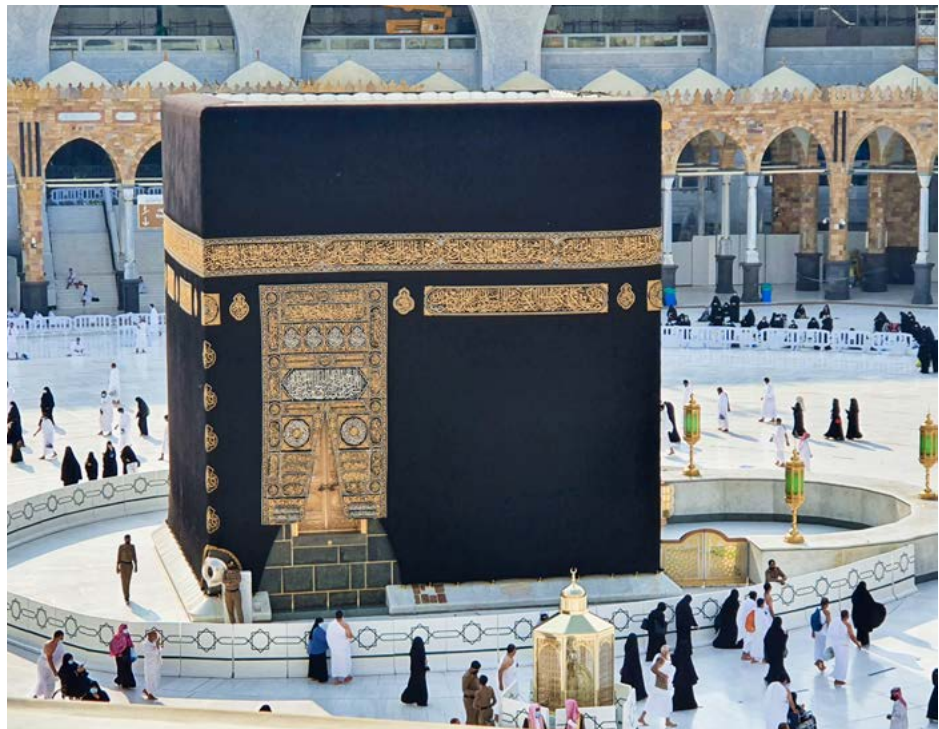
Третья глава знакомит читателя с идеей о том, что каждый текст можно истолковать множеством различных способов, которые порой даже противоречат друг другу. Несколько последующих текстов продолжают обсуждение похожих споров об интерпретации Библии и авторитета Папы в христианской традиции. Позже религиозные тексты замещаются работами, рассматривающими социальные и политические вопросы. Во время их чтения обратите внимание на то, каким образом сила интерпретации может сформировать, заставить принять или бросить вызов доминирующей точке зрения в религии, политике и обществе.

В данной главе стоит обратить внимание на концептуальные вопросы, которые поднимает Мухаммад Аркун, а именно: как происходит формирование большой «Традиции ислама», и какое место занимают в ней местные традиции до и после ислама? Насколько уместно говорить о формировании большой «Традиции ислама» вне контекста местных традиций, которые претендуют также на включенность и значимость своего вклада в развитие общей исламской и мусульманской традиции, а также на формирование общего дискурса вокруг фундаментальных вопросов, связанных с взаимоотношением между «живыми» местными традициями и исламом. Насколько четыре подхода Аркуна к интерпретации текстов, традиции и общеисламской практики могут нам раскрыть характер этих дискурсов, основанных на мифологии, исторических фактах, критических подходах к гуманитарному знанию, семиотическом и антропологическом методах исследования.

В тексте Азима Нанджи, например, обсуждается, как различные религиозные общины, мусульмане, христиане и иудеи могут ссылаться на свои общие этические ценности для решения различных жизненных проблем.

Во время работы также рассмотрите, как вы сами могли бы истолковать эти тексты и чем ваша интерпретация отличается от интерпретаций других? Кроме этого, обратите внимание на взаимосвязь между этими текстами. Какие сходства и различия существуют между религиями и тем, какие методы истолкования священных писаний используют люди, исповедующие эти религии, а также тем, исследуют или не исследуют они свои традиционные верования и обычаи? В одних случаях взаимосвязь текстов будет очень легко определить, а в других случаях вам придется провести более тонкий анализ для установления такой взаимосвязи.

Третья глава посвящена развитию навыков критического мышления. Критическое мышление не означает то, что вы должны критиковать все подряд только для того, чтобы показать ваше негативное отношение ко всему. Критическое мышление заставляет вас подвергать сомнению ценность аргумента автора, с принятием во внимание его предпосылок, предубеждений и возможных причин для принятия определенной позиции. Вы не слепо принимаете все, что сказал автор, а исследуете его аргументы, чтобы убедиться в том, что эти аргументы подтверждены доказательствами. Только тогда вы можете определить, согласны ли вы с писателем или ваши точки зрения не совпадают.

КААБА.

Мусульманская святыня в форме кубка во внутреннем дворе мечети аль-Харам в Мекке

МУХАММАД АРКУН. СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМ: ЛИЦОМ К ТРАДИЦИИ

Мухаммад Аркун (1928 –2010) - алжирский ученый и мыслитель, один из самых влиятельных светских ученых в области исламоведения, который внес свой вклад в современную интеллектуальную исламскую реформу. За свою более чем 30-летнюю карьеру он критиковал напряженность, связанную с его специальностью, защищая исламский модернизм, секуляризм и гуманизм. Он является автором множества книг на французском, английском и арабском языках по религиозной социологии, посвященных исламу. Его работы были опубликованы во многих академических журналах и переведены на несколько языков. Был членом руководящего комитета, а затем жюри Премии Ага Хана в области архитектуры (1989-1998), Международного жюри Премии ЮНЕСКО за воспитание в духе мира (2002). Получил звание Заслуженного профессора Сорбонны.

*Ничто не мешало людям уверовать, когда пришло к ним
Руководство (т. е. указание правого пути), и молить своего Господа
о милости, кроме их нежелания отказаться от соблюдения
обычая (сунна) древних, даже когда пришло к ним наказание
(Коран 18:55).*

*По обычаю тех, кого Мы посылали до тебя из наших пророков;
и не найдешь ты для нашего обычая перемены
(Коран 17:77).*

Говорить об исламе, сталкиваемся со своей Традицией в трудных исторических обстоятельствах, в которых находятся мусульманские сообщества с 1950-х годов, — дело непростое. Если оставить в стороне трудности адекватного изложения, без редукционизма или слепого отождествления Традиции с великой религией, записанной (в Книге), мы, по сути, сталкиваемся с четырьмя возможными подходами, иллюстрируемыми четырьмя конкурирующими формами дискурса:

1. Актуальный исламский дискурс, который стремится подавлять все остальные благодаря своей политической силе и значительному социально-психологическому размаху. Он глубоко укоренен в мифологическом измерении Традиции, при этом невольно секуляризируя религиозное содержание этой Традиции.
2. Классический исламский дискурс, который объясняет Традицию применительно к периоду ее формирования и закрепления в исконных текстах.

1 Коран/Русский пер. стиха 18:55 с английского сделан на основе перевода Б. Я. Шидфар.-М.,2012.

3. Ориенталистский дискурс, представляющий историко-филологический подход к этапу сложения и закрепления ислама. Данный подход относится к XIX веку, является преимущественно позитивистским и опирается на принцип историзма.
4. Дискурс наук о человеке и обществе, направленный на пересмотр предыдущих трех этапов, в рамках которого ставятся конкретные вопросы, которые ранее подавлялись как немыслимые или «непродуманные», и создающий возможность актуального критического возрождения проблемы Традиции и традиций в исламе.

Чтобы разобраться как с уже продуманным и отраженным в мысли, так и непродуманным, несформулированным, накопившимся в исламской Традиции за четырнадцать столетий, мы начнем с изучения концепций ислама и традиции. Затем мы опишем положение Традиции и традиций в исламе. И, наконец, на основе наших выводов попытаемся переосмыслить понятие исламской Традиции во всей его полноте.

I. КОНЦЕПЦИИ ИСЛАМА И ТРАДИЦИИ

Начало дебатам о традиции по большей части было положено уже в Коране. Все кораническое послание пронизано «современностью» (подходом в духе модернити), ниспровергающей верования и традиционные практики, разрешенные «отцами» или «предками» (в тексте Корана термин *аба* используется шестьдесят три раза; *ал-аввалун*, «первые, древние», – тридцать восемь раз). Обычно предшествующая арабская традиция целиком изображается как принадлежащая царству невежества, беспорядка, несправедливости, ошибок, язычества и угнетения, словом, «мрака *джахилийи*». Традиция – с заглавной буквы «Т», так как она божественна, неизменяема усилиями человека и есть выражение Вечной Истины, – после двадцати лет борьбы в Мекке и Медине стремится вступить на враждебное социокультурное поле и становится подлинно *исламской* традицией.

Должны ли мы обозначать понятие Традиции с начала зарождения ислама и позднее с заглавной буквы «Т», потому что это единственное «ортодоксальное» выражение единственной Традиции, принятой Общиной? Или уместно дать новое определение ислама как одного из социально-исторических процессов среди прочих, приведшего к формированию традиции, известной как «исламская», но всегда конкурирующей с другими, или модифицированной последовательными «инновациями» или «модернизациями»?

Первый подход соответствует современному исламскому дискурсу движений, называемых «исламистскими», но, в более общем смысле, всему реформистскому дискурсу (*ислах*). Согласно этой точке зрения, ислам полностью содержится в Коране, как его объясняет пророческая традиция (*хадис*). То, что эта традиция поначалу стала объектом устной передачи, а затем была записана в течение первых трех столетий хиджры и что она, следовательно, является результатом сложного социально-исторического процесса, требующего критического подхода, рассматривается как не имеющее никакого влияния на абсолютное уравнение: Ислам

= Подлинная Традиция. Совокупность верований, обычаев, институтов, этико-правовых норм и текстов, созданных и признанных общиной (*умма*) в качестве Традиции, согласно данному подходу, служит лишь для того, чтобы показать, что ислам определен и завещан Богом. Таким образом, Традиция является воплощением «религии Истины» (*дин ал-хакк*) в истории; это сила освящения и **трансцендентности** (*танзих*) пространства и времени, в котором протекает жизнь Общины. И потому халиф, султан и эмир, – хотя и светские по своей сути фигуры, – становятся священными, однако в разной степени. Подобный подход объясняет, почему каждый член Общины рассматривается как непосредственный современник всех ее членов в прошлом, настоящем и будущем.

Такой подход придает авторитет духовному *этосу* Традиции, он питает чувство общности, возвышает надежды верующих и придает эсхатологическую и онтологическую завершенность конкретным историческим поступкам, при этом отвергая интеграцию принципа историчности со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким образом, данный подход радикально противоположен «научной» позиции, которая, напротив, принимает во внимание только «факты» (имена, события, даты, тексты, письменные свидетельства и т.п.), которые подвергаются проверке в соответствии с принципами историко-критического метода.

Второй подход состоит в том, чтобы оставить открытыми, незавершенными определения концепций ислама и традиции, поскольку они подвержены непрекращающимся изменениям, задаваемым историей. Здесь присутствует момент интеграции как в анализ, так и в конкретную практику духовного этоса Ислама, то есть Традиции и ее историчности. Эта проблема является новой для исламской мысли; действительно, она выходит за рамки критики цепочек авторитетов и текстов хадисов, как они были задуманы, и практикуется наиболее выдающимися традиционалистами (*мухаддитхун*, букв. 'знатоки хадисов'). Как религия обретает форму, содержание и преэминентность в социуме при более или менее быстром социальном прогрессе? Этот вопрос возникает, как только мы начинаем рассматривать религию с точки зрения традиции, которая является ее выражением. С этой точки зрения, ислам никогда не завершается; он должен получать новое определение в каждом новом социокультурном контексте и на каждом новом историческом этапе. При этом он включает в себя следующие стабильные составляющие:

1. Коранический корпус (*мусхаф*);
2. тексты *хадисов* и юридические тексты, посвященные вопросам права;
3. пять канонических обязательных установлений и их ритуальное проведение;

трансцендентный-
выходящий за
пределы
чувственного опыта

4. духовный *этнос*, общий для всех верующих и характерный для Традиции.

Стабилизация этих элементов требует времени: это то, что я называю социально-историческим процессом формирования Традиции. Мы также увидим, что на самом деле смысловая стабилизация Корана и пророческих традиций невозможна, поскольку речь идет о живой традиции. Под последней я подразумеваю тексты, которыми руководствуются и которыми живут верующие; эти тексты порождают историю и бесконечно воспроизводятся историей. Одна из функций Традиции заключается в предоставлении необходимых референтов (в виде событий и явлений), для обеспечения единодушия в отношении некоторых прочтений священных текстов, что означает, что единство ислама, которое в идеале утверждают верующие, постепенно реализуется в истории² на основе четырех необходимых составляющих, перечисленных выше³.

С богословской точки зрения, такому подходу можно противопоставить известный стих: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией» (Коран 5:3).

Чтение этого стиха, как и всего Корана, зависит от той роли, которую мы отводим историчности в расшифровке всего периода Откровения и пророческого действия⁴.

Подчеркнем, что историчность здесь не следует смешивать с чисто случайными обстоятельствами Откровения, которые традиционные экзегеты обозначали как *асбаб ан-нузул*. Если хронологически Откровение по сути завершается смертью Пророка, то его **экзегеза**, истолкование и передача через обрядовые и нравственно-правовые нормы продолжают и в наши дни; именно благодаря работе индивидуального «я» над собой и под давлением истории Община порождает ислам как живую Традицию.

Рассмотрим более подробно понятие традиции. Аргументы, дискуссии и письменные тексты первых двух столетий хиджры, направленные на противопоставление понятия Пророческой традиции (*суннат ан-набл*) местным обычаям или даже другим традициям, фактически восходящим к сподвижникам Пророка (*сахаб*) и последователям (*таби'ун*), способствовали появлению и распространению терминологии, нередко неупорядоченной из-за непоследовательного употребления. Следует вспомнить, в частности, такие термины, как *сунна*, *хабар*, *асар*, *сама'*, *накл*, *ривайа(т)*, *хадис*⁵.

Все эти термины уже имели стандартное значение в арабском языко-

экзегет-

толкователь прорицаний, законов, обычаев, а позднее-библейских текстов

2 См. М. Arkoun, L'Islam dans l'histoire // Maghreb: Machrek, 102 (1983), 5-22.

3 Я различаю необходимые составляющие и усул: первые составляют устойчивое ядро ислама и остаются открытыми для любого исследования или критического анализа; они не могут быть предметом ортодоксальной или догматической дискуссии; вторые, наоборот, давно изучаются двумя такими дисциплинами, как богословие (усул ал-дин) и методология и эпистемология права (усул ал-фикх). Усул (букв. корни, основы) – это субъективные единицы в том смысле, что каждая школа предлагает свои определения и способы их использования.

4 См. М. Arkoun, Lectures du Coran (Paris: Maisonneuve et Larose, 1982).

5 Обо всех этих терминах см.: Encyclopedie de l'Islam, 2nd ed. (Paris: Maisonneuve et Larose, 1960–1973); о хабар см. L. Souami, «Introduction la thorie du khabar chez Jahiz: d'finition et constitution», Studia Islamica, 53 (1961), 27-50.

вом обиходе еще до ислама; они были введены в новый семантический контекст, созданный Кораном и опытом Медины, и стали обозначать конкретную традицию, одновременно религиозную и культурную, находящуюся в процессе формирования.

Термин *сунна* используется в Коране по отношению к Богу для обозначения «действий по обычаю» по отношению к народам, которые жили в заблуждении в период, когда пророки передавали Откровение. В более широком смысле *сунна* обозначает поведение группы людей, которые руководствуются нормами обычая; именно поэтому *сунна*, введенная Мухаммадом, лишь постепенно и с трудом получала признание в отношении регулирования местных обычаев. В существующих документах первое употребление выражения *сунна ан-набл* появляется только приблизительно в 80/700 году при известном халифе 'Умаре б. 'Абд ал-'Азизе (ум. 99/717). Следующий шаг делает аш-Шафи'и (ум. 204/820), который провозгласил, что *сунна* есть сумма достоверных *хадисов*, второй «объективный» источник (*асл*) религиозного права (*шари'а*) после Корана.

Таким образом, решающее значение приобретает понятие совокупности текстов традиций, передаваемых (*накл, ривайа(т)*) в соответствии с регламентированными процедурами; его кульминацией является разработка основных, так называемых аутентичных (*ас-сахих*) текстов сборников Бухари (ум. 256/870) и Муслима (ум. 261/875) у суннитов, а также Кулайни (ал-Кулини) (ум. 329/940) и *Ибн Бабуйа* (ум. 381/991) у шиитов⁶. *Хабар* и *асар* – более общие термины для обозначения какого бы то ни было высказывания, передающего информацию, или даже его следа, намека на него.

Любые сведения или их компонент, повествование или новости, могут обозначаться как *хабар* или *асар*; именно поэтому эти два термина одинаково хорошо применимы как к светской информации из таких источников, как история и литература (*адаб*), так и к религиозным традициям, касающимся, в частности, Корана и *хадисов*.

Все это указывает на то, что сбор сведений о Коране, *сира* (биографии Мухаммада) и *хадисах* проходил в культурном климате, для которого светские цели – такие как поэзия, политическая история, а также экономические факты и свидетельства военных кампаний (*магази*) – были не менее важны, чем религиозные. Оба государства, сначала Омейядов, а затем Аббасидов, испытывали потребность в этих *ахбар* (мн. от *хабар*), необходимых чтобы сформировать, выковать, как «ортодоксальность»,

6 В Encyclopedie de l'Islam, 2nd ed. (Paris: Maisonneuve et Larose, 1960–1973), s.v. hadith, можно найти ссылки на все классические издания текстов. Самый последний критический отчет приводится в книге G.H.A. Juyinboll, Muslim Tradition (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

так и культурную традицию, одинаково нужную для укрепления легитимности и единства «исламской» власти.

Этот официальный аспект формирования и закрепления исламской Традиции необходим для понимания трех следствий, которые в исламской мысли учитываются неодинаково: раскол Традиции на суннитскую и шиитскую; подавление, по крайней мере теоретически, наукой *усул ал-фикх* всех местных традиций, считающихся неисламскими; и слабость и прерывность богословского плана Традиции.

Мы вернемся к этим трем пунктам позднее. Прежде же давайте еще раз вспомним два важных термина, связанных с понятием традиции в Исламе: нововведение (*бид'а*) и подражание (*таклид*). Последнее понятие подразумевает схоластическое воспроизведение норм и учений, разработанных учеными-основателями теолого-юридических школ, такими как Малик б. Анас (ум. 179/795), Абу Ханифа (ум. 150/767), аш-Шафи'и и Ибн Ханбал (ум. 241/855) у суннитов; *Джа'фар ас-Садик* (ум. 148/765) и Ибн Бабуя у шиитов; а также Ибн Ибад и Джабир б. Зайд ал-Азди (ум. 103/712) у хариджитов.

Чем больше Традиция отождествляется со сводом заповедей и запретов (*авамир* и *навахи*), получивших определение в Коране, *хадисах* и в каноническом своде прав – *corpus juris*, тем выше барьер для «нововведений», которые могут быть «традиционализированы», то есть интегрированы в систему Традиции с помощью методологии *усул ал-фикх*. Можно добавить, что практически всегда существовало более или менее живое напряжение (весьма усилившееся сегодня) между *сунна/бид'а* и, соответственно, между *таклид/иджтихад*, то есть между подчинением авторитету Традиции и разумными усилиями признать и продвигать «хорошее нововведение» (*бид'а хасана*). Это означает, что в культурном контексте, где отношение и историческая критика слабы, Традиция священных писаний становится силой, освящающей и мифологизирующей период основания, когда вся Истина сосредоточена на правилах поведения и вере человека: именно это и произошло на деле в исламе в период с III/IX по VIII/XI вв. Рассмотрим, как можно возродить сегодня мыслительный процесс и поиск, которым долгое время не уделялось должного внимания.

II. ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИИ В ИСЛАМЕ

Подобно тому, как существует только один ислам, – предопределенный Богом как Религия для всего человечества, – точно так же может быть только одна Традиция, верно выражающая и увековечивающая этот ислам. Таково безусловное требование ортодоксальных течений, будь то ислам суннитов, шиитов или хариджитов. В свою очередь, христианство и иудаизм точно так же навязали верховенство Традиции священных писаний, маргинализовав или устранив конкурирующие традиции, которые не получили поддержку двух ключевых опор – Государства и Писания. Причем такая Традиция, зафиксированная исторически, тем не менее претендует на сверхисторический характер, поскольку коренится в Откровении и выражает трансцендентность Откровения.

Историческая действительность не подтверждает этого теологического утверждения. После смерти Пророка в 11/632 году стали возможны

несколько альтернативных вариантов традиции: с точки зрения Корана, опыта Медины и социокультурных условий Аравии и соседних стран. И все эти три альтернативных пути наметились в течение только первого века. В результате кровавой борьбы и горячих споров со временем возникли три великие ортодоксии – суннитская, шиитская и хариджитская, – каждая из которых в большей или меньшей степени отличалась от других. При этом ересиографическая литература засвидетельствовала множество групп, общин и сект (*милал, нихал, фирак*), появившихся в течение первых пяти веков хиджры. Даже в период, когда две великие ортодоксии, – суннитская, шиитская, – переживали свой триумф, – первая при Сельджуках, а вторая при Сефевидях, – давние местные традиции сумели выжить под видом религиозных братств.

Вполне понятно, что каждая ортодоксия отказывается признать участие современных ей движений в становлении Подлинной Традиции. Рамки, традиционно принимаемые как богословские, на деле же являющиеся сугубо полемическими, в которых происходят битвы суннизма против «ересей», определяются очень часто цитируемым *хадисом*.

Так, например, Ибн ‘Араби пишет: «Источком нашей дисциплины является традиция, переданная Ибн ‘Умаром: Посланник Божий сказал: “Дети Израиля разделены на семьдесят одну секту. Все они попадут в ад, кроме одной. Рожденных от Иисуса сына Марии – насчитывается семьдесят две секты, и все попадут в ад, кроме одной. Моя община будет разделена на семьдесят три секты, все они попадут в ад, кроме одной”. Они спросили его: “Что это за (спасенная секта), о Посланник Божий?” Он ответил: “Ислам, то есть община (*чама‘а*) мусульман, которые будут такими, как я и как вы”»⁷.

Допущения, положенные в основу этого отрывка, по сути, до сих пор управляют тремя ортодоксальными линиями мусульманского вероисповедания. Поэтому было бы хорошо объяснить их, показав, что общие постулаты привели к системам репрезентации, значительно отличающимся друг от друга, что делает невыносимым унификацию исламского сознания посредством критического переосмысления трех традиций⁸.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОСТУЛАТЫ ОРТОДОКСИИ

Эти постулаты включают следующие положения:

7 Ibn ‘Arabi, *La Profession de foi*, R. Deladrière trans., vol.1 (Paris: Editions Orientales, 1978), 87. К этому хадису следует добавить все те, которые обычно цитируются по вопросу о борьбе с бид‘а, см.: M. Taibi, «Les Bid‘a», *Studia Islamica*, 52 (1960), 43-78.

8 См. M. Arkoun, *Pour un remembrement de la conscience islamique // Pour une critique de la raison islamique* (Paris: Mouton-Roulet, 1984).

1. Разделение между людьми непоправимо. Лишь одна группа, трижды подряд получившая Божье Послание, способна понять его и оставаться строго верным ему.
2. Истина едина, как само Послание Божье и группа, которая принимает его. Таким образом, может быть только одна истинная Религия и одна подлинная Традиция, выражающая эту Религию.
3. Сподвижники Пророка (“как я и как *вы*”) представляют первое поколение той духовной общины, которая сохраняет общину и с уважением строго следует полученной Традиции. В результате последующие поколения являются строго «современными» по отношению к обещанному всем Спасению.

В этих условиях, быть «современным» означает, что:

1. Существует однородное и неизменное семантическое поле, в котором без разногласий перемещаются все принимающие и передающие акторы Послания и его реализации в Традиции.
2. Имеет место семантическая однозначность «объективных» текстов, переданных и адекватно объясненных через истолкование, экзегезу, Традиции.
3. Бесконечное обновление Традиции, исходящее из «объективных» текстов в самых различных социоисторических контекстах, без того, чтобы эти контексты, в свою очередь, воздействовали на Традицию. Традиция формирует каждого верующего и определяет через него историческую тотальность, заданную как место обязательного перехода к вечному Спасению.
4. Каждое положение Традиции относится к Модели поведения, предписанной Богом или уже продемонстрированной Пророком во время его апостольской жизни (отсюда значимость сира). Существует полное соответствие между высказыванием и ожидаемым поведением (которое стремится к тому, чтобы стать идеальным), точно так же, как существует прямое соответствие между отдельным высказыванием и поведением каждого верующего, независимо от времени и места.

Нет сомнений в подлинности повествований, передающих исходное Послание, и в их актуализации в Живой Традиции; сподвижники — по аналогии с учениками Христа — получили особую харизму, защищающую их от ошибок и отклонений в случае, когда дело касается сохранения Послания.

Как свидетельствует весьма ортодоксальное произведение Ива Конгара⁹, очевидно, что эти постулаты свойственны не только мусульманам; они встречаются в равной степени у всех народов Книги (*ахл ал-китаб*). Как же тогда объяснить существование богословских и психологических расколов? Этот вопрос возвращает нас к составляющим любой традиции и к процессу их соединения.

⁹ Y. Congar, *La tradition et les traditions*, I «Essai historique»; II «Essai théologique» (Paris: Fayard, 1963).

Сунниты апеллируют к *суннат ан-наби*, тогда как шииты говорят о суннат *ал-байт*, или Традиции, передаваемой через членов семьи Мухаммада. В то время как первые благочестиво собирают *хадисы*, переданные первыми тремя халифами, признанными ими ортодоксальными, праведными, вторые придерживаются *хадисов*, переданных четвертым халифом 'Али и его потомками, которые, как считается, обладают особой харизмой. Ни те, ни другие не принимают во внимание реальные политические и психокультурные условия, в которых на протяжении поколений осуществляется мифическая и воображаемая кристаллизация таких светских событий, как преемственность халифов, известных как праведные, убийство 'Али и его сына Хусайна, преследование хариджитов и Алидов халифами Омейядами, а омейядских халифов халифами Аббасидами и т.п. Религиозное прочтение светских событий стирает их политическую и социальную силу и превращает в опору для мифологизированных конструкций, обогащающих Традицию. Напротив, ориенталистское прочтение сторонников историзма, начиная с XIX века, смещает символы и мифы в область легенд или популярных преувеличений, чтобы сохранить только те факты, которые должным образом локализованы в конкретном времени и пространстве.

Тем не менее, в этой связи мы можем наблюдать существенное различие между суннитским и шиитским процессами создания Традиции. По сути, сунниты всегда были на стороне власти; они приняли этот политический свершившийся факт (*fait accompli*) независимо от того, был ли он результатом консультаций (*шур*) (с общиной), как это имело место в Мединском халифате, или под напором силы, как в случае Омейядов и Аббасидов. Решения действующих халифов и их администрации в значительной степени способствовали подпитке традиции, называемой суннитской, путем учреждения официального свода Корана (*мусхаф*) при халифе 'Усмани, а также коллективной памяти с ее религиозными, юридическими и историографическими референциями. Вот почему сегодня так трудно отделить религиозное содержание Корана от светского: все формы власти, появившиеся в исламе после 11/632 г., использовали эту запутанность юрисдикции, чтобы обрести легитимность. (Этот процесс еще более очевиден в отношении господствующих ныне политических властных структур, порожденных военной кастой или религиозной средой, как в Иране).

За исключением короткого правления 'Али (36/656–41/661), шииты находились в оппозиции и подвергались частым преследованиям вплоть до обретения власти Фатимидами в Магрибе (297/909) и Буидами в Багдаде (334/945). У них было время выработать трагическое видение истории, единое и нераздельное, религиозное и светское. При жизни Мухаммад

недвусмысленно наделил 'Али и его потомков таким исключительным свойством, как харизма, и поручил охранять в течение всего времени их жизни до конца земной истории целостность ниспосланного ему послания. Это означало следование *интегративному* принципу целостности при передаче текстов и *хадисов* (ср. споры о *мусхаф* и компиляции *хадисов*), экзегезу их содержания при разработке права и неукоснительного применения правовых принципов справедливым Наставником (имамом)¹⁰.

Мы видим, что раскол между суннитской и шиитской традициями¹¹ нельзя корректно охарактеризовать ни в сугубо исторических терминах, ни в исключительно богословских. Только семиотический анализ, культурная антропология и философия языка могут достичь в итоге цели – разобратся в оппозиции, к которой до сих пор обращались главным образом с позиций историзма при рассмотрении истории (что было предложено представителями ориентализма) или с позиций догматической теологии (что предлагалось верующими, представляющими отдельные традиции), или же с позиций феноменологии, связанной с пиетизмом (что представлено в работах Анри Корбена и некоторых его последователей). Мы еще вернемся к методологическому и эпистемологическому приоритету семиотического анализа, необходимому как для объединения различных точек зрения, так и для выхода за пределы унаследованных интерпретаций традиции.

Я предлагаю заранее отказаться от упрощенного представления о том, что мы имеем дело с оппозицией сугубо между суннитской традицией, связанной с официальной властью, и шиитской традицией, стремящейся оспорить это положение, опровергнуть этот имеющий место факт (*fait accompli*). Здесь невозможно дать полный обзор всех движений мысли, которые на протяжении пяти столетий обогащали споры о традиции и всех связанных с ней проблемах. Напомним лишь о другом значительном расколе, возникшем очень рано, между приверженцами традиции, посвятившими себя сбору подлинных *хадисов* и их буквальному толкованию (в частности, ханбалитской линии), и *ахл ар-ра'й*, допуская, что разум может подтверждать личное мнение (*ра'й*) в вопросах правовой квалификации (*хукм*, в ханафитской линии). Что же касается шиитов, то государство Фатимидов, а затем и государство Сефевидов в Иране, официально использовало Традицию и право, как это было и в суннитской среде.

Следовательно, мы вправе утверждать, что помимо различий в обстоятельствах и расхождений мировоззренческого масштаба, есть основания для тщательного изучения раскола, антропологического по своей природе, между мифологизированным и историографическим сознанием (или только историческим на той конкретной стадии, которая нас интересует); мифологическим дискурсом и логоцентрическим дискурсом; между

10 Текст, в котором Мухаммад назначил 'Али, неустанно цитируется и комментируется шиитами как хадис Гадир хумм. См. *Encyclopédie de l'Islam*, 2nd ed. (Paris: Maisonneuve et Larose, 1960–1973).

11 Очевидно, нельзя пренебрегать линией хариджитов, особенно с точки зрения Традиции в ее совокупности, определение чему я дам ниже. Гонения Омейядов нанесли хариджитам даже больший вред, чем шиитам, и имели пагубные последствия для знаний о течениях мысли и силах, существовавших в первом веке хиджры. Хариджиты, ярые свидетели самой решительной борьбы, были оттеснены в Магрибе Омейядами, а затем Фатимидами к дальним окраинам империи. Сведения небольших общин, которые все еще существуют (например, берберы-мозабиты в Алжире), все еще продолжают свидетельствовать о тонком восприятии и запасе знаний, отвергнутых суннитской и шиитской линиями. См. *Encyclopédie de l'Islam*, 2nd ed. (Paris: Maisonneuve et Larose, 1960–1973), s.v. *Ibadiyya*.

символом и знаком, и даже культурным сигналом; между воображением и дискурсивным разумом, метафорическим и буквальным значением...

Все, что только что было сказано, относится к фазе формирования и стабилизации классических форм Традиции. Что происходило с этим в течение долгого периода, который известен как *таклид*, повторение, копирование норм, ценностей и верований, установленных наставниками, основавшими определенные школы (*а'имма муджтахидун*)? Мы можем проследить упомянутое ранее наличие солидарности между Государством, Писанием и ортодоксальной Традицией, поддерживаемой официальной культурой. Причем каждый раз, когда великой державе удается захватить власть, как было в случае с Сельджуками, Фатимидами, Сефевидами и первыми Османами, ортодоксальная Традиция получает приоритет над местными традициями и начинает сдерживать нововведения. Улемы наблюдают за следованием вероучения установленным нормам и его правильностью, а судебная администрация применяет шари'а на практике. С другой стороны, когда центральная власть ослабевает (как в случае Османов и их сателлитов, начиная с XVIII века, а также в Марокко и Иране), место несостоятельного государства в регионах, в целом не очень исламизированных, занимают марабуты (название мусульманской секты в северо-восточной Африке) и подобные им братства (в которых наследование идет по духовной родословной), как в случае марабутов в Северной Африке. Затем мы становимся свидетелями возрождения весьма старых местных традиций, прикрытых обрывками исламской Традиции, интерпретированной и адаптированной святым основателем династии¹². Феномен колонизации усугубляет это положение, подавляя разнообразие местных традиций, которые до недавнего периода национального освобождения служили системой безопасности и убежищем самобытности.

Важно понимать, что ислам, который сегодня является ориентиром для исламистских движений, характеризуется расколотой, схоластической, статичной и повторяющейся Традицией, а не способной к интеграции динамичной и открытой Традицией, которая соответствовала золотому веку халифата. Ислам в Магрибе является строго маликитским, в то время как саудовский ислам придерживается ханбалитской традиции, а турецкий ислам – ханафитской. Эта ситуация оправдывает историческую и теологическую реконструкцию исламской Традиции во всей ее совокупности, условия которой мы определим ниже. Подчеркнем с самого начала, что при национализации Традиции и присвоении ее Государством существует некая двойственность действий. Новые государства в своем стремлении

12 См. J. Berque, *Ulémas, fondateurs, insurgés du Maghreb XVIIe siècle* (Paris: Sinbad, 1982); *Islam in Tribal Societies: from the Atlas to the Indus*. Akbar S. Ahmed and David. M. Hart, eds. (London, 1984).

к легитимности опираются на исламское наследие для укрепления своей власти и построения национального единства; это происходит в духе позитивистских национализмов Европы XIX века, а не согласно духовным измерениям *уммы*. Это есть секуляризация Традиции, однако, это явление не называется своим именем, не получает должного определения. С другой стороны, экономическая практика, политические или правовые институты, система образования и официальная идеология (такая как социализм) становятся все более традиционалистскими, обретая с помощью традиционной лексики «исламский» вид¹³.

Таково последнее историческое воплощение Традиции. Сторонний наблюдатель говорит о «возрождении ислама», в то время как на подъеме находятся в основном идеологические паллиативные операции, которые обставляются разрозненными элементами, извлеченными из прошлого, воспринимаемого как прерывистая линия, а также мифологизированными элементами или элементами, предписанными западной моделью развития. Мусульманские общества живут в эпоху институциональных, промышленных, аграрных и культурных революций, которые на Западе растянулись почти на четыре столетия, но в мусульманских обществах реализуются в весьма ограниченный, короткий период. В этой обстановке кризиса и структурных потрясений Традиция выполняет незаменимую функцию обеспечения стабильности, безопасности и легитимности; но этот вклад, жизненно важный для всего общества, как раз и эффективно ограждает Традицию от всякого критического анализа и объективной оценки. Сегодня нам менее чем когда-либо доступен смысл записей, которые восходят к периоду III–IV вв. (по мусульманскому календарю),¹⁴ – текстов *мусхаф*, великих сборников хадисов и сводов исламского права, а также текстов, связанных с *усул ад-дин*, *усул ал-фикх* и экзегезой.

III. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЕЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Переосмысление исламской традиции сегодня является интеллектуально неотложным и необходимым делом, причем это политически и культурно дестабилизирующее действие, а также психологически и социально деликатное. Мы должны полностью раскрыть, – яснее, чем классическая критическая традиция, – идеологические функции, семантические манипуляции, культурные разрывы и интеллектуальные несоответствия, все вместе приводящие к делегитимации того, что на протяжении веков нам было дано воспринимать и переживать как подлинное выражение Божественной Воли, ниспосланной в Откровении. Переосмыслить исламскую традицию — значит нарушить официальные запреты прошлого и настоящего, социальную цензуру, призванную не допустить *немислимых* вопросов, которые допускались на ранней стадии ислама, но изучение которых попало под запрет с торжеством официальной ортодоксии, основанной на классических текстах.

13 См. А. Laroui, *La crise des intellectuels arabes; traditionalisme ou historicisme?* (Paris: Maspero, 1974).

14 Примечание редактора.

Но как нам переосмыслить Традицию в позитивном ключе, то есть дать ей возможность посредством конструктивной критики выполнять новые функции в социально-историческом контексте, радикально изменившемся за последние тридцать лет?¹⁵ Безусловно, нам не нужно чрезмерно беспокоиться о судьбе Традиции: она всегда переживет самую радикальную критику и самую жестокую революцию, потому что будучи главной пружиной единства и преемственности, она на протяжении веков формировала коллективное сознание и память. И потому не следует препятствовать постоянным усилиям выхода за рамки редукционистских теорий и нарушающего правила анализа.

Мы не можем исходить из богословского определения, потому что исламская мысль, как мы видели, весьма скоро отдала предпочтение полемике, которая была заточена под нужды поддержания особого хода мысли, сосредоточенной исключительно на углублении веры. Необходимо создать все возможные условия для развития богословского аспекта Традиции. Поэтому нужно опираться на современные приемы мышления, доступ к которым открыли науки о человеке и обществе.

Поскольку перед нами стоит прежде всего вопрос прочтения Писаний (Корана и хадисов), мы начнем с того, что продемонстрируем, почему в основу исследования следует положить семиотику, а затем обратиться к историческим и социологическим данным, но с точки зрения более глубокого изучения антропологии традиции и современности. И тогда, на основе воссоединенных таким образом данных, можно будет с полным основанием ставить вопрос о новом статусе теологической установки и проводить исследования.

Само собой разумеется, что такой маршрут нельзя пройти сразу и до конца; речь идет о том, чтобы уже при самой первой попытке установить, что исламская мысль должна освободиться и от традиции-воспроизведения и от традиции-ограничения, чтобы заново открыть или найти традицию, которая сохраняет глубину смысла, предложенную в следующем определении:

«Традиция несет с собой нечто большее, чем идеи, способные принять логическую форму: она воплощает жизнь, включающую в себя одновременно чувства, мысли, убеждения, стремления и действия. Индивидуальные и коллективные усилия могут бесконечно черпать из нее, не истощая ее. Следовательно, она подразумевает духовное общение душ, которые чувствуют, думают и выражают свою волю в единстве общего патриоти-

15 Характерными чертами социальной жизни сегодня стали демографическое давление, секуляризация, рационализация, замещение экономики прибыли и производительности этикой бедности и презрения к миру, западная модель потребления и т.д.

ческого или религиозного идеала, и тем самым она является условием прогресса, поскольку позволяет по крупицам извлекать из золотого слитка истины (никогда не монетизируемой полностью), претворяя *имплицитный опыт прожитого* в *эксплицитное знание*; ибо традиция есть источник единства, преемственности и плодотворности, и в то же время традиция одновременно исходная, предвосхищающая и конечная, она предшествует любому конструктивному синтезу и переживает любой рефлексивный анализ»¹⁶.

1. ПРИОРИТЕТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В настоящее время хорошо известно, что семиотический анализ требует обязательного проявления интеллектуальной самодисциплины, качества, тем более ценного, когда речь идет о чтении текстов, которые на протяжении многих поколений формировали индивидуальную и коллективную восприимчивость и воображение. Мы учимся вводить методологическую дистанцию по отношению к «священным» текстам (одним из способов выражения такой дистанции являются кавычки), не воспроизводя ни одного из тех богословских или исторических суждений, которые с самого начала становятся препятствием к общению. Именно этого никогда не принимала восточная историческая традиция критического подхода к Корану и хадисам, которая до сих пор не учитывает семиотический и антропологический подходы, о чем свидетельствует недавняя работа Г.Х.А. Йунболла¹⁷.

Корпус текстов, являющийся отправной точкой и неиссякаемым источником Традиции, представляет собой совершенно определенный культурный объект, полностью и окончательно замкнутый на самом себе с момента получения сообществом. Эти тексты освящены как единственное собрание, которое является полным и подлинным и передается по цепочке доверенными авторитетами (*иснад*), свидетелями явленной Истины, без изменений в следующей последовательности:

Бог

1. Мухаммад – сподвижники – последователи – ученые инициаторы – достойные получатели (суннитский путь).
2. Мухаммад – имамы – получатели – религиозный авторитет (в вопросах богословия и права) (*марджа' ат-таклид* букв. 'образец для подражания') (шиитский путь).

Этот культурный объект превратился в живой, активный *субъект*

16 Y. Congar, *La tradition et les traditions*, II «Essai théologique» (Paris: Fayard, 1963). Я привожу этот текст по двум причинам: во-первых, я согласен с комментариями Конгара об уместности его словаря и подхода к традиции перед лицом позитивистской критики в контексте модернистского кризиса очень близкого к тому, который сейчас переживает ислам; во-вторых, моя цель состоит в том, чтобы на примере ислама, подойти к двум уровням мышления, к которым нечасто или вовсе никогда не обращались до сих пор: это разработка концепции Традиции во всей ее полноте для трех религий откровения (ахл ал-китаб) и содействие в проторении пути к антропологии традиции и современности.

17 G.H.A. Juyinboll.- *Muslim Tradition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

истории благодаря причастности верующих к чтению, их соучастию. В процессе отбора, деконтекстуализации, реконтекстуализации, ретроспективной и проспективной проекции, буквальной или эзотерической интерпретации, семантической или мифической амплификации чтение этих текстов верующими продолжает бесконечно создавать вторичные культурные объекты, одновременно дистанцируясь от исходного объекта в силу его языковой, исторической и социокультурной связи с единым пространством–временем. Вся сумма этих операций составляет живую традицию. Благодаря этой деятельности эмпирическая эффективность повседневной жизни преобладает над когнитивными аспектами человеческого существования. Перефразируя М. Блонделя, *имплицитный жизненный опыт* не нуждается в специальных усилиях, чтобы получить доступ к *эксплицитному знанию*. Таким образом, несформулированное, немислимое накапливается в живой традиции.

Как вернуться к первоначальному объекту в его генезисе, со всеми его составными частями и определяющими его факторами? Это возвращение к источнику является лейтмотивом Традиции, но оно предполагает возвращение к мифической эпохе основания, к пространству–времени, трансформированному традиционными прочтениями и моделями поведения. Семиотика стремится к суммарной критике, которая одновременно выходит и за пределы объекта чтения, и за пределы всех вторичных объектов, производимых Традицией. Что означают знаки, используемые в текстах, какой смысл они несут? Какие языковые механизмы применяются для производства именно *этого* значения, а не иного? Для кого и в каких условиях возникает именно *этот* конкретный смысл?

Эти вопросы не ставят под сомнение ни богооткровенного явленного характера подобных утверждений, ни их сакрального значения, ни их духовной значимости для верующих. Как раз наоборот, они связаны с определением и функцией значения в аспекте его модальности (как выражении отношения высказывания к действительности), познавательный, когнитивный статус которой должен быть установлен в рамках всеобъемлющего, глобального подхода ко всему, что имеет какой-либо смысл.

Причем тексты, которые мы читаем, не ставят во главу угла различие знания и веры¹⁸. В противоположность этому, они учат, что для того чтобы получить доступ к совершенному, полному и абсолютно истинному знанию, сначала необходимо поверить – открыть свое сердце (в библейском и кораническом смысле). «Бог научил Адама всем именам». Через эти имена, собранные, заученные и усвоенные, человек входит в

18 См. A.J. Greimas, *Du sens II: Le savoir et le croire* (Paris: Seuil, 1983), 115-133.

«Религию Истины». Это определение – краеугольный камень позднейших богословских построений – задает отношения между мыслью и языком, которое современная лингвистика заставляет нас пересмотреть. Мы будем считать само собой разумеющимся сдвиг, осуществленный в этом отношении недавними семиотическими исследованиями: опорой коммуникации служит не «истинное» знание, связанное с объектами, – объективными референтами словарных единиц языка, – а, скорее, взаимность перспектив, которая устанавливается между собеседниками–протагонистами, связанными одними и теми же рамками восприятия и представлений – мысленных образов, к которым отсылают знаки языка. Традиция обретает непротиворечивость именно в тот момент, когда члены группы (исходное ядро верующих, известных *ал-му‘минун*, сгруппированных вокруг Мухаммада в Мекке, а затем в Медине) на базе повествования о становлении (общины) получают доступ к общей структуре восприятия и представления. Говоря языком семиотики, вся Традиция – как и каждая традиция – функционирует как основополагающий нарратив, постоянно обогащаемый значимым опытом группы или сообщества¹⁹.

Уникальность Истины и вытекающая однозначность смысла в том виде, в каком они представлены в Коране, не имеют такого размаха, как в богословских системах, построенных на логических принципах аристотелизма. В последних они питают ностальгию по Абсолюту, Единому, Единству, Справедливости и вечности как динамической утопии (см. также линию, разработанную в мысли Платона). Здесь же они управляются жесткой системой верований и неверия. Обращаясь к постоянно растущему числу людей, Традиция имеет тенденцию функционировать согласно второй модели, отвергая во имя ортодоксальности как множественность значений, выдвигаемых экзегетами и различными школами, так и потенциальные значения, еще не реализованные новыми прочтениями Писания. Мне уже приходилось демонстрировать, как современная трактовка метафоры, символа и мифа санкционирует прочтение Корана, совершенно отличное от всех, завещанных экзегетической традицией²⁰.

2. ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Так же как мы видели, Традиция подразумевает соотношение мысли и языка, она задает видение истории в рамках и на письме, приспособленное к ее выражению. Передача коранических положений и высказываний из *хадисов*, свидетельствующих о поступках Пророка и сподвижников, отбор значимых фактов и событий для включения в религиозную память сообщества составляют действия, предполагающие определенное использование истории. Чтобы утвердить подлинность всего, что передается, ведутся хронологические и биографические отчеты и подробные повседневные записи. Как только Традиция установлена, в дискуссиях между учеными богословами и различными школами привлекаются в основном «истори-

19 См. P. Ricoeur, *Temps et récit* (Paris: Seuil, 1983).

20 См. M. Arkoun, *Lectures du Coran* (Paris: Mouton-Routledge, 1982), а также: M. Arkoun, *Pour une critique de la raison islamique* (Paris: Mouton-Routledge, 1984).

ческие» аргументы.

Эта постоянная забота об историческом подтверждении передаваемых традиций сегодня составляет предмет особой гордости и уверенности, на что мусульмане часто указывают в ответ на критику востоковедов. Отрицать подлинность текстов, порожденных свидетелями и авторитетными учеными богословами, заслуживающими абсолютного доверия (*сика*, букв. 'правдивый, надежный') нет необходимости. Востоковеды, подвергающие сомнению эти тексты, либо недоброжелательны, либо неверно информированы о серьезности постановки исторической науки в исламе.

Современные авторы – даже мусульмане, такие как Таха Хусейн, – более всего заинтересованные в возрождении критической религиозной и/или культурной Традиции, не смогли сфокусировать дискуссию на изучении социокультурных терминов и предшествующего контекста знания первых двух веков хиджры. При этом недостаточно лишь учета того факта, что устная форма передачи нарратива тогда преобладала над письменной. Необходимо показать, как в фундаментальном плане при формировании и функционировании *социального воображаемого*, такие измерения как, чудесное, мифологическое, символическое и метафорическое, преобладали над рациональными категориями и дискурсивными процедурами, которые развились позднее в связи с изобретением бумаги, расширением территорий, где применялось арабское письмо и его совершенствованием, а также с распространением греческого логоцентризма. Вся культурная история арабо-исламского мира должна быть пересмотрена с точки зрения такой двойной перспективы соперничества между устным и письменным, *мифосом* и *логосом*, чудесным и эмпирическим, священным и мирским. Традиция *исторически* несет следы этого соперничества, как текст, так и его смысл. Именно это делает сегодня столь необходимой переоценку формы и значения, это особенно актуально в настоящий момент, когда все определяющие понятия, данные в *имплицитном жизненном опыте* верующих (священное, чудесное, мифологическое, устное, письменное, воображаемое, рациональное и иррациональное), находятся в процессе перехода к *эксплицитному знанию* благодаря новым достижениям наук о человеке и обществе.

Вдохновленные новыми насущными исследованиями в области этих наук, некоторые христианские мыслители решаются на пересмотр отношений между Писанием, Откровением и Традицией в пределах, допускаемых доктринальными авторитетами. Таким образом, когда Станислас Бретон пытается выдвинуть теорию «пространства Писания», чтобы поместить Книгу в мир письменного слова, он заходит так далеко, что признает, что Иисус, будучи «навсегда защищенным от полноты реального опыта, от-

ныне существует для нас только в письменном тексте и в Церкви, которая увековечивает его память»²¹.

Эта позиция является новизной и позволяет нам выработать общий подход, общую концепцию того, что я предпочитаю называть *обществами Книги*²². Понятие «общества Книги» позволяет нам сделать акцент на двух измерениях Традиции, которые были сведены к минимуму или преобразованы появлением догматического подхода к богословию:

– на *историчности* всех культурных процессов и практических форм деятельности, посредством которых Книга включается в социальную реальность;

– на *социологии восприятия* Традиции разнообразными этнокультурными группами.

Концепция восприятия дополняет концепцию историчности; я использую ее здесь первую в теоретической перспективе, опираясь на дефиницию Ханса Р. Яусса, одного из лидеров «школы Констанца», в его работе «К эстетике восприятия» (*Pour une esthétique de la réception*)²³. Главная мысль Яусса состоит в том, что литературное произведение, а также произведение искусства вообще, существует и воспроизводится во времени только при активном участии на нескольких уровнях сменяющих друг друга аудиторий. Это тем более верно для тех литературных и художественных произведений, которые представляют собой религиозные тексты. В этом смысле Традиция обществ Книги – это не просто «накопленное собрание свидетельств, оставленных нам всеми теми, кого Дух откровения коснулся на протяжении всей истории»²⁴. Это коллективное творение всех тех, кто черпает из него свою самобытность, способствует его порождению и воспроизведению.

Критический анализ в историческом аспекте, прилагаемый филологами к этому коллективному творению, является необходимым первым шагом, но никак не решающим. Устанавливая точную хронологию фактов и время создания текстов, выявляя подлинную **аттрибуцию** произведений и свидетельств и истинное происхождение концепций и понятий, филологи конструируют научный объект, который как таковой не существует в сознании акторов, самих людей, воспринимающих Традицию. Именно когда действительные и апокрифические истории, реальные исторические данные и воображаемые образы и представления, а также конкретное и мифическое пространство и время смешаны, сведены в одно целое, Традиция питает этический и духовный *этнос* сообщества, идеологические устремления этого коллективного субъекта. Для того чтобы совместить научный объект, с одной стороны, с реально переживаемым содержанием Традиции, а, с другой, – с психологической деятельностью и психической

аттрибуция-

определение подлинности или подложности рукописного текста и установление автора

21 S. Breton, *Écriture et Révélation* (Paris: Cerf, 1979), 155.

22 См. то, что сказано об этом в: M. Arkoun, *Autorité et pouvoir en Islam* // *Pour une critique de la raison islamique* (Paris: Maisonneuve et Larose, 1984).

23 Paris: Gallimard, 1978.

24 Y. Congar, *La tradition et les traditions*, II «Essai théologique» (Paris: Fayard, 1963), 163. Ср. как Ибн Таймиййа и суннитская традиция представляют сподвижников-сахаба. См. мою книгу *La Pensée arabe*, 2nd ed. (Paris: PUF 1979), 20.

конфигурацией коллективного субъекта, необходимо дополнить филологическую критику антропологическим анализом.

Таким образом, заново, – более с точки зрения адекватности объяснения, нежели чем с точки зрения назидания, – должны быть переопределены не только отношения между Писанием, Откровением и Традицией. По-новому следует взглянуть и на сущность и функции религиозных авторитетов, которые всегда признавались «свидетелями, которых коснулся дух откровения». При этом известно, что не подвергая радикально сомнению динамику этого виртуального духа, Традиция всегда опосредуется социальными акторами и всей совокупностью таких факторов, как амплификация, искаженное представление (травестирирование), семантические и текстовые манипуляции, отклонения, измышления, мистификации и идеологизации, присущих конкретным условиям ее восприятия и воспроизведения.

Исламистские движения, значение которых существенно возросло с 1930-х годов, весьма ясно иллюстрируют наши теоретические положения. Все они, по сути, претендуют на самую полную, самую подлинную и самую действенную исламскую традицию: Традицию периода основания (ислама) Пророком и его сподвижниками. На самом же деле дискурс этих движений отражает полный исторический разрыв с мединским периодом ислама. В этом дискурсе представлены все оттенки мессианистического призыва, обращенного к политически угнетенным, экономически и культурно неблагополучным народам, которые не получили удовлетворения своих чаяний (в силу таких факторов, как (неравные) отношения между мужчиной и женщиной, положение детей и патриархальные структуры и др.), и которые потому готовы следовать за любым движением, подпитывающим их надежды на Избавление и Спасение, поданные в мифологизированном виде. Это объясняет, почему идеология Насера, который выступал против «Братьев-мусульман», в то же время благоприятствовала культурно-психологическим условиям, способствовавшим распространению этого движения. Несмотря на свою секуляризационную направленность, курс Насера опирался на те же фундаментальные темы, общие для всех исламистских движений: устремленность к идеалам прошлого, Золотой век, единство арабов, арабский кодекс достойного поведения, антиимпериализм, антисионизм и социальную справедливость. Мы сталкиваемся с той же тематикой в социалистическом Алжире и в период монархии Хасана II. Ирано-иракская война вынудила Саддама Хусейна, который позиционирует себя как великий представитель светской партии Баас, также отдать предпочтение исламизму, то есть языку и моделям поведения традиционалистов. И чем больше ислам превращается в идеологию противостояния и перемен, тем дальше человек уходит от Традиции как духа Откровения

или даже просто как этической стороны, *этоса*, закладывающего основу определенного представления о человеческой личности.

Как встроить современность в такую эволюцию Традиции? Существуют ли какие-то формы и содержания, которые лучше других соответствуют наиболее распространенным традиционным формам поведения?

Заметим прежде всего, что сегодня речь уже не идет о противопоставлении, с одной стороны, современности, как всегда и всецело положительной и находящейся на стороне прогресса, а, с другой, – традиции, отвергаемой как архаичная, отжившая свой век, сковывающая и имеющая негативные последствия. И наоборот, нельзя принять теологию Традиции, изображающую последнюю как нечто абсолютное, трансцендентное, священное и явленное. Изучение современных обществ выявляет три соперничающие за ведущую роль силы, а именно:

1. Традицию в общем и архаическом смысле, присутствующую во всех обществах и предшествующую Традиции священных писаний богооткровенных религий.
2. Традицию священного Писания, о которой мы говорили до сих пор.
3. Современность, которая склонна допускать разрыв с предшествующими феноменами, не доводя его, однако, до полного завершения.

На самом деле эти три силы питают диалектику любого общества, расставляя акценты и выделяя одни в ущерб другим в соответствии с социокультурными предпосылками и историческими обстоятельствами.

Традиция священных писаний, зародившаяся в лоне трех монотеистических религий, представляется в целом современной, поскольку она оттеснила предыдущие традиции, как представляющие тьму невежества и беспорядок (*джахилийя*)²⁵. Современность превращается в традицию по мере накопления во времени значимых для коллективного субъекта событий, литературных произведений и других трудов, ценностей, успехов, испытаний. С 1950-х годов изменения стали настолько быстрыми, глубокими и всеобщими, что традиция растворяется и ускользает. В так называемых отсталых или традиционных обществах, в отличие от индустриальных и постиндустриальных, присутствие и следствия современности в сфере материального более очевидны, чем в сфере интеллектуального. Я не буду возвращаться к вопросу о различиях между этими двумя аспектами современности (эпохи модерна)²⁶; более плодотворно будет сосредоточиться на исторических условиях производства и подавления современности на Западе и в исламе.

Наиболее выдающиеся историки продолжают характеризовать этот существенный вопрос в весьма конформистской манере. Я не могу рассматривать здесь всех авторов, наиболее активно следующих по этому

25 В христианстве термин «*mademus*» впервые был использован около 480–500 гг. для обозначения перехода от римской античности к христианству. См. доброкачественный исторический отчет об эпохе модерна на Западе в: H.R. Jauss, *Pour une esthétique de la réception* (Paris: Gallimard, 1978), 158–209, а также мои высказывания по этому вопросу касательно ислама в работе: □ M. Arkoun, *L'Islam, hier-demain*, 2nd ed. (Paris: Buchet Chastel, 1982), 120–137.

26 См. M. Arkoun, *L'Islam, hier-demain*, 2nd ed. (Paris: Buchet Chastel, 1982).

пути, и показывать неадекватность их подхода²⁷. Читатели сами могут составить некоторое представление об этом, приняв во внимание следующие наблюдения.

Можно отметить, что на Западе материальным аспектам эпохи модерна и интеллектуальным, или познавательным аспектам этого периода придавалось разное значение, в частности они различались по отношению друг к другу в исторической перспективе. Это определялось такими историческими обстоятельствами, как Возрождение и Реформация; европейский «Кризис совести» («*Crise de la Conscience*») XVII–XVIII вв.; Великая французская революция; промышленная революция и капитализм периода XIX–XX вв.; современное активное развитие высоких технологий и новых научных направлений в рамках антропологии и социологии. При этом на всех этих этапах имела место взаимосвязь и интеграция всего общества посредством сходного процесса **эндогенного развития** изнутри. Так, противостояние дворянства и духовенства, с одной стороны, и купеческой буржуазии, с другой, в XVIII веке, а также капиталистической буржуазии и пролетариата, начиная с XIX века и позднее, питало дебаты и породило институты и модели исторических образований, которые сегодня определяют две стороны современного Запада: социалистические и коммунистические (в социалистических и коммунистических разновидностях), а также либеральные партии. Не представляя нигде достаточно однородного влиятельного класса общества, чтобы играть решающую посредническую роль, сообщество ученых, мыслителей и художников стремится в условиях кризиса моделей развития закрепить примат современной интеллектуальной составляющей как когнитивного проекта разума, придать ей социальное преимущество перед другими идеологическими образованиями, заключенными в национально-общинные рамки или даже представляющими отдельный класс, претендующий на воплощение всеобщей истории человечества²⁸.

Это новое устремление современности эпохи модерна, связанное с развитием мирового сообщества ученых, повсеместно, в каждом национальном контексте, несет в себе огромный исторический и социокультурный потенциал. Однако несмотря на идеологические расколы, разделяющие современный мир и способствующие, в частности, негативному восприятию

эндогенное развитие**общества -**

развитие, обусловленное внутренними факторами, а не вызванное внешними воздействиями

27 Что касается Запада, можно обратиться, в частности, к следующим работам: F. Braudel, *Civilisation matérielle, économie et capitalisme XVe-XVIIIe siècle*, vol. 3 (Paris: A. Colin, 1979); что касается ислама, см.: B. Lewis, *Comment l'Islam a découvert l'Europe* (Paris: La Découverte, 1984); а также: A. Hourani, *Europe and the Middle East* (London, 1980).

28 Семiotика представляется мне в настоящее время дисциплиной, которая наиболее эффективно пересекает национальные, идеологические и традиционные границы дискурса с помощью передаваемых ею знаний.

ислама, даже менее предубежденные ученые продолжают оставаться заложниками линейного полемического и даже теологического видения этой религии, сформированного на Западе. Такое линейное видение восходит к периоду греко-римской античности, существовавшей отдельно от «мусульманского Востока», и прослеживается, не прерываясь, вплоть до наших дней; наряду с этим ислам в период VII–XII вв. характеризуется как рядовой эпизод истории. В русле такого полемического видения ислам по-прежнему продолжает восприниматься *в первую очередь* как препятствие, которое необходимо свести к минимуму или обойти, чтобы проложить имперский путь Западу. Теологическое видение обусловлено христианской теологией Откровения и оправданием государства Израиль, возрождающего старые системы взаимного исключения, которые доминировали на протяжении всей истории сообществ Книги с момента появления ислама в Средиземноморье.

Столкнувшись с этими взглядами, которые увековечивают и усиливают самые разнообразные коллективные фантазии, устаревшие культурные схемы и эпистемологические барьеры, современная эпоха пытается реорганизовать в когнитивном аспекте осознание того, что я назвал греко-семитским пространством.

Я уже указывал, что это пространство в действительности простирается от Инда до Атлантики, и что ислам не должен быть отброшен назад и превращен в романтический, мечтательный, бедуинский, нетерпимый или ложно духовный «Восток»²⁹. Напротив, он должен быть реинтегрирован как один из исторических факторов, способствующих возникновению культурной концепции современного Запада. Ислам связан с двумя типами цивилизации, уже полностью выделенными Ибн Халдуном: городским типом, отразившимся в оседлых йеменской, месопотамской, иранской, палестинской, египетской и средиземноморской цивилизациях, и кочевым типом, подвергнутому суровому осуждению уже в Коране, который на протяжении всей истории сопротивляется полной интеграции с первым. Проблема Западной Сахары и положение **туарегов** на крайнем юге Алжирской Сахары сегодня иллюстрируют оппозицию, основанную на проблемах экологии, сохраняющихся до сих пор.

Очевидно, что «западный» ислам есть ислам города, и, подобно христианству, в нем развиты функциональная солидарность между государством, Писанием (Книгой), ортодоксией и ученостью и ее культурой, глубоко пронизанной греческой мыслью. Средневековый христианский Запад не просто собирал разрозненные элементы того или иного сочинения того или иного арабского мыслителя. Можно говорить о «христианском» разуме в том же смысле и в русле тех же исторических и критических перспектив, которые я разработал для «исламского» разума.

Раскол греко-семитского пространства на *современный* Запад и Восток, верный Традиции, традиционализму и проявлению архаичных форм поведения, начинается с периода Возрождения и Реформации. Уже при Петрарке соотношение традиции и современности меняется: вопреки христианскому видению (ср. исламский взгляд на *джахилийя*), именно

туареги-

народ группы берберов в
Мали, Нигере, Буркина-
Фасо, Алжире и Ливии

29 M. Rodinson, *La fascination de l'Islam* (Paris: Maspero, 1980).

падение *Рима* знаменует собой переход к варварству; метафора тьмы и света, столь же дорогая христианству, как и исламу, в том смысле, что явленная Истина равняется свету, а язычество – тьме (*зулумат ал-джахилиййа/нур ал-ислам*), заменяется на свою противоположность гуманистами и учеными эпохи Возрождения. Лютер, со своей стороны, накладывает ограничения на доктринальный авторитет ученых богословов (*фукаха* и *улемы* в исламе), вводя свободу исследования даже Священного Писания; такое отношение поощрял и углублял Спиноза (то же в рамках ислама пытался проделать Ибн Рушд, но схоласты-ортодоксы уничтожили его работу). Вслед за тем на «современном» Западе происходит ряд событий, ограничивших концепцию бытия и устранивших ее символическую ценность: Декарт отличает субстанцию протяженную от субстанции мыслящей, а также субстанцию от субъекта, превращая материальную вселенную в однородный континуум, который можно объяснить механистически. В качестве метод применяется следующий прием: думать – значит классифицировать, разделять, описывать, исключать. Гегель смягчает этот линейный механизм введением диалектики, но затем Маркс делает политическую экономию ключом ко всей истории, подобно тому как Фрейд сводит структурирующую силу психики индивида к подавлению подсознательного. Ницше, со своей стороны, разрушает ценности, возвращаясь к истокам греко-христианской этики.

Читатель извинит меня за столь краткий обзор *некоторых* значительных событий и главных действующих лиц того, что я назвал интеллектуальной историей современности (эпохи модерна)³⁰. Моя цель прежде всего состоит в том, чтобы подчеркнуть, что исламская Традиция, как я ее представил, начиная с XVI века, оставалась строго отделенной от развития общества на Западе и, что более важно, также от того, что в этом развитии связано с судьбой человека как такового. Я также хочу отметить, что исламская мысль, далекая от признания и осмысления причин и следствий этого отклонения от истории, отклонения, затрагивающего разум и сознание, начиная с XIX века была занята исключительно защитой и оправданием своей традиции, ведя полемику с колониальным империалистическим Западом, а также занималась мифологизацией собственной истории.

Я не настаиваю, однако, на том, что *современный* Запад, как утверждают его господствующие классы, выработал модель исторического знания и действия, учитывающую все измерения человека. Но современ-

30 Необходимо еще раз подчеркнуть все исследования и достижения мысли, которые привели к реализации наиболее позитивного вклада великих первопроходцев эпохи модерна. Я имею в виду, например, вдохновляющее прочтение Декарта Ф. Алькие.

менность находится в процессе изменения измерений, амбиций и горизонтов, одновременно открывая новое пространство умопостигаемости (интеллектуальности) и исторического действия, в котором *могут* быть реинтегрированы во всей их совокупности не только традиции сообществ Книги, но где может быть исследована и обобщена методами культурной антропологии, не ограниченной одним центром, также и историческая совокупность со всеми ее культурными формами выражения, представленными в мире. Именно с этой точки зрения проект всестороннего изучения и пересмотра исламской Традиции во всей его полноте приобретает существенное значение, как для мусульманского сообщества, так и для современной мысли, занятой изучением вселенной, нашей планеты и условий жизни человека. Традиция в своей совокупности подразумевает выход за рамки ересиографического мышления, установленные приведенным выше хадисом. При этом взрываются и обретают новые измерения все привычные концепции традиционного богословского дискурса, не теряя при этом своей критической функции по отношению как к схоластическим традициям, так и к провинциальной, этноцентрической, унитарной или позитивистской эпохе модерна. Среди таких концепций можно назвать религию и религиозное измерение, связанные с политикой и секулярным миром (*дин, давла, дунйа*), а также Откровение, Книгу, Писание, священное, духовное, трансцендентное, а также указать всю терминологию классической метафизики, этики, права, психологии и политической экономии. Какие местные традиции сведены к остаткам, пережиткам ортодоксальной Традицией, а затем современными тенденциями эпохи модерна к унитаризму?³¹ Каким образом при отсутствии интеллектуальной современности, способной переосмыслить ортодоксальную Традицию, сама она, как правило, оказывается вытесненной материальной ориентацией современного общества модерни как устаревшая, неадекватная и архаичная? Какой ущерб нанесла себе сама ортодоксальная традиция, ликвидировав школы, сочинения и мыслителей, появившихся в русле ислама, но признанных «еретиками», отступниками, отклоняющимися (от верного пути), признанных таковыми не правомочным вероучительным органом, а протагонистами соперничающих профессиональных группировок или этнокультурных групп или лиц, имевших иное мировидение?

На эти вопросы сначала нужно ответить с исторической точки зрения, оставив в стороне какие-то ни было доктринальные суждения³². То, что современные мусульманские общества не могут принять критический дискурс историков, не означает, что последние выстроили свою научную

31 Под унитарной модерни я подразумеваю историко-культурный процесс, посредством которого западная мысль, начиная с XIII–XIV веков и далее, навязывает модель как объяснительную, так и исторически активную, которая санкционирует отделение субъекта от его тела и утверждает набор положений и концепций, суммированных в классической метафизике: трансцендентная онтология; прометеевское время Прогресса и Эволюции, а затем Развития; конкретное пространство продуктивности, легитимация через секулярный Разум, угнетающее манипулирование группами на основе фантастических конструкций, допускающих явление «великих людей»; государство; нация; демократия; всеобщее избирательное право; секуляризация и разделение власти; равенство; свобода; братство; Большой скачок и др.

32 Именно это я пытался сделать в нескольких эссе в книге: M. Arkoun, *Pour une critique de la raison islamique* (Paris: Maisonneuve et Larose, 1984).

дисциплину, на основе тех же абстрактных принципов, что и филологи-востоковеды, отслеживающие апокрифические *хадисы*. Исследовать Традицию во всей ее совокупности в том смысле, который я здесь обозначил, подвергать ее сомнению, означает напрямую выступать против истоков зла, подрывающих то, что закрытые конфессиональные полагают своими традициями. Я не имею в виду, что трагедии, разворачивающиеся в Ливане, Нигерии или где-либо еще, объясняются только религиозными причинами; но остается верным то, что религиозное воображение особенно быстро мобилизуется для ведения «священной» борьбы. Функции истории и культурной антропологии как раз состоят в том, чтобы обнажить реальности, искаженные манипуляторами религиозного воображения³³.

Возможно ли, чтобы только что описанное нами понятие Традиции во всей ее полноте могло быть воспринято как единая система богословами отдельных традиционных сообществ, которые разрабатывают богословие в рамках унаследованных ими теологических традиций, основанных на Книге? Как изменятся позиции богословия в новом контексте, созданном совместным давлением современной истории и когнитивных стратегий, навязанных науками о человеке и обществе, которые сами являются продуктами этой истории и ответами на ее вызовы?

3. ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

«Образ жизни и пути преобразования мира» (*«Des manières d’habiter et de transformer le monde»*) – так красиво называется первый раздел книги «Посвящение в практику богословия» (*«Initiation à la pratique de la théologie»*), недавно опубликованной во Франции³⁴. Название данного раздела, как и вся книга, свидетельствуют об эволюции, которую, как и эпоху модерна, можно наблюдать на Западе, и которая по-прежнему отсутствует в исламе; при всем том эта эволюция является ограниченной, потому что охват мыслью видов расселения, образа жизни и приемов преобразования мира остается строго зависимым от «осознания Веры, определяемого институциональными органами – Церковью (канонический текст, традиция, священство) и университетом (учебные центры, различные специализации и др.)»³⁵. Если мы зайдем так далеко, что предоставим слово одному из

33 Я различаю идеологическую манипуляцию и семиотическую: первая-тактическая, стратегическая, циничная; она контролирует все стратегии доминирования в международной жизни и политические махинации с целью получения или сохранения власти на уровне нации; вторая - присуща каждому высказыванию, она означает операции выбора, которые каждый говорящий осуществляет в языке.

34 См. работу, выполненную под редакцией Б. Лоре и Ф. Рефуле: *Initiation à la pratique de la théologie*, B. Lauret et F. Refoulé (Paris: Cerf, 1982-1983), vol. 5.

35 *Initiation à la pratique de la théologie*, B. Lauret et F. Refoulé (Paris: Cerf, 1982-1983), vol. 1, 12.

представителей ислама, а также одному из представителей иудаизма (при этом сразу возникают вопросы: Как его выбрать? По каким критериям? Применяя критерий ортодоксальности или эпистемологической причастности к Традиции во всей ее совокупности?) для того, чтобы они «дали свое толкование христианства, (но при этом) не устремляли все свое внимание на декларацию уникального значения своей собственной веры»³⁶, мы найдем, что доказательства, которые они предоставят, будут лишь сопоставлением положений ортодоксальных течений, без каких-либо попыток интеграции теологических расхождений как топосов (*topoi*) богословской традиции во всей ее полноте; (при этом мы отдаем себе отчет, что такое сопоставление) должно было бы начаться с выявления *анорий*, противоречий, общих для всех трех письменных традиций³⁷. Эта последняя задача весьма значима, поскольку позволяет выявить новое мыслимое и то, что в настоящее время остается немислимым, несформулированным в достаточно хорошо разработанном теологическом поле.

Давайте поразмыслим над конкретным примером апории, общей для христианства и ислама – историчности воскресения Иисуса, с одной стороны, и божественной подлинности Корана, с другой. В проникнутом историзмом контексте, сложившемся на Западе начиная с XIX века, христианские богословы не смогли избежать ответа на опровержение факта воскресения на основе историко-критического подхода к исследованию. Весьма внятное подтверждение Бернаром Лоре последних аргументов³⁸ демонстрирует ограниченность обращения к университетским авторитетам и примату осознания веры. Поначалу автор пытался спасти хотя бы часть – «исторического правдоподобия» факта воскресения; затем он переходит к рассмотрению функций и значений *идеи* воскресения, не признавая явно, что он допускает принятие *идеи* воскресения как недоказуемый исторический факт, для того чтобы не отказываться полностью от поиска когерентности в восприятии веры. Такое признание требуется не только от любого научного исследователя; оно особенно необходимо богослову, который слишком легко пользуется мистифицирующей силой призыва к вере. Психологи и психоаналитики показали нам, что под верой могут скрываться самые неудержимые и невнятные побуждения, импульсы желания, самые содержательно сложные сгустки памяти, самые фантастические образы воображения, самые сильные порывы сердца и самые твердые требования разума; и что овладение этими многообразными способностями зависит от форм духовной дисциплины, признанных и практикуемых каждой культурой. Богословы, тем не менее, продолжают предполагать в своих рассуждениях существование и распространение на всех верующих веры как чистого и всегда адекватного согласия сердца, справедливого и правого, с Деянием Божьим, явленным в Откровении. Можно представить себе, что теологи стремятся актуализировать эту идеальную веру посредством педагогики, при этом осознавая все препятствия, которые необходимо преодолеть; но нельзя простить им все эти ограничения и путаницу, которые они продолжают налагать на тот самый

36 Там же.

37 Вклад М. Таиби в ислам носит чисто описательный характер.

38 Initiation à la pratique de la théologie, B. Lauret et F.Refoulé (Paris: Cerf, 1982-1983), vol. 2, 378-407.

человеческий дух, который, как они утверждают, ведет к абсолюту.

Я говорю это не для того, чтобы показать превосходство ислама в отношении воскресения, а для того, чтобы выдвинуть новую сферу размышления (и дискуссии), где традиционные притязания христианства и ислама могли бы быть преодолены путем принятия во внимание проблем, которые были поставлены ранее, нежели проблемы воскресения и божественной подлинности Корана. Я уже говорил о том, как противники в Мекке и Медине требовали доказательств для установления этой подлинности, точно так же как со времен апостолов среди учеников велись споры на тему о пустой гробнице и воскресении³⁹. В обоих случаях мы сначала сталкиваемся с проблемой психологии познания: как провести границу между эмпирическим знанием естественных явлений и мысленным представлением явлений, называемых сверхъестественными или божественными? Во времена Иисуса, как и во времена Мухаммада, рациональная умопостигаемость, основанная на чувственном опыте, уже была принята, но «сердце» оставалось открытым для чудесного и мифологизированного знания; желательнее, чтобы историк прежде всего оценил интерференции и разрывы между этими двумя конфигурациями сознания перед лицом тех видов знания, которые были предложены. *Историческим* фактом является то, что богословские рассуждения в трех религиях велись так, будто вопрос психологии познания – если он действительно мог быть поставлен так радикально, как в наши дни⁴⁰ – был решен в Откровении. Таким образом, мы возвращаемся к традиции и к историческим условиям ее формирования. Вся теория божественного происхождения Корана (*'иджаз*) свидетельствует о скрытом преобразовании серьезной проблемы разума, поднятой в обоих случаях (воскресение и Коран), в апологетические и дидактические «решения». В отличие от христианской мысли, современная исламская мысль отказывается рассматривать любой вопрос в его исторической перспективе.

Думаю, я могу предсказать, что эти критические наблюдения и призывы к теологическому отношению, охватывающему различные традиции, остаются равнодушными как христианских авторитетов, так и мусульманских улемов. (Понятно, что и раввины не освобождены от моей критики). У меня уже было много случаев убедиться в существовании этого тайного попустительства, неосознанного среди догматических традиций, которые открыто защищают «непреодолимую подлинность». В этой области нет

39 См. M. Arkoun, *Le problème de l'authenticité divine du Coran // Lectures du Coran* (Paris: Maisonneuve et Larose, 1982).

40 Что касается ислама, то мутазилитская школа достаточно подробно изучила этот вопрос: см. Marie Bernand, *Le problème de la connaissance d'après le Mughni du cadî 'Abd al-Gabbar* (Algiers, 1982).

смысла ждать помощи от сообщества ученых, занятых более «серьезными» и более прибыльными с научной точки зрения задачами. Это означает, что религиозная мысль находится в поисках независимых мыслителей после того, как на протяжении веков была либо монополией ревностных служителей, либо мишенью полемистов, преследующих другие цели.

Надеюсь, понятно, что я не исключаю богословие из области исследования человека и общества; но богословие должно подчиняться правилам, общим для любой познавательной операции. Для этого на *новых* основаниях оно должно вновь поднять вопрос об откровении. И дело тут не только в *терпимости* к сосуществованию дискурсов, которые каждая традиция высказывает о себе; необходимо объяснить прежде всего исторические, психологические и антропологические условия возникновения и функционирования любой традиции, а затем и трех монотеистических традиций.

Тогда станет возможным рассматривать в богословском аспекте отношения между Писанием, Откровением и Традицией в сообществах Книги.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2022.

источник: M. Arkoun, *Aspects d'Islam* (Brussels: Facultes Universitaires, Saint Louis, 1985)

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Какое место занимает традиция в религиозном исламском дискурсе сегодня?
2. Какова разница между живой религиозной традицией и идеологией?
3. Возможно ли вводить научные методы изучения религиозной традиции в Исламе?
4. С какими трудностями сталкиваются современные исследователи при изучении религиозной традиции в исламе?
5. Насколько люди, вовлеченные в религиозную жизнь, культуру и практику, принимают реальное участие в создании религиозной традиции ислама, с точки зрения Аркуна?
6. В чем заключается столкновение традиции с современным исламом согласно Аркуну?
7. Какое место занимает светское в религиозной традиции ислама в истории и сегодня?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Какие научные методы наиболее эффективно могут раскрыть нам природу религиозной традиции ислама согласно Аркуну?
2. Насколько вопросы и идеи, которые поставил Аркун в своей работе, являются сегодня актуальными в контексте деколониального гуманитарного дискурса, который в настоящее время особо актуализируется?

КРИТИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ресурсный Центр ПАХЧ в Душанбе, Таджикистан

Читатель без критического подхода к тексту может прочитать книгу и запомнить из неё факты определённого события, а также узнать общепринятую интерпретацию этого события. Читатель с критическим подходом к тексту может прочитать ту же самую работу, но не принять приведенные факты и идеи без предварительного анализа или же последующего поиска новых доказательств для их поддержки.

Отличие заданных большой Традицией ислама аутентичных религиозных источников от фактов, основанных на научно-исследовательских подходах, создают дискурсионное поле для их интерпретации в работе Мухаммада Аркуна «Современный ислам: лицом к традиции», которые являются важными для понимания особенностей критических подходов, применяемых к гуманитарному знанию.

Для читателей без критического подхода к тексту — работа Мухаммада Аркуна предлагает главным образом различные теоретические подходы к исследованию большой Традиции ислама и ее интерпретации, исходя из современного контекста и научного арсенала знаний и методологии в отношении анализа священных текстов.

Для читателей с критическим подходом к тексту — Аркун предлагает различный набор теоретических подходов к изучению религиозной исламской традиции, которая не всегда включена в этот научный дискурс. Мухаммад Аркун предлагает не только четыре основных подхода, влияющих на понимание и интерпретацию религиозных аутентичных текстов и традиций, но раскрывает проблемы и вопросы, которые имеют более универсальный характер, выраженный зачастую в игнорировании мусульманского интеллектуального дискурса и вытеснения его на периферию в современных исследованиях. Студенты должны осознать, что нет единичной и правильной интерпретации фактов и идей, а существует целая палитра возможных и приемлемых путей для их интерпретации; с какими-то они (студенты) согласятся, а с какими-то нет. Читатель без

критического подхода к тексту удовлетворен только пониманием и описанием проблем, указанных в работе Аркуна. Читатель с критическим отношением к тексту стремится к большему. Так, поняв, о чём рассуждает Аркун, читатель также обращает внимание на то, чего добивается этот текст своим анализом. Прежде всего он задается вопросами: Приводит ли автор примеры, аргументы? О чём он спорит? Добивается ли Аркун одобрения читателей? К кому обращается главным образом сам Аркун в этой работе? Приводит ли он сопоставления, для того чтобы лучше объяснить свою точку зрения? И, наконец, основываясь на таком глубинном анализе, читатель с критическим подходом к тексту приходит к общему заключению о том, что означает весь текст.

Ниже приведены этапы и методы анализа, отраженные в различных способах чтения и рассуждения:

- О чём рассказывает выбранный текст — пересказ — разговор или анализ? Чего текст добивается — описание — обсуждение самой дискуссии, открытой в тексте.
- Что означает текст: интерпретацию, анализ или значение текста?

Вопрос: является ли работа Мухаммада Аркуна «Современный ислам: лицом к традиции» пересказом, анализом, описанием или интерпретацией?

ЦЕЛЬ КРИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Критическое чтение текста означает существование определенных целей, поставленных перед студентами:

- определить цели автора;
- понять его тон и доказывающие элементы;
- выявить предубеждения автора;
- возможно, задать вопрос автору;
- аргументированно определить свою позицию к прочитанному;
- прокомментировать наиболее значимый для читателя абзац из текста.

Вопрос: Заметны ли вам предубеждения Мухаммада Аркуна в его работе «Современный ислам: лицом к традиции»?

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Критическое мышление является «осторожным, намеренным определением того, хотим ли мы принять, отвергнуть или временно отстранить суждение о данном утверждении; уровнем нашей уверенности, с которым мы принимаем или отвергаем это утверждение» (из «Критического мышления» Мура и Паркера).

СТРАТЕГИИ КРИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ:

145

После прочтения работы Аркуна «Современный ислам: лицом к традиции» задайте себе следующие вопросы:

1. Какова главная тема, затронутая в этой работе?
2. К какому выводу пришёл Аркун в своей работе?
3. Каковы причины веры и научного убеждения Аркуна? (Остерегайтесь некачественных суждений: сожаление, страх, неправильное использование статистики и т.д.)
4. Использовал ли Аркун факты или мнения?
 - Факты можно подтвердить.
 - Мнения не всегда могут быть подтверждены.
Они не всегда строятся на достойных доказательствах.
5. Использовал ли Аркун нейтральные или эмоциональные слова? (Читатели с критическим подходом к тексту принимают во внимание не только используемый язык, для того чтобы проверить ясность суждений).

ХАРАКТЕРИСТИКИ КРИТИЧЕСКОГО ЧИТАТЕЛЯ:

1. Они честны сами с собой
2. Они отвергают манипуляцию
3. Они преодолевают смятение
4. Они задают вопросы
5. Они основывают свои суждения на доказательствах
6. Они ищут взаимосвязь между объектами обсуждений
7. Они интеллектуально свободны

источник: Adapted from Joe Landsberger, "Thinking Critically," The Study Guides and Strategies, St. Paul, Minnesota: University of St. Thomas (UST), April 2003.

ЛЮТЕР В ВОРМСЕ: «НА СЕМ Я СТОЮ...»
ХУДОЖНИК - АНТОН ФОН ВЕРНЕР (1843-1915)

МАРТИН ЛЮТЕР. ВСТУПЛЕНИЕ К ЛАТИНСКИМ РАБОТАМ

Мартин Лютер (1483-1546) был профессором теологии при Виттенбергском университете в Германии. В 1517 году он организовал публичные выступления против продажи индульгенций. Индульгенция, в своем истинном понимании, является прощением грехов и освобождением грешников от церковного наказания, дарованным главой Римской католической церкви Папой Римским. Однако во времена Лютера индульгенция продавалась на рынках в форме сертификатов. Деньги, уплаченные за сертификат, обеспечивали очищение от всех грехов. Впервые Лютер упомянул о необходимости реформации церкви в своих «95 тезисах» в 1517 году. Лютер поместил свои тезисы на стенах церкви, в которой он проповедовал. Эти тезисы представляли собой доводы Лютера в споре о толковании Библии и различных религиозных порядков. Хотя Лютер открыто никогда не критиковал Папу и не поддерживал радикальное отделение от католической церкви, его действия повлекли за собой развитие мощного движения в западном христианском мире, известном как «Протестантская Реформация». Оно основывалось на трех основных принципах: исключительность слова Библии, спасение через веру и возможность прямой связи между человеком и Богом без участия церкви. В ниже приведенном тексте, написанном Лютером как введение к его работам на латыни, он представляет читателю обзор исторических перемен того времени. Лютер объясняет свое порицание несправедливыми действиями церкви, а также размышляет над развитием собственного понимания христианской веры.

Дорогой читатель!

Я стойко противостоял всем тем, кто хотел опубликовать мои книги, или, возможно, мне лучше называть их продуктами замешательства моих ночных изучений. Во-первых, мне хотелось, чтобы труды древних авторов не были погребены под моими новыми работами и чтобы это не препятствовало читателю в прочтении древних работ. Во-вторых, на данный момент, слава богу, существует большое количество систематически организованных книг, особенно такой как «Общины Лочи», написанной **Филиппом**, в которых теолог или **епископ** могут найти достаточно подробную информацию, так чтобы они могли уверенно прочесть доктрины добродетели. В-третьих, самое главное то, что сама Библия сейчас доступна почти на всех языках. Цепь беспорядочных событий, однако, привела к тому, что мои работы напоминают дикий, беспорядочный хаос, который к настоящему времени даже я не могу привести в порядок.

По этой причине я хотел, чтобы все мои книги были погребены в вечном забвении, что увеличило бы пространство для существования лучших книг. Однако другие люди своими дерзкими и неотступными аргументами заставили меня согласиться с изданием моих книг. Они настаивали на том, что если я не разрешу им опубликовать мои работы, пока я жив, то, в любом случае, они опубликуют их после моей смерти, не зная о порядке событий и причин, стоявших за ними. Это привело бы к ещё большему

Филипп -
немецкий гуманист,
теолог, сподвижник
Лютера

епископ -
высшая степень
священноначалия в
Церкви

**ПРОДАЖА
ИНДУЛЬГЕНЦИЙ**

- Саул** -
раннехристианский
апостол и миссионер
Святой Павел
- эпикуреец** -
человек, который
видит смысл жизни в
наслаждениях
- архиепископ** -
старший епископ
- Майнц** -
город в Германии

количеству недоразумений. Мне также пришлось принять во внимание желание и повеление нашего самого прославленного избранного принца Иоанна Фредерика, который приказал, а вернее всего заставил издателей не только напечатать это издание, но и выполнить задание в самые кратчайшие сроки.

Кроме всего прочего, я молю читателя, во имя нашего Спасителя Иисуса Христа, отнестись к этим работам с пронизательностью, или, возможно, я должен сказать «с состраданием». Читатель должен знать, что когда-то я был монахом самым неистовым из папистов, когда я принялся за это дело. Я был настолько опьянен, настолько погружён в папские доктрины, что был готов, если бы мог, убить или соучаствовать в убийстве тех, кто выступал даже за незначительное уменьшение уровня послушания Папе. Таким **саулом** я был, и многие остаются им по-прежнему. Я был так холоден в своей защите папства, как был Эк и ему подобные личности, которые, с моей точки зрения, защищали Папу больше из-за своих животов, чем из серьёзных обязательств. По сей день мне кажется, что они смеются над Папой, также как **эпикурейцы**. Я воспринимал это серьёзно, потому что очень боялся Судного дня, и всё-таки желал спасения своему сердцу.

Таким образом, вы увидите, что в моих ранних работах я покорно, со всей присущей мне страстью, уступал Папе много важных вещей, которые позже, и по сей день, мною признаются за огромное богохульство и мерзость. Поэтому, дорогой мой читатель, будьте любезны приписать эту ошибку, или, как говорят мои клеветники, это противоречие времени и моему опыту. Сначала я был одинок и, конечно, слишком неумен и необразован, чтобы иметь дело с такими вопросами. Да свидетельствует этому сам Бог, абсолютная случайность, а не мое желание, привела меня к участию в этой суматохе. Когда в 1517 году индульгенция продавалась (мне бы хотелось сказать: выдавалась как награда) за незначительные суммы денег, я был священником, молодым доктором теологии, как они называли меня. Я начал отговаривать людей от внимания к выкрикам продавцов индульгенции. Я говорил им, что у них есть более лучшие дела, и я был уверен, что в этих делах Папа на моей стороне. Я очень полагался на его надёжность, так как в своих постановлениях он явно осуждал чрезмерное количество священников, отпускающих грехи.

Вскоре после этого, я написал два письма, одно Альберту — **архиепископу** из **Майнца**, который получал половину суммы, собранной от продажи индульгенций (другую половину получал Папа, о чём я не знал в то время), другое — Джерому — епископу Бранденбургскому. Я молил их остановить бесстыдное богохульство священников, продающих отпущение, но они пренебрегли мной. Поэтому, чувствуя себя проигнорированным, я опубликовал список положений и, в то же самое время, проповедь на немецком языке, проклинающую индульгенцию. Немного позже я опубликовал «Пояснения», в которых из уважения к Папе утверждал, что прощение грехов не должно осуждаться, но благотворительная работа за отпущение грехов должна быть более предпочтительной.

Я низвергнул небеса и предал землю огню. Я осуждён Папой, мне приказано прибыть в Рим, и всё папство встало против одного меня...

[Далее Лютер обсуждает события 1518 и 1519 годов, когда его борьба с церковью нарастала. Следующая часть состоит из ответа Лютера немецкому аристократу, который заявил, что все должны быть послушны Папе].

На примере моего опыта вы можете видеть, как тяжело вести борьбу без единой ошибки, которая может быть исправлена в соответствии с едиными стандартами и которая становится естественной, благодаря долгоживущим привычкам. Как правдивы афоризмы: «Трудно избавиться от привычки» и «Привычка — вторая натура». Как прав был **Августин**, когда сказал: «Если не противостоять привычке, она превратится в необходимость». В течение семи лет я тщательно изучал и преподавал священные писания для того, чтобы знать почти все из них на память. В то время я впитал в себя все основное знание о Христе и о вере в него — о вере в Христа, а не в работы, которые оправдывают и спасают нас. Наконец, в это время я уже начал публично защищать предположение о том, что Папа не был главой церкви по божественному праву. Но я до сих пор ещё не мог прийти к правильному заключению о том, что Папа должен был быть послан дьяволом, так как всё, что не от Бога от дьявола.

Как я уже сказал, я был так поглощён примером и титулом Святой церкви и моим привычным мышлением, что я допускал главенство Папы над церковью как одно из человеческих прав. Однако, если это право не поддерживается божественными силами, тогда оно является ложью и исходит от дьявола. В конце концов, мы повинемся нашим родителям и гражданской власти не потому, что они приказывают нам делать это, а потому, что так хочет Бог. Поэтому я могу с меньшей ненавистью терпеть тех, кто так цепляется к папству, а особенно тех, кто не читал священные писания или другие святыя работы, так как я сам, хотя и тщательно читал Священное писание на протяжении многих лет, всё ещё цепляюсь к папству...

[После обсуждения других разногласий с церковью Лютер завершает своё вступление, повествуя о том, как это повлияло на его веру].

В тот же самый 1519 год я снова начал переводить псалмы. Я чувствовал себя увереннее, благодаря большому опыту, так как в университете мне пришлось иметь дело с «Посланием римлянам», «Посланием **гала-там**» и «Посланием евреям» (см. Новый Завет), написанными Святым Павлом. Во мне родилось бурное желание понять, о чём Святой Павел говорил в письме к римлянам, но до сих пор передо мной стояло одно препятствие — нет, не моё хладнокровие, а одно слово в первой части: «Справедливость Бога раскрывается в нём». Я ненавидел это слово «справедливость Бога», которое в употреблении и в соответствии с при-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ БИБЛИИ.

Первое издание полного текста Библии в Германии, XV в.

Августин
(354-430) -
христианский теолог и
философ
галаты -
кельтские племена

вычкой моих преподавателей я стал философски понимать как ссылку на так называемую формальную и активную справедливость, то есть справедливость, в соответствии с которой Бог справедлив и поэтому наказывает грешников и несправедливых.

Но будучи тем невинным монахом, которым я был, я чувствовал, что перед Богом я был грешником с очень беспокойной совестью. Я не был уверен, что Бог был умиротворен моим удовлетворением. Я не только не любил, но даже ненавидел того справедливого Бога, который наказывал грешников. В тишине, если я и не богохульствовал, то уж точно бурно ворчал и становился злым на Бога. Я сказал: «Неужели недостаточно, что мы, жалкие грешники, потерявшие свою вечность из-за первого греха, угнетены всеми бедствиями, представленными в Десяти Заповедях? Почему Бог в Евангелии сыпет одно несчастье за другим и угрожает нам в Евангелии своею справедливостью и своим гневом?» Таким образом, я был яростен, моя совесть была дикой и возмущенной. Я постоянно возвращался к тому месту в «Послании к Римлянам» Святого Павла, и очень хотел знать, что он имел в виду.

Я проводил дни и ночи над теми словами до тех пор, пока наконец-то, по милости Божьей, я не обратил внимания на контекст: «Справедливость Бога раскрывается в нём». Как написано: «Справедливый человек живёт верой». Я начал понимать, что в этой строке справедливость Бога такова, что справедливый человек живёт даром Бога, то есть верой. Я начал понимать, что значение этой строки заключалось в том, что справедливость Бога раскрывается в Евангелии, но эта справедливость пассивна, то есть всепрощающий Бог использует ее для оправдания нашей веры. Как было сказано: «Справедливый человек живёт верой». Внезапно я почувствовал себя так, как будто я родился заново и вошёл в рай через открытые ворота. В тот же момент я увидел Святое писание в новом свете. В своей памяти я пробежал по тексту Святого писания и нашёл в нём другие места с подобным значением, то есть говорящими о том, что творением Бога является то, что он сотворил в нас. Власть Бога в том, что он делает нас властными. Мудрость Бога в том, что он делает нас мудрыми. Сила Бога, спасение Бога, величие Бога.

Я возвеличил самое сладкое для меня слово, «справедливость Бога», с такой же страстной любовью, какой страстной была моя ненависть, когда я ненавидел его. Эта фраза Святого Павла стала для меня вратами в рай. После этого я прочитал работу Августина «О духе и письме», в которой я нашёл то, на что я надеялся. Я обнаружил, что его объяснение «справедливости Бога» похоже на моё. Для нас справедливостью Бога является то, чем Бог одаривает нас, когда оправдывает нас. Хотя Августин в несовершенстве выразил свою мысль и не объяснил подробно, каким образом Бог наделяет нас справедливостью, мне всё же приятно, что он говорил о справедливости Бога, которой мы все наделены.

Вооружившись такими мыслями, я снова занялся истолкованием псалмов. Эта работа могла перерасти в комментарий большого объема, но в последующем году я был приглашен на совет, созданный императором **Карлом Пятым**, и, таким образом, вынужден был снова оставить начатую мной работу.

Я рассказываю вам, дорогой читатель, всё это потому, что если вы собираетесь прочесть мою работу, вы должны принять во внимание то, что я один из тех, как было отмечено ранее, кто, как Августин написал сам о себе, добивается прогресса во время письма и учений. Я не один из тех, кто вдруг стал идеальным (хотя на самом деле эти люди ничего из себя не представляют), кто не работает, кто не искушён, у кого нет опыта, но кто, взглянув один раз на священные писания, исчерпывает весь дух этих писаний.

Продажа индульгенций происходила до 1520–1521 годов. За этим последовали проблемы существования таинств и **анабаптистов**, о чём я расскажу во вступлении к одной из других моих работ, если я доживу до этого.

Во имя Бога, до свидания, дорогой читатель. Молись за увеличение сил против Сатаны, потому что он силен и зол. А сейчас он стал особенно гнусным и свирепым, потому что он знает, что у него осталось мало времени и что царство его Папы в опасности. Да укрепит Бог в нас то, чем он нас уже наделил, да процветёт его работа, которую он начал в нас. Аминь.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Luther, Martin. "Preface to the Latin Works," Readings in the Humanities: Second Year Program. Saint Anselm College, Massachusetts: Copley Custom Publishing Group, 1997, pp. 44–51.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что заставило Лютера поверить в то, что Папа не является главой церкви согласно божественному праву? Если это не божественное, а простое смертное право, что наделяет Папу властью, почему мы всё равно должны следовать ему? Обязательно ли Папе быть главой церкви по божественному праву?
2. Почему Лютер был в смущении с Богом? Что привело к согласию Лютера с Богом?
3. Согласно Лютеру, что может сделать истинного верующего справедливым? Как Лютер истолковывает жизнь справедливого человека? Лютер говорит: «Справедливый человек живёт верой». Нуждается ли тогда справедливый человек в церкви и папстве, чтобы услышать слова Бога и следовать им?
4. Как истолковывает Лютер «справедливость Бога»? Как истолкование Лютером Библии отличалось от истолкования Библии сторонниками индульгенции?

анабаптисты -
представители
радикального
протестантского
движения, которые
считали крещение
младенцев
недействительным

5. Почему даже после того, как он стал знаменит, Лютер отказывается публиковать свои работы? Как он реагирует на критику его действий?
6. Что Лютер говорит о привычках? Почему, по словам Лютера, привычки опасны?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Какое место, по вашему мнению, занимает Лютер в дискуссии между учёными, настаивающими на ортодоксальных и новых истолкованиях священных религиозных писаний?

НАРОД

МИХАИЛ БАКУНИН. СВОБОДА, МАРКИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Михаил Бакунин (1814-1876) был известным политическим писателем и главным пропагандистом анархизма. Арестованный за политическую активность в 1849 году, он провел много лет в тюрьмах Германии, Австрии и России. Изначально его приговорили к смертной казни, но впоследствии приговор был пересмотрен и изменен на пожизненное заключение. Он сбежал из тюрьмы в 1861 году и искал убежища в Европе. Бакунин стал известен в результате своего спора с Карлом Марксом. Бакунин утверждал, что использование государства пролетариатом для построения социализма приведет к диктатуре. В следующем отрывке Бакунин говорит, что правление интеллигенции повлечет за собой угнетение народных масс. Государство, в понимании анархиста, принудительно само по себе. Читая, подумайте о том, как бакунинская интерпретация роли государства отличается от марксистской интерпретации.

ГЛАВА III. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И МАРКСИЗМ

Нет ничего более опасного для личной морали человека, чем привычка повелевать. Самый лучший, самый просвещенный, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится в этих условиях. Два присущих власти чувства всегда неизбежно ведут к этому разложению: презрение к народным массам и преувеличение своих собственных заслуг.

Массы, осознав свою неспособность к самоуправлению, выбрали меня в вожди. Тем самым они открыто признали свою неполноценность и мое превосходство. Из всей этой толпы людей, в которой лишь несколько человек я признаю равными себе, я один способен управлять общественными делами. Народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг, между тем как я довольствуюсь самим собой, значит, народ должен повинаться мне ради собственного блага, и, снисходя до управления им, я делаю его счастливым.

Не правда ли, есть от чего потерять голову и сердце и обезуметь от гордости? Таким образом, власть и привычка повелевать становятся даже для самых просвещенных и добродетельных людей источником интеллектуального и одновременно морального извращения.

Но в народном государстве **Маркса** и вовсе не будет, как нам говорят, господствующего класса. Все будут равны, не только с юридической и политической, но также и с экономической точки зрения. По крайней мере, это обещают, хотя я очень сомневаюсь, что такое обещание будет когда-либо выполнено, принимая во внимание манеру, с которой за это взялись, и путь, по которому хотят следовать. Больше не будет господствующего класса, но зато будет правительство, причем, заметьте, весьма усложненное правительство, которое не будет удовлетворено просто административным и политическим управлением народных масс, как все

Маркс, Карл
(1818-1883) - немецкий философ, социолог, экономист. Главный теоретик современного социализма и коммунизма

КАРЛ МАРКС

Энгельс, Фридрих
(1820-1895) -
немецкий социолог и
философ, один из
основателей современного
коммунизма

Бисмарк, Отто фон
(1815-1898)-
создатель
Немецкой империи,
известный как
«Железный канцлер»

правительства на сегодняшний день, но которое будет также управлять народом экономически, концентрируя в своих собственных руках производство и равномерное распределение богатства, возделывание земель, открытие и развитие заводов, организацию и управление коммерцией и, наконец, использование капитала в производстве одним единственным банкиром, т.е. государством. Все это потребует огромных знаний и множества «голов, переполненных мозгами»¹ в этом правительстве. Это будет правление научной интеллигенции, самое аристократичное, деспотичное, высокомерное и презрительное правление из всех. Возникнет новый класс, новая иерархия настоящих и мнимых ученых и исследователей, и мир будет поделён на правящее во имя знаний меньшинство и огромное количество необразованного большинства. Каково же тогда придется этим необразованным массам!

Такой режим не может не вызвать существенного недовольства этих масс, и для того, чтобы держать их под контролем, просвещающему и освободительному правительству Маркса понадобятся не менее существенные вооруженные силы. Все это нужно, по словам **Энгельса**, для того, чтобы поддерживать порядок среди этих миллионов неграмотных, чье жестокое восстание могло бы разрушить и разбить все, даже правительство, руководимое головами, переполненными мозгами.

Вы можете отчетливо разглядеть, что за демократическими и социалистическими фразами и обещаниями марксистской программы стоит все то же, что составляет поистине деспотичную и бесчеловечную природу всех государств, какой бы ни была форма их правления, и что в итоге народное государство, так упорно восхваляемое Марксом, и аристократично-монархичное государство, поддерживаемое **Бисмарком** насколько умом, настолько же и силой, абсолютно идентичны по природе своих целей, как во внутренних, так и в международных отношениях. В международных отношениях развертывание военных сил – это то же самое, что и захват; а во внутренних делах подобное использование вооруженных сил – последний аргумент всех политических держав, находящихся под угрозой, против [народных] масс, которые, устав от неизменного доверия, надежды, покорности и послушания, поднялись на восстание.

Коммунистическая идея Маркса просматривается во всех его работах; это также обнаруживается в предложениях, выдвинутых Генеральным Советом Международной Рабочей Ассоциации, располагающимся в Лондоне, на Конгрессе в Базеле в 1869 году, так же как и в плане, который он намеревался представить Конгрессу в сентябре 1870, но этот Конгресс был отменен из-за Франко-Германской войны. Как член Генерального Совета в Лондоне и как ответственный секретарь из Германии, Маркс пользуется в Совете, как хорошо известно, огромным и, необходимо признать, законным влиянием, так что можно быть уверенным, что из предложений, выдвинутых Советом на Конгрессе, несколько произошли главным образом из системы и участия Маркса. Таким же образом, английский гражданин Лукрафт, член Генерального Совета, выдвинул на Конгрессе в Базеле

¹ Сатирический намек ссылки на Маркса немецко-американским делегатом на конференции в Гааге – Сорже.

идею, что вся земля в стране должна перейти в собственность государства и что государственные чиновники должны руководить и управлять возделыванием земли. «Что, добавляет он, будет возможным только в демократическом и социалистическом государстве, в котором народ должен будет внимательно следить за достойным управлением государством, национальной землей».

Такой культ государства является, в общем, основной характеристикой немецкого социализма. Лассаль, величайший социалистический агитатор и истинный основатель практического Социального движения в Германии, посвятил много времени размышлениям об этом. Он не видел никакого другого спасения для рабочих, кроме как в силе государства, в котором рабочие должны сами собой управлять, по его мнению, с помощью всеобщего голосования.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

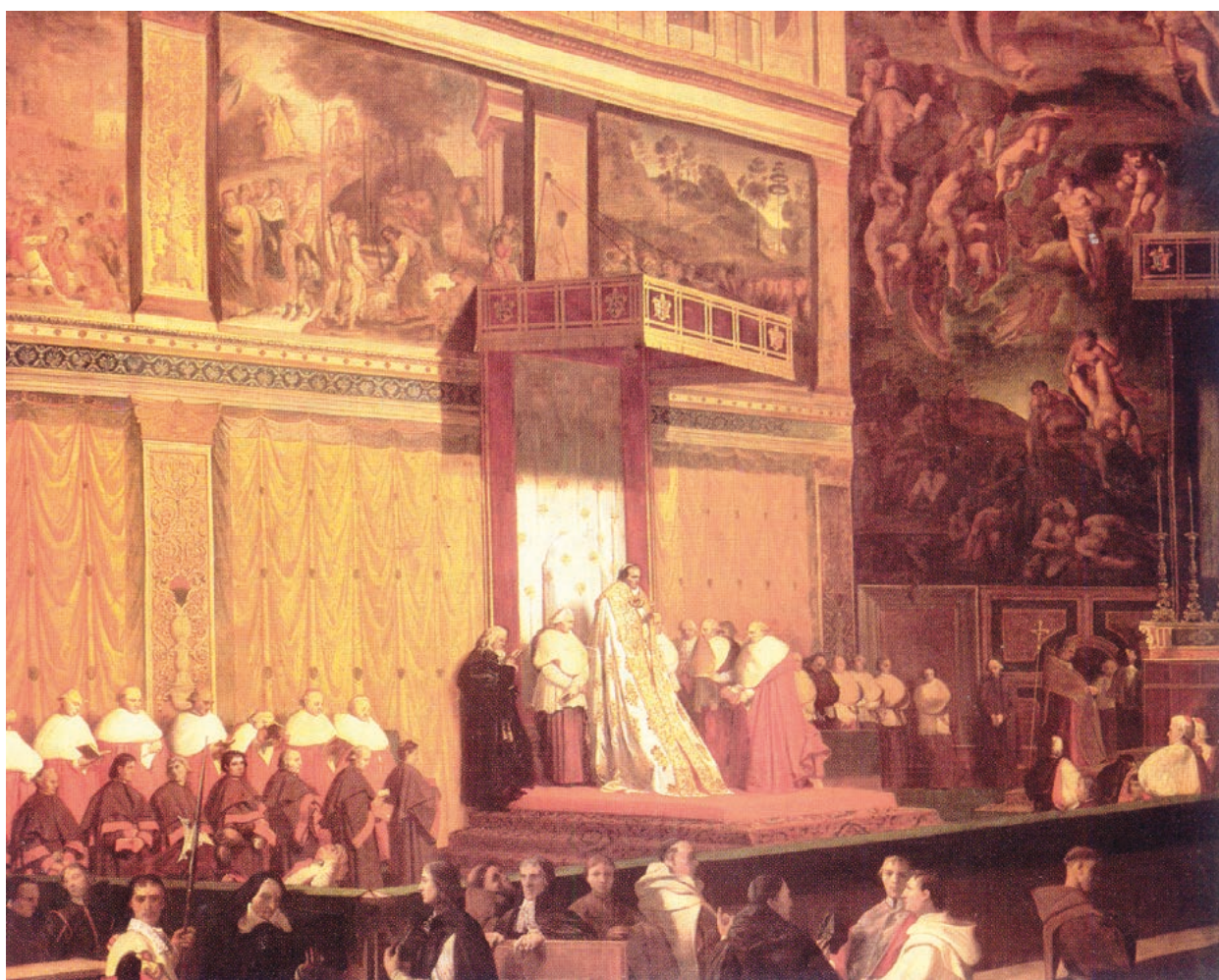
источник: Bakunin, Mikhail. "The State and Marxism." *Marxism, Freedom and the State*. Translated by K.J. Kenafick. Freedom Press: London, 1950. Online version. Bakunin Reference Archive (marxists.org), 1999. URL : <http://www.marxists.org>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему Бакунин предупреждает нас о «привычке повелевать»?
2. Верит ли он в то, что в марксистском государстве не будет существовать привилегированного класса?
3. Какова опасность правительства, состоящего из людей с «головами, переполненными мозгами»?
4. Как, по словам Бакунина, необразованные массы подвергаются тирании интеллигентного меньшинства в марксистском государстве?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Кто, по словам Бакунина, обладает властью в объяснении государства Марксом и почему?
2. Во вступлении к «Латинским работам» Лютер старается отговорить людей от покупок индульгенции, говоря, что они против истинной религиозной интерпретации. Согласны ли вы, что в своей работе Бакунин также пытается отговорить людей от марксистской идеологии? Какую роль играет истолкование в работах Лютера и Бакунина?

ИНТЕРЬЕР В СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛЕ.

Жан Огюст Доминик Энгр (1780-1867), французский художник

ВАТИКАНСКИЙ СОБОР. ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПАПСКОЙ НЕПОГРЕШИМОСТИ

I Ватиканский собор (XX Вселенский собор) начался 8 декабря 1869 года и завершился 20 октября 1870 года. Теологи и канонники, принадлежавшие светскому и обычному духовенству, были созваны в Рим из разных стран Европы для участия на этом Соборе. Несмотря на то, что решение Собора обрадовало основную часть католического мира, оно вызвало несогласие в Англии, Германии и во Франции. Особенно противоречивым стал вопрос о Папской непогрешимости, то есть о том, что Папа был освобожден или защищен от ошибок. Следующий текст, опубликованный в 1870 году, описывает Папскую непогрешимость. Рассмотрите власть, которую получает глава церкви, чтобы интерпретировать религиозное писание.

Основываясь на свидетельствах из священных писаний и придерживаясь простых и ясных указов обоих наших предшественников, Римского Папы и **общего совета**, мы обновляем определение **Вселенского собора** во Флоренции, в добродетель которого должен верить каждый верующий христианин, так же, как он верит в то, что святой папский престол и сам Папа обладают верховенством над всем миром, что Римский Папа является последователем благословенного **Петра** — принца всех апостолов, — истинным викарием Христа, главой всей церкви, отцом и учителем всех христиан, и в то, что полная власть была дана ему благословенным Петром, чтобы управлять, кормить и руководить Всемирной церковью во имя Христа, нашего повелителя, как указано в актах генерального консульства и священных **канонах**...

Таким образом, мы провозглашаем и заявляем, что по назначению нашего Господа, **Римская церковь** обладает первенством в силе власти в “обычном” над всеми другими церквями, и что эта истинно епископальная сила юрисдикции Римского Папы является безотлагательной. Долг **иерархического** подчинения и истинного послушания подчиняет этой силе всех, какого бы обряда и достоинства они ни были, будь то пасторы или верующие, отдельные личности или группы людей. Они должны подчиняться не только в вопросах, касающихся веры и морали, но также и в тех случаях, которые связаны с вопросами дисциплины и правления церкви во всем мире, так, чтобы церковь Христа могла стать единым стадом под руководством одного пастора путем сохранения единства причастия и одной с Римским Папой веры. Это учение католической правды, от которого никто не может уклониться без потери веры и спасения...

Более того, из этой силы, принадлежащей Римскому Папе в правлении мировой церковью, следует то, что он обладает правом на свободное общение с пасторами всей церкви, и с их стадами, которые он может обучать в форме спасения. Поэтому мы осуждаем и отвергаем мнения тех, кто считает, что общение между этой главенствующей персоной и пасторами

общий совет -
высший церковный совет

Вселенский церковный собор -
законно собранные ассамблеи церковных сановников и теологических экспертов

Петр -
самый известный из двенадцати апостолов, отмеченный первым в Евангелии

канон -
законы церковного совета

Римская церковь-
Христианская церковь, возглавляемая Папой, епископом Рима

иерархический-
организованный в соответствии с уровнем должностных рангов

и их стадами может быть законно приостановлено, а также и тех, кто превращает это общение в предмет желания светской власти, с целью доказать: что бы ни делалось папским престолом или его уполномоченными для управления церковью, не имеет ни силы, ни законного права до тех пор, пока это действие не будет подтверждено светской властью.

Потому что божественное право апостольского верховенства Римского Папы расположено выше церкви, мы заявляем и постановляем, что он является верховным судьёй над верующими и что решение, принятое церковью, может быть подано на его рассмотрение, и никто, не обладающий большей властью, чем он, не смеет отвергнуть или законно пересмотреть решение престола. Вот где те, кто утверждает, что пересмотрение решений Римского Папы на Вселенском соборе, обладающем большей властью, чем власть Папы, является законным, отклонились от правильного направления.

**ПАПА ДЖОН ПОЛ II В
ВАТИКАНЕ**

И если даже теперь кто-то посмеет заявить, что кабинет Римского Папы существует для проверки и одобрения, и что он не обладает верховной силой юрисдикции над Всемирной церковью не только в вопросах веры и морали, но и в вопросах дисциплины и правления церковью, расположенной во всем мире, или объявить, что папа обладает только основной, но не полной верховной властью и что власть, принадлежащая ему, не незаурядна и моментальна над каждой отдельной и всеми вместе взятыми церквями, каждым и всеми пасторами и верующими, то снизойдёт на него анафема.

Поэтому, верно придерживаясь традиции, появившейся одновременно с христианской верой, во славу Бога, нашего Спасителя, возвышения католической религии и спасения христиан, с разрешения святого Совета мы объявляем божественно преподнесенную догму о том, что, когда Папа Римский говорит со своего престола, а именно, тогда, когда он оставляет свой пост пастора и учителя всех христиан, что разрешается ему святостью его апостольской власти, для того, чтобы со святой помощью благословенного Петра провозгласить доктрину, касающуюся веры и морали, которых придерживается Всемирная церковь, то он обладает такую же непогрешимостью, которой Избавитель наделил свою церковь, ибо она определяет доктрины веры и морали. Поэтому изменение такого определения Папы Римского не по силам ни природе этого определения, ни санкциям церкви.

Но если кто-нибудь, да предотвратит это Господь, осмелится противоречить этому нашему определению, пусть падет на него анафема.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: The Vatican Council. "Papal Decree of Infallibility, 1870."

Readings in Modern European History. Translated and edited by James Harvey Robinson and Charles A. Beard, vol. 2. Boston: Ginn & Company, 1909, pp. 180-182.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

159

1. Почему Папа Римский «обладает верховенством над всем миром»?
2. Каковы последствия непослушания учению Папы?
3. Превосходит ли власть Папы власть правительства? В чём различие между их силами? Кто устанавливает авторитет Папы, и является ли он легитимным?
4. Какую роль играет истолкование христианской традиции и культуры в папской власти?
5. Согласно тексту, любой, кто отвергает авторитет Папы Римского, должен быть предан анафеме. Правильно ли это утверждение? Вы можете построить свой аргумент на основе текстов, изученных ранее.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как бы Бакунин отреагировал на постановление Ватиканского собора, который заявляет, что «Римский Папа является верховным судьёй над верующими»?
2. Каким образом Ватиканский собор может стать ответом на философские вопросы Лютера о личности, церкви и вере? С вашей точки зрения, согласился бы Лютер с Ватиканским собором, почему?

ЛЕНИН КАК ВОЖДЬ.

Проведя большую часть своей жизни в ссылке, Ленину удалось стать жизненно важной фигурой для Великой Октябрьской Социалистической революции. Эта фотография показывает, как он обращается к массам на Майской демонстрации. 1 Мая, 1919 год

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. ЧТО ДЕЛАТЬ?

В.И. Ленин (1870-1924) был лидером большевистского движения и Социалистической революции 1917 года в России. Как председатель РСДРП, он сильно повлиял на начальное развитие Российского социалистического государства. Так как работы Маркса напрямую не касались построения социалистического общества, а были больше связаны с критикой капитализма, Ленин привнес свое собственное понимание ведения масс по пути от социализма к коммунизму. Его концепция, известная как марксизм-ленинизм, утверждала, что группа людей, выбранных из пролетариата, может создать правящую партию, которая бы направляла пролетариат. Однако, в отличие от марксистского понимания классового общества, ленинская авангардистская партия предложила разделить общество на правящих и подчиняющихся. Во времена Советского Союза последующие правительства использовали его идеи для утверждения авторитарного режима Коммунистической партии, так как ее целью было вести людей к предопределенному будущему. В нижеприведенном отрывке Ленин обращается к условиям, в которых работала Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), описывает причины ограничения свободы слова и основание, по которому в партии должен существовать лишь узкий круг революционеров. После прочтения текста рассмотрите, как отклонение критики позволило Ленину утвердить его власть и установить политическое правление.

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами». [...]

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

РСДРП -

Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), название коммунистической партии в 1917-1918 гг.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдёмте в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже свободны идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту! [...]

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к **буржуазной** интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. [...]

Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя только полбеды. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, и даже социал-демократические органы, которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже теоретически обосновать свое раболепство и преклонение пред стихийностью. [...]

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество,

буржуазный –
принадлежащий к
среднему сословию

да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее, означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии...

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть упрочения и развития, вопреки всем жандармам, социал-демократического профессионального движения.

Мне возразят: организация до такой степени **lose**, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членом-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией. Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих **тред-юнионов** с социализмом. А кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме, тот просто неисправимый утопист.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим...

источник: Ленин, Владимир. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // М.: Издательство политической литературы, 1976. С. 6-9, 28-30, 36-37, 108-109.

lose -

потерять, проиграть
(франц.)

тред-юнионизм -

течение в рабочем и профсоюзном движении капиталистических стран, ограничивающее его цели борьбой за установление более выгодных условий продажи рабочей силы и проведение реформ в рамках буржуазного государства

ВОПРОС ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему Ленин утверждает, что критика социалистической идеологии невозможна?
2. Почему, по словам Ленина, «свобода критики» представляет угрозу социалистической идеологии?
3. Кто приносит социал-демократическое сознание рабочим? Должно ли оно навязываться извне?
4. Кто должен диктовать социалистическую идеологию и почему?
5. Почему, на ваш взгляд, Ленин готов пожертвовать «свободой» во имя «стабильности»?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. По вашему мнению, похожи ли Ватиканский собор и Ленин в их отвержении отклоненного и недружелюбного толкования об абсолютном идеологическом [религиозном, в случае Ватиканского собора] авторитете?
2. Чем отличаются друг от друга толкования Бакунина и Ленина о «государстве людей»?
3. Как власть помогает установить определенные политические правила в обществе?
4. Как, на ваш взгляд, ответил бы Бакунин на идею Ленина о том, чтобы «собрать маленькую, узкую, солидную группу, состоящую из самых надёжных и опытных рабочих... с целью исполнения всех функций по организации масс»?

АБДУЛЛА БУБИ. ПРОШЛО ЛИ ВРЕМЯ ИДЖТИХАДА?

Абдулла Буби (1871-1922) был известным преподавателем и реформистским теологом из Татарстана. Известные в среде джадидов как братья Буби, Абдулла и его брат основали исламскую реформистскую школу в своей родной деревне. Несмотря на отдаленность деревни, эта школа стала известной за свой оригинальный подход к религиозному образованию среди мусульман во всей Российской империи. Кроме обычных классов по исламу, школа предлагала различные светские предметы, включая иностранные языки. Параллельно с преподаванием Буби развивал свои либеральные исламские воззрения на Конгрессе мусульман. Он выступал за демократические права и право голоса для женщин. Братьев Буби обвинили в антиправительственных действиях и в 1911 году закрыли школу. Российское правительство настаивало, что их деятельность была нелегальной, так как братья были в близких отношениях с Оттоманской пантюристской партией, и что они продвигали панисламистские идеи, желая прекратить исторический конфликт между шиитами и суннитами. Абдулла Буби занимался не только обучением, но и написал несколько религиозных работ. В представленном отрывке, кроме реформистских идей, Буби утверждает, что ислам должен быть открыт для интерпретации и что люди не должны быть ограничены суждениями ученых, живших в прошлых веках. Буби заявляет, что силой Корана предусматривается свобода слова.

Человеческая мысль развивается изо дня в день, и даже самые необразованные и глупые люди могут не видеть результатов этого прогресса. Сегодня наивно утверждать, что «понимание Корана дано только тем, кто жил в прошлом, умер и никогда больше не родится до скончания времён». Глупо также тратить драгоценное время, отвечая на подобные высказывания. Но когда всё происходит так, как тебе этого хотелось бы? Мне хочется, чтобы правда не была затеряна среди разного рода иллюзий. Чтобы заблуждения такого рода не создавались под именем науки, и нам не нужно было бы искать на них опровержение.

Кто бы мог представить, что ислам, основу которого составляют разум и мышление и который в каждом своем постановлении обращается к разуму и мышлению, в каждом из своих предложений, будет лишён свободы **иджтихада** и брошен под иго **таклида**? Хотелось бы, чтобы все это было лишь плодом воображения. Тогда мусульмане не знали бы подобных проблем. Зачастую дети, восхищаясь взрослыми, стараются подражать им во всем, даже если взрослые поступают нехорошо, употребляя, к примеру, алкоголь. Подобным образом, не зная истинного прошлого мусульман, не понимая сути их бытия, некоторые из современных мусульман идут по стопам своих предков, слепо повторяя даже те их поступки, которые являются губительными. К сожалению, проблема заключается не только в этом. Использование таклида распространилось настолько, что нарушило саму структуру ислама, вследствие чего ислам

ОБВИНЕНИЕ В ЕРЕСИ.

Исмаил-бей Гаспринского атакуют муллы, обвиняя его в ереси и следовании новым методам, которые противоречат шариату

иджтихад -

усердие в формулировании мнения или в вынесении правового заключения по какому-либо вопросу, относительно которого нет четкого указания в Коране или Сунне

таклид -

следование авторитету в вопросах фикха

отклонился от своего истинного пути. Под кнутом гнёта свет ислама почти погас. Именно таклид заставил современных ученых, занимающихся законами ислама, написать сотни страниц о менструации — теме, которая даже не упомянута в Коране, в то время как морали, которой посвящена большая часть Священной Книги мусульман, не было уделено никакого внимания. Лучше б они уделили хотя бы десятую часть этого времени рассмотрению моральных ценностей Корана, вместо того чтобы упражняться в религиозных законах. Если бы они последовали этому совету, то, возможно, мусульмане не пребывали бы сейчас в состоянии неведения и страдания. Если бы современные мусульмане, подобно своим предкам, делали выводы на основании своих суждений, возможно, не было бы ни обвинений в неверии, ни слов ненависти. Только Сатана восстал против сострадания Божьего. Зачем вы обвиняете своего собрата в богохульстве и ереси только из-за того, что его мнение отличается от вашего, или он критикует размышления мусульман прошлого. Зачем вы заявляете ему: «Тебя не пустят в рай Божий»? Ведь между сподвижниками пророка Мухаммада (570–632) и создателями четырёх мусульманских ортодоксальных школ тоже по многим вопросам возникали разногласия. Однако они никогда не обвиняли друг друга в неверии и заблуждении и не считали врагами. Таким образом, между **Шафием** и **Абу Ханифой** существовало меньше разногласий, нежели между **Абу Юсуфом** и **Мухаммадом**.

Поскольку отсутствие единства во мнениях давало свободу мысли и слова, это было выгодно **умме**. Настало время, когда мусульмане стали слепо подражать высказываниям древних. Каждая группа фанатично придерживалась руководства одного имама, несмотря на то, что Бог выразил недовольство иудеями и христианами [за подобное же явление] в следующих словах: «Кроме Бога они поклоняются своим раввинам и монахам, как равным Богу» (Коран, сура 9, строфа 31). Группы, проповедуя свои идеи, стали враждовать между собой, хулить и чернить друг друга, думая лишь о пополнении рядов своих последователей. Эгоизм рос вместе с числом споров и разногласий. Ни одна из групп не пыталась добиться истины. Вместо этого, каждая группа старалась стать первой и доказать, что только она была права. Эти споры не только не были на пользу мусульманскому обществу, но и значительно ослабили его. Кажется, что следующие слова Бога были адресованы именно им: «Люди Книги не отличались друг от друга до тех пор, пока им не было даровано знание» (Сура 3, строфа 19).

Повсеместно [в Коране] Бог призывает людей к размышлению, это значит, что ислам основывается на независимом мышлении. Таклид и ислам являются взаимно противоречащими понятиями. Если бы принцип независимого мышления был развит и укреплен, люди смогли бы отличить истину от лжи и таклида можно было бы избежать. Однако этого не произошло. Коран критиковал людей Книги (иудеев и христиан) за изменения в их [святой] Книге, за бесконечное копирование высказываний религиозных мыслителей и за смешение понятий о правильном и неправильном. Подобным же образом наши религиозные мудрецы прошлого слепо копировали высказывания мыслителей, которые жили до них. Они утверждали: «Мы должны следовать наказам основателей **мазхабов**. Их слова должны быть приоритетнее утверждений Корана и **хадисов**». С другой стороны,

Ал-Шафи (767-820) - революционизировал учение о фикхе (исламской юриспруденции); основатель шафиитской школы суннитского права

Абу Ханифа (699-767) - основатель фикха (исламской юриспруденции) и ханафитского мазхаба

Абу Юсуф (738-798) – исламский правовед, ученик Абу Ханифы

Мухаммад ибн аль-Хасан аш-Шайбани (749-805) – правовед, ученик Абу Ханифы

умма - мусульманская община

мазхаб – богословско-правовая школа

хадисы - предание о словах и действиях пророка Мухаммада

когда слова религиозных старцев того времени противоречили словам создателей четырех мазхабов, они прислушивались к словам старцев, утверждая, что «по сравнению со словами Корана, хадисов и основателей мазхабов, слова этих религиозных старцев несут больше просвещающей информации. Поэтому кажущиеся противоречия в их словах являются лишь следствием недопонимания». Таким образом, последователи каждой группы прислушивались к основателям четырех мазхабов лишь в тех случаях, когда это разрешалось их религиозными наставниками, и поэтому они выбрали путь таклида, несмотря на то, что он был безоговорочно принят за неправильный. Тем самым ислам был «помещен в невидимые рамки», хотя сказано в Коране: «Бог не желает усложнять вашу жизнь» [сура 2, строфа 6], «Бог желает вам благополучия, а не трудностей» [сура 2, строфа 185]. Таклидом они закрыли широкую тропу иджтихада для разрешения многих проблем, решения которых нельзя найти ни в Книге Бога, ни в словах Пророка. Поскольку они не пытаются размышлять и из-за своего невежества противятся разумным суждениям, диалог с ними становится невозможным. Таких людей лучше избегать. Проблем, с которыми столкнулись мусульмане по вине этих религиозных старцев, намного больше, чем пользы. Они были полезны лишь деспотичным правителям и султанам.

Тираны и деспоты всегда находят пользу в невежестве, стараясь использовать его в собственных интересах. Более того, они с опаской относятся к знанию и учению. И ничто не способно столь действенно противостоять знанию, как таклид. Первым шагом к усмирению и угнетению людей является упразднение свободы мысли и иджтихада. Поэтому, зажимая современных ученых, угнетатели так расположены к фетве, утверждающей что «время иджтихада истекло».

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Bubi, Abdullah. Zaman-i Ijtihad Munqariz mi, Dagil mi? (Is the Period of Ijtihad Over or Not?) Translated by Ahmet Kanhdere. Kazan, Tatarstan, Russia: Millat Kiitibkhana'si, 1909, pp. 2-13. In Charles Kurzman, *Modernist Islam 1840-1940: A Sourcebook*. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 232-237.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Ограниченно ли понимание Корана, по словам Буби, у тех, кто жил в прошлом? Объясните ответ.
2. Как вы понимаете разницу между иджтихадом и таклидом?
3. Какое место занимает рассуждение в исламе?
4. Как таклид способствует распространению невежества и суеверия?
5. Какого писателя, чью работу вы изучили в этой части, напоминает вам Буби? Сравните их основные точки зрения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как совместимы аргументы Буби с аргументами Аркуна?
2. Что говорит Буби о свободе мысли? Какова была бы реакция Ленина на аргумент Буби, что мы должны быть свободны, для того чтобы уметь рассуждать?
3. По вашему мнению, похожи ли Бакунин и Буби в их аргументах о свободе истолкования?
4. Как пример осмысленного религиозного истолкования, приведенный Буби, похож на рассуждения Лютера о вере в его Вступлении к «Латинским работам»?
5. Как вы думаете, согласился ли бы Буби с Ватиканским собором по поводу того, что Римский папа является неоспоримым и непогрешимым авторитетом власти? Если нет, то почему?

АЗИМ НАНДЖИ. ЗАКОН БОЖИЙ / БОЖЬЯ ВОЛЯ: ОСНОВЫ ЭТИКИ В ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ: МУСУЛЬМАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Профессор-исламовед Азим Нанджи является старшим ассоциированным директором программы Аббаси по изучению ислама в Стэнфордском университете. Он занимал ряд академических и административных должностей в различных американских и канадских университетах. До 1998 года он был профессором и заведующим кафедрой религии Флоридского университета (США). С 1998 по 2008 год он занимал должность директора Института исмаилитских исследований в Лондоне (Англия). Удостоен награды от Фонда Рокфеллера, Совета Канады и Национального фонда гуманитарных наук.

Распространенное предположение об этических корнях западной традиции, предшествующей современному периоду, основано на том, что они восходят в первую очередь к библейским нормам, а также опираются на нравственно-этические традиции классической античности. При таком взгляде, однако, упускается из виду важная роль и связь с исламом, который в период своего формирования находился во взаимодействии с интеллектуально-культурными ресурсами античности и выступал в качестве моста для передачи греческой философии средневековой Европе при посредстве переводов арабских текстов на латынь. Исламская цивилизация, представляющая собой целый комплекс традиций, обеспечивала его сохранение и дальнейшее развитие, расширяя это наследие философской и этической мысли, вдохновленной мусульманским пониманием и интерпретацией Корана.

Латинские и, в некоторой степени, еврейские переводы с арабского языка охватывали широкий по тематике диапазон; благодаря им христианские и иудейские мыслители, начиная от **Фомы Аквинского** и кончая **Маймонидом**, открыли для себя весьма значимые труды греческих философов. Таким образом, понятие сугубо западной традиции необходимо пересмотреть в свете данной космополитической перспективы процесса исследований и обретения знаний, которые выходили за рамки религиозных и культурных границ.

ОТКРОВЕНИЕ И ПРОРОЧЕСТВО

Мусульмане считают себя последними в семье богооткровенных религиозных традиций, чье послание исходит от Единого Бога, создателя и хранителя всего творения:

Аллаху принадлежит и восток и запад; и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха. Поистине, Аллах объемлющ, ведущий!
(Коран 2:115. Пер. И. Ю. Крачковского)

Фома Аквинский

(1225-1274)-
итальянский философ и теолог, канонизирован католической церковью как святой. Признавал относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума

Маймонид, Моисей

(1138-1204)-
выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист, раввин, врач и разносторонний ученый своей эпохи

Мусульмане верят, что откровения, ниспосланные Пророку Мухаммаду по божественному вдохновению, записаны в Коране (букв. 'чтение вслух, назидание'). Мусульманская концепция откровения охватывает предыдущие откровения:

Мы ведь открыли тебе так же, как открыли Нуху и пророкам после него, и Мы открыли Ибрахиму, и Исмаилу, и Исхаку, и Йакубу и коленам, и Исе, и Аййубу, и Йунусу, и Харуну, и Сулайману, и дали Мы Дауду псалтырь. И (Мы отправили) посланников, о которых рассказывали тебе раньше и посланников, о которых Мы не рассказывали тебе. (Коран 4:163–164. Пер. И. Ю. Крачковского)

Таким образом, Пророка Мухаммада можно рассматривать как одного из пророков, кто, стремясь к реформе своего сообщества, получил вдохновение при посредстве трансцендентного опыта.

Переживание, которое испытал Пророк Мухаммад и которое вдохновило его на то, чтобы сообщить о нем своим братьям-мекканцам, в соответствии с Кораном не следует понимать как далекое от повседневной реальности жизни общества. Это «откровение» сразу стало значимым как раз потому, что в нем говорилось о необходимости морального преобразования социума того времени.

Откровение ниспосылалось Пророку Мухаммаду в течение двадцати двух лет в виде сильных, потрясающих переживаний. Процесс восприятия откровения включал как зрение, так и слух. Откровение было передано при посредстве «Духа святого» (Коран 16:102), посредником откровения выступил ангел Гавриил. Знамена Аллаха символически переданы при помощи лица, которое описано как «обладающий силой у властителя трона» (Коран 81:20), которое открыло послание Пророку Мухаммаду. Именно таким образом кораническая концепция откровения передает понятие «нисхождение» (танзил) — универсальный процесс, посредством которого все предыдущие откровения были ниспосланы в этот мир и со временем были записаны их последователями, обретая конкретные формы текста или книги (китаб). Все они, включая Коран, имеют первоисточник, известный как ал-Умм ал-Китаб (Мать Книги) (Коран 43:1–5).

Отсюда следует, что все откровения проистекают из одного трансцендентного первоисточника, который благодаря вдохновению становится доступным для человечества. Опыт откровения Пророка Мухаммада связывает мир трансцендентного с поступками человека, подчеркивая суверенитет Бога, реальность нематериального мира и идею ответственности человека за свои действия. Таким образом, существует динамическое взаимодействие между тем, что может быть понято как сфера веры (дин) и как область человеческой деятельности (дунья), что подчеркивает всеобщее мусульманское понимание всеобъемлющей взаимосвязи между духовным и материальным аспектами жизни. Переданный на арабском языке Коран представляет собой кульминацию этого процесса ниспослания, имевшего место в соответствующий момент через определенные промежутки времени в течение последних двадцати трех лет жизни Пророка Мухаммада. Он передавал эти откровения своим последователям, которые заучивали их, а писцы под его наблюдением записывали эти откровения на бумаге. Некоторые люди получили известность благодаря как своему умению читать вслух, так и способности запоминать текст.

Ко времени смерти Пророка Мухаммеда в 632 году Коран уже существовал как в устной, так и в письменной форме. После его смерти был составлен полный письменный вариант, во избежание разногласий относительно содержания и риска искажения священного писания. Мусульмане верят, что именно в силу этого текст Корана сохранился в неизменном виде, был систематизирован и упорядочен как письменный текст, основанный на указании Пророка Мухаммада и содержащий полное послание, открытое ему.

Мусульманские ученые склонны говорить о двух исторических фазах как жизни Пророка Мухаммада, так и откровений: мекканская и мединская. Именно в Медине община под руководством Пророка получила возможность организации и упорядочения, а также возможность в более полном объеме выполнять божественные заповеди в своей общинной жизни. В этот период были ниспосланы откровения, связанные с семейной жизнью, экономической деятельностью, отношениями с другими религиозными общинами, а также с противостоянием и конфликтом с мекканской стороной, намеревающейся уничтожить мусульманскую общину. Позднее ученые стали называть эти заповеди условиями, породившими конкретные откровения (асбаб ан-нузул). Именно таким образом этическое и духовное вдохновение раннего периода откровения реализовывалось в конкретных условиях, с которыми столкнулась растущая, стремящаяся к самоутверждению община.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР

Хотя Божья воля раскрывается в Коране и дополняется практикой Пророка, известной как сунна, мусульмане призваны проявить собственный разум в понимании откровения и в размышлении о роли выбора в жизни человека.

В описании процесса творения человека в Коране говорится, что Адам был создан из глины, оживлен божественным духом и наделен способностью «давать имена» (Коран 2:31). Это предполагает многослойное и многомерное творение, в котором сочетаются материальный, духовный и интеллектуальный аспекты. Адам упоминается как халифа (халиф) или наместник, наделенный ролью попечителя мира земного, который по Божьему указанию создает условия, позволяющие людям жить достойно в соответствии с морально-этическими ценностями. В Коране (95:4) говорится, что человек в этом широком смысле имеет особый, даже привилегированный статус в творении, и это положение влечет за собой ответственность за сделанный выбор, как это проиллюстрировано на примере истории творения.

Концепция подотчетности связана также с верой в грядущую жизнь и понятием Судного Дня. Поэтому мусульманские ученые более раннего периода прилагали усилия, свой разум и суждения к разработке подходов, к пониманию принципов и ценностей ислама. Эти методы и их применение были различны, но укрепляли верования и практики, претворяя их в синтез откровения и разума.

По мере того как ислам распространялся по миру, мусульмане стремились воплотить в различных регионах то, что они считали вдохновляющими ценностями первоначального опыта откровения. Это привело к формализации таких дисциплин, как право, богословие и толкование Корана, причем мусульмане обращались при этом и к другим интеллектуальным традициям и актуальным вопросам того времени. Мусульманские этические сочинения не столько дихотомизировали человеческое поведение, сколько стремились к его гармонизации в рамках комплексного видения. Таким образом, их понимание того, что такое быть «мусульманином» (то есть поступать в согласии с волей Божьей) включало в себя как материальное, так и духовное измерения жизни, а также стремление к достижению равновесия между этими двумя измерениями — верованием и верой, с одной стороны, и обстоятельствами и условиями повседневной жизни, с другой.

Эволюция этого непрерывного процесса обретала своеобразные черты по мере изменения исторического и географического контекста и возникновения мусульманских общин в разных регионах мира. Все это объясняет как очевидное разнообразие, так и плюрализм систем, которые развились с течением времени. Мусульманские цивилизации, развивавшиеся в различных регионах, на протяжении средневекового периода и периода, предшествовавшего современному, добились заметных достижений в области философии, науки и искусства, а также в широких масштабах способствовали развитию торговли и коммерции. Эти виды деятельности представляют важный аспект постоянного участия мусульман в общественных процессах широкого масштаба.

Согласно кораническому рассказу о творении, человечество было наделено способностью различать правильное и неправильное. Кроме того, Бог передавал руководство через Своих посланников, чтобы были ясны «критерии», позволяющие человеку распознать правильный путь и действовать в соответствии с этим.

В одной из глав Корана, озаглавленной «Различение» (Фуркан: Сура 25), откровение, — адресованное всему человечеству, — становится точкой отсчета для различения истинного и ложного. Далее в той же главе приводятся примеры прошлых библейских пророков, описывается их роль в качестве посредников при передаче Божьего слова соответствующим сообществам. Как и в иудаизме и христианстве, истоки ислама коренятся в идее Божьей воли как основы установления нравственного порядка посредством человеческих усилий.

Когда данный термин появляется в другом месте Корана, он передает также понятие богооткровенной морали, посредством которой человечеству предоставляется возможность различать истинное и ложное, правильное и неправильное. Базирование морального кодекса на Божьей воле дает людям возможность реагировать, создавая рациональное, разумное

осознание, которое поддерживает актуальность откровения. Именно при таком соотношении обеспечивается самая широкая основа для активного действия человека, — когда рациональность применяется как результат откровения при выработке критериев различения, охватывающих всю совокупность человеческих поступков и решений. Эти темы обыгрываются в кораническом рассказе о сотворении и изгнании Адама.

Адам, — первый человек, — выделен среди присутствующих ангелов, которым предложено поклониться ему в силу полученной им от Бога способности «давать имена, называть», то есть порождать знание, которое можно описать посредством языка и тем самым кодифицировать, способности, недоступной ангелам, которые рассматриваются как одномерные существа. Однако эта творческая способность влечет за собой обязательство не выходить за установленные пределы. Так, Сатана в Коране является примером нарушения порядка, крайности, потому что он не подчиняется Божьему повелению почитать Адама и преклониться перед ним, тем самым отрицая свою собственную природу и выказывая деградацию.

Со временем Адам также не удерживается в установленных Богом рамках и теряет свой почетный статус, но без какого-либо подтекста, подразумевающего доктрину первородного греха. Свой статус ему придется восстанавливать впоследствии, борясь и преодолевая свою неосмотрительность в мире земном, который становится новым местом его жизни, позволяющим ему делать выбор, совершая определенные поступки. В конце концов, он восстанавливает свой прежний статус, что свидетельствует о его способности вернуться на правильный путь через осознание своих ошибок. Таким образом, история Адама отражает весь потенциал положительного и негативного, добра и зла, заложенный в человеческом сознании, и разворачивающееся эпическое повествование человеческого отклика на постоянное присутствие божественного откровения в истории. Более того, она служит примером продолжающейся борьбы человечества за поиск равновесия, позволяющего действовать сбалансированно и подчиняться божественному принципу различения.

ОТКРОВЕНИЕ, РАЗУМ И ПРАВО

Право было центральным по важности и значимости предметом в мусульманской мысли и практике. Мусульманские ученые опирались на язык и правовое измерение коранических предписаний и этических норм, чтобы создать всеобъемлющую правовую культуру, нередко считающуюся одним из величайших достижений мусульманских цивилизаций.

Очень важно получить представление об историческом развитии права в исламе, это поможет развеять два ложных предположения. Первое заключается в том, что мусульманское право представляет собой фиксированную и неизменную систему VII века, а второе, — что это право является крайне ограничивающим, средневековым по своему мировоззрению и противоречит потребностям современного общества.

Термин, используемый для обозначения мусульманского права — шари'а. В основание этой концепции заложено представление, что по Божьему предназначению людям должно следовать божественно предначертанному пути, а также что тот же путь был явлен и другим людям в прошлом. В Коране прямо сказано:

Каждому из вас мы даровали путь и образ жизни... Если бы Бог пожелал, Он сделал бы вас одной общиной. Однако цель Бога в том, чтобы испытать вас в том, что Он даровал каждому из вас; потому старайтесь превзойти друг друга в добродетели и знайте, что к Богу вы все вернетесь, и поведает Он вам [истину] о том, в чем вы были не согласны друг с другом (Коран 5:48).

Мусульманские школы права развивались на протяжении столетий в ответ на вопросы, возникавшие по мере расширения мусульманской общины, или уммы, и столкновения с другими народами и культурами с устоявшимися системами верований и права. Со временем была разработана методология анализа и применения результатов этого анализа, на основе которой можно было получить ответ. Эта методология известна как фикх (юриспруденция); ее основополагающие принципы известны как усул ал-фикх, а свод прав, который она выработала, в совокупности называется шари'а. Однако в определенном смысле шари'а включает в себя нечто большее, чем понимание всей суммы прецедентного права; шари'а представляет собой нормы, обеспечивающие руководство в течение жизни в соответствии с этическими заповедями.

Различные школы права (фикх) возникли вокруг различных по географии центров исламской империи на почве сектантских различий, и все же при систематизации у них выявляется немало общих черт. Эти школы пытались создать процедуры для описания человеческих действий, классифицируя их в правовом и этическом аспектах. Эти получившие юридическое определение категории ассимилировали традиционно установившиеся нормы обычного права, которые не были полностью вытеснены в процессе преобразования. Однако среди современных мусульман, как и среди ученых в прошлом, существуют значительные расхождения в точке зрения на то, как интерпретировать некоторые из этих категорий с учетом современных условий жизни в разных странах мира.

Мусульманские ученые при разработке шари'а стремились дать его обоснование на основе Корана, примеров из жизни и поступков Пророка Мухаммада, но именно рядовые члены общества должны были выявлять и в подробностях разрабатывать правовые положения на основе морально-нравственных рассуждений и рациональных приемов.

Причем именно стремительный рост мусульманских территорий в первые века сложения ислама послужил толчком к тому, чтобы общая правовая культура легла в основу такого роста. Различия в подходах способствовали формированию у мусульман плюралистической право-

вой традиции, которая опиралась на методологию разработки правовых систем в разных аспектах с разной степенью интенсивности.

Четыре основные суннитские школы [юриспруденции] были названы по именам их ученых-основателей — ханбалиты, маликиты, шафи'иты и ханафиты. Их представители встречаются в разных частях суннитского мира и, хотя и различаются в некоторых деталях, имеют общую основу. Шиизм, — правовая школа которого называется джа'фари, основан на систематизации, проведенной имамами Джа'фаром ас-Садиком (ум. 765) и Мухаммадом ал-Бакиром (ум. 743), — придает большое значение фигуре имама и его руководству развитием права, рассматривая процесс решения богословско-правовых вопросов и системе используемых принципов, аргументов и методов аргументации (иджтихад, букв. «старание, усердие») как неотъемлемую часть права. (Термин «имам» первоначально означал «образец», «пример». См. Коран 2:118, 17:73, 36:11, 15:79, 25:74). В шиизме имам — это религиозный лидер, ведущий свое происхождение от Пророка через его дочь Фатиму, которая была женой его двоюродного брата, имама Али. Этот имам наделен духовной властью, причем статус имама передается по наследству и основан на божественном предназначении.

Опыт мусульман показывает, что одной из целей права было создание формализованных систем, которые могли бы применяться в обществе, но наряду с этим также и признание плюрализма, что реализуется за счет сосуществования различных сообществ, следующих разным традициям. Этот плюрализм отражает разнообразие происхождения и условий существования многочисленных культур человечества, и хотя все они воплощают универсальные ценности, основанные на откровениях, в процессе своего развития они сложились в различные общества, приспособившие эти ценности к конкретным обстоятельствам и историческим условиям. Однако это не мешает некоторым ученым время от времени предпринимать попытки применить более ригидные подходы к тому, как следует осуществлять право. Такие страны, как Индонезия и ряд стран Африки, где проживает значительное мусульманское население, включили в социокультурную жизнь своих обществ обычаи, исконно присущие их мусульманским сообществам, и традиции мусульманского права, а в настоящее время добавили к этому комплексу гражданские законодательные акты западных правовых традиций. В целом, в мусульманском мире существует большое разнообразие правовых кодексов, и практически в каждом из них сосуществуют различные системы, поскольку правовые кодексы продолжают адаптироваться к современной жизни.

ПРАВО И МЕНЯЮЩИЕСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Процесс развития общины в мусульманском опыте показывает, что изменения возможны только тогда, когда люди оказываются способны создавать институты, которые валидируются в рамках культуры и опираются на добрую волю и поддержку всех заинтересованных сторон. Причем там, где укоренились бедность и отсталость, нередко целые общины теряют мотивацию и средства, способные изменить обстоятельства их жизни. Ведь в Коране сказано, что «Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними» (Коран 13:11. Пер. И. Ю. Крачковского).

Вера, хотя и служит источником надежды, должна быть дополнена социальными действиями, воплощена в них, где тем, кто в конечном итоге извлекает выгоду, предоставляется возможность стать заинтересованной стороной и воспринимать изменения не только как влияние на исключительно экономическую жизнь сообщества, но и как феномен, углубляющий и укрепляющий чувство самобытности и религиозные ценности.

По этой причине в тексте Корана, где затрагиваются проблемы бедности, также затрагиваются вопросы, имеющие одновременно социально-правовые и экономические последствия. Община и ее лидеры должны рассматриваться как хранители этих ценностей, как люди, несущие ответственность за то, чтобы государство и ключевые сегменты общества выступали попечителями нужд беднейших социальных групп. Это сострадание и забота со стороны лидеров или государства, к чему апеллируют некоторые мусульманские мыслители и лидеры, рассматривается ими как ключ к установлению справедливого и несущего благо порядка в их обществах.

Однако в наше время в контексте безотлагательности решения проблем бедности мусульманам, чтобы способствовать созданию благоприятных условий в беднейших частях земного шара, необходимо работать совместно с представителями других групп общества. Это стало возможным в силу того, что теперь человечество выработало универсальный язык и понимание того, что при деятельности такого рода следует опираться на нравственно-этический подход и распространять усилия на всех, кого это касается. В этом отношении мусульмане часто черпают вдохновение в главе Корана, озаглавленной «Ал-Балад» (Коран 90), что может означать «город», «община», «деревня», «место» и даже в более широком смысле «Земля».

Стихи эти обращены к Пророку и свидетельствуют о его праве быть свободной личностью в этом пространстве, связанном с ним подобно узам, связывающим ребенка и родителя (или наследника и опекуна). В тексте откровения упоминается, что люди созданы для борьбы, но уполномочены делать выбор, который предлагает им Бог. Из всех этих усилий, говорится далее в стихах, самый трудный путь, это тот, который предполагает следующие деяния: «Отпустит раба или накормит в день голода сироту из родственников или бедняка оскудевшего!» (Коран, 90:13 (-16). Пер. И. Ю. Крачковского). Тех, кто выбирает этот путь, называют «Владыки правой стороны», они заслуживают этого высокого титула, поскольку воплощают в своих поступках такие качества, как «сострадание и забота».

Среди этических сочинений одного из первых мусульманских философов ал-Фараби (ум. 970) есть труд под названием «Добродетельный

город». Совершенство, воплощенное в таких городах, согласно ал-Фараби, основано на сбалансированной связи между добродетелями граждан, характером правителя и моралью и не должно быть основано на случайности или случайных событиях, вытекающих только из условий жизни и политической стабильности. Вопросы человеческого счастья, по ал-Фараби, включают гражданский, политический, социальный и этико-религиозный аспекты. Все они являются частью нравственной вселенной совершенства, при этом условия существования добродетельного города становятся возможными, только если стремиться к совершенству как к конечной цели в каждой из этих сфер.

В мире, где такие слова, как «кризис», «конфликт» и «голод» становятся слишком привычными, возможно стоит напомнить себе, что идеал добродетельного города должен быть достигнут в реальном мире, которым является наша планета. Как граждане земли мы сталкиваемся с трудным выбором, связанным со стремлением к совершенству посредством совместного этического взаимодействия, чтобы облегчить ситуации конфликта и страдания, вызванных глобальными вызовами нашего времени.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2022.

источник: Azim Nanji. Divine Law/Divine Command: The Ground of Ethics in the Western Tradition – Muslim Perspectives // Studies in Christian Ethics, SAGE Publications Ltd. Vol. 23, No. 1 Feb 2010.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как связаны между собой откровение, разум и этика в данной работе?
2. Какова разница между правом, правилом и этикой?
3. Откуда исходят идеи универсальности и выбора человека в системе западной и исламской этики?
4. Каков должен быть диалог, с вашей точки зрения, между официальными исламскими правовыми школами и представителями плюралистической мусульманской культурной традиции в вопросе о человеческой морали и этики?
5. Что объединяет этическую систему Запада и мусульманского общества?
6. Что лежит в основе этических принципов человека во взглядах ал-Фараби?

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

1. Какова главная цель чтения и истолкования священных религиозных текстов, с точки зрения Лютера, Буби, Аркуна и Нанджи?
2. Сравните аргументы, представленные Ватиканским собором, с одной стороны, и Лютером, Буби, Аркуна и Нанджи с другой стороны. Сформулируйте свой ответ в форме дискуссии между «рассудительной интерпретацией» и «литературной интерпретацией».
3. Многие последователи Лютера нашли политическое и социальное применение его учениям. Как, по-вашему, призыв к новому истолкованию ислама может ли быть применен подобным образом в исламском мире?
4. Ленин и Бакунин говорят о власти, которой нужно либо подчиниться, либо отречься от неё. Каково соотношение религиозного и светского в системе властных отношений? Свободны ли вы в высказывании своих собственных точек зрения, а не только тех точек зрения, которые навязаны извне? Приведите доказательства.
5. Каковы отличия в значении религиозных и социальных истолкований? Какое из этих истолкований, с вашей точки зрения, имеет большее влияние на отдельную личность и на общество?
6. Вернемся к главной теме этой части. Кто, по вашему мнению, должен обладать правом интерпретации? Каковы границы интерпретации? Может ли интерпретация быть предубежденной? Или же она всегда объективна? Может ли интерпретация быть хоть когда-нибудь объективной?

ВВЕДЕНИЕ

В этой главе тема интерпретации будет применена к пространству. Читателю потребуется рассмотреть, как организовано и использовано пространство. Подумайте, как архитекторы создают или не могут создать пространства, подходящие для жилья человека. Почему какое-то пространство способствует социальному взаимодействию, в то время как другое препятствует ему? Как архитектура влияет на то, как мы живем, и наоборот, как наша жизнь влияет на архитектуру?

В этой главе вы просмотрите презентацию «Дворы Империи», представляющую фотографии различных дворов. Когда вы будете смотреть слайды, подумайте, почему дворы появляются в разных местах, проходя через многие культуры и времена?

Создатели презентации предполагают, что распространение и приспособление двора через исламский мир могло бы быть метафорой для распространения ислама.

Эта глава также побуждает читателя подумать о неравном распределении пространства, особенно неравном распределении приятного, чистого, безопасного, уютного и удобного пространства, которое существует в мире. Как мы должны поступать с подобным неравенством сегодня? Может ли частная собственность быть выходом из положения? Кто и что может определять, где жить людям и скольким пространством они могут владеть?

Глава также заставляет читателя задуматься, какие пространства открыты для широкой публики, а какие заранее забронированы для частного пользования? Как люди реагируют, когда вторгаются в их личное пространство? Кто или что может определить, где проходит эта граница?

ДВОР МЕЧЕТИ ИБН ТУЛУН В КАИРЕ, ЕГИПЕТ (868-884)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ «ДВОРЫ ИМПЕРИИ»

181

Подготовьтесь рассмотреть и обсудить презентацию «Дворы Империи», показывающую дворы по всему мусульманскому миру.

Презентация была подготовлена Archnet, проект основан в Массачусетском институте технологии (школы архитектуры и планирования). Она свела вместе архитекторов, учителей, студентов, ученых и профессионалов в online “общности”. Archnet предлагает огромное разнообразие статей, эссе, чертежей и изображений, относящихся к архитектуре в исламском мире, через вебсайт www.archnet.org. Любой может пользоваться этими ресурсами и присоединиться к общности Archnet через этот сайт.

ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ДВОРА

ДВОР КАЛИ МАСДЖИД В ДЕЛИ, ИНДИЯ (1370)

Мечеть Султана Ахмета, также известная как Голубая мечеть, в Стамбуле, Турция; была построена Султаном Ахметом I (1603-1617). Она считается одним из лучших примеров Османской архитектуры

РАЗВИТИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИДЕЙ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВАШИХ ИДЕЙ:

1. Определение цели, аудитории читателей и темы
2. Общие идеи
 - а) составление карты в уме
 - б) мозговая атака
3. Сбор информации
 - а) книги
 - б) статьи
 - в) газеты
4. Организация идей

ОРГАНИЗАЦИЯ ВАШИХ ИДЕЙ:

Есть много всевозможных вещей, о которых можно написать, но вам необходимо сузить ваш выбор. Например, вашей темой может быть «интерпретация пространства». Сразу же вы и ваш читатель зададите один и тот же вопрос: «Что это?». Почему вы должны об этом писать и почему кто-то должен это читать?

1. Спросите себя: что уже знает ваш читатель?
2. Необходимо ли вам объяснить, что вы подразумеваете под пространством и интерпретацией?
3. Хотите ли вы указать, почему анализ пространства важен и как оно влияет на жизнь людей?

ПОИСК ФОКУСА:

1. Сужение вашей темы для получения тезиса
2. Предмет, тема, вопрос, тезис
 - а) уровень 1: широкая предметная зона
 - б) уровень 2: тема для исследования в предметной зоне
 - в) уровень 3: основной вопрос, который вас беспокоит

г) уровень 4: ваш тезис (ваше утверждение аргумента или ваша основная идея ответа на этот вопрос). Часто вам придется много всего прочитать и написать, прежде чем вы придете к этой точке зрения

ФОРМУЛИРОВКА РАБОЧЕГО ТЕЗИСА:

- сужает вашу тему до одной основной идеи, которую вы хотите донести до читателя
- четко объявляет о вашей позиции в одном или нескольких предложениях
- излагает не просто факт, а аргумент

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Adopted from Evelina Dimitrova-Galaczi, Writing skills Workshop. Sept 2000.

Скваттер (нелегальная резиденция), община в Дели, Индия. Фото Корреа

ЧАРЛЬЗ КОРРЕА. ГОРОДСКОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СТРАНАХ ТРЕТЬЕГО МИРА: РОЛЬ АРХИТЕКТОРА

185

Чарльз Корреа родился в Индии в 1930 году. Он учился в университете Мичигана и Массачусетском технологическом институте в США. В 1958 году Корреа вернулся в Индию и открыл частную архитектурную практику в Бомбее. Работы Корреа по городскому развитию заслужили одобрение за применение модернизма в восточной культуре. Отличающиеся новаторским использованием здания и пространства, работы Корреа по планированию землепользования и по общественным проектам важны своим практическим и символическим значением. В следующем тексте Корреа объясняет, почему жилищные проекты для городской бедноты не достигли успеха в прошлом, а заодно он предлагает новые альтернативные решения.

Архитектор сталкивается с тем, что несмотря на его самые усердные старания, он не может снизить стоимость жилья до более или менее доступного уровня, чтобы городской бедноте оно было по карману. На самом деле, эти люди могут себе позволить лишь простые одноэтажные строения, которые они столь умело и прекрасно строят для себя. Они используют местные материалы, такие как глина и бамбук, приспособливают жестяные консервные банки и пальмовые листья, и за счет своей изобретательности и опыта им удается выжить.

Но если существует решение жилищного вопроса, почему же столько людей по-прежнему продолжают жить на тротуарах наших городов? Этому есть два решающих объяснения. Во-первых, масштабы спроса требовали отведения большинства лучших земель под другие нужды, передвигая, таким образом, основную массу этих самовозводимых жилищ на невосребованную землю на окраине города. У бедноты, находящейся далеко от основных транспортных артерий и другой инфраструктуры города, оказавшейся без доступа к общественному транспорту, нет свободы передвижения, нет выбора работы, а зачастую вообще нет работы. Именно поэтому во многих городах незаконные поселенцы противятся любым благонамеренным попыткам перевести их в кварталы и сервисные схемы, далекие от основной городской инфраструктуры. Очень часто такие районы становятся по милости местных предпринимателей не более чем гетто с дешевой рабочей силой (возможно, это поможет объяснить их возрастающую популярность у финансовых учреждений). Естественно, бедняки, по крайней мере самые находчивые из них, снова возвращаются на тротуары в центр города. Жилище имеет относительно низкий приоритет в их списке выживания после еды, одежды, здоровья и т.п. Непосредственный доступ к нервным центрам города куда более важен,

чем соответствующее жилье.

Это приводит нас ко второй причине, по которой кажущаяся жилищная панацея не воплощается в жизнь. Хотя многие плановики и лица, ответственные за принятие решений в городах третьего мира, охотно признают преимущества самовозводимых жилищ, они всё же чувствуют, что все экономические преимущества пропадают, когда добавляется стоимость лучшей городской земли при относительно низкой плотности населения. Подобный негативный образ складывается как в случае с Сингапуром или Гонконгом, при учете лимитов в использовании общей городской земли и знании того, что эту территорию не стоит растрачивать на одноэтажные строения.

Это широко распространенное мнение, и оно заслуживает серьезного анализа. Городское жилье не изолированная проблема; его общая стоимость для общества гораздо выше, чем затраты на строительство зданий. Такое положение вещей – результат череды других решений о местоположении, распределении рабочих мест, потребительских линий, транспортных артерий и т.п. Мы, в сущности, ищем оптимальный компромисс между затратами на строительство (которые меняются в зависимости от плотности населения) и альтернативной стоимостью городской земли.

Для того чтобы нащупать золотую середину в этом компромиссе, нам необходимо дать точное определение жилью и его подлинному значению. Под жильем понимается гораздо больше, чем просто здания. Комната, клеточная секция – это лишь один из элементов целой системы пространства, необходимой людям для жизни. В Индийском городском поселении существуют четыре таких необходимых пространственных элемента. В иерархической последовательности это: пространство, необходимое семье исключительно для частного пользования (например, для приготовления еды, сна, места для хранения вещей и т.п.); пространство, способствующее тесному общению (к примеру, крыльцо, где играют дети или кто-то беседует с соседом); место встречи соседей (например, городская колонка или деревенский колодец), там, где человек становится частью своего сообщества; и, наконец, основная городская территория, возможно мадина, которой пользуется весь город. В других сообществах количество элементов и их взаимозависимость может различаться, но очевидно, что человеческие поселения повсюду – от маленького городка и до огромного мегаполиса – будут иметь аналогичную структуру. Такая аналогия будет меняться в зависимости от климата, дохода и культурных традиций каждого общества.

Мы можем выделить две важные характеристики этих систем. Во-первых, некоторые из этих элементов состоят из закрытого пространства и/или открытого пространства. Это имеет фундаментальное значение для развивающихся стран, т.к. почти все они располагаются в тропическом климате, где большая часть важной человеческой деятельности происходит на улице. Например, приготовление пищи, сон, развлечения, детские игры и т.д. не требуют использования площади в закрытом помещении, эта деятельность может с таким же успехом происходить в открытом дворе. Представьте, что в особой культурной среде, как мы предполагаем, около семидесяти пяти процентов этих основных функций городской жизни могут происходить под открытым небом.

Незаконное поселение
в Куала Лумпур, Малайзия.
Фотография В.Лима

Сделав скидку на неблагоприятные климатические условия (муссоны и тому подобное), мы по-прежнему считаем, что данное положение верно, по меньшей мере, на семьдесят процентов в год. Это предоставляет коэффициент использования двора немногим более половины (т. е. 0,75 x 0,70) от закрытого помещения. Национальные жилища от касба в Алжире до бумажных домиков в Токио — это результат гармоничного компромисса между ценой строительства здания и ценой земли для площадок под открытым небом. Каждое общество и каждое домохозяйство внутри него находят свой собственный баланс.

Вторая важная характеристика в этой иерархии пространства для жизни заключается в том, что все элементы взаимозависимы; недостаток пространства в одной из зон может быть компенсирован предоставлением большего пространства в другой. Например, компенсацией за маленькие жилые помещения может быть большое открытое общественное пространство по соседству и наоборот. Иногда можно увидеть вопиющий дисбаланс; в Дели, к примеру, на каждую семью приходится около семидесяти пяти квадратных метров открытого общественного пространства. Эта система работала бы лучше, если бы, как в Исфахане или Бенаресе, доля этого общественного пространства была обменена на маленький дворик для каждого дома (возможно, около десяти метров каждый).

Увидеть иерархию и понять природу таких компромиссов — это уже первый шаг к обеспечению жильём. Отказ же от такой оценки чреват постановкой неверных задач. Вот почему решение жилищной проблемы сегодня чаще всего представляет собой простое размещение по возможности наибольшего количества квартир на ограниченной территории, не уделяя ни малейшего внимания другим жизненным потребностям в пространстве. В результате окружающая среда становится практически непригодной; чем выше растут здания, тем все более и более функционально ограниченными становятся открытые пространства. Двор, окруженный одноэтажными постройками, подходит для сна; в окружении двухэтажных домов во дворе по-прежнему можно готовить; при пятиэтажном доме двор может выполнять роль детской площадки; при десятиэтажном — двору отводится лишь роль стоянки для автомобилей. Старый индикатор определенного количества открытого пространства на 1000 человек слишком грубое измерение, т. к. пространство должно различаться как качественно, так и количественно.

Подытоживая роль архитектора в странах третьего мира, мы осознаем, что бедные не приходят в города ради жилья; они приходят сюда ради работы. Поэтому, задаваясь вопросом «как строить?», мы подразумеваем также и вопрос «где строить?» Площадки и сервисные схемы — это лишь часть ответа, но сами по себе они не являются панацеей. Нормальное суще-

Городские незаконные поселения в водосточной трубе в Бомбее.
Фотография В.Лима

ствование таких площадок требует, чтобы они были связаны с основными составляющими городской инфраструктуры. Масштабы спроса диктуют необходимость значительной перестройки наших городов. Осмысление и помощь в ускорении такой перестройки — вот главная задача архитекторов стран третьего мира. На микроуровне архитектор должен участвовать в определении плана города, как раньше это делали мистрисы; он постоянно должен помнить о том, что он и люди сидят по одну сторону стола. Если архитектор справился с этими задачами, он может уже не беспокоиться, когда дело дойдет до построения дома.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Correa, Charles. "Urban Housing in the Third World: The Role of the Architect." *Housing Process and Physical Form*. Aga Khan Award for Architecture, 1980, pp. 45-49.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему бедные предпочитают жить на тротуарах городов, нежели в домах на окраине города? Как распределяется городское жилищное пространство? Почему городское жилищное строительство дорого обходится городу?
2. Как должно быть организовано жильё, по словам Корреа? Каковы два важных факта в организации жилья? Как климат, культура и доход влияют на использование пространства в домашнем хозяйстве?
3. Как найти баланс в разделении общественного и частного пространства? Какие важные аспекты должны быть приняты во внимание при обеспечении жильём?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Какая функция отводится двору в понимании Корреа? Как функциональные характеристики двора в презентации «Дворы Империи» отличаются от взглядов Корреа, считавшего внутренний дворик элементом пространства?
2. В чем заключается важность двора в понимании Корреа? Почему это было так важно несколько веков назад, как показано в презентации «Дворы Империи»?
3. Корреа объясняет, как двор, окруженный зданиями, подходит для приготовления пищи, сна или детских игр. Можете ли вы выбрать двор из презентации «Дворы Империи» и объяснить, каким целям он лучше всего служит?

ДЖОН Ф.Ч.ТЕРНЕР. ЖИЛИЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ЕЕ ЧАСТЬ В ДРУГОМ РАЗВИТИИ

Джон Ф. Чарльвуд Тернер (род. в 1927) наиболее известен своими публикациями по жилищным вопросам, которые оказали существенное влияние на жилищную политику во всем мире. Окончил Архитектурную ассоциацию в Лондоне (1954), работал в Объединенном Королевстве, Перу (1957–1965), Соединенных Штатах и развивающихся странах по вопросам теории, практики и инструментов для самоуправляемых домов и бытовых построек. Тернер преподавал в Массачусетском технологическом институте (1965–1973), Гарвардском университете и университетском колледже Лондона. Нижеследующий отрывок взят из презентационной речи Джона Тернера 1979 года на семинаре по жилищному процессу и физической форме, за которую он получил награду Ага Хана в области архитектуры. Джон Тернер утверждает, что жилье является очень широким понятием, и рассмотрение его просто как товара широкого потребления приводит ко многим проблемам, как для отдельного человека, так и для общества в целом. Он также рассматривает роль населения и местных сообществ и предлагает некоторые ключевые решения жилищных проблем в современном мире.

ЖИЛЬЕ–ЭТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Жилье это не только предмет купли-продажи. Это сложный процесс взаимодействия многих людей и организаций, делающих много вещей, чтобы получить разнообразные реальные или ожидаемые результаты. Когда слово “жилье” используется просто для обозначения рынка жилья, то обзор крайне сужается; действия, вероятно, будут неэффективны или даже **контрпродуктивны**. **Зашоренные** и ограниченные взгляды общественных или частных производителей, непосредственно заинтересованных только в конечном продукте, никогда не приводили к экономичной или социально жизнеспособной жилищной политике; они обращают слишком мало внимания, или даже вовсе не обращают, на способы и средства, посредством которых производятся и поддерживаются жилищные товары и услуги. Никакой фактический или потенциальный квартиросъемщик не интересуется исключительно количеством или качеством строительных материалов, требуемых для жилья. Скорее он более заинтересован его местоположением, сроком аренды и прямыми и косвенными затратами на проживание в нем.

Жилищные проблемы обычно рассматриваются большинством экспертов как вопросы числовых дефицитов и физических стандартов; местоположение только теперь признается важным фактором. Самые общие решения таких проблем состояли в том, чтобы залить побольше денег

контрпродуктивность – результаты какой-либо деятельности, прямо противоположные ожидаемым, желаемым
зашоренный – рассматривающий только ограниченную точку зрения

в производственную машину или вытащить из нее еще больше за счет того же бюджета, выбирая оптимальную организацию производства (использование современных технологий, таких как развитые промышленные системы, обычные до недавнего времени в развитых странах, или управленческих новшеств, таких как наем семей с низким доходом для того, чтобы они могли строить свое собственное жилье). Когда понятие “жилье” понимается неправильно и искаженно, интерпретируется просто как продукт и товар, тогда пути и средства, посредством которых оно производится и поддерживается, считаются само собой разумеющимися и, как правило, не принимаются в расчет.

Непосредственной целью жилищной политики является усовершенствование домов и окрестностей, определенных как совокупность пространства частного жилья, получастного, полугосударственного и государственного сектора, коммунальных предприятий и хозяйств коммерческого, правительственного и некоммерческого, неправительственного видов. Для всех компонентов жилья – всех структур и секторов, всей инфраструктуры и всех коммунальных услуг и коммунального хозяйства – требуются земля, рабочая сила и техника (главным образом строительные материалы и инструментальные средства, вода и электричество). Эти элементы являются средствами, посредством которых строится и поддерживается жилье. Доступность этих элементов или основных ресурсов зависит от трех основных факторов: от способов, посредством которых решения претворяются в жизнь, и средств управления (то есть, кто решает и кто

осуществляет); от путей, посредством которых принимаются официальные и неофициальные правила, регулирующие механизмы и действия, и от средств, посредством которых производится обмен, предоставляются ли товары или услуги и ресурсы по бартерному обмену, продаются ли за наличные деньги или предоставляются в кредит, **субсидируются** или нормируются.

Материальное количество или качество жилищных товаров и услуг зависит от доступности и использования ресурсов, а также от социальных учреждений, управляющих как доступностью, так и использованием этих ресурсов. Следовательно, приоритетами для жилищного строительства являются: институциональные изменения, или изменение средств жилищного обеспечения; изменения в выборе и использовании ресурсов, или средств жилищного строительства; изменения в выработанных формах, непосредственных результатах жилищного процесса. Однако легкость этих изменений обратно пропорциональна их эффективности. Относительно легко осуществляемые проектные изменения в дизайне зданий, их группировке, ландшафте и сопутствующих структурах дают наименьший эффект. Тем не менее, некоторые формы больше приспособлены к ресурсным и институциональным изменениям, чем другие, таким образом, проект может облегчить изменение, даже если он редко (если вообще) их инициирует.

Изменения в землепользовании, в организации и управлении работами и в видах использования строительных материалов и оборудования оказывает большее потенциальное влияние на общество, чем изменения в одной только физической форме, но они, как правило, более трудны в реализации; эти изменения обычно затрагивают более организованные и влиятельные группы по интересам. Изменения в самой структуре власти, осуществленные напрямую или посредством изменения правил игры или системы баллов, очевидно, являются наиболее трудными из всех. Это особенно верно, когда функции рынка инкорпорированы государством или когда в государстве доминируют частные капиталистические **монополии**. Хотя приоритеты четко определены, деятельность в любой области может быть использована тактически для того, чтобы открыть возможности для изменений, которые в свою очередь могут стать частью долгосрочной стратегии.

субсидировать –
предоставить деньги лицу
или организации для
покрытия расходов на
что-либо

монополия –
полный контроль,
единоличное владение или
использование чего-либо

ЖИЛИЩНЫЕ ВОПРОСЫ, ЧТО ДАСТ ИХ РЕШЕНИЕ

Важность жилищного обеспечения – путей и средств, а также конечного продукта – заключается в том, что оно значит для всех тех, кого это непосредственно касается, и прежде всего для потребителей. Невоз-

можно сказать, является ли какой-нибудь специфический тип жилища или месторасположения более поддерживающим и позитивным или угнетающим и негативным для людей. Миллионы людей сильно пострадали от сноса ветхих домов и планов реконструкции, несмотря на то что многие в результате получили “лучшее” жилье. Распад семей и установившихся сообществ, безработица на местах и расходы на длинные и затратные поездки на заработки, часто завышенные цены на жилье и нехватка средств к существованию, потеря жилищной мобильности или отсутствие гарантии оговоренного срока проживания при съеме жилья и, конечно, дезориентация и неуверенность, от которых страдает множество людей после утери знакомой среды, – все это является следствием современной жилищной политики.

Принципиально говоря, не имеет значения, для чего нужно жилье, за исключением его связи с людьми. Поскольку ситуация каждого человека особена и изменяется со временем, использование только физических аспектов как меры “жилищных проблем” только ухудшает положение. Личные и общественные потрясения, которые мы переносим в результате неподходящей жилищной политики, часто являются прямыми последствиями нехватки жилищной площади или услуг, а также последовательного сокращения или полного отсутствия выбора. Большим шагом к решению проблемы, который принесет облегчение, является обеспечение необходимого количества жилья или коммунальных служб или и того и другого. Стандартная жилищная политика, очевидно, создала намного больше проблем, чем решила, как по огромным материальным, так и по человеческим затратам. Теперь, когда это официально признается, “жилищная игра чисел” все более и более доказала свою несостоятельность. Политические силы и правительства все еще не видят путей удовлетворения этих нужд так, как их видят нуждающиеся в их удовлетворении.

Люди страдают вследствие прямого результата жилищных тенденций, средств или целей, которые не соответствуют их ситуациям по трем причинам: потому что они находятся под угрозой выселения и окажутся в более трудном положении при выборе альтернативных вариантов, предоставляемых им, в этом случае их жилищная программа должна учредить владение на правах аренды; поскольку их дома и окрестности являются по существу неадекватными, гарантирован ли срок их проживания или нет, в этом случае их программа должна улучшить то, что они уже имеют; или потому что их существующие жилищные условия являются неподходящими или вообще отсутствуют и не хватает доступных и приемлемых вариантов, в которых они нуждаются, а именно в новых домах и новых кварталах. В этом случае цель состоит в том, чтобы улучшить новые дома и окрестности. Любая жилищная ситуация подпадает под описание одной из вышеприведенных “основных жилищных программ” или может быть смесью всех трех. Современные тенденции в жилищной политике развиваются в этом направлении. Теперь уже реже можно услышать или прочитать о жилищном дефиците и чаще – о сохранении и развитии жилищных массивов наряду с социально-экономической поддержкой их сообществ. В странах с относительно устойчивым или медленно растущим городским населением акцент все более и более делается на сохранении и более рациональном использовании существующего жилищного фонда.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС - СЛИШКОМ СЛОЖЕН ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Решать и контролировать любую программу жилищного строительства слишком затруднительно для любой большой организации. Чем больше организация или сложнее технология, для которой требуется большая организация, тем дальше товары и услуги, которые она производит, отдаляются от потребителя и тем выше требования для стандартизации этих товаров и услуг. Централизованные администрации – коммерческие корпорации, государственные представительства или их **гибриды** становятся обычными поставщиками современного жилья. Увеличивающаяся монотонность современного жилищного строительства с его архитектурой, часто неразличимой по разные стороны океана, является **симптоматикой** этого направления. Централизация загоняет бесконечное разнообразие людей, домашних хозяйств и сообществ в одни и те же лекала, чрезвычайно тем самым искажая их природу и внося свой вклад в подавление и расстройство их личной и культурной самореализации.

До относительно недавней потребности в автономии на всех уровнях общества, и когда энтузиазм по поводу корпоративно-городского индустриализма был в своем апогее, предполагаемая необходимость массового производства во всех сферах, включая жилищное строительство, была общепринятым явлением. Вера в индустриальную науку и технику была такова, что “жилищная проблема” была приписана “отсталости” жилищной строительной промышленности; предполагалось, что как только принятые меры экономии, обусловленные ростом масштабов производства, будут достигнуты через фабричное производство, централизованное планирование и распределение, все смогут быть расселены в жилье с приличными условиями. Но теперь становится очевидным, что к таким технически простым и географически фиксированным ансамблям (такие как дома и улицы) с высокосложным использованием и хозяйствованием нельзя относиться как к технически сложным подвижным машинам с простыми целями (таким как автомобили). Становится все более и более очевидно, что жилищное строительство массами намного более экономично и социально жизнеспособно, чем массовое жилищное строительство, и что экономический масштаб для проектирования, строительства и управления жилищным строительством должен быть небольшим и носить местный характер. Также становится очевидным, что наиболее важные ресурсы, стоящие за жилищным строительством – земля, строительные работы и доступные материалы, – носят местный и чрезвычайно переменный характер; они могут должным образом использоваться отдельными людьми и маленькими местными организациями, которые хорошо с ними знакомы и

гибрид – продукт, полученный вследствие скрещивания различающихся форм, смешивания двух или более вещей

симптоматический – являющийся внешним признаком, симптомом чего-нибудь

могут подогнать их под личные и местные нужды. Централизованно управляемое жилищное строительство имеет тенденцию быть расточительным как в материальных, так и в человеческих ресурсах, являясь по этой причине чрезвычайно затратным и экономически инфляционным. Большие организации используют лишь незначительную часть местных ресурсов и накладывают на них стандартные процедуры и технические условия; они должны, поэтому заменять привозимые материалы на местные, а также должны отказаться от беспорядочно нанимаемой рабочей силы с низкой квалификацией и почасовой оплатой в пользу лиц со свободной профессией и маленьких семейных фирм. Потребность в капиталоемком производственном оборудовании и неиспользование местных ресурсов раздувают стоимость и цены на жилье даже еще быстрее, чем другие товары и услуги. Очевидно, что современный эксперимент с массовым жилищным строительством потерпел неудачу и что от этой идеи необходимо как можно скорее отказаться. Жилищное строительство должно снова обрести местный контроль и самоуправляющую систему, как это и было раньше (несмотря на искажения, наложенные доминирующим рынком и правительственным устройством) в большей части мира.

Первое условие для реструктурирования жилищной политики – постоянное отстаивание прав людей в определении и осуществлении их собственных потребностей и приоритетов. Не могут администраторы и профессиональные специалисты, находящиеся где-то далеко, быть экспертами потребностей и приоритетов людей, и тем более они не могут знать, как то огромное разнообразие приоритетов и эффективного спроса может лучше всего быть удовлетворено доступными местными ресурсами. Люди должны отстаивать свои права на ресурсы и свою свободу использовать их по своему собственному усмотрению, или жилищное строительство останется бременем для домашних хозяйств и для общества в целом. Общественная деятельность, все более становящаяся обычным явлением в богатых промышленно развитых странах, так же как в быстро урбанизирующихся странах с населением с низкими доходами, должна расширить свои требования на доступ к ресурсам. Когда местные инициативы искажаются в требования большей централизации и обеспечения уже готовых, предварительно упакованных жилищных “товаров”, это обрекает все дело на провал.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЫЧНО И ОБЯЗАТЕЛЬНО ЯВЛЯЕТСЯ МЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Проектирование, строительство, усовершенствование и управление домами и инфраструктурой является обязанностью местных сообществ, а не государства или рынка. Сектор “товарищество” отличается от общественных или частных секторов, на которые обычно делится общество;

он не является ни преобладающе коммерческим, ни официально правительственным. Поскольку много факторов теперь указывает на то, что общество и его экономика не могут быть должным образом поняты только в терминах, мотивированных прибылью коммерческих и мотивированных властью правительственных действий. В странах третьего мира большинство усилий, предпринимаемых людьми, заключается, в основном, в удовлетворении их собственных насущных потребностей в пище, одежде, крове и любви. В то время как элементы коммерции и политики фигурируют в наиболее организованной жилищной деятельности, вовлекающей в себя “производство и распределение товаров или управление услугами; деятельность, осуществляемая в небольшом, местном и личном масштабе, как правило, является некапиталистической и неправительственной.

Грубые, но все еще полезные различия между населением, рынком и государственными секторами сдерживают бесплодную полемику “общественности” или государства против “частников” или рыночного предложения жилья. Третий сектор (сектор экономики, объединяющий частные некоммерческие организации; сюда входят добровольные и местные

организации, благотворительные фонды, социальные предприятия, кооперативы и т. п.) должен быть полностью и определенно признан до того, как будет разрешен неизбежный конфликт между защитниками рынка и государства. Когда общественные организации будут признаны как доминирующий сектор в жилищном хозяйстве, тогда намного более богатое и более приспособляемое разнообразие альтернатив может соответствовать большому разнообразию политических, экономических и культурных контекстов. Состоит ли преобладающая социальная цель в ограничении и контроле капиталистической эксплуатации или бюрократического централизма, наведение баланса в жилищной политике может — и возможно должно стать главной частью любой стратегии такого изменения. Очевидно, вопрос не в том, должно ли жилищное обеспечение быть продуктом любого, но только одного сектора; весь опыт подтверждает, что, в конечном счете, этого не может быть. Реальная проблема — это граница между различными уровнями деятельности и власти в жилищном процессе в целом.

Чтобы ясно понять эту проблему, важно различать, по крайней мере, три основных “уровня деятельности” и три основных “уровня власти” в жилищной сфере. Три уровня деятельности могут быть описаны как сборка всех компонентов жилищных условий, поставка собираемых компонентов и обеспечение доступа к элементам, из которых производятся компоненты и, следовательно, сборка. Этот последний элемент включает в себя основные ресурсы и организации, от которых зависит производство. По своей сути, сборка — это проектирование, строительство и обслуживание зданий и близлежащей территории. По определению, это местная деятельность, кроме тех случаев, когда жилые блоки собираются заранее; в этом случае они становятся компонентами и доставляются к участку как любые другие материалы. Объединение жилищных схем или усовершенствование существующей близлежащей территории может быть выполнено любым уровнем власти: непосредственно самими людьми, коммерческими организациями, от регионального до международного уровня, или правительственными учреждениями любого уровня.

Данная работа призывает к ответственности местные сообщества на этом уровне деятельности и к поэтапному осуществлению регулируемых из центра жилищных проектов и программ. Но это не означает, что компоненты могут или должны поставляться общественным сектором. Многие компоненты, такие как водопроводные и дренажные системы, являются муниципальными или столичными по своим масштабам и требуют соответствующих уровней власти для планирования, внедрения и управления. Эти и многие другие компоненты лучше обеспечиваются центральным правительством или даже международными агентствами и транснациональными корпорациями. Инфраструктура и другие компоненты, которые не могут обеспечиваться в местном масштабе, как правило, производятся организациями промежуточного масштаба или муниципальной властью. Обеспечение основных элементов или ресурсов и использование организаций, определяющих доступ к ним, в значительной степени зависит от центрального правительства и государственных органов. Ресурсы, которые недостаточны, в местном или в глобальном масштабе, должным образом могут контролироваться и справедливо распределяться только

центральными властями. То же самое можно сказать о правилах, регулирующих использование, которые влияют на их доступность или близость другими способами, и оценка недостаточных ресурсов может справедливо и эффективно контролироваться только центральным правительством.

Централизованное управляемое жилищное хозяйство во всех случаях затратно, в отношении как материальных, так и человеческих ресурсов; когда недостаточность ресурсов носит местный или частномонополизированный характер, почти неизбежно следуют неравномерное распределение и неправильное использование. Существенная взаимодополняемость рынка, государства и общественных организаций может быть понята только тогда, когда границы между уровнями деятельности и власти должным образом определены. Сектор общественных организаций должен быть преобладающе ответственным за проектирование, строительство и обслуживание домов и близлежащих территорий, а центральное правительство, государственный сектор должны быть ответственны за “закон о земле” и распределение недостаточных местных или региональных ресурсов. Роли и обязанности промежуточных правительственных и коммерческих организаций весьма переменчивы и зависят от местных обстоятельств.

В урбанизированных промышленных странах с высокими доходами и в странах с централизованным бюрократическим управлением сектор общественных организаций особенно слаб. Задача усиления личных и местных прав и свобод в жилищной политике или в любой другой сфере деятельности, вероятно, невыполнима без местных общественных организаций. Значительные достижения демонстрируют многие ассоциации домашних хозяйств с низкими доходами в странах третьего мира, что выражается в том, что простые люди могут обрести значительную степень контроля над качеством своей жизни через локально организованные коллективные действия, особенно когда эти местные ассоциации объединены в федерации. Данные, часто массовые действия **скваттеров** способствовали существенным изменениям политики в интересах большинства. В увеличивающемся числе более богатых и более институционализированных стран деятельность общественных организаций также вносит свой вклад в основные подвиги политики, далекой от центрально запланированного преобразования в направлении к совместному сохранению и развитию существующих окрестностей и сообществ.

скваттер – человек, который живет в здании или на земле без разрешения или без арендной платы

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ЦЕНТРАЛЬНО ПОДДЕРЖИВАЕМЫМ, НО НЕ ЦЕНТРАЛЬНО ОБЕСПЕЧИВАЕМЫМ

198

Жилищные системы, которые поддерживают людей и действуют как подвижные составы для местного и социального развития, организованы как сети автономных агентств, полномочных проводить переговоры относительно приобретения жилищных элементов, компонентов и сборочных единиц. Все лица, принимающие решения — домовладелец, застройщик, поставщик материалов, владелец земли или собственности, различные правительственные агентства или промежуточные специалисты — имеют отличные, но взаимодополняющие обязанности и роли. В автономной системе конечные результаты продукт переговоров между всеми, кто контролирует некоторыми решениями или действиями. В иерархических системах, с другой стороны, доминирует агентство или маленькая **клика**, обладающая властью принимать все важные решения; другие участники, таким образом, низведены до статуса клиентов, служащих или пассивных потребителей товаров и услуг, на которых они были рассчитаны и среди которых они распределяются. **Гетерономия** система, в которой все, кроме тех, кто находится на вершине пирамиды, зависят от решений, принятых теми, кто поставлен над ними, является противоположностью автономии.

клика –

небольшая группа людей, которые проводят свое время вместе и не допускают посторонних людей в свой круг

гетерономия –

следование правовым нормам, которые установили другие

гегемония –

господство одного социального класса над другими

автаркия –

состояние или ощущение достаточности; автономия

Автономия подразумевает взаимозависимость. Агентства, которые являются узлами автономной сети, зависят не только друг от друга, но также и от доступа к ресурсам, в которых они нуждаются, и от свободы использовать их соответствующими способами. Местные и региональные сети зависят от центральных сетей до такой степени, что центральные власти управляют доступом к местным скудным ресурсам и защищают личную и местную свободу использовать их. Зависимость сектора местных общественных организаций или корпоративных рынков, центрального правительства и государства не может быть полной; если это будет, то автономия вряд ли будет поддерживаться, даже если она будет достигнута. Когда местные сети достаточно широки территориально, чтобы получить и сохранять доступ к достаточным для выживания основным ресурсам, тогда местные сообщества могут стать самостоятельными. Это единственный способ, которым они могут эффективно противостоять и тем самым управлять жестоким рынком или государственными системами. В отсутствие адекватной местной организации **гегемония** рынка или государства и подавления сообщества кажется неизбежной.

И государство, и рынок необходимы в современном обществе, таким образом, альтернативные отклики на общественную деятельность должны быть четко сформулированы. Гетерономные и монополистические системы зависят от централизации в накоплении богатства и осуществлении власти. Они, тем не менее, рассматривают жилье как товар, которым можно управлять и который можно использовать как инструмент защиты своих интересов. **Автаркия** может способствовать этому процессу концентрации, уменьшая давления широкого спроса; более вероятно, однако, что неверные требования гражданских привилегий в форме центрально поставляемых товаров и услуг делают даже больше для того, чтобы увеличить эти капиталистические и статистические тенденции. Граница между автаркией и автономией — широка и глубока, и потребности простых

людей в компонентах и элементах, в которых они испытывают недостаток и которые они не могут обеспечить себе самостоятельно, производили положительные отклики в некоторых странах в течение нескольких десятилетий. Потребности в водоснабжении, улучшенном общественном транспорте, электроэнергии и школах, например, соблюдались во многих странах с большим населением с низким уровнем дохода, были удовлетворены правительственными учреждениями, которые понимают, что эти услуги стоят немного в пересчете на душу населения.

Необходимое правительственное обеспечение должно осуществляться в форме собираемых частей, неплотных пакетов. Наиболее эффективный и продуктивный спрос — это спрос на дополняющие товары, те, которые делают возможным использование или корректирование неиспользованных, недоиспользованных или неправильно используемых ресурсов. Когда у людей есть земля, они нуждаются в дополнительных материалах, инструментах и навыках и, самое главное, в воде, и у них нет никакой возможности получить ее экономически самостоятельно, обеспечение водопроводной водой может вызвать огромное количество строительства в течение короткого времени — жилищное строительство массами. У обычного массового жилищного подхода есть противоположный эффект. Официальная реакция на жилищные потребности принимает форму минимальных типовых домов и работает на мнимом предположении, что только у рынка и государства есть ресурсы и способность для обеспечения жилья.

Подготовка, вероятно, потребует нескольких лет. Так называемые минимальные стандарты, установленные чиновниками среднего класса, имеют тенденцию быть очень завышенными, и вместе с накладными расходами, централизованно управляемым и коммерчески обусловленным контрактным строительством, цены на жилье намного выше, чем значительное большинство потенциальных бенефициариев может себе позволить или готово заплатить. Поэтому, когда правительства стран с низкими доходами и очень маленькими бюджетами предлагают жилищные субсидии, количество построенного жилья радикально сокращается. То немногое, что предоставляется, почти всегда официально или неофициально перераспределяется в пользу более богатого слоя населения; ресурсы первоначальных сообществ в значительной степени растрачиваются впустую, и правительство остается с тяжелыми периодическими затратами и долгами, которые оно вряд ли способно возратить. Этим и других затрат можно избежать, если нужные компоненты обеспечиваются такими способами, которые позволяют потребителям приспособлять их к своим собственным ресурсам посредством обособления компонентов для максимальной практической выгоды, таким образом максимально увеличивая местную свободу монтажа. Ясно, что обычные жилищные

схемы или проекты и категорические программы должны быть постепенно сокращены и заменены открытыми системами обслуживания.

АСПЕКТЫ ЖИЛИЩНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФОРМЫ, РЕСУРСЫ И ОРГАНИЗАЦИИ

Любая долгосрочная стратегия изменений представляет собой совокупность краткосрочных тактических действий. Этот заключительный раздел определяет диапазон отдельных областей действия, любая из которых может стать отправной точкой для изменения. Существует огромное число различных комбинаций и перестановок, и очень мало, если вообще существуют, ситуаций, где ничто не может быть сделано или, по крайней мере, ничего еще не предпринималось. Мы уже детализировали существенные различия и более или менее независимую вариабельность этих трех аспектов деятельности: формы, которые принимают жилищные товары и услуги; средства или ресурсы и инструменты, посредством которых они производятся, и пути или организации, которые управляют этими средствами. Каждый из этих общих аспектов должен быть подразделен на более определенные области действия для планирования и осуществления данной программы.

Проект жилья и близлежащих территорий наименее влиятельный аспект деятельности, поскольку формы в значительной степени являются последствиями и отражениями путей и средств их производства. Хотя изменения проекта могут изменить технику и даже управление, они обычно ограничиваются специфическими проектами или программами. Изменения стиля и формы в более глубоком смысле могут иметь, и иногда определенно имеют, более серьезные последствия, но они носят косвенный характер. Прямые воздействия на распределение ресурсов или организаций зачастую политически непрактичны; поскольку проект, как обычно видится, политически нейтрален, это часто единственная область деятельности, в которой рыночные или государственные силы могут подавить попытки структурного изменения.

Ключевой вопрос в архитектуре жилищного строительства — это отношения между границами, сетями и объемами — тремя основными условиями строительства. Границы институциональные пределы между использованием, сроками пребывания и ответственностью за управление или обслуживание. Границы, как правило, маркируются и совпадают с физическими барьерами, такими как стены или изменения материальной поверхности (как между улицей и парком). Несмотря на то, что границы не обладают физическими свойствами сами по себе, они часто являются самым трудным для изменения элементом формы и обладают самой длинной потенциальной жизнью.

Сети – инфраструктуры, соединяющие и обслуживающие районы, а объемы определяются границами и строениями. Сеть общественных путей и проходов, дорог и улиц обязательно совпадает с определенными границами. Получастный доступ и коммунальные сети не обязательно совпадают с границами, так как у различных коммунальных хозяйств могут иметь перекрывающиеся, но различные распределительные сети.

Объемы — трехмерные пространства, обеспеченные инфраструктурой, **ландшафтной архитектурой**, озеленением и, иногда, границами, которые пересекают открытые пространства и могут даже быть не обозначены. Проблема архитектурной формы касается степени, до которой эти три элемента являются отделимыми и независимо изменяемыми. Они могут быть в значительной степени независимыми, как в случае развития застройки низкой плотности, составленной из отдельных зданий в пределах участков, или они могут быть неотделимыми, как в случае высотных монолитных гигантских сооружений.

Чем выше степень независимой вариабельности и, следовательно, раздельности границ, сетей и объемов, тем более восприимчива физическая среда к изменениям. Но чрезмерное рассеивание, как и чрезмерная концентрация, ослабляет или извращает отношения между соседями. Худшие условия, как установлено, наблюдаются в монолитных строениях, которые относятся к категории границ и сетей; так как большая часть их неотделима от самих зданий, изменение любой из этих составляющих вообще невозможно без изменения остальных. Самая предпочтительная форма расселения, как показала история, — так называемая формула “малоэтажность/высокая плотность”. Огромное разнообразие специфических форм, которые сконцентрировали в себе все возможные виды развития, и их часто глубокая античность показывает, насколько они могут быть адаптированы. И современные монолитные формы, и рассеянные пригородные формы, которые они вдохновили, заменяют традиционные формы, хотя данная тенденция уже полностью изменяется в некоторых странах. Современные формы необычайно схожи во всем мире, несмотря на климатические и культурные различия. Они в высшей степени нечувствительны и безразличны к местным особенностям, и монолитная форма в особенности является чрезвычайно негибкой и неприменимой. Она уже доказала свою недолговечность и высокую затратность в плане строительства и обслуживания.

Недавние исследования и оценки показали, что сконцентрированные формы, разработанные должным образом, безусловно, являются самым экономичным выбором, тем более что они учитывают и даже стимулируют ответственное и совместное управление и обслуживание самими жителями, обеспечивая потенциально дружелюбную окружающую обстановку.

Как было отмечено выше, основными ресурсами являются земля, произведенные работы и техника. Земля является теперь общепризнанной проблемой, даже если некоторые правительства все же предпринимают активные шаги для применения в целом согласованных принципов. Больше нет необходимости указывать на очевидное: что та земля не может быть выставлена на рынок как товар без серьезных убытков и несправедливо-

сти, или только потому, что она является недвижимостью, и предложение не увеличивается пропорционально спросу. Доминирующая проблема все еще заключается в конфронтации частной и государственной собственности. Хотя опыт двадцатого века подтверждает большие преимущества государственной собственности, государственная или даже муниципальная монополизация могут сделать землю столь же недоступной для граждан и местных предприятий посредством раздутия цен до цен свободного рынка. Однако проблема, наиболее срочно требующая изучения, это вопрос собственности местного сообщества (опека), совместных земельных банков и государственных и частных (или получастных) альтернативных вариантов.

Первое соображение в области работ и их организации — применимость или производство используемых объемов, принесение или неприношение прибыли или производство товаров независимой применимости. Следовательно, и организационные изменения, и технический прогресс являются индексом опыта. Наиболее полезные, творческие и приносящие удовольствие виды работ те, в которых у рабочего есть высокий уровень ответственности и пределы для осуществления его навыка. Они также являются общими условиями для экономии, когда это понимается в терминах изобретательности или получения большего от меньшего. Чем больше организация или более сложны инструменты, тем труднее поддерживать высокие уровни ответственности или навыков в данной области или на рабочем месте, за чертежной доской или рабочим столом.

Поскольку крупные корпорации обнаружили, что даже обычная эффективность и производительность требуют децентрализации и увеличения личной и малогрупповой автономии. Огромные инвестиции в автоматизацию производственных линий и предвкушение “микрочипной революции” в промышленно высокоразвитых и просто в промышленных странах отражают растущее возмущение против рутинно механизированного и персонально бессмысленного труда. Значимость этих очень сложных технологий для бедных и промышленно развивающихся стран зависит, в частности, от того, в какой степени они являются путями и средствами преодоления проблем, с которыми большинство стран третьего мира еще не сталкивались и которых они могли бы избежать.

Работа должна быть организована административно таким образом, чтобы максимизировать личную ответственность и возможность развития и усовершенствования навыков. Технологически тогда работа должна быть функцией материалов, инструментов и форм энергии, которые могут быть переработаны отдельными лицами или небольшими командами. Для этого требуется увеличение сетевых структур и промежуточной технологии производителей и поставщиков строительных материалов и инструментов, которые могут использоваться в малых количествах и низким уровнем затрачиваемой энергии. Они также требуют институтов, которые бы максимизировали личный и местный доступ к земле, и свободе использовать ее способами, которые социально жизнеспособны и которые минимизируют зависимость от централизованной банковской и финансовой системы.

Для того чтобы противодействовать инфляционным, централизующим и создающим зависимость эффектам увеличивающейся пропорции используемых сейчас строительных технологий, важно увеличить использование материалов, которые имеются в изобилии или легко возобновляются; имеют низкую энергетическую (или температурную) затратность и являются экологически чистыми; являются износоустойчивыми, требуют незначительного или никакого обслуживания и могут быть переработаны; являются местными ресурсами и поэтому уменьшаются затраты на транспортировку, увеличивают местную, региональную или национальную автономию и повышают национально-культурную специфику и разнообразие; и наконец, такие, для которых требуются только простые или легкие инструменты и оборудование, с которыми могут управиться квалифицированные рабочие и небольшие организации. Наивысший приоритет в большинстве обстоятельств состоит в том, чтобы быстро увеличить небольшое местное производство, которое уменьшает спрос на органическое топливо. Сокращение транспортировки не только уменьшает потребность в топливе, но также и снижает потери, вытекающие из погрузки и разгрузки, хищения, складирования и излишнего или недостаточного заказа. Как цемент, так и продукты из жженой глины, например, могут быть произведены с гораздо большей экономией на маленьких местных заводах, чем на огромных централизованных, навязанных системой рынка и бюрократическим централизмом. Маленькие местные заводы могут произвести более низкие сорта материалов, особенно цемента и стали, но имеющие все качества, полностью удовлетворяющие потребности для строительства строений небольшого и среднего размера.

Все виды деятельности, подобные играм, зависят от трех основных установок: сторона, которую люди выбирают, и полномочия которыми они обладают для принятия решений; правила, в пределах которых они действуют, и очки, которые они дают различным действиям. Первая установка — структура власти — была уже обозначена выше в общих чертах с точки зрения общественных организаций, рынка и государственных секторов. Центральная проблема: кто решает? Это люди в их собственных сообществах, у которых должна быть власть решать, должно ли жилищное обеспечение быть удовлетворительным и эффективным средством для личного и социального развития. Как уже было сказано, это требует как самогенерации, так и правительственной поддержки промежуточных структур. Это, в свою очередь, требует обеспечения теми товарами и услугами, которые должны обеспечивать большие централизованно управляемые организации, в форме собираемых частей, которые маленькие местные организации могут использовать и собирать своими собственными способами.

“Правила игры” устанавливают пределы, в которых, различные секторы и уровни власти могут действовать: они не могут проводить линии, которым должны следовать население и местные организации. Запретительный закон освобождает, предписывающий закон подавляет. Большинство видов современного жилья, строительства и технологических правил и инструкций составляют технические условия; действительно, многие законы являются детализированным описанием категорических программ, в которых заявлено, кто и что должен получать, пакет каких услуг и товаров, и даже когда, где и как. Закон, планирование и проектирование стали все более и более спаянными и запутанными; пользу извлекли только те, за которыми были закреплены имущественные права в централизованном производстве, распределении и управлении. Существенным аспектом другого развития, и аспектом особенно ясным в жилищном строительстве, является данное изменение правовых принципов и практики.

Некоторый прогресс был достигнут в области строительных стандартов. Стандарты качества выполняемых работ, которые диктуют функциональные пределы строительных элементов и физическое качество замкнутых пространств, начали заменять стандарты технических условий, которые определяют формы. Фраза “прогрессивное развитие” теперь находится в общем употреблении, указывая на принятие того факта, что здания и условия жилой среды должны развиваться в течение долгого времени, если они должны быть экономичными и восприимчивыми к росту и изменению местных сообществ. Пока была проделана небольшая работа в определении отношения между **сроком владения** имуществом и инвестициями, и уровнем инвестиций со временем и сроком владения имуществом (регулирование использования временных, незавершенных или естественно разрушающихся строений, например). Оценка и наработка опыта в этих сферах крайне необходима.

Как уже было отмечено, ни деньги, ни финансы, ни другие формы обмена не являются ресурсами в прямом значении слова. Обмен – это система количественных показателей, на основе которой принимаются решения, она полностью генерируется обществом и, следовательно, организацией. Привычка называть деньги ресурсом опасна; это может и дальше защищать интересы тех, кто ими обладает, внедряя или усиливая понятие, что те, кто не обладает деньгами, бесправны. Данный тип мышления дополнен также общим предположением, что максимальная монетаризация и необходима, и желательна, увеличивая беспорядок рынка и использования ценностей как укрепление подразделений между возрастными и гендерными группами, а также между социально-экономическими классами. Растущий в наши дни интерес к “экономике дара”, “неофициальному сектору”, хозяйственной экономике и роли полов вращается вокруг проблемы монетаризации, а также **институционализации**, профессионализации и индустриализации.

Увеличенный доступ к деньгам и кредитам является существенным для лиц с недостаточным уровнем дохода. Альтернативы централизованной банковской и кредитной системы являются как необходимыми, так и близко связанными с проблемой земли. Использование местных ресурсов может быть максимизировано, если земля находится в руках сообществ и может быть использована в качестве коллективного иму-

институционализировать – сделать что-либо частью организованной системы, общества или культуры, так чтобы это стало нормой

ществленного залога. Увеличение уровня предоставления денежных ресурсов при рыночной экономике имеет тенденцию к увеличению цены. При централизованно планируемой экономике проблемой является не столько распределение денег, сколько пути, которыми деньги могут быть использованы. Очевидно, существует растущий спрос в так называемых “социалистических” странах на увеличение личного и местного доступа к ресурсам, монополизированным государством, и это, по-видимому, ведет к возросшей потребности в кредитах.

Достижение надлежащего баланса или равновесия между денежными и неденежными кредитными обменными системами, между рыночной экономикой и экономикой дара или между официальными и неофициальными секторами зависит от правительственной политики налогообложения, контроля за ценообразованием и средствами контроля над доходом и субсидиями. Слишком часто не всегда это комбинируется для наказания личной и местной инициативы, для препятствования реальной экономике и поощрения расточительности. Эти особенности распространены в жилищном строительстве. В большинстве контекстов, если не во всех, как относительные, так и абсолютные затраты на единицу жилья обратно пропорциональны доходам. Прямое воздействие на эту несправедливость может быть осуществлено посредством немонетарного обмена. Только через налогообложение, субсидии и регулирование цен, где это возможно, и все это должно быть использовано такими способами, которые также увеличивают область безналичного обмена.

Без обмена опытом и обсуждения идей любая статья на эту тему пустая трата времени и бумаги. Почти по каждой теме существует огромное количество опубликованной литературы, но ее слишком много на прилавках газетных киосков на центральных городских перекрестках, или ее не хватает на периферии. Последнее увеличение информационных бюллетеней, циркулирующих среди наложенных друг на друга сетей людей и маленьких организаций, становится основным источником полезной информации. Сети, используемые главным образом теми, кто заинтересован в обмене информацией, и занимающимися другим видом развития, увеличивают персональный и местный контроль; централизованные информационные системы, используя сложное и недоступное оборудование, усиливают полномочия “экспертных” меньшинств и их корпоративных работодателей и увеличивают личную и местную зависимость.

Одна существенная задача состоит в том, чтобы преодолеть двусторонний барьер обмена и изучение. На одной стороне есть люди, у которых есть минимальный доступ или никакого к тому, в чем они нуждаются; на другой - они переполнены главным образом бесполезной информацией и бесполезно затрачивают время на требования дезориентированных или

злонамеренных личностей. Только через сети и такие мероприятия как семинары, для которых предназначена эта статья в качестве вклада, мы можем делиться знанием широко и достаточно быстро для осуществления Другого Развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа написана исходя из того, что не существует никаких противоречий между экономикой, этикой и эстетикой жилья или любой другой важной деятельностью. Анализ и интерпретация, на которых предыдущее обсуждение базируется, показывают, что экономика и обслуживание производства жилья, прежде всего, зависит от изобретательности непосредственно заинтересованных людей и прежде всего от потребителей. Даже когда товары и услуги жилищного рынка первоначально не находятся под местным контролем, очевидно, что их обслуживание зависит больше от заботы жителей, чем кого-либо еще. Экономичное производство, обслуживание или модернизация — все зависит от интеллектуальной приспособленности и использования весьма переменчивых местных материальных и человеческих ресурсов, которые могли бы соответствовать одинаково переменчивым и изменяющимся потребностям и приоритетам потребителей, которые обычно должны платить за полученные товары и услуги. Из этого следует, когда жильцы принимают основные решения и вольны внести свой собственный вклад в проектирование, постройку или управление своим жильем, как произведенный процесс, так и окружающая обстановка стимулируют индивидуальное и социальное благосостояние. Когда у людей нет никакого контроля и ответственности за принятие ключевых решений в жилищном процессе, с другой стороны, жилищные условия вместо этого могут стать барьером к личностному самовыражению и стать бременем на теле экономики (Тернер и Фитчер. Свобода строить, 1972.)

Поскольку это утверждение так часто неправильно трактуется в том смысле, что все должны строить свое собственное жилье, необходимо указать на ключевое слово — «контроль», нерешение собственных проблем своими силами, так же как обсуждение автономии или уверенности в своих силах и взаимозависимого самоопределения — что нисколько не является тем же самым, что и автаркия или независимая самодостаточность.

Предполагается, что этика требует личной и местной ответственности за личные и местные вопросы, так как без этого дела пойдут вкривь и вкось, последуют излишние расходы, что вызовет увеличение бедности и страданий. Также предполагается, что человек не может достигнуть зрелости или стать состоявшейся личностью без умения принимать решения и брать на себя ответственность. Личный контроль является столь же насущной потребностью, как и любая другая и, следовательно, без нее другие основные потребности будут неудовлетворенными. Наконец, также предполагается, что этот насущный личный и местный контроль является источником культуры в любом реальном или подлинном смысле. Справедливость и гармония вещей, созданных в некотором отношении к людям и природе, зависят от неотчужденного владения инструментами и свободой их использования. Отвратительность городских промышленных

сред и их многократных загрязняющих факторов являются прямыми и неизбежными последствиями отчужденных путей и средств, или способов и инструментов производства.

В противоположность этому, превосходные формы традиционного жилья и местного строительства – восхитительная “архитектура с архитекторами” – вместе с большими стройками со специализированными прорабами, или архитекторами в первоначальном смысле, являются наиболее частым следствием решений, принятых местным населением и осуществляемых местными предприятиями. Традиционное строительство было продуктом дисциплин, которые современные системы производства устранили, по крайней мере, для тех, кто может их себе позволить: гармония наиболее восхитительных мест застройки в значительной степени зависит от строгого ограничения использования доступных на месте застройки материалов и традиций, развившихся в течение длительных периодов.

До тех пор пока застройщики с низким доходом в стремительно урбанизирующихся местностях копируют особенности коммерциализированного общества, к которому они стремятся или фактически ему принадлежат, можно также утверждать, что это начало нового местного стиля архитектуры, которое, хотя и в грубой форме, содержит семена подлинной культуры. Верно, что некоторые из схем жилья, которые вызывают восхищение, являются продуктами корпоративных организаций, потворствующих крупномасштабным спекулятивным авантюрам, как в случаях с Батом, Ньютауном в Эдинбурге и Бедфорским поместьем в Лондоне. Однако все эти и, вероятно, большая часть подобных вариантов, если не все, были построены для секторов с высоким доходом с их соответствующими обществами. Можно также утверждать, что такие случаи являются просто усовершенствованными моделями традиционных образцов или типов. Полное представление культурного развития, отраженного в данной статье, состоит в том, что нормальный и существенный процесс, который подобен очистке снизу вверх, а не копированием и фильтрованием сверху вниз. Из этого можно заключить, что это семена, которые должны быть наиболее тщательно защищены и направляемы; растение способно к заботе о самом себе после того, как вырастет.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Turner, John F. C. «Housing: Its Part in Another Development», Housing: Process and Physical Form. Ed. Linda Safran. Philadelphia: The Aga Khan Award for Architecture, 1980, pp. 9-19.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

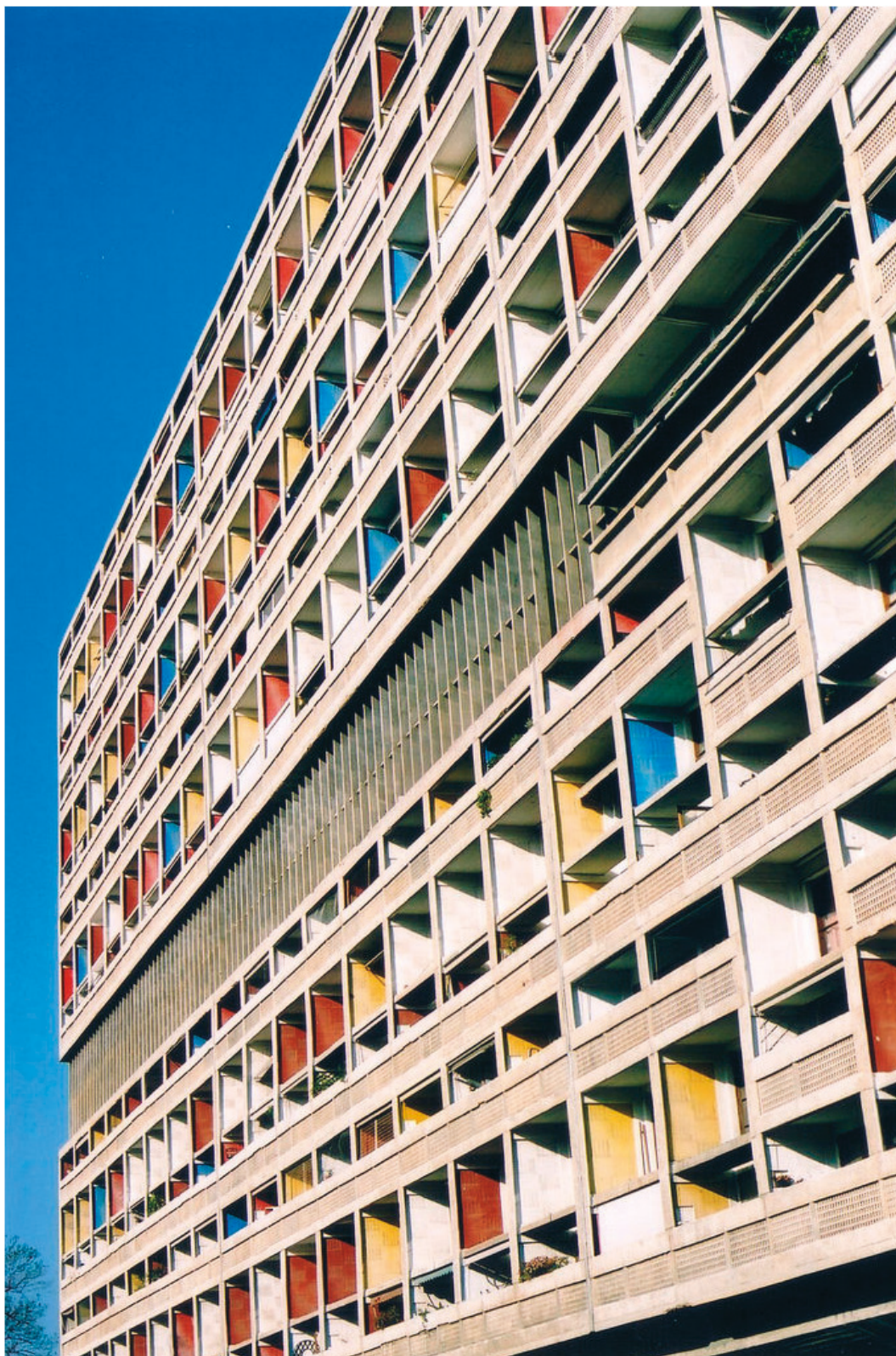
1. Как Тернер осмысливает термин “жилье”?
2. В чем заключается опасность рассмотрения жилья только как потребительского товара?
3. Как или посредством чего жилье строится и поддерживается в нормальном состоянии?
4. Почему Тернер приводит доводы в пользу разнообразия существующих видов деятельности, средств и конечных результатов жилищного строительства? В чем заключается проблема существующей жилищной политики?
5. Ведет ли массовое строительство жилья к устранению жилищных проблем или нет?
6. Каково различие между строительством массами и массовым строительством?
7. Какие жилищные проблемы являются следствием изменений и решений, принятых правительством и политиками в современном мире?
8. Почему некоторые из современных схем жилья не совместимы с образом жизни и потребностями людей?
9. Почему массовая жилищная политика является неподходящей в различных слоях общества по всему миру? Какие альтернативы Тернер предлагает ей на замену?
10. Что стоит за дефицитом жилищного фонда в странах с низким доходом?
11. Тернер особенно подчеркивает ответственность людей как поставщиков за ресурсы в процессе строительства жилья. Действительно ли это выполнимо в обществах, где правительство чересчур бюрократизировано и системы имеют высокую степень монополизации?
12. Почему современные монолитные формы заселения должны быть заменены на традиционные “малоэтажные дома с высокой плотностью застройки”, формы строений среднего размера? На чем Тернер основывает свои утверждения?

ОБЗОРНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Тернер утверждает, что, увеличивая количество жилья, правительство оказалось не в состоянии удовлетворить некоторые из основных, но важных потребностей людей. Рассматривая тот факт, что новые жилищные фонды осваиваются на строительстве в городах Таджикистана, особенно в Душанбе, решают ли данные типы жилья жилищную проблему местного населения? Действительно ли они доступны для всех людей с точки зрения стоимости и затрат на строительство жилья?
2. Сходятся ли Тернер и Корреа в своих взглядах на жилищный вопрос? Приведите примеры из данного текста.
3. Согласился бы Тернер или нет с Корреа в том, что роль архитектора в усовершенствовании жилья крайне важна? Обоснуйте свой ответ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

1. До какой степени простые люди способны изменить или повлиять на архитектуру и жилищную политику в их собственных сообществах?
2. Какие жилищные проблемы существуют в вашей стране? Есть ли сходство жилищных проблем в вашем обществе с теми, которые приведены в данной работе Тернера? Каким способом, по вашему мнению, можно разрешить данные проблемы?

КОМПЛЕКС « ЖИЛАЯ ЕДИНИЦА» В МАРСЕЛЕ ПО ПРОЕКТУ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

ЛЕ КОРБЮЗЬЕ. К НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Чарльз Эдвард Жанере (1887-1965), также известный как Ле Корбюзье, родился в Швейцарии. Его коллекция статей «К новой архитектуре» считается самой важной работой по архитектуре XX века. Ле Корбюзье перераспределил роль архитектуры, умело приспособив ее к периоду индустриального и социального равноправия. Он считал, что необходимо деорнаментализировать и геометрически упростить архитектурные структуры. В ответ на дисквалификацию его новаторского дизайна центром Первой лиги наций в Женеве в 1927 году (т.к. он не был написан стандартными чернилами) был создан Международный Конгресс современной архитектуры, для того чтобы защищать авангардистскую работу Ле Корбюзье. В следующем отрывке Ле Корбюзье делится энтузиазмом по поводу значительного влияния домов массового производства на архитектуру и общество. Подумайте, многие ли сегодня разделили бы его энтузиазм, касающийся такого рода нововведений.

МАССОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДОМОВ

Началась великая эпоха.

Существует новый дух.

Индустрия, опрокидывая нас, как поток, несущийся к своей предназначенной цели, обеспечила нас новыми орудиями, приспособленными к этой новой, окрыленной духом эпохе.

Законы экономики неизбежно правят нашими делами и нашими мыслями.

Проблема жилья – эпохальная проблема. От нее сегодня зависит равновесие в обществе. Первая обязанность архитектуры в период обновления это переоценка ценностей, переоценка комплектующих зданий.

Массовое производство основано на анализе и эксперименте.

Индустрия большого масштаба должна заниматься строительством и запустить в массовое производство комплектующие элементы здания.

Мы должны создать дух массового производства.

Дух строительства домов массового производства.

Дух жизни в домах массового производства.

Дух понимания домов массового производства.

Если мы удалим из своих сердец и умов все изжившие себя концепции, связанные с домами, и взглянем на вопрос с критической и объективной точки зрения, мы придем к «Дому-машине», к дому массового производства, здоровому (в том числе и морально) и прекрасному так, как бывают прекрасными рабочие орудия и инструменты, сопутствующие нашему существованию.

Лига наций (1920-1946)
организация,
предшествовавшая
Организации
Объединенных Наций

авангардистские -
новые, современные
и необычные идеи (в
искусстве, музыке и
литературе)

Прекрасными также в любом движении, которое может добавить впечатлительность художника к строгим и чисто функциональным элементам.

АРХИТЕКТУРА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

В каждой отрасли индустрии возникли новые проблемы и были созданы новые средства их решения. Противопоставив этот факт прошлому, получите революцию.

Массовое производство уже началось в строительстве. В свете экономической необходимости уже были созданы блоки массового производства как массово, так и в деталях; и были достигнуты определенные результаты. Противопоставив этот факт прошлому, получите революцию, как в использованном методе, так и в большом масштабе, в котором это проводилось.

История архитектуры медленно раскрывается сквозь века в виде изменения структуры и орнамента; но за последние пятьдесят лет сталь и бетон принесли новые победы, – показатель еще больших возможностей для строительства и архитектуры, в которой старые правила были отвергнуты. Если мы бросим вызов прошлому, то усвоим, что «стилей» для нас больше не существует, что появился стиль, относящийся к нашему времени, и произошла Революция.

Наши умы сознательно или бессознательно воспринимали эти события, и у них сознательно или бессознательно возникали новые потребности.

Механизм общества абсолютно вышел из строя и балансирует между улучшением, исторической важностью и катастрофой.

Первобытный инстинкт каждого человека – забота о крыше над головой. У различных классов рабочих в обществе на сегодняшний день больше нет жилья, приспособленного к их потребностям, как нет их ни у ремесленников, ни у интеллигенции.

Вопрос строительства лежит в корне сегодняшнего беспокойства: архитектура или революция.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Le Corbusier, from "Towards a New Architecture." *From Modernism to Post-Modernism: Anthropology*, edited by Lawrence Cahoon. Oxford: Black Publishing Ltd., 2003, pp. 132-134.

212

Вилла Савойе, один из уникальных шедевров Ле Корбюзье

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

213

1. Что это за новый дух, о котором говорит Ле Корбюзье? Как архитектура должна реагировать на новую действительность?
2. Как вы понимаете термин «дома массового производства»? Каким образом массовое производство ведет к революции в архитектуре?
3. Каким образом, по мнению Ле Корбюзье, архитектура заставляет людей приспосабливаться к новому общественному стилю жизни?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Придерживаются ли Корреа и Ле Корбюзье единого мнения об организации жилищного строительства? Объясните ответ.
2. Противоречит ли идея Ле Корбюзье о домах массового производства формам жилых домов, представленных в презентации «Дворы Империи»?

ЦЕНТР МИЛТОНА КЕЙНСА

МИЛТОН КЕЙНС

БИЛЛ БРАЙСОН. ЗАМЕТКИ С МАЛЕНЬКОГО ОСТРОВА

Билл Брайсон родился в 1951 году в Де-Мойне (Айова, США). В течение двадцати лет он жил в Англии, где работал для «Таймс» и «Индепендент» и писал для многих главных британских и американских изданий. Сейчас он живет в Ганновере (Нью-Хэмпшир, США) вместе со своей супругой и четырьмя детьми. Брайсон в 2004 году получил приз Авентис в номинации научно-популярной книги «Короткие истории почти обо всем». В своих книгах о путешествиях Брайсон показывает места, в которых он бывает, и необычайно забавным и искренним образом заставляет вас немедленно посетить то место, либо вообще обойти его стороной. В следующем тексте Брайсон делится своими впечатлениями о современном жилищном развитии в городе Милтон Кейнс в Англии.

Я не сразу стал ненавидеть Милтон Кейнс, который, как я предполагаю, хорош настолько, насколько только можно рассчитывать. Ты только делаешь первый шаг со станции на большую открытую площадь, окруженную с трех сторон рядами зданий из светоотражающего стекла, и тут же возникает ощущение пространства, которое вряд ли появится в других английских городах. Этот город стоял на склоне небольшого холма, в доброй полумиле выше пешеходных туннелей, над большим открытым пространством, занятым автостоянками и этими странными деревьями новых городов, которые, кажется, вообще не растут. У меня было явственное ощущение того, что когда я в следующий раз пересеку огромное пространство травы и асфальта, оно будет покрыто кирпичными офисными зданиями со стеклами цвета меди.

Я никогда не был в Милтоне Кейнсе, несмотря на то что я провел много времени, гуляя по новым городам, пытаюсь представить о чем могли думать их создатели. Милтон Кейнс во многом превосходил любой из новых городов, которые я видел до этого. Подземные переходы были оформлены шлифованным гранитом, по большей части без **граффити** и обычных грязных луж, которые являлись визитной карточкой **Базингстока** и **Бракнелла**.

Город являл собой странное сочетание стилей. Непокрытые травой затемненные полосы вдоль центра главного проспекта придавали ему легкий французский оттенок. Светлые производственные парки на окраинах города выглядели по-немецки. Линейная схема города и пронумерованные улицы выглядели по-американски. Непримечательность домов напоминала терминалы международных аэропортов. В общем, город выглядел как угодно, но только не по-английски.

Самым странным было то, что вокруг не было ни магазинов, ни людей. Я немножко прошелся по центру города по одной аллее, вернулся назад по

граффити -
рисунки или надписи на
стенах
Базингсток и **Бракнелл** -
города на юге Англии

другой через затемненную улицу, что их соединяла. Каждая автомобильная стоянка была заполнена, и за зияющими окнами офисов были видны признаки жизни, но почти не было дорожного движения и не встретилось более одного-двух прохожих вдоль бескрайней аллеи. Я знал, что там должен быть огромный торговый центр, т.к. я прочел об этом в «Битве за обслуживание номеров» Марка Лоусона, но я не мог при всем своем желании его найти, или найти кого-то, чтобы спросить. Досадно было, что почти каждое из этих зданий выглядело так, как будто могло быть торговым центром. Я продолжал искать наиболее подходящее и ходил проверять только лишь для того, чтобы узнать, что это был головной офис страховой компании или что-то подобное.

В конце концов, я пошел прогуляться к жилым кварталам – своего рода бесконечный Бовисвиль из аккуратненьких домов желтого кирпича, извилистых улочек и пешеходных дорожек, обрамленных никогда не растущими деревьями, – но и там тоже никого не оказалось. С высоты холма я заметил расплзшиеся на три четверти мили синие крыши, подумал, что это мог быть торговый центр, и направился к нему. Пешеходные дорожки, которые мне показались на первый взгляд достаточно приятными, стали надоедать. Они лениво блуждали по затопленным вырубкам, красиво оформленные, но придающие ощущение того, что они не торопятся тебя куда-либо привести. Очевидно, дорожки были выложены людьми, которые думали об этом как о двухмерном упражнении. Они следовали круговым, явно бесцельным маршрутом, который, вероятно, привлекательно выглядел на бумаге, но не учитывал, что люди, которым приходится совершать длинные прогулки от дома к магазину, вероятно хотели бы добраться туда по возможности наиболее прямым путем. Хуже того, было чувство потерянности в полуподземном мире, ввиду оторванности от видимых ориентиров. Я стал часто вскарабкиваться на насыпь для того, чтобы понять, где я нахожусь, и обнаруживал, что я был нисколько не ближе к тому месту, где хотел бы оказаться.

В итоге, в ходе одной из подобных вылазок я обнаружил, что находился вблизи оживленной проезжей части.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Bryson, Bill. Notes from a Small Island. Reading. Black Swan, 1998, pp. 176-177.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Каким было первоначальное впечатление автора о Милтоне Кейнсе? Был ли он похож на любой другой английский город? Что можно предположить об архитектуре города в прошлом?
2. Что более всего поразило автора в Милтоне Кейнсе? Почему автора беспокоят его наблюдения в центре Милтона Кейнса?

3. Почему на улицах не было пешеходов? Как на это отреагировал автор? Как бы вы себя чувствовали, прогуливаясь по безлюдным улицам города? В чем автор видит причину раздражающего городского дизайна?
4. Что упустили из виду архитекторы, когда планировали общественное пространство в Милтоне Кейнсе?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Ле Корбюзье в приведенном отрывке «К новой архитектуре» говорит, что «за последние пятьдесят лет сталь и бетон принесли новые победы ... старые правила архитектуры были опровергнуты... мы усвоим, что «стилей» для нас больше не существует, что появился стиль, относящийся к нашему времени». Как комбинация стилей, представленная в Милтоне Кейнсе, умаляет или поддерживает вышеуказанный аргумент?
2. Придерживаются ли Корреа и Брайсон единого мнения о роли архитектора в обеспечении населения удобным и практичным общественным пространством?

ТАДЖ МАХАЛ.

Тадж Махал в Индии считается одним из прекраснейших сооружений мира

ХАГИЯ СОФИЯ.

Нейронная бомба спасла бы такое великолепное произведение человечества как Хагия София (центральный холл с галерей второго этажа), прекрасный пример Византийской архитектуры

АЗИЗ НЕСИН. НЕЙТРОННАЯ БОМБА СПАСЕТ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Азиз Несин (1915-1995) широко известный турецкий писатель, чьи труды в области художественной литературы включают в себя сатирические книги и юмористические статьи для журнала. Как и многие турецкие писатели своего времени, Несин был осужден и заключен в тюрьму, но, вопреки обстоятельствам, все еще ухитрился публиковаться и создал успешную писательскую карьеру. В 1972 году Несин открыл институт для поддержки нуждающихся детей и оказания помощи в их образовании. Фонд Несина очень активен, и сегодня им руководит его сын. В приведенном ниже рассказе Несин приводит иронические доводы в пользу того, что нейтронная бомба более человечна, чем традиционное оружие, потому что она убивает только людей, тогда как традиционное оружие разрушает вдобавок прославленные творения цивилизации.

Мы выучили страшный урок Первой мировой войны и последовавшей за ней Второй мировой войны. Мы видели, как в результате обеих войн исторические памятники, являвшиеся великими творениями цивилизаций, великолепные здания, храмы, мосты, музеи, которые прославляют нашу цивилизацию, заводы, являющиеся одновременно продуктом и создателем нашего технического прогресса, все школьные и университетские здания, библиотеки, которые хранят исторические документы цивилизации, и все великие города были разрушены и стерты с лица земли. То, что было разрушено, и составляло саму основу цивилизации.

Сложно и дорого было реконструировать, реставрировать и перестраивать эти памятники цивилизации, разрушенные во время Первой и Второй мировых войн. Колоссальные усилия и исследования были посвящены решению этих задач. Необходимо создать оружие, которое бы убивало врагов, но не наносило бы ущерба камню, бетону, почве, железу и цементу. В самом деле, у бетона, железа или камня ведь нет врагов.

В чем же провинились бедные камни, цемент, железо и дерево или памятники цивилизации, что мы должны их разрушать? В результате всех исследований, люди преуспели в разработке нейтронной бомбы. Нейтронная бомба – это оружие, которое спасет и защитит нашу цивилизацию, и является великим чудом нашего времени. Представьте, что нейтронная бомба, которая, проникнув сквозь все щели зданий -памятников цивилизации, и уничтожив все живое в них, не повредит даже побелку этих зданий, краску на дверях и окнах, ковры на полу, тесьму на занавесках, позолоту на оправе зеркала, обои или лак на мебели и даже не заставит дребезжать окна. Вы можете представить себе оружие гуманнее и цивилизованнее, чем это? И после такой войны у нас, тех, кто останется в живых, в распорядке будут совершенно пустые города, спасенные от разрушения, пустые меблированные квартиры, корабли в безлюдных портах, музеи и

школы, и университеты, и библиотеки без людей. Останется только небольшая работа по уборке для тех, кто станут обладателями этих реликвий цивилизации: надо будет собрать и избавиться от ненужных людских останков, людских трупов и кучи костей и пепла, оставшихся от трупов, и очистить наш прекрасный мир, украшенный творениями цивилизаций.

Кто может выступить против нейтронной бомбы, величайшего из чудес нашего времени, которая убьет людей и тем самым спасет цивилизацию? Мы не должны забывать: какой прок от бомбы, которая не убивает людей и не разрушает здания? Некоторые сравнивают бомбу с пульверизатором для уничтожения насекомых. Нейтронная бомба не пульверизатор для мух!

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Nesin, Aziz. "Notron Bombasi Uygarli i Kurtaracaktir" from Sanat Dergisi. "The Neutron Bomb Will Save Civilisation." Turkish Stories From Four Decades. Translated from Turkish by Louis Mitler. Three Continents Press, 1991. pp. 169-170.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Считаете ли вы, что Несин говорит серьезно? Саркастично? Или может быть цинично? Что такое цивилизация, и кто ее создает?
2. Являются ли здания более важными носителями цивилизации, чем люди? Согласны ли вы с Несином в том, что нейтронная бомба – самое гуманное и цивилизованное из всех орудий? На самом ли деле Несин оправдывает использование нейтронной бомбы по сравнению с обычным оружием?
3. Что вы чувствуете, когда читаете: «...Чтобы очистить наш мир, украшенный творениями цивилизаций»?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Очевидно, людям не нужна была нейтронная бомба, чтобы сохранить прекрасные реликвии исламской архитектуры, представленные во «Дворах Империи». Преуменьшает ли этот факт важность аргументов Несина?

МАРТА КОЛБУРН. ЖИЛИЩА АФГАНСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Марта Колбурн (род. в 1971) консультант по образованию в Корпусе Милосердия, основанном в США как международная гуманитарная организация, цель которой облегчить страдания, бедность и угнетение, помогать людям в построении безопасной, эффективной и справедливой общности. Следующий текст описывает архитектурную форму юрты и обсуждает ее преимущества. Читатель должен подумать, как эта архитектурная структура отражает жизненный стиль традиционных среднеазиатских общностей и могла ли эта структура быть успешно приспособлена к условиям современного общества.

Перепись населения 1979 г. в Афганистане показала, что кочевников около 2,5 миллионов из более чем 16 миллионов населения, а это означает, что каждый шестой житель Афганистана ведет кочевой образ жизни. Пастухи традиционно перемещаются по территории современных государств Центральной Азии. Резкий климат и недостаток пастбищных земель и воды для стад делают кочевой образ важной частью жизни для многих в Центральной Азии. Горцы районов **Гиндукуша, Нуристана** и **Бадахшана** живут высоко в горах летом, для того чтобы пасти свой скот, и спускаются ниже зимой. Жилища кочевников в этом регионе состоят из разнообразных передвижных и временных жилищ, построенных из глины, тростника, хлопковых нитей, войлока и шерсти.

Юрта ерга (на языке дари), или оои (на тюркском языке) служит одним из таких широко распространенных жилищ на севере Афганистана среди полукочевых пастухов и полуседлых фермеров. Это передвижная, закругленная, куполообразная войлочная конструкция, которой пользуются, в основном, многие тюркские народы, включая туркмен, узбеков и киргизов, также используемая соседними арабами, говорящими на дари, и персоязычными народами. Юртой пользовались кочевники от Монгольских степей и гор Центральной Азии до южных степей России, южная граница зоны юрт шла от Турции до Северного Ирана и Северного Афганистана.

Удивительно универсальный дизайн юрты был признан инженерами долговечной, сейсмостойкой, прекрасной защитой от сильных ветров и холодов. Юрта также дает самый высокий коэффициент отношения закрытого пространства к периметру стены. Бакминстер Фуллер, знаменитый изобретатель «геодезического купола», когда-то мечтал о массовом производстве современной, похожей на юрту металлической конструкции, которую он называл димаксионом. После Второй мировой войны она бы служила в качестве дешевого жилья. На сегодняшний день существуют десятки компаний в США, которые выпускают современные юрты для туризма и под постоянное жилье.

Гиндукуш -
Северный Афганистан
Нуристан -
Восточный Афганистан
Бадахшан -
Восточный Таджикистан

Основа юрты состоит из решетчатой деревянной стены с крышей, сделанной из длинных шерстяных распорок, связанных на одинаковом расстоянии с решеткой и закрепленных сверху с помощью компрессионного кольца. Затем эта основа накрывается сверху войлоком, на который уходит около 130-167 кг шерсти, – и крепится шерстяными шнурами. Компрессионное кольцо в центре потолка открыто для воздуха, света и дыма. Внутри юрта часто ярко украшена рукоделием, коврами на полу, вручную связанными ремнями для поддержания тесьмы на месте, и наполнена функциональными деталями от кухонных принадлежностей до радио и других составляющих элементов современной жизни. Внутреннее пространство организовано в соответствии с социальными нормами и традициями семьи, которая в ней живет.

Войлок – уникальный материал, и часто используется для других традиционных декоративных изделий. Этот материал изготавливался веками по одной и той же схеме: шерсть треплется прутьями, затем выкладывается в два длинных толстых ряда поверх мешочной ткани. Все это скручивается в рулон и замачивается в воде, подогретой горячим навозом. После этого войлочный рулон катают взад-вперед, чтобы нити сваялись вместе.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Colburn, Marta. Nomadic Dwellings in Afghanistan. Mercy Corps. URL: www.mercycorps.org.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как стиль жизни афганских кочевников помог в определении месторасположения их жилищ и поселений? Как вы думаете, почему юрта имеет такое широкое географическое распространение?
2. Почему юрту признавали в качестве удобной жилищной конструкции даже за пределами Центральной Азии? В чем ее особенность?
3. Чем отличается или не отличается внутреннее оформление юрты в обеспечении всем необходимым для жизни людей от обычной городской квартиры? Как бы вы себя чувствовали, живя в юрте?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Вспомните функции жилища и пространственных элементов, которые приводит Корреа. Можно ли считать юрту идеальным, гармоничным вариантом для жилищного строительства? Может ли юрта стать широко распространенным дешевым жильем, в особенности в городах? Объясните свой ответ.

ЮРТЫ.

Юрты являются удобной формой транспортабельных домов для кочевых народов Центральной Азии

КИРГИЗСКАЯ ЮРТА

ДЖЕЙСОН Ф. МАКЛЕННАН. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Джейсон Ф. Макленнан является всемирно признанным лидером движения за зеленое строительство и директором регионального совета по зеленому строительству “Каскад”, который находится в Сиэтле, штат Вашингтон. Джейсон родился и вырос в Онтарио (Канада), образование получил в Орегоне (штат Канзас) и Глазго (Шотландия) и теперь проживает на острове Брейнбридж.

Он получил образование архитектора и был руководителем BNIM Architects, который является преобразующей силой в движении зеленого строительства за прошедшие десятилетия. Автор «Философии устойчивого проектирования», «Экологический инженер и зугенрухе» и других книг. «Философия устойчивого проектирования» в настоящее время используется как учебник в более чем 60 университетах и колледжах и широко распространена как в Европе, так и Северной Америке. Настоящий текст является главой из этой книги, в которой Макленнан обсуждает вопросы взаимосвязи между зданием, человеческим благосостоянием и производительностью. В этом тексте автор исследует разнообразные факторы искусственной среды, которые влияют на здоровье человека, и способы улучшения окружающей среды человека через внедрение устойчивого проектирования и зеленого строительства.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

В первые годы внедрения энергосберегающих проектов проблемы здоровья человека не были столь высокоприоритетными, как сейчас. Связь между здоровьем человека и искусственной средой была недостаточно изучена, и роль выбора материалов и сбережения самой энергии еще не была выявлена. В действительности, как пришлось узнать некоторым проектировщикам с благими намерениями, сжатие ограждающей конструкции здания, сберегая энергию, иногда вызывало значительные проблемы с качеством воздуха в помещении. Так как люди подвергались повышенному уровню углекислого газа и были окружены загрязняющими веществами, которые испарялись из материалов. Менее понятным было психологическое воздействие, которое наши здания оказывали на нашу производительность и благосостояние. Окружающая среда домов и офисов отражала большое различие между внутренней частью, дневным светом и внешним пространством. Наряду с этими различиями возрастали потери личного контроля над комфортными условиями, поскольку люди отказались от раздвижных окон и способности управлять отоплением и кондиционированием воздуха.

Сегодня у многих американцев однообразная ежедневная работа, вынуждающая их проводить несколько часов за столом, в кубе, без дневного света, архитектурных особенностей или личного контроля над тепловым

комфортом или вентиляцией. Многие из этих офисов находятся в больших, сплошь стеклянных коробках, предназначенных для максимального увеличения количества кубов для работы, которые могут быть помещены на отдельном этаже. Далее различающей особенностью этой рабочей среды является однородное освещение и тепловые условия, минимальная связь с внешним миром и часто плохое качество воздуха внутри помещения, что вызвано токсическими методами очистки, вредными газовыделяющими материалами и плохой вентиляцией. Небольшое различие также проведено между типом выполняемой работы и рабочей средой, которая поддерживает ее, а именно одинаковый размер помещения, подходящий умонстроению всех, который отрицает уникальность людей и особенность процесса работы. При рассмотрении количества времени, которое мы проводим на работе, возникают следующие вопросы: какое воздействие эта среда имеет на наше здоровье, на наше благосостояние и даже на нашу производительность и рентабельность? Если это является нашей средой обитания, каких людей и какую работу она поддерживает?

На здоровье и производительность человека оказывают большое влияние здания, в которых мы обитаем. Наше физическое здоровье и благосостояние близко связаны с качеством окружающей среды, в которой мы проводим свое время. Сегодня многие американцы проводят около девяноста процентов своей жизни в закрытых помещениях. Не удивительно, что если эта внутренняя среда нездорова, то она неблагоприятно влияет на здоровье и производительность человека. Большинство из нас сталкивались с неоптимальными условиями работы, и мы поняли, до некоторой степени, как эти условия могут повлиять на качество работы, которую мы выполняем, на скорость выполнения нами работы и, во многих случаях, на нашу готовность оставаться на работе, чтобы выполнить ее. В крайних случаях, в таких зданиях, которых проявляется синдром больных зданий, одной отрицательной среды достаточно, чтобы отправить людей, у которых иммунная система неспособна отразить повторяющиеся атаки нездорового воздуха внутри помещений, домой на долгое время. Такое влияние в большинстве зданий является не столь драматичным, но все же существенным, если посмотреть в целом. Насколько наша работа эффективна, когда мы отвлечены средой? Насколько наша работа эффективна, когда нам слишком холодно? Слишком жарко? При ярком свете экранов наших компьютеров? В течение одного обычного дня существует сотни экологических барьеров на пути создания удобной и безопасной среды для людей и на пути прибыльности компаний.

Типичный американский дом, где большинство из нас проводят остальную часть времени, часто ненамного лучше в качестве ареала для человеческого обитания. Такие дома спроектированы как ловушки для пыли, грязи и аллергенов и иногда как места чрезвычайного роста плесени. А иногда в них существует неудачное совмещение гаража, с его автомобильными выхлопами, и самого дома, подвергающее людей, таким образом, потенциально фатальному воздействию угарного газа. Согласно Американской легочной ассоциации, в обычных домах качество воздуха значительно хуже, чем снаружи, даже в промышленных городах. Это противостоит естественности, когда наши дома, которые должны быть убежищем, делают нас больными.

За последние годы, одним из самых убедительных преимуществ движения устойчивого проектирования является то, что жители зеленых зданий последовательно сообщают о меньшем количестве проблем, связанных с окружающей средой, по сравнению с теми, кто живет в обычных зданиях. Многочисленные исследования в Соединенных Штатах, в Канаде и в Европе показали, что по мере того, как люди переселяются из обычных зданий в зеленые здания, пропуски по болезни и неявки на работу уменьшились и люди меньше жалуются на проблемы с температурным комфортом. В то время как этот результат, возможно, не был удивительным для некоторых людей, он поразил многих неосведомленных людей, особенно некоторых из самых горячих сторонников зеленых. Увлеченные строительством зданий, благоприятных для окружающей среды, многие просмотрели тот факт, что это также будет иметь положительный эффект на людей.

Много объектов, которые снижают потребление энергии или воздействия на окружающую среду, в то же самое время помогают улучшить наше благосостояние. Например, проблемы с качеством воздуха внутри помещений иногда являются результатом роста плесени, которая образуется из-за строительства стен ненадлежащим образом. Вследствие протечек и конденсации стены становятся влажными. Эти влажные стены часто теряют свою способность изолировать, поскольку большинство изоляционных материалов, когда они сырые, разрушаются. Обращение пристального внимания на энергосбережение стен по прошествии длительного времени может иметь двойную выгоду обеспечения качества воздуха в здании и наоборот. Чересчур легко думать, что мы отделены от окружающей среды, и мы забываем, что здоровая окружающая среда полезна для всех организмов, включая непосредственно нас. Создание лучших мест работы для людей крайне важно в бизнесе с разных точек зрения.

Одно из самых ранних и самых существенных исследований связи между экологическим состоянием и производительностью было проведено

в Банке ИНГ (теперь НМБ), в окрестностях Амстердама, Тоном Альбертсом. В 1978 году банк решил переехать в новое здание ввиду расширения, но также, чтобы содействовать созданию нового имиджа банка. Альбертс – сторонник устойчивости, а также философии, известной как «антропо-зи», поддерживающий использование изогнутых и округленных форм, а не прямолинейных, характерных для промышленности, и он предложил банку рассмотреть очень нетрадиционную форму здания. Как сообщается в *Greening The Building and the Bottom Line*, новаторском отчете Института Rocky Mountain, банк хотел построить здание, в котором бы «органически сочетались искусство, натуральные материалы, солнечный свет, растения, энергосбережение, низкий шум и вода». В проекте приводился холмистый план этажа здания, который строился вокруг ряда **атриумов**. Эти атриумы предназначались для того, чтобы пропускать дневной свет внутрь и придавать жизнь интерьеру здания. У всех работников здания был доступ к естественному дневному свету через атриумы и окна, которые выходили наружу.

атриум –

центральный зал, часто крытый стеклом, который простирается в здании на несколько этажей, например, в торговых центрах или в гостиницах

Экологическая характеристика здания была внушительной. Новое здание потребляло меньше десяти процентов энергии от потребления старого здания банка и только одну пятую часть энергии, потребляемой соседними зданиями, построенными одновременно с ним. Дополнительные издержки по улучшению стандартного сооружения для повышения эффективности здания составляли только семьсот тысяч долларов, в то время как ежегодная экономия энергии (из-за высоких цен на энергию в Европе) была оценена в чуть более двух с половиной миллионов долларов в год, что являлось ошеломляющей окупаемостью за три месяца. Однако самым внушительным аспектом было влияние этого здания на здоровье и производительность людей. Отсутствие без уважительных причин уменьшилось и было на пятнадцать процентов ниже, чем в старом здании банка, что очень сильно повлияло на чистую прибыль. Сегодня здание стало настолько известным, что даже имеется однолетняя очередь на экскурсию

по зданию. Такой маркетинг не имеет цены.

С конца девяностых годов много других исследований обнаружили существенную взаимосвязь между зеленым строительством и увеличением производительности, включая несколько исследований в Соединенных Штатах. В Рино простые усовершенствования освещения и акустики в главном почтовом отделении улучшили условия труда (понижая при этом энергопотребление) настолько, что это почтовое отделение стало самым производительным из всех сортировочных станций в Западном регионе США, так как в отделении количество сортируемой почты на человека повысилось на 6 процентов. Реконструкция за 300 000 \$ стала причиной повышения экономической производительности ежегодно до 400 000 \$ 500 000 \$! В «Боинге» улучшение освещения проводилось в рамках добровольной программы «Зеленый свет» Агентства по защите окружающей среды с традиционным возвратом инвестиций в 53 процента, что является только двухгодичной окупаемостью вследствие улучшения эффективности энергопотребления. Но что ещё более важно, уровень безопасности на заводах был намного увеличен, поскольку служащие могли лучше видеть работу, которую они выполняли. Согласно представителям компании, способность обнаружить дефекты в работе улучшилась на двадцать процентов. Простые улучшения экологических характеристик привели к позитивным результатам для пассажиров авиалинии по всей стране.

Несколько школ по всей стране отследили ряд изменений в посещаемости, оценках за учебу и даже в регистрации зубных заболеваний у учащихся, которые перевелись с обычных школ в школы, которые используют естественное освещение как основной источник общего света.

Учащиеся школы Северной Каролины в значительной степени повысили свою успеваемость — до пятнадцати процентов, — когда их перевели в новую школу, в которой использовалось естественное освещение, наряду со значительным ростом посещаемости и уменьшением регистрации зубных заболеваний. Наша способность учиться зависит от условий окружающей среды, от способности видеть нашу работу, от минимизации слуховых отвлечений и от доступа к свежему воздуху, чтобы сохранить наше внимание и здоровье. Здоровье зубов также зависит от нашей способности усвоить витамин Е, такая способность возможна только при участии **УФ**, который присутствует в дневном свете. Здоровье зубов наряду со связью с природой ухудшается у детей, которые проводят практически все свое время в закрытых помещениях.

Схожие исследования обнаружили такие же результаты в школах Калифорнии и Канады. Действительно, исследования производительности на разных типах зданий по всей стране показали одни и те же результаты повышения производительности от пяти до пятнадцати процентов, что весьма значительно. Джозеф Ромм отмечает:

«Наряду с тем, что модернизация, сокращающая энергопотребление наполовину, может сэкономить один доллар за квадратный фут от ежегодных затрат на энергию, она также может каждый год произвести более десяти долларов за квадратный фут новой прибыли, если она повышает производительность хотя бы на пять процентов!»

Во многих отношениях проблемы производительности могут скоро стать основным двигателем принятия многих зеленых стратегий. В то время как мало людей желает вносить изменения только на основе экологических соображений, почти все заинтересованы в здоровье и в деньгах, которые являются двумя основными аспектами, связанными с производительностью и благосостоянием жителей. Растет число компаний, которые начинают замечать связь между средой, предоставляемой ими для своих служащих, и экономическим благосостоянием своих компаний. Но если связь с производительностью и экономикой настолько сильна, почему она не завоевала популярность еще быстрее? Причина в том, что много людей полагают, что исследование производительности является очень «вялой наукой» (общественная наука) допускающей огромные потенциальные ошибки из-за изменчивости человеческого поведения. До некоторой степени такая критика оправдана. Производительность человека зависит от огромного набора факторов, и очень трудно измерить соотношение усовершенствования искусственной среды с повышением производительности.

Производительность может в значительной степени подвергаться влиянию множества факторов, таких как: настроения людей, их личные отношения, отношения на работе и то, что они ели на обед. Насколько в действительности производительность зависит от рабочей среды? Усложняя этот вопрос, можно сказать, что еще тяжелее определить, какие определенные улучшения наиболее действенны, а какие нет. Насколько важен дневной свет по сравнению с качеством воздуха? Действительно ли температурный комфорт более важен, чем управление освещением? Когда целесообразнее остановить процесс улучшения качества воздуха? Освещения? Все это те вопросы, на которые нужно ответить надлежащим

образом. Хотя маловероятно, что мы когда-либо найдем окончательные ответы на них, а скорее, мы должны предполагать линии ответов с высокой степенью взаимосвязи. Другой проблемой исследования производительности является то, что пока еще отсутствует согласованный базис для их проведения, то есть нет установленных правил, принятых в качестве промышленных стандартов. Таким образом, качество исследований даже среди существующих исследований производительности отличается в значительной степени. Однако даже если трудно измерить производительность, мы должны продолжить наши старания, потому что, как мы уже увидели, польза от них может быть огромной. И, что более важно, лишь то, что мы еще не разгадали, насколько производительность связана с нашей физической средой, не означает, что ответ равен нулю.

Исследования производительности разделяются на две категории: исследования, наблюдающие за предметами, которые можно отследить **эмпирическим** путем, и исследования, которые основываются на субъективной информации. Не удивительно, что эмпирические исследования, несомненно, являются более авторитетными. Этот вид исследования рассматривает данные, которые обычно доступны в большинстве организаций, такие как: неявка на работу и отсутствие по болезни или число жалоб. На производственных предприятиях можно проследить число изделий, обрабатываемых на человека в день, до и после того, как было проведено усовершенствование. Несмотря на то, что иногда трудно определить повышение производительности между несколькими усовершенствованными зданиями, общие результаты очевидны. Субъективные исследования производительности основываются на целевых группах и опросах для определения того, как люди отзываются о своей рабочей среде до и после того, как новое сооружение построено, или до и после того, как происходит модификация или реконструкция. Эти исследования отражают удовлетворение служащих, обосновывают и описывают усовершенствования производительности. Результаты этих исследований менее значительны, но если они достоверны, то они еще более весомы, чем эмпирические исследования.

Человеком, который пытается переделать то, что называют «мягкой наукой», в твердую, является Джуди Геерваген. Геерваген — экологический психолог, который специализируется на изучении взаимосвязи между производительностью, благосостоянием и зеленой архитектурой. Она провела многочисленные исследования для корпоративных и институциональных клиентов, таких как Sun Microsystems, «Боинг» и GSA, и ее результаты также подтверждают эту связь. Она, посредством ненавязчивых поведенческих исследований, целевых групп, опросов и интервью, пытается более точно установить, какие факторы в большей степени влияют на поведение

эмпирический -
основанный на опыте или
имеющий отношение к
опыту и наблюдению, а не
к теории

и на работу. Геерваген полагает, что «здания имеют огромное влияние на благосостояние человека и на организационную эффективность». Она также отметила, что «мы должны сменить наше восприятие зданий как затрат на недвижимое имущество на восприятие зданий в качестве пользы для служащих. Пользы, которая в значительной степени содействует здоровью, благосостоянию, привязанности к организации».

БИОФИЛИЯ – НОВОЕ ПОНЯТИЕ

«Мы забываем, что в звуке ветра и воды содержится больше мудрости, чем в любом ток-шоу, самоучителе или речи политика: что ночное небо или туманное утро содержат больше духовной пищи, чем богато украшенный кафедральный собор или харизматическая проповедь. А также в выращивании садов больше жизненных целей, чем во многих карьерах, и больше знаний в исследовании болот, водоемов или прерий, чем можно будет получить за месяцы обучения в классах».

ФИЛИПП САТТОН ЧАРД. «THE HEALING EARTH»

В 1984 г. дважды лауреат Пулитцеровской премии Е. О. Уилсон выдумал термин «биофилия» для обозначения врожденной склонности людей к «сфокусированности на жизни и жизненных процессах». Растет группа дизайнеров, которые начинают понимать, что недовольство и отрицательные реакции, которые многие из нас испытывают по отношению к нашей искусственной среде, являются следствием того, что мы отрицаем эту врожденную склонность. Понадобилось участие биолога, чтобы напомнить нам о том, что мы также являемся биологическими существами. Постоянное пребывание в безжизненной и неодушевленной среде в итоге влияет на наше благосостояние и мораль. У нас есть индустриальная экономика, которая поощряет только единообразие, и это единообразие глубоко укоренилось в структуре искусственной среды. Мы проводим много времени в окружении только бетона, стали и облицовочного камня. Как пишет Филипп Чард, «большинство наших детей живут, как пузырьки, и вырастают пленниками технологии и материализма». Многие люди чувствуют себя в ловушке и испытывают подавленность в равнодушной среде — симптом, который можно бы было назвать эффектом биофилии.

По мере увеличения использования технологии мы почувствовали нужду в создании физических ареалов, которые, кажется, изменяются наряду с таким увеличением. Все же основные потребности человека в зданиях и в крове изменились в меньшей степени или вообще не изменились на фундаментальном уровне за прошедшие несколько тысяч лет. У нас все еще есть те же самые главные потребности в безопасности и в комфорте; изменились только наши определения и стандарты относительно того, что мы подразумеваем под этими потребностями. Технология должна помогать нам в удовлетворении наших потребностей, а не отгонять нас от того, в чем мы нуждаемся. Эта философия основана на том феномене, что человека, как и все живые существа, пленяет жизнь и присущие ей особенности, и по возможности он приложит все усилия, чтобы завести это в своем доме или офисе, если этого нет в достаточных количествах.

биофилия –

врожденная любовь к естественному миру, которая, как предполагается, чувствуется единообразно всеми людьми

Люди заполняют свои места растениями и оранжереями, проточной водой в фонтанах, и многие из нас, главным образом подсознательно, ищут эти места по мере возможности. Цементные джунгли не являются заменой реальных джунглей. «Технология может быстро развиваться, и когда она развивается, экономика может подвергнуться конвульсиям изменений, но было бы полным безрассудством с нашей стороны пытаться основывать природу наших обществ на последних технологических и экономических новшествах, закрывая при этом глаза на врожденные потребности человека».

Это грустное примечание к профессии дизайнеров, что у многих из них есть интеллектуальное отвращение к созданию мест, заполненных жизнью и естественной энергией. Как будто эта профессия, все еще находясь в муках модернистской доктрины, испытывает неудержимую потребность ликвидировать непредсказуемый дух природы на каждом шагу и охватить определенность и энергичность машины. В то же время эти проектировщики выражают удивление, когда неосведомленный в полемике и жаргоне современного дизайна дилетант открыто не разделяет с ним его эстетических вкусов. Действительно, курьез заключается в том, что зачастую премии выигрывают те архитектурские проекты, которые оказываются наименее популярными у широкой публики. Это предполагает, что или широкая публика не осведомлена и неспособна понять то, что является для нее полезным, или архитектурное сообщество оторвано от того, что люди хотят или в чем нуждаются, и оно слишком высокомерно, чтобы хотеть узнать или волноваться об этом. Истина здесь, как во многих других вещах, находится, вероятно, где-то посередине. Классическим примером этого является Пруитт Игое, жилая застройка в Сент-Луисе, которая когда-то в шестидесятых годах получила много премий по дизайну как яркий пример модернизма. Это здание оказалось ужасным местом для проживания, с ухудшенными экономическими условиями, и было снесено через двадцать лет после его строительства. Как это неустойчиво!

Когда спрашивают людей, не занимающихся дизайном, о том, что им нравится в зданиях, они обычно просят формы, теплые материалы, больше света и воды и отвергают **ортогональные** декартовские формы, построенные из бетона и стали. Реакцией дизайнерского сообщества обычно является презрение — «они не знают, что лучше», объявляет дизайнер. И это в некоторой степени верно (большинство людей не могут ясно сформулировать или построить красивые места, которые могут построить профессионалы дизайна), и в то же время это во всех отношениях неверно, и возможно не в самых фундаментальных отношениях. Непрофессионал хотя не всегда способен ясно сформулировать, почему определенные места и пространства положительны, все же находится в некоторой степени

ортогональный –
расположенный
под прямым углом,
перпендикулярный

папоротник –
споровое растение с
крупными, сильно
рассеченными листьями,
растущее в тенистых
сырых местах

филодендрон –
декоративное
деревянистое растение
с перистыми крупными
листьями, родом из
тропической Америки

больше в контакте, подсознательно, с врожденной потребностью в жизни и в жизненных процессах. Несмотря на все достоинства, образование иногда может отделять нас от присущих нам потребностей.

Действительно великая архитектура, современная или традиционная, привлекает большое количество людей, но не потому, что архитектор спроектировал точно то, что хотелось общественности. Вместо этого архитектор нашел способ удовлетворить основные эмоциональные потребности людей, объединив эти потребности в общем дизайне здания — цель, которая резонирует от шести принципов устойчивого дизайна. Хороший дизайнер придерживается идеи биофилии и находит способ вставлять в дизайн жизнь и жизненные процессы. Все мы, до некоторой степени, должны чувствовать, что наши главные потребности удовлетворены зданиями, которые нас окружают — потребность в крове, в теплоте и в красоте и, возможно, потребность в удивлении и в причуде. Архитектура терпит неудачу, когда дизайнер игнорирует эти потребности и чувства. Эффект биофилии крепко связан с принципом уважения жизненного цикла, так как это именно та связь, которая помогает нам оставаться людьми. Когда мы отдаляемся от природы, у нас появляется побочный психологический эффект. Идея биофилии не подразумевает, что все архитектурные сооружения должны быть органическими и заросшими **папоротниками и филодендронами**. В действительности, в нас есть что-то такое, которое, кажется, требует баланса, степени отделения от дикой природы, что позволяет нам чувствовать себя несколько отдаленными, чтобы быть человеком.

Проектирование с точки зрения биофилии подразумевает баланс. Когда природа жестока и сокрушительна, как в пустыне, люди нуждаются в убежище, в котором более спокойно, прохладно и аскетично. В плотной городской среде, где люди окружены только бетоном и кирпичами, дизайнеры должны делать все возможное, чтобы внедрять жизнь в свои проекты. У бруталистического административного здания должны быть сады, которые предоставляют зеленое убежище от твердого бетона. Больше чем другим дизайнерам, дизайнеру бруталистических строений (характеризующихся обычно широким использованием бетона и отсутствием орнаментики) для того чтобы быть успешным, нужно иметь понимание понятия биофилии. Дизайнер должен передать жизнь не через структуру здания, а другими способами: через интенсивное чувство контраста, роль, которую дневной свет играет в интерьере здания, или, возможно, как здание непосредственно сочетается с местом и как смотрится со стороны. Напротив, лесной лагерь должен иметь места, где естественная среда отсутствует, места, которые несут безошибочное указание на присутствие человеческой деятельности, в сущности, на наше оборудование и машины. То есть, места, которые предоставляют нам убежище не от единообразия, а от избытка дикой среды.

Несомненно, для разных людей баланс этот определяется по-разному. Главным уроком этой главы по производительности является то, что люди и их потребности разнообразны и как естественная среда, искусственная среда должна учесть наши разнообразные ощущения для того, чтобы мы были здоровыми, производительными и чувствовали себя комфортно.

АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО – ЖИВОЙ АРЕАЛ

За последующие несколько поколений мы продолжим постигать пути создания среды, более точно настроенной на разнообразные потребности людей. Мы будем брать у природы подсказки и понимание воздействия, которое наша рабочая и домашняя среда оказывает на наше здоровье, наше благосостояние и даже на нашу производительность и рентабельность. Живой ареал будущего будет означать конец шаблонного решения вопроса удобства и дизайна и будет характеризоваться гибкостью и приспособляемостью, возможно даже охватывая виртуальную среду, которая поможет людям приспособить свою среду на основе изменяющихся требований времени.

Архитекторы, строители и застройщики будущего будут ответственны за работу по модернизации рабочего ареала, в котором они будут поддерживать необходимый вид работы путем соответствующей балансировки физических и психологических факторов. Основываясь на примерах, взятых из природы, наша будущая естественная среда не будет иметь паутины отрицательного воздействия на окружающую среду, и будет служить **ЭКОТОНОМ**, если не для других организмов, то, по крайней мере, метафорически, как место культивирования разнообразных идей.

Здания будущего предоставят людям больше возможностей для связи с внешней средой. А также завтрашние места работы будут разработаны для людей не в виде кубов. Они будут приспособлены к типу выполняемой работы, с обоснованным вложением в здоровые и красивые интерьеры. Доступ к качественному дневному свету и свежему воздуху также станет признаком рабочего места будущего. Рабочее место будущего будет разработано для более тщательной максимизации значительных инвестиций в людей, которых оно поддерживает. Много компаний, которые думали, что они не в состоянии позволить себе вложить капитал в качественную рабочую среду, поймут, что они должны это сделать. Прогрессивные компании будут готовы потратить авансом больше денег на здания и на системы для повышения благосостояния своей рабочей силы и для культивирования атмосферы новшества и качества. В результате этого в строительстве этих зданий будут использоваться более долговечные материалы, и они будут более благотворными, безвредными для окружающей среды, со значительно сниженным энергопотреблением и расходом ресурсов. Кроме того, технологии, которые уменьшают энергопотребление, улучшая комфорт и контроль пользователя, в зданиях будущего будут преобладать.

ЭКОТОН –
зона перехода между
двумя и более различными
экологическими видами

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: McLennan, Jason F., "Productivity and Well-Being", The Philosophy of Sustainable Design: The Future of Architecture. Bainbridge Is, WA: Ecotone Publishing, 2004 pp.151-171.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как физическая среда воздействует на здоровье и производительность человека?
2. Какая польза в движении за устойчивое проектирование?
3. Согласно Макленнану, какие существуют критерии для создания полезных мест для людей?
4. Какие отличительные признаки были включены в новое здание Банка НМБ, и как это повлияло на работу служащих?
5. По вашему мнению, какое из двух описанных исследований производительности более надежно для наблюдения за воздействием зеленых зданий на состояние человека?
6. Насколько потребность человека в крове, безопасности и комфорте изменилась с течением времени?
7. Какова связь между нашими врожденными потребностями и зданиями, в которых мы живем?
8. Что такое биофилия, и какое значение эта идея имеет при строительстве зданий для улучшения благосостояния и состояния человека?
9. Как вы думаете, смогут ли архитекторы найти баланс между обычными зданиями и зеленым зданием?
10. Каково видение Макленнана относительно будущих зданий, представляющих собой как жилую среду, так и место работы?

ОБЗОРНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Совпадают ли доводы Ле Корбюзье и Макленнана относительно потребности человека в крове и будущего архитектуры?
2. Корреа утверждает, что функция архитектора в странах третьего мира заключается в знании не только того, как построить, но и где построить. По вашему мнению, как соотносятся доводы Макленнана о производительности и благосостоянии архитектуры с идеей Корреа?
3. Макленнан говорит: «В плотной городской среде, где люди окружены только бетоном и кирпичами, дизайнеры должны делать все возможное, чтобы внедрять жизнь в свои проекты». Соответствует ли это или противоречит архитектуре Мильтона Кейнса, описанной Брайсоном?

ГЛАВА ПЯТАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

235

ВВЕДЕНИЕ

В этой главе мы продолжим тему интерпретации пространства, обратившись в этот раз непосредственно к общественному пространству. Общественное пространство многое говорит нам о самом обществе. Атмосфера и окружающая среда общественного пространства оказывают большое влияние на людей, которые видят и используют его. Иногда это влияние чрезвычайно позитивно, иногда чрезвычайно негативно.

Например, полный жизни рынок или большой, прекрасно сконструированный мост, или природная красота деревенского пейзажа, все это может быть источником вдохновения, комфорта и просвещения. Яркая тому противоположность — разрушающаяся площадь городского центра, грязное, запущенное кафе, квартиры под внимательным наблюдением, все это может привести к изоляции, депрессии и моральной деградации. Студенты должны подумать, по какой причине некоторые общественные места улучшают качество жизни, а другие ухудшают его.

Эта глава уделяет много внимания тому, как общественное пространство отражает отношение правительства к народу. Студенты должны рассмотреть, как парк, содержащийся в порядке, и парк, находящийся в запустении, могут отражать то, как правительство в целом заботится о своем народе, и как отношение к общественным местам может показать настроение народа к своему правительству. Подумайте, как власть может стремиться контролировать своих граждан с помощью общественного пространства. Почему правительства воздвигают высокие памятники национальным героям? Как это влияет на нашу интерпретацию вклада этого человека в общество?

Будьте готовы поделиться своим мнением и научитесь ясно доносить его до публики, особенно до тех, кто может с вами не согласиться. Для этого пятая глава содержит развивающее критические навыки упражнение по разработке плана аргумента.

ВЕНГЕРСКИЙ ПАРЛАМЕНТ.

Венгерский памятник архитектуры неоготического стиля (после значительной реконструкции)

СЛАВЕНКА ДРАКУЛИЧ. О КАЧЕСТВЕ КРАСКИ НА СТЕНАХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Славенка Дракулич родилась в Хорватии (бывшая Югославия) в 1949 году. Уважаемый журналист и комментатор по культуре в Хорватии, Дракулич была основателем исполнительной комиссии первой организации женщин Восточной Европы. Она стипендиат Фулбрайта для писателей, член консультационного совета IV Международного междисциплинарного конгресса женщин. Автор трех книг по журналистике («Как мы пережили коммунизм и даже смеялись», «Дождливый экспресс», «Кафе Европа») и четырех романов («Голограмма страха», «Мраморная кожа», «Вкус мужчины», «Как будто я не здесь»). Ее книги были переведены более чем на пятнадцать языков мира, ее рассказы и эссе печатаются в крупных европейских и американских газетах и журналах. Как независимый журналист и писатель она сейчас проживает в Стокгольме (Швеция). В приведенном ниже эссе Дракулич исследует причины обновления городов в поздние годы социализма в Центральной и Восточной Европе. Она пишет о том, как человеческое отношение к общественному пространству зависит от восприятия этого пространства.

Поздним летом 1987 года я вернулась в **Загреб** из двухсеместровой поездки в Штаты и почти не узнала свой собственный город. Он выглядел совершенно иначе: пяти—шестиэтажные дома на Площади Республики, заново окрашенные в оттенки желтого, светло-голубого, коричневого и розового, блестели и смотрелись как пирожные, украшенные взбитыми сливками. Вероятно, впервые я смогла заметить на фасадах скульптуры **art deco**, маленькие башенки, инкрустации, русалок, поддерживающих балконы, венки из цветов высоко под крышей, золотые листья, виноград и пухленьких маленьких гипсовых херувимчиков. Потом я вспомнила, что когда-то напротив собора висела предупреждающая надпись: «Опасно, падающие камни!» (куски, выпадающие из **готических** башенок), и я подумала, что как раз пора что-то сделать для города. И все же я была удивлена.

За двадцать-тридцать лет или более того — фактически, сколько я себя помню — никто не удосужился что-либо сделать. Так почему же отцы города решили, что городу именно сейчас необходим ремонт?

Насколько я знаю, в моей стране не обязательно срабатывают логические объяснения. Это решение было принято не потому, что город был грязным и нуждался в покраске, и каждый гражданин, включая отцов города, мог это видеть. Это нужно было сделать уже очень-очень давно— ну и что? Это было сделано не потому, что этого требовали жители, к тому же, кому какое дело, чего они хотят или не хотят, пусть лучше занимаются своими делами. Так что эта простая малярная работа, или, более тонченно, «реставрация», как и все остальное в этом государстве,

Загреб -

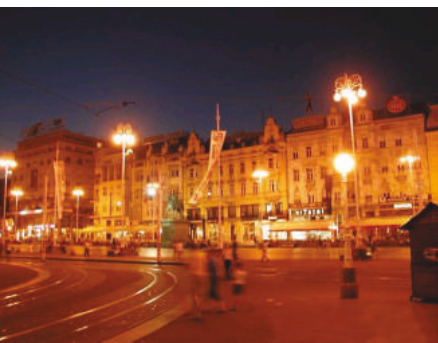
столица Хорватии

art deco -

декоративный стиль, популярный в 1930-е годы, для которого характерны смелые геометрические линии, пестрые орнаменты, роскошь

готический -

стиль архитектуры и искусства, распространенный в Западной Европе в XII-XVI вв.

**ПЛОЩАДЬ РЕСПУБЛИКИ
В ЗАГРЕБЕ**

была обязана «высшей цели». И я вскоре узнала, что все дело было в универсиаде, студенческих Олимпийских играх, которые тем летом принимал у себя Загреб. Несмотря на такой незначительный повод, правительство Социалистической Республики Хорватии вместе с отцами города заботилось о впечатлении, которое Загреб произведет «на мир». Мир, вероятно, не приедет в такой грязный, провинциальный городок, и поэтому началось латание дыр.

Однако было что-то, что меня серьезно беспокоило, и это не было «высшей целью» значительных изменений в городе, так как я, как и все, привыкла к подобному виду «мотивации». Для меня самым худшим было состояние ума, которое эта «высшая цель» порождала, тип мышления, который так тупо противопоставлял Загреб всему миру. Мы, граждане, чувствовали, что было что-то обидное, даже унижительное в том, как происходило это изменение: оно было вызвано неверной причиной и шло с ложным энтузиазмом. Если нужно убеждать мир, что город достаточно прекрасен, чтобы его стоило посетить, тогда, вероятно, в нем не стоит жить. Это выглядело почти так, как будто мир — это жених, а Загреб — невеста, только несколько староватая и слишком бедная, что она безуспешно пыталась скрыть под своей залатанной новой одеждой. Задевало различие между «миром» и нами. Я знаю, что не отцы города выдумали это различие — это сделали мы.

Мы сами очень часто это делаем и, возможно, это на самом деле и есть то представление о самих себе, которое мы имеем. Но мы привыкли хранить это внутри, как наш грязный маленький секрет, и определенно не хотели бы, чтобы другие, в особенности иностранцы, думали так же. Увидеть секрет раскрытым, увидеть, как он материализуется, открыто признанный, было в некоторой степени унижительно. Если они — мир, тогда что же мы? Что нас разделяет? Где эта невидимая граница? В нас, в нашей низкой самооценке, в нашей истории и бедности, в системе, в которой мы живем? Что заставляет нас чувствовать себя настолько иными, что мы должны смотреть на мир снизу вверх, с постоянным ощущением, что мир смотрит на нас свысока? Или эта граница между нами и ними все-таки видимая, осязаемая? Сколько раз мы на самом деле ее видели, въезжая в страну из Италии или Австрии, имея отчетливый опыт погружения во что-то иное — ухабистые, плохо освещенные дороги, грязные туалеты в ресторанах, странный, засаленный запах в гостиничных номерах, обшарпанные фасады домов, плесень, терпеливо ползущая по стене в подъездах, дворах, на кухнях и даже в ваннах. Как будто все это было уже забыто, несмотря на то, что мы по-прежнему с этим живем. Как будто это к нам на самом деле не относилось, как будто мы были только в переходном периоде. Или как будто битва против времени и природы, против цен на краску и ее качество — все еще впереди.

Наверное, все-таки цветная краска имеет значение. Сегодня, менее чем три года спустя, все заново окрашенные фасады, красиво украшенные светлые «пирожные», которыми мы так гордились, снова состарились, грязно-желтого цвета, коричневатые, грязно-серые, как на старых фотографиях. Они все выглядят пыльными, покрытыми тонкой краснокоричневой пленкой, которая, кажется, прилипла к окнам магазинов, лампам, дверным ручкам, машинам, неоновым знакам, скамейкам, даже деревьям.

Эта пленка как отпечаток времени, его персональная подпись. Мы осознаем ее силу и ее странный эффект на нас — мы сдаемся. Если бы я это видела только в Югославии, то самое явление быстро тускнеющих фасадов, я бы подумала, что это наследственная болезнь, или отнесла бы это на счет психологического эффекта: въезжая в страну, сразу становишься пессимистичным, в состоянии видеть все в слегка более тусклых тонах. Но я видела это в Праге, тоже «обновленной», гуляя по маленьким улочкам Старого Мжеста, Парижска, Капрова, Широка, Длоуха. Неокрашенные фасады выглядели еще грязнее на фоне заново окрашенных. А окрашенные, медленно, но заметно, впитывали красно-коричневый цвет из самого воздуха, из дыхания проходивших мимо людей.

Я видела это в Будапеште. Я приехала в полночь. С вокзала я прошла вниз по улице Ракоци, потом по проспекту Жозефа Корута, к отелю «Немзети». Проспект, торговый центр города, был не только пуст, но почти полностью в темноте. Или так мне показалось, так как я испытала «световой шок», который обычно случается, когда с Запада въезжаешь в восточно-европейский город. Контраст такой, что в какой-то момент кажется, что или в городе выбило электричество, или существует опасность воздушной атаки. Фонари в Будапеште бросали слабый желтоватый свет, и, кроме того, каждый второй из них вообще не работал. Витрины магазинов вообще не подсвечивались, большинство неоновых вывесок были выключены, в то время мимо не проехала ни одна машина, за исключением одной или двух — город призраков. В момент вдохновения американский коллега представил похожее описание Праги: «Рассеянные огни города тепло-оранжевые, и их свет достаточно слаб, чтобы звезды и хоровод освещенных луной облаков были ясны и отчетливы в небе». Но там, где он видел романтические «рассеянные огни», что заставили его смотреть в небо, я не увидела ничего подобного. Живя в стране, где порядок жизни почти такой же, как и в Праге (или в Будапеште), все, что я могла видеть — это экономия дорогой электрической энергии, плохие лампочки, которые перегорали слишком быстро, разбитые лампочки, на замену которых требовались годы. Я признаю, это могло бы придать городу романтический образ, особенно если вы окажетесь американцем, но это точно не специально — слышал ли кто-нибудь когда-нибудь о романтическом коммунистическом режиме? На следующее утро Будапешт выглядел по-другому из кафе, 130-летнего кафе «Гербо» на площади Воросмарти. Был солнечный день, «ясный и отчетливый», как сказал бы мой коллега, и все же я не могла отделаться от ощущения, что площадь, прекрасные здания на Дворцовом Холме или Белавароше, все шесть мостов над Дунаем, сам по себе город были покрыты той же самой красно-коричневой пленкой, как Загреб, Прага или Западный Берлин — как будто

Готический кафедральный собор Загреба во время реконструкции

Реконструкция
готического кафедрального
собора в Загребе

они выцветают, осыпаясь по краям и исчезая. Выпадали целые куски фасадов, части стен, лестницы. Я видела статуи великанов без носа, ангелов без крыльев, женские статуи, поддерживающие балкон, без груди, лошадей со сломанными ногами — все это составляло воображаемый зверинец давно забытого времени... Город медленно разлагается, и ничто, даже новое правительство, не сможет остановить этот безвозвратный процесс. Западногерманский поэт Ганс Магнус Енценсбергер в своем эссе «Европа, Европа» утверждает, что «повсеместная эрозия является секретом, террором и шармом крупных городов на Дунае. Неудержимая, спонтанная, высшая сила **энтропия**. Художник, который опускает свою кисть во флакон, знает, что его работа пуста, и что можно надеяться лишь на одно по-настоящему существующее время, которое все держит и сохраняет, даже если оно и стирает их. История — это процесс эрозии. Что мы называем социализмом — это лишь его вице-король».

Там, в Будапеште, я обнаружила, откуда берет начало эта внутренняя энергия, энергия, которая поедает каждый город Восточной Европы, ее готику или **барокко**, или **декаданс** конца века, его уютную оболочку, его ностальгическую красоту, делая изношенность и красно-коричневый цвет общим знаменателем. Сказать, что это низкое качество краски при социализме — верно, но это еще не все. Сказать, что это использование битуминозного угля и загрязнение воздуха, плохой бензин и плохие машины или нехватка денег — это тоже верно. Но это еще не вся история. Все эти причины (а возможно, и многие другие) недостаточны для объяснения полуразрушенности. Я думаю, что причина в нас. Города убили десятилетия безразличия, наше убеждение в том, что кто-то другой — правительство, партия, те, «сверху» отвечает за это. Не мы. Каким образом это можем быть мы, если мы не отвечаем за свои собственные жизни.

Я живу на первом этаже, и окна моей комнаты выходят на улицу с большим движением в центре города. Я считаю, что это плюс жить на этом уровне, так как я вижу вещи, которые иначе не смогла бы увидеть. Я наблюдаю за детьми, собаками, пьяными. Я вижу разозленных людей, обсуждающих политику напротив моего окна (поэтому я знала, какая партия выиграт первые свободные выборы в маленькой республике), и домохозяек, рассказывающих друг другу, что можно новенького купить (или не покупать) в гастрономе на углу. Каждое утро, даже не успев встать, я получаю новую информацию. Кроме этого, чаще всего я вижу мусор; я могу внимательно наблюдать, как грубо, небрежно, бездумно люди выбрасывают газеты, пластиковые пакеты, сигаретные коробки, бутылки, зонтики, старую обувь, даже старые холодильники. Они избавляются от них, швыряют их, пинают, используя полностью весь тротуар, клумбы и улицу, как огромный мусорный бак, предполагая, что снова пресловутый «кто-нибудь» позаботится об этом.

Все общественные места похожи на доску объявлений с сообщениями от коллективного подсознательного нации. Там можно найти бездействие, гнев, безразличие, страх, двойной стандарт, протест, плохую экономику, искаженное определение «общественного», всю идеологию — целый ряд эмоций и отношений, скопленных и выплеснувшихся наружу. Мы ведем себя так, как будто общественные места никому не принадлежат. Или, хуже того, они принадлежат врагу, и наша святая обязанность бороться

энтропия -
мера неопределенности

барокко -
стиль европейской
архитектуры и искусства в
XVII-XVIII вв.

декаданс -
(от фран.
desadese упадок),
распространенные во
второй пол. 19 нач.
20 в. упаднические
настроения, неприятие
обыденной жизни, что
нашло отражение в
искусстве и архитектуре

с этим врагом на его территории и даже истощить его. Общественное пространство начинается за пределами нашей квартиры. Но проблема в том, что в нашем мозгу общественное приравнивается к государственному, что приравнивается к врагу. Если вы не можете разрушить систему, вы уж точно можете поломать телефонную будку, билетный автомат, парковочный счетчик или цветы в парке.

В этой немой войне проигравшими остаются наши города. Подъезды в зданиях служат не только входом, но также и туалетом и местом выражения ваших глубоких внутренних чувств. Эти чувства (если вам удастся не обращать внимания на запах) — это ненависть и разрушение. Возможно, не всегда на стенах подъездов будут начерканные сообщения, потому что это «лучшая» часть города (хотя даже здесь запертые двери долго не сохраняются), но есть и более утонченные следы разочарования: разбитые стекла, выкрученные лампочки, углы с мусором, разобранные заборы, лифты, которые не работают, вырванные дверные звонки. Одни люди пользуются парками для отдыха и удовольствия. Другие приспособливают их для своих нужд. А именно, для выражения своей ярости: они ломают скамейки, гнут железные заборы, ломают деревья, из мусорных бачков делают абстрактные фигуры или тоже используют парк как туалет. Это просто не их место, и на свете не хватит денег, чтобы покрыть ущерб только на изменение отношения. Когда я впервые пришла в Гайд-Парк в Лондоне, меня больше всего поразило не уголок оратора — я об этом уже читала, — а люди, сидящие на травке, подставляющие себя лучам солнца, перекусывающие или даже спящие. В наших парках я никогда этого не видела. Трава нужна, чтобы на нее смотреть, а не наслаждаться ею.

Может быть, только сейчас, после политических изменений в Восточной Европе, у нас есть шанс снова вступить во владение нашими городами, реприватизировать их, относиться к ним не как к местам, к которым мы приписаны или через которые мы просто проходим. Но чтобы это сделать, мы сначала должны понять значение общественных мест в общем — не только фасадов, но и фонарей, тротуаров, мусорок, туалетов, парков и входов в подъезды. Мы должны понять, что общественные места — это не одноразовая салфетка, которую можно использовать, скомкать и выкинуть. Они больше похожи на старомодный, тонкий батистовый носовой платочек, вышитый по краям, который нужно постирать и погладить, прежде чем воспользоваться им опять...

Джордж Конрад написал, что поезда и фильмы здесь идут медленнее, потому что само время идет медленнее. Я думаю, что оно идет по-другому. Когда сходят слои иллюзий — иллюзия красоты, иллюзия силы, иллюзия важности, даже иллюзия смысла, — время совершенно меняет наши взгляды на жизнь. Австро-венгерская империя постепенно

ХРАМ СВЯТОГО ИШТВАНА
В БУДАПЕШТЕ

Конрад, Джордж
(1933-2019)-
венгерский писатель и
эссеист

цинизм -

вызывающе-
презрительное отношение
к общепринятым нормам
нравственности и морали

метафизика -

учение о природе вещей и
идей

усиливала свои признаки богатства и силы в течение четырехсот лет. Она медленно разлагалась и увядала. Потом почти в течение полувека коммунисты пытались уничтожить прошлое и заменить его их собственными символами — они угасли еще быстрее. Сейчас новые правительства снова меняют названия улиц и площадей, разрушают старые памятники и спешно заменяют их новыми, рассматривая историю и память как их собственную маленькую площадку для игр. Но города помнят и показывают это, и люди тоже. Ностальгия и безнадежность души Центральной Европы, ее грусть и **цинизм** — внутренний красно-коричневый налет, если хотите, все берет начало оттуда. Поэтому, мне кажется, мы — что-то иное, в конце концов, что-то заметно иное. В наших городах «обновление» не обновляет, оно только указывает на проходящее время, на то, что не существует прогресса, что история бесконечно повторяется.

Дома как лица людей, вот что мне нравится в них больше всего. Их красота не только на поверхности. Вот почему города становятся отражением нашего внутреннего «Я». Их истинная красота в их человеческом параметре, в чувстве того, что вы можете ими управлять, а не они вами. У них есть центр, ориентационная точка, главная площадь, главные улицы и здания. А людям нужна центрация, это дает им безопасность. Город без Старого города — это как раковина без жемчужины. Вот почему я думаю, что послевоенная реконструкция Старого города в Варшаве или дворца в Будапеште имеет четкий смысл — без этого европейский город потерял бы свой стержень. Что касается «мира», если допустить, что такое разделение уже существует как снаружи, так и изнутри, то пусть он придет сюда. Возможно, это единственное место, где он может увидеть, что история, по существу, — **метафизическая** категория.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Drakulić, Slavenka. "On the Quality of Wall Paint in Eastern Europe." In 'How We Survived Communism and Even Laughed'. New York: Harper Perennial, 1993, pp. 159-168.

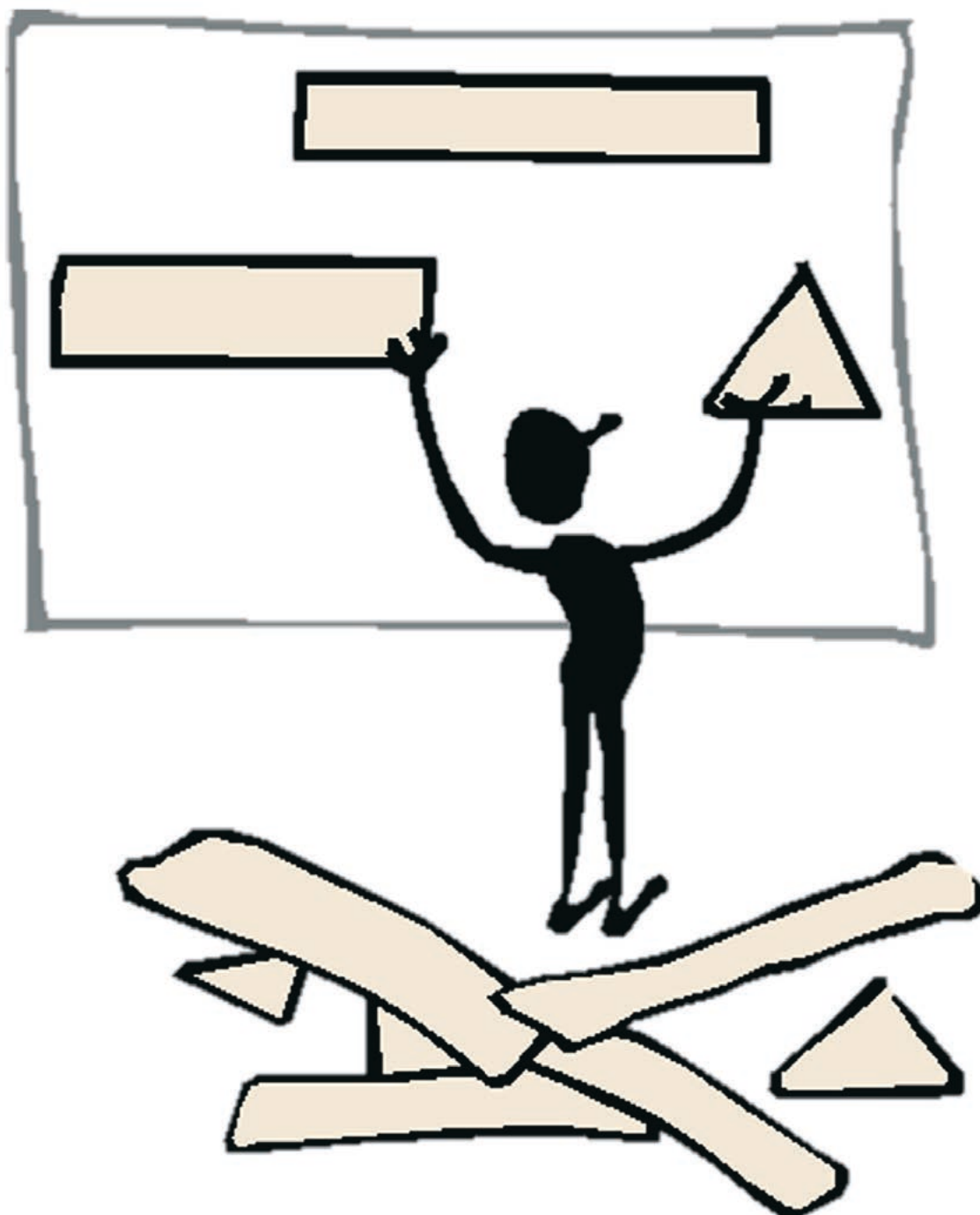
ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что было, по мнению Дракулич, унижительным в покраске и обновлении Загреба? Как обновление способствовало усилению особенностей Восточной Европы по отношению к Западной? Что думает Дракулич о том, что столицы Восточной Европы выглядят пыльными, грязно-серыми, в темных тонах?
2. Что нам говорят заметки американского коллеги Дракулич о различном восприятии мира? Кто, по словам Дракулич, несет ответственность за «полуразрушенность» европейских городов?
Согласно Дракулич, как мы понимаем частное и общественное пространство? Почему, по мнению Дракулич, люди хотят поломать телефонную будку или скамейку в парке? До какой степени такое отношение вредило общественным местам советских городов?

3. Какое послание о восприятии и смысле общественных мест хочет донести Дракулич в этом эссе?
4. Какое место для Дракулич занимает обновление городов в понимании и восприятии времени и истории?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Дракулич и Несин (четвертая глава) озабочены сохранением зданий и исторических мест. Что они советуют для сохранения или изменения человеческого отношения к историческим местам?
2. Как бы Дракулич отреагировала на аргумент Ле Корбюзье (четвертая глава) в пользу создания новых орудий взамен прошлых, т.е. домов массового производства?
3. Интерпретируя причину покраски и обновления Загреба городскими властями, Дракулич чувствует, что создается различие между «нами», восточноевропейцами, и «ими», западниками. Как это различие связано с дискуссией по интерпретации «других», с точки зрения культуры во второй и третьей главах?

РАЗВИТИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИДЕЙ

ПЛАН ВАШЕГО АРГУМЕНТА

План – это скелет эссе и структура, вокруг которых организованы детали и объяснения. Вам не надо писать все предложения в параграфах, только основные идеи.

СОЗДАВАЯ ПЛАН:

1. Что такое план?

- логическое общее описание
- схематическое резюме
- организационная модель
- визуальный и концептуальный план вашей работы

2. Цель плана:

- помогает вам организовать ваши идеи
- представляет ваш материал в логической форме
- показывает отношения между идеями в вашей работе
- создает упорядоченный обзор вашей работы
- определяет границы и группы

3. Типы:

- черновой набросок плана
- формальный план

СТРАТЕГИИ ДЛЯ НАПИСАНИЯ ПЛАНА:

1. Начните ваш план с написания вашей темы вверху страницы
2. Далее, напишите римскими цифрами I, II и III
3. Рядом с римскими номерами напишите основные идеи, которые у вас есть по теме, или основные вопросы, которые вы хотите рассмотреть
 - а) если вы пытаетесь убедить, напишите ваши лучшие аргументы
 - б) если вы пытаетесь объяснить процесс, опишите шаги, которых нужно придерживаться. Вам необходимо будет скомпоновать их по категориям
4. Под каждой римской цифрой напишите большие буквы A, B, C
5. Рядом с каждой римской цифрой и большой буквой напишите факт или информацию, поддерживающие вашу основную идею.
6. Возможно, вам понадобятся подтемы (i, ii, iii; a, b, c), под каждой заглавной буквой, если есть какая-либо особенная информация, которую нужно включить.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Livingston, Kathy. "Organize your Ideas." Basic Guide to Essay Writing. URL: <http://members.tripod.com>

ПРИМЕР ПЛАНА:

Славенка Дракулич «О качестве краски на стенах Восточной Европы»

Тезисный вопрос:

Почему перекрашивают стены городов в Восточной Европе?

I. Город внезапно выглядит по-другому:

- А) отцы города называют это «обновлением»
- Б) «высшая цель»
- В) не требование населения
- С) реакция
 - 1. разница между «нами» и «ими»
 - 2. обидное разделение
 - 3. важный подтекст

II. Цветная краска имеет наибольшее значение

- А) покраска наших городов
 - 1. Загреб
 - 2. Прага
 - 3. Будапешт
- В) почему города Восточной Европы медленно разрушаются?
- С) энтропия: спонтанная, высшая сила

III. Кто отвечает за наши общественные места?

- А) загрязнения, использование плохого топлива, осознание
- Б) десятилетия безразличия
- В) социалистическая идеология
- Г) наблюдения в окрестностях

IV. Общественные места

- А) люди выбрасывают мусор на улицу
- Б) общественные места как доска объявлений
 - 1. коллективное подсознание нации
 - 2. мировоззрение
 - 3. общественные места никому не принадлежат
 - 4. разрушение общественных мест
- В) вести войну с системой
 - 1. ненависть и разрушение
 - 2. необходимое изменение отношения
 - 3. Гайд-Парк в Лондоне

V. Как мы должны спасти наши города?

- А) политические изменения ведут к изменениям в отношении
- Б) важное значение общественных мест
- В) города отражают память и историю
- Г) города – отражение нашего внутреннего «Я»
- Д) реконструкция старых городов
- С) спрятать от мира наши разрисованные стены, но показывать прекрасные старые города

АНРИ ЛЕФЕВР. ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА

Анри Лефевр (1905-1991) считается одним из самых плодовитых писателей среди французских интеллектуалов-марксистов. Лефевр изучал философию в Париже. Он был социологом городской и деревенской жизни, теоретиком государства, международного развития капитала и социального пространства. В течение своей жизни он стал свидетелем модернизации быта французов, индустриализации экономики и субурбанизации городов. «Производство пространства» было опубликовано на французском языке в 1974 году. Для Лефевра доминируемое пространство - это нечто построенное людьми для особенной цели; присвоенное пространство это пространство, взятое людьми для их собственных разнообразных целей. Во время чтения приведенного ниже отрывка из его работы читателю нужно подумать о том, как можно контролировать и использовать пространство; как природное или даже искусственное пространство может быть использовано группой людей или даже подчинено ей.

По Марксу, концепция присвоения остро противостоит концепции собственности, но не вполне определена, а скорее наоборот. Во-первых, нет четкого различия между ней и антропологическим и философским представлением о человеческой природе (т. е. что для человека считается «правильным»); Маркс не отказался совсем от поиска особенной человеческой природы, но он отказался от какой бы то ни было идеи о том, что это может быть создано посредством шутки, игры, осознания смерти, или «срока пребывания»; это, скорее, лежит в (общественном) труде и неразделимо в языке. Маркс также не проводил различия между присвоением и доминированием. Таким образом, для него труд и технология, доминируя над материальной природой, немедленно преобразуют ее в соответствии с нуждами (общественного) человека. Поэтому, природа сразу превратилась из врага, равнодушной материи в «товар».

Фактически, только с помощью критического изучения пространства можно разъяснить концепцию присвоения. Можно сказать, что природное пространство, преобразованное для того, чтобы удовлетворять потребности и возможности группы, было присвоено этой группой. Собственность, в смысле владения, в лучшем случае — необходимая предпосылка, а чаще всего — лишь **эпифеномен** деятельности по присвоению, высшее выражение которой — производство искусства. Присвоенное пространство напоминает производство искусства, но нельзя сказать, чтобы это было бы в каком-либо смысле копированием произведения искусства. Часто такое пространство является сооружением — памятником или зданием, — но так бывает не всегда: участок, площадь или улицу можно тоже с уверенностью назвать присвоенным пространством. Примеров

эпифеномен-
сопутствующее побочное
явление

иглу -

зимнее жилище канадских эскимосов

нормандские-

относящиеся к нормандцам, людям скандинавского и франкского происхождения

дихотомия -

деление на две противоположные части

присвоенного пространства много, но не всегда просто решить, в какой степени, как, кем и для кого оно было присвоено.

Крестьянские дома и деревни говорят хоть с запинками и немного путано, они рассказывают о жизни тех, кто их построил и жил в них. **Иглу**, восточная соломенная хижина или японский дом столь же экспрессивны, как и **нормандские** или провансальские дома.¹ Пространство дома может быть для группы (для семьи, часто для очень большой семьи) или для коммуны (хоть и поделенной на касты или классы, которые стремятся ее разрушить). Частное пространство отлично, но всегда связано с общественным пространством. В лучшем случае над внешним пространством коммуны доминируют, в то время как внутреннее пространство семейной жизни присвоено.² Такого типа ситуация служит примером пользования пространством, которое, хоть и происходит здесь и сейчас, близко, в определенном смысле, произведениям искусства. Откуда и шарм, непрекращающаяся способность очаровывать нас у домов такого типа. Необходимо заметить, что стабильная группа, будь то семья, деревня или город, не производит присвоение; время принимает участие в этом процессе, и присвоение действительно нельзя понять без ритма времени и жизни.

Доминируемое пространство или присвоенное пространство могут быть в принципе соединены — и, по крайней мере в идеале, они должны быть соединены. Но история, которая, по сути, является историей накопления, также является историей разделения и обоюдного антагонизма. Более того, победителем в этом конкурсе было доминирование. Когда-то существовало присвоение без доминирования, свидетельство-упомянутые ранее хижина, иглу или крестьянский дом. Доминирование росло наравне с ролью армии, войны, государства и политической силы. Таким образом, **дихотомия** между доминируемым и присвоенным не ограничена уровнем рациональности или значительности, т. к. она вызывает противоречие или склонность к конфликтам, и сохраняет влияние до тех пор, пока одна из сторон (господство) не завоеует сокрушительной победы, а другая (присвоение) полностью не подчинится ей. Это не значит, что присвоение исчезнет, т. к. этого не может быть: и теория и практика продолжают заявлять о ее важности и требовать ее восстановления.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Lefebvre, Henri. *The Production of Space*. Translated by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell Publishing, 1991, pp. 165-166.

1 See Rapoport, *House Form and Culture*. Like Hall, Rapoport inflates the significance of socio-cultural factors and 'actors'.

2 Cf. Bachelard, *La poetique de l'espace*.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что значит «присвоение»? Что значит «доминирование»? Можете ли вы привести примеры?
2. Почему Лефевр считает, что для того, чтобы объяснить присвоение, нам нужно изучить пространство? Почему, с точки зрения Лефевра, присвоенное пространство является произведением искусства? Приведите примеры.
3. Как присвоенное пространство становится собственностью? Где мы должны очертить линию между общественным и частным, приобретенным и доминируемым пространством?
4. Почему Лефевр доказывает, что существует постоянная борьба между доминируемым и присвоенным пространством? Если мы задумаемся о частном и общественном пространстве в условиях присвоенного и доминируемого пространства, где какое из них находится? Приведите доказательства вашему примеру.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Дракулич говорит, что восточным европейцам нужно «реприватизировать» или «снова вступить во владение» своими городами для того, чтобы должным образом относиться к ним и присматривать за ними. Как по-вашему, отражает ли «вступление во владение» Дракулич понимаемое Лефевром «присвоение пространства»?
2. Лефевр говорит, что внешнее пространство коммуны доминируемо. Было ли доминируемым общественное пространство в социалистических странах?
3. Считаете ли вы, что юрту можно понимать как присвоенное пространство без доминирования? Обоснуйте свой ответ.

СТАНЦА ДЕЛЛА СЕНЬЯТУРА.

Рафаэль. Афинская школа, 1509, фреска. (Папский дворец в Ватикане)

АРИСТОТЕЛЬ. ПОЛИТИКА

Аристотель (384-322 до н.э.) – один из самых знаменитых древнегреческих философов, чье имя стало нарицательным и обозначает слово Философ. Он был учеником Платона, и кроме освоения его философии, Аристотель сформулировал свой метод систематизации знания. Аристотель придавал большое значение наблюдению природы и подчеркивал важность разума (сознания). Отправной точкой его суждения было то, что человеку лучше всего, когда он живет в полисе (городе). В приведенном ниже отрывке, взятом из его работы «Политика», Аристотель рассуждает о том, как общество превосходит индивидуума в своих лучших качествах и понимании вещей. Во время чтения подумайте, как города являются таким пространством, где индивидуумы встречаются в обществе, и каковы функции такого вида пространства.

Об остальных вопросах речь будет в другом месте. А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности, подобно тому, как обеды в складчину бывают лучше обедов, устроенных на средства одного человека. Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятия, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие — о другой, а все вместе судят о целом. Дельные люди отличаются от каждого взятого из массы тем же, чем, как говорят, красивые отличаются от некрасивых или картины, написанные художником, — от картин природы: именно тем, что в них объединено то, что было рассеянным по разным местам; и когда объединенное воедино разделено на его составные части, то, может оказаться, у одного человека глаз, у другого какая-нибудь другая часть тела будет выглядеть прекраснее того, что изображено на картине.

Однако неясно, возможно ли для всякого народа и для всякой народной массы установить такое же отношение между большинством и немногими дельными людьми. Клянусь Зевсом, для некоторых это, пожалуй, невозможно (то же соображение могло бы быть применено и к животным; в самом деле, чем, так сказать, отличаются некоторые народы от животных?).

Однако по отношению к некоему данному большинству ничто не мешает признать сказанное истинным.

Вот таким путем и можно было бы разрешить указанное ранее затруднение, а также и другое затруднение, стоящее в связи с ним: над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободно рожденных граждан, т. е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти. Поэтому и Солон, и некоторые другие законодатели предоставляют им право принимать участие в выборе должностных лиц и в принятии отчета об их деятельности, но самих к занятию должностей не допускают; объединяясь в одно целое, они имеют достаточно рассудительности и, смешавшись с лучшими, приносят пользу государству, подобно тому, как неочищенные пищевые продукты в соединении с очищенными делают всякую пищу более полезной, нежели состоящую из очищенных в небольшом количестве. Отдельный же человек далек от совершенства при обсуждении дел.

источник: Аристотель. Политика. Афинская полития.– М.: Мысль, 1997. С. 111.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Вы согласны с Аристотелем, что собрание людей превосходит отдельного индивидуума в хороших качествах и понимании вещей?
2. Какова ценность городов как места для встреч граждан? Почему разнообразие индивидуумов выгодно для всего города?
3. Вы можете назвать другие места, где встречи индивидуумов имеют положительные или негативные последствия?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как мы можем применить философию Аристотеля о коллективном в противоположность индивидуальному в отношении Дракулич к общественному пространству?
2. Как один человек и группа людей различаются в своей оценке вещей, в частности, пространства? Как это относится к пониманию Дракулич использования пространства в советском мире?
3. Для Лефевра «Крестьянские дома и деревни говорят хоть с запинками и немного путано, они рассказывают о жизни тех, кто их построил и жил в них». Какие истории, по мнению Аристотеля, могут рассказать города?

ХАЛИЛ ИНАЛЬЧИК. ОТТОМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: КЛАССИЧЕСКИЙ ВЕК

Халил Инальчик родился в Стамбуле (Турция). Он преподавал историю Османской империи в университете Анкары с 1952 по 1972 год. Инальчик присоединился к преподавательскому составу Чикагского университета, где проработал до выхода на пенсию в 1986 году. Как выдающийся историограф Османской империи, он занимается классификацией османского общества и его историей. В предложенном ниже тексте Инальчик обсуждает то, как два религиозных ордена использовали городское пространство, чтобы привлечь новых последователей, которые противостояли государству.

Таким образом, можно разделить религиозные ордены в Османской империи на две основные группы. Первая группа состоит из упрочившихся орденов с братствами, которые поддерживаются доходом от **вакуфов**, что были заложены султанами или великими мужами, с четко установленной организацией и неизменными обрядами и церемониями. Самыми известными из этих орденов были **накшбанди**, **мавлави**, халвати и их различные ответвления. Они обычно располагались в городах и привлекали к себе новообращенных из высших слоев общества. Каждый орден имел свои собственные стандарты, головные уборы и свою собственную форму декламации и церемоний. Каждый, в соответствии с предпочтением своих верований, признавал знаменитого суфи, святого или сподвижника Пророка своим заступником и учреждал свое генеалогическое древо. Другой орден, известный как малами или маламати, представлял вторую группу. В глазах народа они искали не славы и уважения, но осуждения и порицания, отсюда и их имя. Они избегали всех форм хвастовства, всей внешней организации и символов, а их формы поклонения были эзотеричны и держались в секрете. Они не устанавливали связи с государством и были в некоторой степени противниками власти. Они привыкли выживать продуктами своего труда, не принимая даров или милостыни ни от государства, ни от простых людей. В этой группе были бродячие **дервиши**, известные как **календери**, **хайдари**, **абдали** или **бабаи** и **хамзави**, те **малами**, кто жил, как бы секретно внедряясь в среду членов гильдии города. Это были **тарикаты**, которые принимались определенными социальными группами, находящимися в оппозиции к политическому строю. В действительности, шииты и религиозные **эзотерические** движения в исламском мире всегда приписывали тарикатам раскольнический и воинственный характер и поддерживали различные религиозно-политические движения. Сам по себе шиизм произошел как военно-политическое движение, признающее Али, двоюродного брата и зятя Пророка, и его потомков как глав исламских общин. Позднее, оно включило в свое число многие раз-

вакуф (вакф) -

земля, дарованная на религиозные и благотворительные цели

накшбанди -

орден дервишей, основанный Бахаудином Накшбанди (1318-1389)

мавлави -

орден танцующих дервишей, созданный Джалаледином Руми (1207-1273)

дервиш -

мусульманский странствующий нищенствующий монах

календери,

хайдари, абдали -

скитающиеся дервиши

бабаи -

дервиши, последователи Баба Исфаха

хамзави -

последователи секты дервиша Хамзы Бали из Боснии

малами, или маламати-

орден дервишей, которые пренебрегали показной формой религии. От арабского слова «малам, маламат» осуждение, порицание

тарикат -

метод духовного возвышения и мистического познания, которому следуют суфийские ордены

эзотерический -

тайный, скрытый, предназначенный только для посвященных

ТАНЦУЮЩИЕ ДЕРВИШИ

кизилбаши -

члены шиитских сект в
Анатолии

байрами -

орден дервишей,
основанный Ханджи
Байрамом

хуруфи -

эзотерическое
религиозное движение,
основанное Фазлаллахом
Астарабади

бекташи -

орден дервишей,
основанный Хаджи
Бекташем

кутб -

лидер мистического
религиозного ордена

фетва -

исчерпывающий ответ
шейхуль-ислама на
правовой вопрос

шейх-уль-ислам -

с араб. «старейшина
ислама», почетный титул
мусульманских теологов и
законоведов

монизм -

философское воззрение,
объясняющее все явления
одним объединяющим
принципом

личные социальные и религиозные движения, каждое из которых было противником правящего класса суннитов. Во многих исламских странах, и в Османской империи в частности, дело дошло до протестов оппозиции существующему строю, силе абсолютизированного государства и суннитскому исламу, который оно представляло. Сверхъестественные качества, приписываемые Али и его потомкам, толковались в соответствии с теориями мистики, и многие верили, что Божественный Свет, который предположительно вдохновил Али, передался его потомками, которые, следовательно, были в состоянии толковать эзотерическое значение Корана. Эти верования были в какой-то степени общим достоянием тарикатов Османской империи, принимая крайнюю степень в движениях **кизилбашей**. В XVI веке, с подъемом Сафавидской династии в Иране, которая разделяла такие верования, это движение стало главной проблемой Османской империи. Но сначала мы рассмотрим ордены **байрами**, **хуруфи** и **бекташи**, тарикаты, которые были основаны в Османской империи в пятнадцатом веке.

Малами были как секты, всегда существовавшие в исламских городах, вне государственного контроля, привлекая своих членов из гильдий. К ним государство всегда относилось с подозрением. В XVI веке, когда малами, как и кизилбаши в деревнях начали проявлять склонность к Сафавидам, правительство безжалостно их преследовало. В 1529 году **кутб** малами Исмаил Машуки был схвачен и казнен вместе со своими двенадцатью учениками на Атмейдани, в соответствии с **фетвой** шейхуль-ислама. После его смерти некоторые стали почитать его как святого, и было необходимо издать новую фетву, осуждающую это и одобряющую казнь. В 1561 году фетва **шейх-уль-ислама** Эбусууда осудила на смерть другого малами, Хамзу Бали из Боснии, объявив его еретиком и атеистом. Он никогда не боялся открыто перед публикой провозглашать веру в **монизм**, и считается, что у себя на родине, в Сарайбоснии, он собрал вокруг себя несколько тысяч последователей. Его казнь глубоко повлияла на умы народа, который после этого разделился на его сторонников и его противников. Хамза стал святым заступником маламисов, которых с тех пор часто называют «хамзави». В XVII веке хамзави, проживающие в Боснии, безжалостно преследовались. Тем не менее, маламиизм стал распространяться среди населения великих городов империи, таких как Стамбул и Эдирн, а впоследствии — даже среди правящего класса.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Inalcik, Halil. The Ottoman Empire: the Classical Age 1300-1600. London: Phoenix, 1995, pp. 190-193.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему малами или маламети были секретными орденами дервишей? Какова была их цель? Как дервиши поддерживали свои братства?
2. Как, по мнению Инальчика, шиитское движение в исламе относилось к секретным религиозным сектам, таким как орден дервишей?
3. Как города поощряли распространение орденов дервишей?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Отражают ли ордены дервишей идею Аристотеля о необходимости собирать добродетель, мудрость и делиться ими?
2. Как Аристотель, так и Инальчик обсуждают эффект множества людей, собирающихся в одном месте. Должно ли правительство стараться контролировать это место? Если да, то как?
3. Для Инальчика города представляли собой место, где люди собирались и делились информацией. Можете ли вы назвать другие места, где люди могут обмениваться информацией?

**ЧЛЕНЫ БРАТСТВА
ДЕРВИШЕЙ ВО ВРЕМЯ
ШЕСТВИЯ**

Кофейня 16-17-го вв. в Стамбуле, представленная здесь как популярное место для отдыха и обсуждения насущных дел

ОРХАН ПАМУК. МЕНЯ ЗОВУТ КРАСНЫЙ

Орхан Памук родился в Стамбуле в 1952 году. После трехлетнего посещения лекций по архитектурной программе в Стамбульском техническом университете он окончил факультет журналистики в Стамбульском университете. Памук – автор шести романов, четыре из которых были переведены на английский язык. Роман «Меня зовут Красный» (1998) был продан тиражом более чем 160 000 экземпляров. В нем описываются действия, которые происходят в 1590 году. Нижеприведенная глава представляет размышления главного героя о протесте священника против братства дервишей и кофеен. Читателю предлагают исследовать интерпретацию этих пространств с точки зрения священника.

Я собака

Я — собака; не обладая равным мне умом, вы, люди, считаете, что собака не может разговаривать. Между тем вы верите, что разговаривать могут мертвые, и вы принимаете за истину сказки, смысла которых не понимаете. Знайте же: собака говорит, но лишь с тем, кто умеет слушать.

Давным-давно, в незапамятные времена, в одну из самых больших мечетей некой столицы, — предположим, она называлась мечеть Баязида, пришел из провинциального города начинающий проповедник. Возможно, он не скрывал своего имени: например, сказал, что его зовут Хусрет-ходжа. Он был лживый и тупоголовый, этот проповедник. Он был силен не столько умом, сколько языком, да простит меня Всевышний! Каждую пятницу проповедник приводил в такой экстаз собравшихся в мечети, что люди рыдали и падали в обморок. Рыдания толпы вдохновляли его на еще более суровые обличения. Видимо, из любви к обличениям, торговцы овощами, султанская гвардия, повара, простые горожане и даже многие проповедники стали рабами этого человека. В общем, он был совсем не похож на собаку, он был истинным сыном человеческим. Ему нравилось обожание толпы; он быстро понял, что заставлять плакать, а то и пугать верующих — занятие весьма легкое и к тому же приятное, да и заработать можно неплохо. Он громогласно вещал в мечети:

— Мы забыли ислам времен Великого пророка и верим лжи. Мы полюбили чужие книги, называя их мусульманскими. Отсюда — дороговизна, чума, поражения! Разве во времена пророка Мухаммеда читали молитвы по умершим? Разве отмечали сорок дней со дня смерти, раздавали сласти, чтобы помянуть душу усопшего? Разве читали Коран нараспев, на разные тона? А поднявшись на минарет, разве красовались своим голосом, жеманничая, словно играя женскую роль, разве похвалялись арабским языком? Мусульмане идут на кладбища просить помощи у мертвых, поклоняются как идолопоклонники камням в мавзолеях, привязывают тряпицы, загадывая желания, дают клятвы. Разве во времена пророка Мухаммеда были секты, обучающие такому? Наставник сектантов Ибн

аль-Араби стал грешником, когда поклялся, что фараон умер с верой. Известно, что члены исламских орденов мевлеви, халветие, календарие, собравшись вместе с детьми мужского пола, читают Коран в сопровождении музыкальных инструментов и плясок. Да они просто неверные! Надо разрушить их обители, а землю, на которой они стояли, выкопать на семь аршинов и выбросить в море, только тогда в тех местах можно будет совершать намаз.

Хусрет-ходжа входил в раж, брызгал слюной:

— Эй, мусульмане, пить кофе — грех. Великий пророк сказал, что кофе усыпляет разум, портит желудок, он вызывает грыжу в позвоночнике и бесплодие.

И мусульмане не пили кофе: они поняли, что кофе — искушение шайтана. А Хусрет-ходжа продолжал:

— Кофейни — это места, где собираются любители повеселиться, привыкшие к роскоши богачи, они занимаются там всяким бесстыдством. Кофейни следует закрыть даже раньше обителей. Разве у бедняков есть деньги на кофе? Люди пьют кофе, перестают понимать реальность и начинают верить в говорящую собаку, а презренная собака хулит меня и нашу религию.

источник: Памук, Орхан: Меня зовут Красный / Перевод с тур. В.Феоновой.- СПб: Амфора, 2006.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему Хусрет-ходжа заявляет, что все дервиши язычники и что их орден должен быть уничтожен?
2. Почему Хусрет-ходжа считает кофейни местами, служащими для того, чтобы потакать «пошлым занятиям»? Почему их надо запретить?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Помог ли вам отрывок об ордене дервишей лучше понять, почему Хусрет-ходжа осуждал орден дервишей как языческие сборища? Почему да или почему нет?
2. Является ли орден дервишей «присвоенным пространством» в том смысле, в котором этот термин использует Лефевр? Объясните свой ответ.

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ. ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Алексис де Токвиль родился в Париже 29 июля 1805 года. Изучал право в Париже и работал заместителем судьи в Версале. В 1831 году, когда ему было всего 26 лет, Де Токвиль путешествовал по Америке. Он некоторое время прослужил министром иностранных дел. Позже Де Токвиль написал двухтомное сочинение об американском народе и его политических институтах «О демократии в Америке», в котором исследовал важные вопросы не только прошлого, но и сегодняшнего времени. Историки считают эту книгу одной из самых полных и глубоких из когда-либо написанных о Соединенных Штатах. Во время чтения обратите внимание на то, как Токвиль интерпретирует влияние пространства на развитие Америки.

Глава XVII. Основные причины, которые поддерживают демократическую республику в Соединенных Штатах

В Соединенных Штатах существует демократическая республика, и основной целью этой книги было объяснение причин существования этой республики. Некоторые из этих причин были случайно оставлены без внимания, или же на них был сделан лишь намек, когда я был ограничен лишь своей темой. Я был совершенно не в состоянии обсуждать другие; и те, на которых я подробно остановился, как были, так и есть, погребены в деталях этой работы. Поэтому, полагаю, прежде чем перейти к разговорам о будущем, я должен собрать воедино причины, которые объясняют настоящее. В этой **ретроспективной** главе я буду краток, постараюсь напомнить читателю очень обобщенно то, что он уже знает, и выберу только самые яркие из тех фактов, на которые я еще не обратил внимание. Все причины, которые способствуют поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах, сводятся к трем основным:

I. Исключительная и случайная ситуация, в которую **Провидение** поставило американцев.

II. Законы.

III. Обычаи и традиции народа.

Случайные или предопределенные причины, которые способствуют поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах.

У Соединенных Штатов нет соседей, нет метрополии — у американцев был шанс родиться по своему желанию, Америка необитаемая страна, — это обстоятельство существенно способствует поддержанию демократической республики в Америке. Американские пустыни заселяются людьми — англо-американцы стремятся заполучить безлюдные места Нового Мира, — материальное процветание влияет на политические мнения американцев.

ПЕНН, ОБЩАЮЩИЙСЯ С ИНДЕЙЦАМИ.

Картина, иллюстрирующая хорошие отношения между местными индейцами и основателем штата Пенсильвания, Вильямом Пенном

ретроспектива -

взгляд в прошлое

провидение -

сила, которая, предположительно управляет жизнью на земле

Тысячи обстоятельств, независимых от воли человека, содействуют поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах. Некоторые из них известны, на другие можно с легкостью указать; но я ограничусь основными...

Главное обстоятельство, которое способствовало установлению и поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах, это природа территории, которую населяют американцы. Их предки дали им любовь к равенству и свободе; но сам Бог дал им средство оставаться равными и свободными, разместив их на безграничном континенте. Общее процветание благоприятно для стабильности всех правительств, в особенности демократического, которое зависит от воли большинства, и особенно от воли той части общества, которая более других испытывает нужду. Когда люди управляют, их вознаграждение должно быть соответствующим, или же они перевернут государство; а нищета побуждает их ко всем злоупотреблениям, к которым королей приводят амбиции. Материальных причин, не зависящих от законов, содействующих общему процветанию, в Америке больше, чем в любой другой стране в мире в любой другой момент истории. В Соединенных Штатах демократично не только законодательство, но сама природа благоприятствует людским устремлениям.

В какой части человеческой истории еще можно найти что-либо подобное тому, что проходит перед нашими глазами в Северной Америке? Знаменитые античные общества были основаны посреди враждебных наций, которые они должны были вначале покорить, чтобы расцвести на их месте. Даже современники обнаружили, что в некоторых частях Южной Америки огромные области заселены народами низшей цивилизации, которые, несмотря ни на что, уже заняли территорию и возделывают землю. Чтобы основать новые государства, им необходимо было истребить или покорить многочисленное население, и они заставили цивилизацию устыдиться за ее собственный прогресс. Северная Америка была заселена только кочевыми племенами, которые не искали выгоды в природном богатстве земли; эта громадная территория была по-прежнему, в сущности, незанятым континентом, пустынной землей, ожидающей своих обитателей.

В Америке все удивительно, как социальные условия жителей, так и законы; но земля, на которой основаны эти институты, удивительнее всего остального. Когда человеку была дарована Создателем земля, она была неистощима; но люди были слабыми и невежественными, и когда они научились извлекать пользу из богатств, которые она содержала, они уже покрывали ее поверхность, и им вскоре пришлось мечом добывать убежище для отдыха и свободы. Как раз тогда была открыта Северная Америка, как будто Бог держал ее в запасе и только-только поднял ее из-под вод потопа.

Континент по-прежнему представляет, как это и было в первобытные времена, реки, что берут начало в никогда не иссыхающем источнике, зеленые и влажные безлюдные места и безбрежные поля, землю, которую никогда не переворачивал плужный лемех. И в этом состоянии она дается человеку, не дикому, невежественному и изолированному, каким он был в ранние годы, но уже владеющему важнейшими секретами природы, сообща с его сородичами, и отточенным опытом пятидесяти столетий. В это время тринадцать миллионов цивилизованных европейцев мирно

разъезжаются по тем плодородным равнинам, с ресурсами и размерами которых они еще не знакомы. Три или четыре тысячи солдат гонят перед ними скитальческий поток аборигенов; за ними следуют пионеры, которые пробиваются сквозь леса, распугивая хищных животных, исследуя течения рек и готовя триумфальный марш цивилизации по пустыне.

Часто по ходу этой работы я указывал на благоприятное влияние материального процветания Америки на институты этой страны. Эту причину выдвигали уже многие до меня, и она единственная, будучи понятна разуму, хорошо знакома европейцам. Поэтому я больше не буду углубляться в тему, так часто поднимавшуюся и так хорошо понятую, лишь упомяну пару фактов. Обычно бытует ошибочное мнение о том, что пустынные районы Америки заселяются европейскими эмигрантами, которые ежегодно сходят на берег Нового Света, в то время как американское население растет и умножается на земле, которую возделывали их праотцы. Европейский поселенец обычно приезжает в США без друзей и без средств; чтобы прокормиться, он вынужден работать по найму, и он редко уходит дальше полосы расселения трудолюбивого населения, которая примыкает к океану. Нельзя исследовать пустынную землю без капитала или кредита; и тело должно привыкнуть к суровости нового климата, до того как подвергать его опасности в гуще леса. Это сами американцы ежедневно покидают родные места, чтобы овладеть громадными территориями отдаленных областей. Таким образом, европейец покидает свой коттедж ради трансатлантических берегов, а американец, родившийся на том самом берегу, пускается в свою очередь в дикие просторы Центральной Америки. Эта двойная эмиграция непрерывна; она начинается в центре Европы, пересекает Атлантический океан и продолжается по безлюдным местам **Нового Света**. Миллионы людей вместе маршируют по направлению к одним горизонтам; их язык, их религия, их обычаи различаются, но их цель одна. Им пообещали где-то на Западе богатство, и они идут на Запад, чтобы найти его.

Новый Свет-
название Америки

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: De Toqueville, Alexis. Democracy in America. Translated by Henry Reeve. Online version. ASGR P, the American Studies Program, University of Virginia. URL : http://xroads.virginia.edu/~HYPER/DETO C/1_ch17.htm.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Подразумевает ли де Токвиль, что американцы имеют особенный набор ценностей и традиций, который помогает им использовать землю надлежащим образом и создавать процветающую демократическую республику? Что делает американский народ таким особенным? Объясните свой ответ.
2. Как природа и территория, по мнению де Токвиля, помогли американцам определить курс нового государства?
3. Вы согласны с де Токвилем в том, что местные аборигены не извлекали пользу из естественных богатств земли? Была ли Америка, как говорит де Токвиль, «пустынной землей, ожидающей своих обитателей»? Обоснуйте свой ответ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В эссе «О качестве краски на стенах в Восточной Европе» Дракулич говорит, что общественное пространство в социализме приравнивалось к государству, что приравнивалось к врагу. Насколько отношение к общественным местам, на примере природной окружающей среды, различно в Соединенных Штатах?
2. Лефевр говорит, что «природное пространство», преобразованное для того, чтобы удовлетворять потребности и возможности группы, было присвоено этой группой». Подходит ли этот аргумент к объяснению причин создания американской демократии, о которой рассуждает де Токвиль?
3. Как понимание де Токвилем европейцев отличается от восприятия «других» в текстах Клима, Калама и других авторов, с которыми вы познакомились в третьей главе?
4. По вашему мнению, как восприятие де Токвилем народов, населявших североамериканский континент до прихода европейских поселенцев, соотносится с дискуссией об ориентализме?

ФИЛИПП МАНСЕЛ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Филипп Мансел – британский историк, специализирующийся на изучении властвующих дворов Франции и Османской империи. Автор биографий Луи XVIII и принца де Линя, а также книг “Властвующие дворы Франции в 1789-1830 гг.” и “Султаны в величии: последние годы Оттоманского мира”. Он является членом Королевского исторического общества (Великобритания) и редактором информационного бюллетеня по изучению властвующих дворов. Книга “Константинополь” повествует об истории города, известного сегодня как Стамбул, и правящей в нем династии Оттоманов. По мнению Мансела, взаимодействие между династической семьей и городом так же важно, как и любой другой аспект истории Стамбула.

Центром города был километровый мост, построенный через **Золотой Рог** в 1845 году, соединяющий толкающуюся шумную толпу уличных торговцев и носильщиков на пристани Галаты с величественной и спокойной мечетью Валиде-Султан на стороне Константинополя. Перефразировав оттоманскую поговорку «Мир — это мост», можно сказать: «Мост — это мир». Развитие средств сообщения привлекло в Константинополь в девятнадцатом веке больше национальностей, чем когда-либо ранее — и все они проходили через мост Галата. Для японских путешественников он был “мостом десяти тысяч национальностей”.

Греки в расклевенных белых юбках шли рядом с курдами в вышитых пиджаках и арабами в мантиях с капюшонами и **хеффие**. Албанцы в белых шароварах, чьи оранжевые кушаки оттопыривались от пистолетов, продавали лимонад или **бозу** лазам — мусульманам грузинского происхождения с черноморского побережья — в узких черных костюмах и остроносых башмаках. Хамалы в коричневых жакетах проходили, пошатываясь под тяжелым грузом (иногда один носильщик мог нести на своей спине пианино или же целую повозку). Слепые попрошайки потрясали металлическими чашками, выкрикивая «Аллах! Аллах!» каждый раз, когда мимо проходили европейцы, одетые по последней моде, или же проезжала повозка посла, с опережающим ее бегуном в ливрее. В 1847 году вид черных оттоманских офицеров на лошадях с шедшими позади них белыми слугами смутил путешествующих американцев.

С точки зрения Пера и дворца, традиционная оттоманская одежда стала редкостью, ее надевали только на модные балы, или же, как, в случае со старой **янычарской** формой, ее выставляли в музее на Атмейдане (некоторые из экземпляров можно увидеть и сегодня в стамбульском военном музее). Оттоманские власти носили обмундирование западного стиля или, чаще всего, стамбулин — отрезную рясу, похо-

Золотой Рог -

бухта, разделяющая старую и новую часть Стамбула

хеффие -

традиционный головной убор арабских мужчин

боза -

легкий алкогольный напиток из проса

янычары -

элитные войска в Оттоманской империи

жую на одежду викторианских священников, перенятую в 1839 году. Однако провинциальные или старомодные тюрбаны из украшенного цветочным узором муслина. В отличие от европейских дам в шляпах, османские женщины носили яркие ферасы — яблочно-зеленые, алые, ярко-синие, — которые вскоре заменили на более спокойные цвета: золотые, бронзовые или малиновые, вследствие все увеличивающегося влияния европейских вкусов. Европейское экономическое влияние, вне зависимости от цвета, было таково, что после 1850 года почти все они производились за границей.

Мост отражал подъем и падение империй и смену часов и времен года. Ф. Марион Кроуфорд написал: «В целом мире, от Сан-Франциско до Пекина, нет ничего настолько же яркого, живого, разнородного, странного и настолько же очаровательного. В полдень он был переполнен, в полночь — пуст. Во время Крымской войны, в которой Османская империя, Франция и Великобритания сражались против России, в 1854–1856 годах, мост был полон английскими и французскими солдатами (которых городские уличные торговцы звали «Джони!» и «**ди донк!**»)». Холодные взгляды, которые они бросали на мусульманских женщин в своих повозках, заставлял многих прислуживающих евнухов пробурчать «**гявур!**» и стегнуть кнутом.

Черкесы в головных уборах из овечьей шкуры, таких же высоких, как шапки охранников, и в узких в талии черных туниках, демонстрировали на улицах Константинополя продвижение российских войск на Кавказ или их желание продать своих дочерей и сестер на лучших рынках. Изобретение парохода увеличило количество паломников, проходящих через город. Во время хаджа в город по пути в Мекку прибывали персы и бухарцы в ярко украшенных помятых мантиях. Их рассказы о мусульманском противостоянии русскому наступлению в Средней Азии держали в возбуждении кофейни города. Деревянное **текке** узбекских дервишей на холме над **Ускударом**, основанным в XVII I веке, служило как пристанищем для паломников, так и бухарским посольством в Константинополе. Каждый год перед Пасхой через город проходили русские паломники на своем пути в Иерусалим; позднее, в том же веке, по приказу Николая Второго для них в Галате была построена 5-этажная гостиница с куполом в форме луковицы. Движение на мосту Галата было настолько велико, что мост расширяли в 1863 и в 1878 годах, когда под мостом пристроили целый ряд магазинов и ресторанов, и еще раз в 1912 году.

Толпа на мосту символизировала открытый дух правления **Абдулме-сида**. Он любил вино, женщин и реформы. В 1847 году был закрыт городской рынок рабов, поэтому с тех пор рабов, которых ночью доставляли к берегам **Мраморного моря**, продавали в частных домах вокруг **Тофэйна** и **Сулеймани**. Вердикт султана о рабстве, который был доведен до сведения британского переводчика Фредерика Писани в 1851 году, отражал явные изменения в османских взглядах: «Это бесстыдное и варварское занятие... для разумных людей покупать и продавать себе подобных. Хоть в Турции с рабами и обращаются лучше, чем где-либо еще, все же иногда к ним относятся дурным образом. Не равны ли мы этим бедными созданиям перед Богом?» Однако рабство оставалось

ди донк -

Dis donc франц. «скажи-ка», «эй, ты»

гявур -

презрительное название немусульман у турок

текке -

жилище дервишей

Ускудар -

район Константинополя

Абдулмесид

(1823-1861) - османский султан

Мраморное море -

средиземное море Атлантического океана, между Европой и Малой Азией

Тофэйн -

район Константинополя

Сулеймани -

район Константинополя, около Голубой мечети

легальным до самого конца империи. И султан не прекратил приобретение рабынь для своего гарема, хоть и даровал им исключительную вольность: чадры этих женщин были самыми тонкими в городе, и они могли переговариваться с молодыми людьми из своих повозок или окон дворца «в самой живой манере». Фаворитка Султана, Сафиназ Ханум, прятала тайного любовника в императорском саду Йилдыза на холме над Кираганским дворцом. Когда султан узнал об этом, его соперника не казнили, а просто выслали в Бурсу.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Mansel, Philip. Constantinople: City of the World's Desire, 1453-1924. Harmondsworth: Penguin Books, 1997, pp. 262-264.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как вы понимаете пословицу «Мир это мост» и перефразированное выражение Мансела «Мост – это мир»? Каким образом мост Галата в Константинополе служил местом встречи для граждан?
2. Каким образом мост отражал «подъем и падение империй» и историю Константинополя? Почему, на ваш взгляд, днем мост был всегда полон людей?
3. Каким образом Манселу удастся ярко изобразить разнообразие людей, посещавших и населявших Константинополь в середине XIX века?

**МЕСТО ВЫСАДКИ
ТОФЭЙНА**

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как вы думаете, осудил бы Хусрет-ходжа, священник из книги Инальчика, мост Галата как упадническое место, которое, как и кофейни, нужно запретить?
2. Каким образом описания общественных мест в работах Дракулич и Мансела рассказывают нам о том, как жили люди разных культур в разные периоды истории?

Плакат для известного романа Джорджа Оруэлла «1984»

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ. 1984

267

Джордж Оруэлл (1903-1950), настоящее имя Эрик Артур Блэр, родился в Бенгалии (Индия). Он не стал стипендиатом университета и, не имея возможности продолжить образование, отправился в Бирму и служил в администрации Индийской имперской полиции с 1922 по 1927 год. Подал в отставку отчасти по причине все возрастающего неприятия британского империализма. Во время Второй мировой войны Оруэлл служил в отряде местной обороны и одновременно работал журналистом. Ближе к концу войны он написал «Скотный двор», сатиру на большевистскую революцию в России. Его всемирно признанным романом стала антиутопия «1984» (1949), которую Оруэлл написал, чтобы «изменить идеи других людей о виде общества, к которому они должны стремиться». Приведенный ниже отрывок описывает мир главного героя этого романа. Во время чтения обратите внимание на распределение пространства на частное и общественное.

Был холодный, ясный апрельский день, и часы пробили тринадцать. Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь жилого дома «Победа», но все-таки впустил за собой вихрь зернистой пыли.

В вестибюле пахло вареной капустой и старыми половиками. Против входа на стене висел цветной плакат, слишком большой для помещения. На плакате было изображено громадное, больше метра в ширину, лицо: лицо человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, грубое, но по-мужски привлекательное. Уинстон направился к лестнице. К лифту не стоило и подходить. Он даже в лучшие времена редко работал, а теперь, в дневное время, электричество вообще отключали. Действовал режим экономии — готовились к Неделе ненависти. Уинстону предстояло одолеть семь маршей; ему шел сороковой год, над щиколоткой у него была варикозная язва; он поднимался медленно и несколько раз останавливался передохнуть. На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. «СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ», — гласила надпись.

В квартире сочный голос что-то говорил о производстве чугуна, зачитывал цифры. Голос шел из заделанной в правую стену продолговатой металлической пластины, похожей на мутное зеркало. Уинстон повернул ручку, голос ослаб, но речь по-прежнему звучала внятно. Аппарат этот (он назывался телекран) приглушить было можно, полностью же выключить — нельзя. Уинстон отошел к окну; невысокий тщедушный человек, он казался еще более щуплым в синем форменном комбинезоне партийца. Волосы у него были совсем светлые, а румяное лицо шелушилось от скверного мыла, тупых лезвий и холода только что кончившейся зимы.

Мир снаружи, за закрытыми окнами, дышал холодом. Ветер закручивал

спиралями пыль и обрывки бумаги; и, хотя светило солнце, а небо было резко-голубым, все в городе выглядело бесцветным — кроме расклеенных повсюду плакатов. С каждого заметного угла смотрело лицо черноусого. С дома напротив — тоже. СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ, говорила подпись, и темные глаза глядели в глаза Уинстону. Внизу над тротуаром трепался на ветру плакат с оторванным углом, то пряча, то открывая единственное слово: АНГСОЦ. Вдалеке между крышами скользнул вертолет, завис на мгновение, как трупная муха, и по кривой унесся прочь. Это полицейский патруль заглядывал людям в окна. Но патрули в счет не шли. В счет шла только полиция мыслей.

За спиной Уинстона голос из телекрана все еще болтал о выплавке чугуна и перевыполнении девятого трехлетнего плана. Телекран работал на прием и на передачу. Он ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом; мало того, куда Уинстон оставался в поле зрения мутной пластины, он был не только слышен, но и виден. Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым - круглые сутки. Во всяком случае, подключиться могли когда угодно. Приходилось жить — и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, — с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают.

Уинстон держался к телекрану спиной. Так безопаснее; хотя он знал это спина тоже выдает. В километре от его окна громоздилось над чумазым городом белое здание министерства правды — место его службы. Вот он, со смутным отвращением подумал Уинстон, вот он, Лондон, главный город Взлетной полосы, третьей по населению провинции государства Океания. Он обратился к детству — попытался вспомнить, всегда ли был таким Лондон. Всегда ли тянулись вдаль эти вереницы обветшалых домов девятнадцатого века, подпертых бревнами, с залатанными картоном окнами, лоскутными крышами, пьяными стенками палисадников? И эти прогалины от бомбежек, где вилась алебастровая пыль и кипрей карабкался по грудам обломков; и большие пустыри, где бомбы расчистили место для целой грибной семьи убогих дощатых хибарок, похожих на курятники? Но — без толку, вспомнить он не мог; ничего не осталось от детства, кроме отрывочных ярко освещенных сцен, лишенных фона и чаще всего невразумительных.

Министерство правды — на новоязе¹ миниправ — разительно отличалось от всего, что лежало вокруг. Это исполинское пирамидальное здание, сияющее белым бетоном, вздымалось, уступ за уступом, на трехсотметровую высоту. Из своего окна Уинстон мог прочесть на белом фасаде написанные элегантным шрифтом три партийных лозунга:

1 Новояз – официальный язык Океании.

ВОЙНА — ЭТО МИР

269

СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО

НЕЗНАНИЕ — СИЛА

источник: Оруэлл, Джордж. 1984 г. / Пер. с англ. В.Голышева. - М.: Прогресс, 1989. С.22-24.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Где живет Уинстон? Он находится один?
2. Что символизирует усатое лицо? Почему оно повсюду: на лестничной площадке, в квартире, на плакатах, на улицах?
3. Какова функция телекрана? Что чувствует Уинстон в связи с нахождением телекрана у себя дома?
4. Что вы понимаете под «министерством правды», «полицией мыслей», «Старший брат смотрит на тебя»?
5. Почему «полиция мыслей» хочет подключиться к твоему кабелю? Наслаждается ли Уинстон своим уединением у себя дома?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. В своей книге Дракулич говорит, что во время социализма в Восточной Европе «общественное пространство начинается за пределами нашей квартиры». Где оно начинается в мире Уинстона?
2. Стало ли государство доминировать в квартире Уинстона, пользуясь терминами Лефевра? Докажите свое мнение.

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

270

1. Где проходит граница между частным и общественным пространством? Как должно различаться наше понимание и отношение к частному и общественному пространству? Должны ли они вообще различаться? Объясните свой ответ.
2. Каким образом мог бы Лефевр преуменьшить значимость аргумента Токвиля о мощи американского народа? Посмотрите на это с точки зрения «оккупированного» в противоположность «присвоенному» пространству.
3. По вашему мнению, как бы отреагировала Дракулич на общественное пространство, описанное в романе Оруэлла «1984»?
4. Дракулич говорит об общественных местах как о «доске объявлений с сообщениями от коллективного подсознательного нации». Считаете ли вы, что описанный Манселом мост в Константинополе подходит под понимание Дракулич общественного пространства? В чем схожи и чем различаются позиции Мансела и Дракулич в понимании общественного пространства?

ВВЕДЕНИЕ

В шестой главе мы обратимся к теме интерпретации истории. Читателю потребуется рассмотреть принципиальный вопрос, есть ли прогресс в человеческой истории. Получилось ли у людей в ходе истории создать общества, которые со временем богатеют и становятся более мирными, или, наоборот, мы находимся в состоянии постоянного упадка? Принимая во внимание возможность третьей альтернативы, движемся ли мы между этими двумя крайностями по кругу взлетов и падений? Что или кто влияет на интерпретацию исторических фактов? И, вообще, почему мы изучаем историю, и почему она так важна для нас?

Некоторые люди говорят, что успех в науке и технологиях обозначает прогресс, в то время как другие сходятся на мысли о том, что некоторые из самых «продвинутых» обществ совершали самые ужасные преступления. Как развитие цивилизации способствовало нашему прогрессу или замедляло его? Читатель должен поразмыслить о критериях, установленных для «прогрессивного» общества, и подумать о том, указывают ли основные события человеческой истории на прогрессивную интерпретацию.

Изучение истории подразумевает большее, чем простое заучивание фактов, таких как даты, имена и места. Мы лучше будем использовать эти факты как инструменты для интерпретации важности событий в истории, надеясь, что мы сможем учиться на наших ошибках и сможем контролировать создание для себя более позитивного будущего. В стремлении создать более совершенные общества, читатель должен принять во внимание ту роль, которую играют в этом развитии образование, искусства и науки, разум и религия.

Чтобы помочь вам донести ваши идеи и заявить вашу позицию ясным и убедительным образом, раздел VI главы «Развитие критических навыков» включает упражнения по написанию аргументированного очерка и развитию тезисного утверждения. Он также включает раздел о плагиате, чего вы определенно хотите избежать.

ПОСЛАНИЯ БРАТЬЕВ ЧИСТОТЫ
— арабская рукопись XII столетия

АЗИЗ ЭСМАИЛ. ПОЧЕМУ ИМЕННО ИСТОРИЯ?

Доктор Азиз Эсмаил - известный философ и мыслитель, который в настоящее время проживает в Соединенном Королевстве. Первоначально обучавшийся философии, литературе и религии, доктор Эсмаил читал лекции и проводил исследования в различных американских университетах, а также в Университете Найроби, Кения. Он был связан с Комитетом по социальной мысли Чикагского университета, а также с Центром изучения мировых религий Гарвардского университета и Высшей школой образования. Автор множества статей и трудов, включая "Поэтику религиозного опыта: исламский контекст" и "Аромат сандалового дерева: индо-исмаилитская религиозная лирика".

ВВЕДЕНИЕ

Из всех научных дисциплин, преподаваемых в наших университетах, наименее правильно понятой остается именно история. Из месяца в месяц можно наблюдать как потоки учебников по истории — толстые тома и дешевые издания — наводняют рынок. И тем не менее, как среди интеллектуалов, так и простых людей этот предмет вряд ли остается понятным должным образом хоть на какой-то глубине. Это особенно удивительно, поскольку история — очень древнее занятие. Однако именно ее чрезвычайная древность влечет за собой ее недооценку и непонимание. Это несоответствие, эта несоразмерность проявляется по-разному. Одни люди в лучшем случае демонстрируют снисходительную терпимость к профессиональным историкам. Другие преклоняются, как перед людьми с «фантастической памятью». В этой статье я предлагаю обсудить природу истории и ее использование. Таким образом я попытаюсь ответить на два существенных вопроса. Что такое история? А также, какую пользу может принести изучение истории той или иной группе людей в данный момент времени? Примеры будут приводиться прежде всего из исламской истории. И в конце я сделаю несколько общих замечаний о том, почему я считаю, что изучение истории занимает особое место в нашем сообществе в настоящее время.

АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

Во-первых, это природа истории. Что такое история? Ответ, который мы даем на этот вопрос, послужит иллюстрацией, а также будет определяться тем значением, которое мы придаем истории в нашей собственной жизни. Это в свою очередь высветит все те общефилософские взгляды, которые управляют нашей жизнью. Ответ многих людей на этот вопрос

сейчас примерно таков: история – это изучение «фактов о прошлом». И большинство приняло бы этот ответ с готовностью. Теперь позвольте мне сразу же пояснить, что для меня, а также для многих, кто мог бы хоть немного задуматься, эта дефиниция, это определение является неадекватным, неподходящим и вводящим в заблуждение. Оно содержит два заблуждения и связано с двумя понятиями: «факты» и «прошлое». Оба эти понятия служат источником заблуждения, и я буду разбирать каждое из них поочередно.

НАЧАЛО ИСЛАМА: ПРИМЕР

Для начала поразмыслим над понятием «факт». Для человека, которого я имею в виду (чье понимание истории я критикую), исторические «факты» являются понятиями такого же порядка, как и те, например, когда говорят, что некоему человеку столько-то лет, или господин Такой-то является президентом Такой-то страны, – с той лишь разницей, что исторические факты относятся к прошлому, а не к настоящему. Такого типа люди смотрят на исторические факты, как на «рыбу на прилавке у торговца рыбой», по меткому выражению одного английского историка. Вот они все на виду, аккуратно разложены, их можно пересчитать, отчетливо видно, что они собой представляют, остается только выбрать. В настоящее время исторические факты зачастую представляются намного более сложными, менее ясными, а также во многих случаях гораздо более неопределенными. Более того, стоит отметить, что чем больше исторических книг вы читаете, тем больше вы понимаете, что (разные) историки приводят совсем не одни и те же факты. Это не обязательно потому, что один историк знает больше или меньше фактов, чем другой, – хотя это может иногда быть и так, – но потому, что разные историки придают разное значение разным фактам. В конце концов, историк часто сталкивается с большим массивом фактов. Делая выбор, по соображениям краткости, или по каким-то иным соображениям, он вынужден отбрасывать или пропускать некоторые из имеющихся фактов. При этом предвзятость его интерпретации неизбежно влияет на процесс отбора фактов. Очень интересную иллюстрацию этого можно найти в истории Пророка ислама.

Хорошо известно, что в первую половину своей миссии Пророк проповедовал в Мекке. Почему новая религия ислам вытеснила или затмила собой старое племенное поклонение идолам и астральным божествам? Вот вопрос, который возник бы у любого историка, стремящегося понять, как возник и развился ислам. Так, некоторые историки считают, что старые религиозные верования перестали отвечать духовным потребностям кочевых племен. Они отчаянно нуждались в новой религии, которая дала бы им новое вдохновение и новую мораль, и ислам предложил им именно такие смыслы и цели. Другие историки считают, что возвышению ислама способствовало и питало всё нарастающее чувство гордости за арабскую традицию, как это подтверждается доисламской поэзией, – эта гордость возникла в ответ на следующие одно за другим нападения со стороны чужеземцев.

Современный исследователь ислама **Монтгомери Уотт** выделяет еще один аспект в этой ситуации. Он указывал, что в доисламской Мекке стал формироваться новый социальный класс торговцев, как следствие караванной торговли, центром которой и был этот город. Это была совершенно новая общественная группа, четко отделенная от кочевников пустыни. Торговля, однако, способствует росту индивидуализма, и, как полагает Уотт, в среде мекканских торговцев все более укреплялся индивидуалистический образ жизни, что составляло резкий контраст с традиционной племенной этикой, где акцент делался на взаимопомощь и групповую солидарность. Как мы видим, такие различные интерпретации могут приводить к акцентированию, выделению разных фактов. Историк, который считал, что торжество новой религии было следствием атрофии, отмирания старых форм религиозного поклонения, было бы уместно сосредоточиться на свидетельствах доисламских верований и, в частности, на любых намеках на недовольство этими верованиями среди арабов. Другой историк, который скорее склонен придавать значение росту арабского самосознания как главной составляющей в исламе, естественно будет подчеркивать чувство гордости, звучавшее в доисламской поэзии. Он также привлечет внимание к тому факту, что в Аравию неоднократно вторгались римляне, персы, а также войска **Аксумского царства**. Более того, он будет подвержен тенденции придавать важное значение независимым арабским владениям, таким как Набатейское и Пальмирское царства, которые, как он будет утверждать, проявляли тягу к независимости среди арабов задолго до дней ислама и для которых ислам стал наивысшей точкой развития. С другой стороны, мы видим, что Монтгомери Уотта особенно поражал тот факт, что ранняя часть проповеди Пророка Мухаммада состояла из повторяемых отсылок к общественной морали, таких как честность в предпринимательской деятельности, соблюдение своего слова, дух товарищества и братства и т. д. Тот факт, что мекканские стихи в Коране содержат повторяющиеся упоминания этих ценностей, для Монтгомери Уотта представляется фактом историческим, который служит укреплению его тезиса, что это был рост коммерческого индивидуализма в Мекке, который стал важным фактором в подъеме ислама. Таким образом, различные историки отбирают и выделяют не одни и те же факты, а разные не потому, что они различаются по своей способности отбирать свидетельства, но потому, что их интерпретации различаются.

Аксумское царство - древнеэфиопское государство, существовавшее с I по X век на территории современных Эфиопии, Эритреи, Судана, Йемена и южной части Саудовской Аравии

Уотт, Монтгомери (1909-2006) - британский исламовед, историк-востоковед, арабист, автор многочисленных работ по истории, философии и культуре ислама

ИСЛАМСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ: ЕЩЕ ОДИН ПРИМЕР

Интерпретация является необходимой и неизбежной составляющей всех работ по истории. Важно, чтобы каждому было понятно, что история

состоит из фактов плюс интерпретация (а факты, как мы уже видели, подвергаются селекции, проходят отбор в поддержку той или иной интерпретации). Приведем хорошо известный пример, иллюстрирующий роль интерпретации. В сфере исламских исследований одно особое явление, которое всегда озадачивало историков, это скорость и размах первых завоеваний. В течение десятилетия после смерти Пророка Мухаммада арабы, которыми до тех пор пренебрегали как мародерствующими бедуинами, захватили обширные земельные пространства, ранее находившиеся под властью Византии и Персии. Они быстро подчинили себе Палестину, Сирию и Египет и отвоевали у могущественной Персидской (Сасанидской) империи провинции Ирака, а позднее и Хорасан. Таким образом они поставили на колени две могущественные империи. Что сделало возможным это столь внезапное и драматичное завоевание? Что послужило побудительным мотивом для такой экстраординарной экспансии, расширения подвластной территории? Что способствовало развитию событий в столь грандиозных масштабах?

Историки дают разные ответы. Одна интерпретация основывается почти исключительно на религиозном элементе. Так, утверждается, что единственной наиболее выдающейся чертой завоеваний был религиозный драйв, религиозная мотивация. Коран призывал верующих стремиться распространять свою веру, и арабы, подчинившись этому приказу, приступили к его исполнению. Другие историки утверждают, что завоевания были скорее продолжением привычного образа их жизни. Они отмечают, что бедуины часто проводили набеги в поисках добычи. Они утверждают, что исламские завоевания были набегами, совершенными с той же целью, но в большем масштабе и под знаменем новой веры. Еще ряд историков были более склонны подчеркивать экономические и социальные волнения в Аравии накануне завоеваний, которые, по их мнению, привели к оттоку мусульман с полуострова в земли, ранее занятые большими государствами. Были и другие, несколько более инклюзивные (расширенные) объяснения. Так, историки обратили внимание на то, что обе великие державы, владевшие землями, завоеванными арабами, а именно Римская (Византийская) империя на Западе, а также Персидская (Сасанидская) империя на Востоке, были истощены в результате длительных войн; что чрезмерное налогообложение и религиозные преследования обратили подданных против них; и что арабы, воодушевленные энергией своей новой веры, нанесли последний, смертельный удар этим уже поверженным гигантам. Таким образом мы имеем существенно различающиеся интерпретации события, имеющего жизненно важные последствия. Вся история по существу представляет собой упражнение в интерпретации тех или иных действий людей. Однако интерпретация является чем-то намного большим, чем просто субъективная точка зрения. Профессиональный историк не формирует свое суждение в вакууме и не основывает его исключительно на диктате импульса. Это суждение всегда предполагает пошаговое построение аргументации. Историк, как судья в судебном деле, должен привести в порядок имеющиеся в его распоряжении доказательства, чтобы вынести суждение, и эта задача требует от него как интеллектуальной строгости, так и интуитивной тонкости. Критерий достоверности в истории опреде-

ляется тем, в какой степени историк способен обращаться к фактам, а также тем, каким образом он может использовать их для подтверждения своего тезиса. Но даже и тут существуют свои пределы, поскольку интерпретаций может более, чем одна, а процесс исторического исследования и решений никогда не заканчивается.

ВЛИЯНИЕ НАСТОЯЩЕГО

Это подводит нас непосредственно к второму предположению, которое я обозначил как заблуждение в самом начале, а именно, что только прошлое имеет релевантность, только оно существенно и уместно в исследованиях по истории. Ясно, что если интерпретация является существенным аспектом истории, то она неизбежно подвержена влиянию преобладающих обстоятельств того периода, в котором самому историку довелось жить. Историк – это ничто иное, как продукт своего времени; его суждения находятся во многом под влиянием социальных обстоятельств, интеллектуальных допущений и моральных устремлений своего времени в той же мере, что и у любого другого человека. Предубеждения, допущения относительно того, что является важным для нас, а что нет, соотношение значения индивида и общества, а также множество подобных идей – все это обуславливает и окрашивает работу историка. Опять-таки, если историк честен, а также интеллектуально строг в своей работе, то он будет стараться, по мере человеческих возможностей, устранять всякую излишнюю предвзятость, которую он может обнаружить в своей работе. Тем не менее, уже в силу того, что наше восприятие настоящего обусловлено наследием нашего прошлого, то и наше восприятие прошлого выковано нашим опытом в настоящем. Обращаясь опять-таки к исламской истории, интересно рассмотреть в каких-то аспектах идеи величайшего историка ислама Ибн Халдуна, жившего в XIV веке нашей эры. Как он полагал, цивилизация возникает из групповой сплоченности, но как только цивилизация таким образом устанавливается, она неизбежно начинает склоняться к упадку. Он, таким образом, придерживался циклической концепции истории. Здесь интересно отметить, что ко времени Ибн Халдуна единая Исламская империя уже была разрываемая на части. Начиная с IX века и позднее, независимые образования уже стали возникать в разных частях империи, таким образом ослабляя центральную власть в Багдаде. Монгольское нашествие в XIII веке оставило зияющий шрам на памяти мусульман. Ибн Халдун сам был свидетелем поражения тюрками мамлюкского султана Фараджа, у которого он состоял на службе. Резонно предположить поэтому, что циклическая теория истории Ибн Халдуна была обусловлена в большей степени памятью и переживанием упадка

и поражения, которые мусульманам того времени должны были быть слишком хорошо знакомы.

Обращение к европейской истории современного периода делает очевидным такое же довлеющее влияние времени на историка в его работе. До недавних пор Англия была в центре внимания английских историков. В целом, интерес основной массы английских историков распространялся только на Европу. Остальному миру, особенно Азии и Африке, уделялось внимание лишь в той мере, в какой тамошние события отражались или были связаны с событиями в Европе. Таков был закономерный результат эпохи империализма. Ибо в период колониальной экспансии Европа была особенно склонна к привычке дополнять себя во имя приобретения мирового господства, а отсюда проистекало и общее допущение, что у остального мира нет собственной отдельной истории как таковой. В результате английские историки обычно рассматривали эти страны в качестве придатков Европы. Однако с распадом империи начал нарастать интерес к истории самих Азии и Африки, т. е. населяющих эти страны народов со своим собственным прошлым, обладавшим, подобно Европе, суверенитетом, независимостью. И как результат, в настоящее время мы обнаруживаем всё растущее число историков, в изложении которых всемирная история, если они честны, решительно не подчиняется мировоззрению, преобладавшему во времена империи. И как представляется, растет серьезный интерес к истории неевропейских народов.

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО

Это были всего лишь два примера, продемонстрировавшие, как написание истории прочно связано с преобладающими обстоятельствами эпохи. Любой фрагмент исторического сочинения, следовательно, рассказывает нам столько же о времени историка, сколько и о времени, в которое происходило формирование описываемого им объекта. Но это еще не все. Большинство людей обладают устремлениями, которые они планируют и которые они надеются реализовать в будущем. А видение будущего, как кажется, есть существенное свойство человеческого воображения, и историки, не в меньшей степени, чем другие люди, имеют собственное представление о том, каким должно быть будущее. Их представления о том, что «должно» быть и что «могло бы» быть, определяют их понимание того, что же имеет место. Таким образом, переживание настоящего подспудно испытывает влияние со стороны ожиданий, касающихся будущего. Вероятно, на мысль о том, что групповая солидарность дала толчок к росту цивилизации, Ибн Халдуна навела его встреча с Тамерланом, завоевателем, пришедшим во главе племени, которое отличалось своей организованностью и сплоченностью. Прошлое, настоящее и будущее — это преходящие категории времени, и ни одно другое человеческое занятие не проявляет это так ясно, как это делает написание истории.

ПОЛЬЗА ИСТОРИИ

279

Теперь мы должны обратиться ко второму вопросу, который мы подняли в начале этой статьи, а именно, о ценности изучения истории. Какова польза от изучения истории для общества или нации? Это всего лишь интеллектуальное упражнение для тех, кому больше нечего делать? Иными словами, является ли это интеллектуальным изыском или же приносит пользу ученому и читателю?

Выше я пытался показать, что изучение истории требует строгой интеллектуальной дисциплины как таковой. Это уже само по себе составляет одно из достоинств этого занятия. Как и другие гуманитарные науки, история развивает воображение и, как и точные науки, обостряет интеллект. Точнее, история служит также, в широком смысле, в качестве руководства к действию в настоящем и в будущем. Изучая, как люди прошлого использовали ресурсы окружающей среды и свою душевную энергию, встречая вызовы и творя цивилизации, мы можем получить полезные подсказки, чтобы прийти к решению своих текущих проблем, а также к реализации своего видения будущего.

Жизненно, функционально важное значение истории проистекает из того факта, что настоящее никогда нельзя понять в отрыве от прошлого. Этот факт легче продемонстрировать на примере отдельной личности. Трудно представить себе человека в отрыве от его прошлого. В любой взятый момент времени в жизни человека его взгляды, его ценностные представления и его мнения складываются в длинную цепь переживаний и внешних влияний на протяжении всей его жизни. Мы все находимся в процессе «становления» на протяжении всего времени, и в этом процессе каждая фаза нашей жизни оказывает влияние на последующую. Таким образом, каждая отдельная личность имеет собственное прошлое, так сказать, «инкапсулированное» в нем. Это верно также и в отношении групп людей. А сообщество или же нация являются продуктом тех сил, которые вначале создали их и формировали их на протяжении всего существования. Помочь нам понять как религии, институты и нации, к которым мы имеем отношение, стали тем, чем они являются, – таково одно из главнейших предназначений истории.

ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ НАСТОЯЩЕГО

Расширяя пределы человеческого сознания во времени, чувство истории, ее осознание, усиливают способность человека выйти за пределы

непосредственного настоящего. Ощутить прошлое восставшим из праха, воспарить над разочарованиями и преходящими подспудными течениями настоящего времени – это чрезвычайно волнующее переживание. Живое восприятие традиции, вечно текущего потока истории, – в котором человек, подобно другим людям во все времена, борется и стремится уловить, осознать смысл и цель, – является особенно важным, когда человеку в его сознании приходится выходить за пределы, ограниченные настоящим моментом. История прививает чувство общности с ушедшими поколениями, и люди прошлого оживают благодаря истории. Она также служит лекарством от чрезмерной одержимости настоящим, которое может помочь человеку освободиться от чрезмерной зависимости от настоящего. В исмаилизме тот факт, что Имам воплощает собой традицию, уходящую далеко назад в прошлое, создает условия именно для такого испытания. Инкапсулируя прошлое внутри самого себя, Имам выступает, так сказать, в качестве воплощенной истории. В определенном смысле история не только «изучается»; она также «познается опытным путем» путем развития своего интеллектуального и морального воображения.

ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Наконец, история играет уникальную роль в поддержании и укреплении осознания собственной идентичности. Для того чтобы человек обладал легко распознаваемой индивидуальностью, она – эта индивидуальность, его личность – должна обладать «постоянством». Личность может меняться, но меняться она должна в определенных границах, которые остаются постоянными. Так, память, является неотъемлемой частью человеческой личности. Человек, переживающий внезапный разрыв с прошлым, терпит крах. Так же и общество обычно хранит в себе свое прошлое как необходимую основу постоянства, непрерывности своего существования. Изменения и поправки имеют значение только в их отношении к постоянству, непрерывности. По этой причине смысл непрерывности является важным, и история является осознанной артикуляцией этого смысла. Элемент устойчивости во времени приобретает особую важность в переходные моменты. В периоды стремительных или фундаментальных изменений обращение к прошлому составляет жизненно важную духовную потребность. Это дает людям, затронутым изменениями, осознание идентичности, что может придать им какую-то стабильность посреди потока перемен. Исмаилитские общины в Восточной Африке переживают период значительных перемен. Распад колониального правления и рассвет независимости создали потребность в фундаментальной адаптации для части этнических и религиозных групп, таких как исмаилиты. Если это испытание должно быть успешно преодолено, если то, что мы обычно называем «интеграция», должно осуществиться, то тогда осознание нашей собственной идентичности становится в высшей степени важным. На первый взгляд, это может звучать как противоречие. Должны ли мы, в угоду интеграции, прекратить быть самими собой? Мой ответ был бы таков, что это невозможно. Творческое взаимодействие требует, чтобы заинтересованные стороны реализовывали свою идентичность в полной мере. Например, люди, любящие друг друга, или вступающие в сотрудни-

чество друг с другом в той или иной форме, тем не менее, каждый из них сохраняет свою индивидуальность.

Для того, чтобы сообщество или же группа вступила в творческое партнерство с другим сообществом или нацией, существенно, чтобы их идентичность была также реализована в полной мере. Обретение жизненно важной самооценки, осознания себя путем усвоения своего исторического прошлого высвобождает энергию для будущей корректировки и модификации. Для исмаилитов необходимость такого раскрепощающего и созидательного опыта сегодня важна как никогда. История играет неоценимую роль в удовлетворении этой жизненной потребности.

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2022.

источник: Esmail Aziz. «Why History?» Africa Ismaili (1970): 20–27.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Насколько факты отражают объективность и интерпретацию нашего исторического опыта?
2. Эсмаил пытается доказать то, что определение истории как “факты о прошлом”, не может должным образом объяснить нам, что есть история. Что он предлагает в качестве дополнения к определению истории, и согласны ли вы с ним? Почему согласны или почему не согласны, аргументируйте свой выбор.
3. Как объясняется успех распространения ислама в статье, и почему автор рассматривал это как один из способов понимания того, что есть история?
4. Какие факторы, с точки зрения автора, влияют на интерпретацию исторических событий?
5. Насколько историки свободны от социальных обстоятельств своего времени при отборе исторических фактов и их интерпретации?
6. До какой степени представления историков о том, «каким должно быть будущее», влияют на его интерпретацию исторических фактов?
7. Насколько появление циклической концепции выдающегося исламского историка Ибн Халдуна зависело от памяти его переживания относительно упадка и поражений некогда великой исламской цивилизации?
8. Что больше влияет на формирование идентичности: история или современность?

ПОКАЗНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Питер Боэль, фламандский художник (1626 -1674). Натюрморт «Суэта сует». Музей изящных искусств. Лилль

ЖАН-ЖАК РУССО. РАССУЖДЕНИЕ О НАУКАХ И ИСКУССТВАХ

Жан-Жак Руссо (1712-1778) родился в Женеве (Швейцария). Оставшись в раннем возрасте без родителей, молодость прожил бунтарскую и несчастливую. Критический ум и лишенная восприимчивости натура служили причиной трудностей, возникших у молодого философа с семьей и обществом. Убеденный в том, что он должен работать головой, чтобы выжить, он в 16 лет ушел из дома. Самые знаменитые его работы – «Об общественном договоре» (1762) и «Эмиль» (1762) связаны с его политической теорией и темой воспитания. Несмотря на то, что власти пытались запретить произведения Руссо, высказанные им идеи имели огромное влияние во время Французской революции и позднее. Однако впервые о Руссо узнали по его произведению «Рассуждение о науках и искусствах» (1750). Руссо утверждает, что стремление к искусствам и наукам способствует лени и запустению, а последующее политическое неравенство побуждает к отчуждению. Для Руссо добродетелью и свободой считается благородное невежество. Будучи независимой личностью и свободным мыслителем, Жан-Жак Руссо часто спорил с традиционными мыслителями и имел столкновения с властями своего времени.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот один из наиболее великих и прекрасных вопросов, который когда-либо рассматривали. Не метафизические тонкости, проникшие во все роды литературы, от которых не всегда свободны академические программы, служат предметом этого рассуждения: нет, речь идет об одной из тех истин, от коих зависит счастье человечества.

Предвижу, что мне едва ли простят взгляды, которые я осмеливаюсь здесь защищать. Открыто нападая на все то, чем теперь восхищаются, я могу ожидать лишь всеобщего порицания; и если несколько избранных умов почтило меня своим одобрением, то это вовсе не значит, что я должен рассчитывать на одобрение публики. Но я уже решился; я не забочусь о том, чтобы понравиться остроумцам или людям, падким на модное. Всегда найдутся люди, рабски подчиняющиеся мнениям своего века, страны, общества. Тот, кто сегодня старается прослыть вольнодумцем и философом, во времена Лиги, быть может, стал бы фанатиком. Тому, кто хочет пережить свой век, никогда не следует писать для подобных читателей.

Еще одно, последнее замечание. Мало рассчитывая на честь, которую мне оказали, я переделал и расширил это рассуждение уже после того, как отправил его на конкурс, изменив таким образом, что оно стало в некотором смысле другим сочинением. Теперь же я считаю себя обязанным восстановить его в том виде, в каком оно было удостоено премии; поэтому я прибавил лишь некоторые примечания и оставил два дополнения, которые легко узнать и которых Академия, быть может, не одобрила бы. Из чувства справедливости, почтительности и признательности я считаю

себя обязанным сделать это предупреждение.

РАССУЖДЕНИЕ

*“Мы, честные люди, обманываемся внешним обликом”
(Гораций, Искусство поэзии, стих 25)*

Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их? Вот вопрос, подлежащий исследованию. На какую же точку зрения я должен стать при его рассмотрении? На ту, милостивые государи, которая подобаает честному человеку, несведующему, но тем не менее уважающему себя.

Чувствую, что судилищу, пред которым я готовлюсь предстать, трудно будет согласиться с тем, что я намерен высказать. Как осмелиться осуждать науки пред лицом одного из самых ученых обществ Европы, восхвалять невежество в знаменитой Академии и примирить презрение к учению с уважением к истинным ученым? Я предвидел эти противоречия, но они меня не утрашили, ибо я сказал себе: «Не науку оскорбляю я, а защищаю добродетель перед добродетельными людьми, которым дороже честность, чем ученым образованность». Чего же мне опасаться? Познаний слушающего меня собрания? Согласен, но это касается лишь построения речи, а не чувств оратора. Справедливые властители никогда не колебались произнести себе осуждение в сомнительных спорах, и, по справедливости, нет ничего выгоднее, как защищаться перед честной и просвещенной стороной, призванной быть судьей в своем собственном деле.

К этому доводу, который меня ободряет, присоединяется и другой, для меня решающий: каков бы ни был исход, я, отстаивая истину в силу своего разума, не могу остаться без награды, ибо несомненно обрету ее в глубине своего собственного сердца.

Часть первая

Прекрасное и величественное зрелище являет собою человек, выходящий, если так можно выразиться, из небытия собственными усилиями, светом разума рассеивающий мрак, которым окутала его природа, возвышающийся над самим собою, устремляющийся духом в небеса, с быстротою солнечного луча пробегающий мыслью огромные пространства вселенной и, что еще величественнее и труднее, углубляющийся в самого себя, чтобы изучить человека и познать его природу, его обязанности и его назначение. Все эти чудеса повторились с недавними поколениями.

Несколько веков назад Европа вновь впала в первобытное варварство. Народы этой части света, ныне столь просвещенные, пребывали тогда в состоянии худшем, чем невежество. Какая-то подделка под науку, еще более презренная, чем невежество, присвоила себе название знания и ставила возврату последнего почти непреодолимые преграды. Нужна была революция, чтобы вернуть людям здравый смысл, и она пришла наконец оттуда, откуда ее менее всего можно было ожидать. Тупой мусульманин, заклятый враг письменности, возродил ее у нас. После падения трона **Константина** в Италию были занесены остатки древнегреческой культуры — драгоценное наследие, которым в свою очередь обогатилась

Франция. За письменностью вскоре последовали науки: к искусству писать присоединилось искусство мыслить, переход, который кажется странным, но, быть может, он более чем естественен. Тогда сказалось главное преимущество служения **музам**, состоящее в том, что люди под их влиянием делаются общительнее, проникаясь желанием нравиться друг другу, создавая произведения, достойные взаимного одобрения.

Как и тело, дух имеет свои потребности. Телесные потребности являются основой общества, а духовные его украшают. В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние сограждан, науки, литература и искусства — менее деспотичные, но, быть может, более могущественные — обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы. Необходимость воздвигла троны, науки, и искусства их утвердили. Сильные мира сего, любите таланты и покровительствуйте их обладателям!

Цивилизованные народы, лелейте их. Счастливые рабы, вы им обязаны изысканным и изощренным вкусом, которым вы гордитесь, мягкостью характера и обходительностью нравов, способствующими более тесному и легкому общению, словом, всеми внешними признаками добродетелей, которых у вас нет.

Этого рода учтивостью, тем более приятной, чем менее она выставляется напоказ, отличались Афины и Рим в столь прославленную эпоху своего великолепия и блеска; и ею, без сомнения, наш век и наш народ превзойдут все другие века и народы. Глубокомысленный, но свободный от педантизма тон, естественные и в то же время предупредительные манеры, равно чуждые тевтонской грубости и итальянского жеманства, — таковы плоды вкуса, приобретенного хорошим образованием и усовершенствованного светской жизнью.

Как приятно было бы жить среди нас, если бы внешний вид всегда был отражением душевных настроений, если бы благопристойность стала и добродетелью, если бы наши мудрые изречения служили для нас правилами и, наконец, если бы истинная философия была неразлучна со званием философа! Но редко встречается одновременно столько достоинств, и никогда добродетель не шествует в таком великолепном облачении.

Пышность наряда может свидетельствовать о богатстве человека, а изящество — о его хорошем вкусе, но здоровый и сильный человек узнается по другим признакам, и телесная сила скрывается не под золототканной одеждой придворного, а под грубым одеянием землепашца. Не менее чужды нарядности и добродетели, представляющие собою силу и крепость души. Добродетельный человек — это атлет, который любит

муза -

божество
из древнегреческой
мифологии,
вдохновляющее на поэзию,
музыку, искусство

бороться нагим, он презирает все эти жалкие украшения, стесняющие проявление силы, большая часть которых была изобретена лишь для того, чтобы скрыть какое-нибудь уродство.

До того времени, как искусство придало лоск нашим манерам и научило наши страсти говорить жеманным языком, наши нравы были грубы, но естественны, и по различию поведения можно было с первого взгляда определить различие характера. Человеческая натура, в сущности, была не лучше, чем ныне, но люди черпали уверенность в легкости взаимного понимания, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, сберегало их от многих пороков.

Теперь, когда изысканность и утонченный вкус свели искусство нравиться к определенным правилам, в наших нравах воцарилось пошлое и обманчивое однообразие, и кажется, что все умы отлиты по одному образцу. Вежливость предъявляет бесконечные требования, приличия повелевают; люди постоянно следуют обычаю, а не собственному разуму и не смеют казаться тем, что они есть на самом деле. Покоряясь этому вечному принуждению, люди, образующие то стадо, которое называется обществом, будучи поставлены в одинаковые условия, совершают одинаковые поступки, если их от этого не удерживают более сильные побуждения. Поэтому никогда не знаешь наверное, с кем имеешь дело, и, чтобы узнать друг друга, нужно дожидаться крупных событий, то есть времени, когда уже будет поздно, ибо для этих-то событий и было бы важно знать, кто твой друг.

Какая вереница пороков сопровождает эту неуверенность! Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под однообразной и вероломной маской вежливости, под этой хваленой учтивостью, которою мы обязаны просвещению нашего века, скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство. Люди не станут произносить имя творца всуе, но извергнут хулу на него так, что наш деликатный слух не будет оскорблен. Не станут похваляться собственными достоинствами, но унижат заслуги других. Не станут грубо поносить своего врага, но искусно оклеветают его. Прекратится национальная вражда, но исчезнет и любовь к родине. Презренное невежество сменится опасным **пирронизмом**. Одни излишества и пороки будут изгнаны и заклеяны, зато другие украсятся названием добродетелей, и нужно будет либо обладать ими, либо делать вид, что обладаешь. Пусть, кто хочет, восхваляет воздержность мудрецов нашего времени, что касается меня, то я вижу в ней лишь утонченную неумеренность, так же мало заслуживающую моей похвалы, как и их лукавая простота. Такова приобретенная нами чистота нравов; мы стали порядочными людьми, и нужно оказать должное литературе, наукам и искусствам: они немало способствовали этому благотворному делу. Прибавлю только одно соображение: если бы обитатель какой-нибудь отдаленной страны хотел составить себе представление о европейских нравах по состоянию наших наук, совершенству наших искусств, благопристойности наших зрелищ, учтивости наших манер, приветливости наших речей, по постоянным проявлениям нашей благожелательности и по шумному соревнованию в любезности людей всех возрастов и состояний, которые, кажется, только и заботятся с раннего утра до позднего вечера о том, как бы услужить

пирронизм -
сомнительное
отношение ко всему;
философская школа
скептиков, основанная
древнегреческим
философом Пирроном из
Элиды (360 -270)

друг другу, — такой иностранец составил бы о наших нравах мнение, прямо противоположное тому, что есть на самом деле.

Где нет никакого следствия, там нет надобности доискиваться причин, но здесь следствие налицо — подлинное растление нравов. Наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства. Быть может, мне скажут, что это — несчастье, присущее только нашей эпохе? Нет, милостивые государи, зло, причиняемое нашим суетным любопытством, старо, как мир. Приливы и отливы воды в океане не строже подчинены движению ночного светила, чем судьба нравов и добропорядочности — успехам наук и искусства. По мере того как они озаряют наш небосклон, исчезает добродетель, и это явление наблюдается во все времена и во всех странах.

Взгляните на Египет, эту первую школу Вселенной, эту знаменитую страну, раскинувшуюся под безоблачным небом и одаренную богатным климатом, на этот край, откуда некогда вышел **Сезострис**, чтобы завоевать мир. В этой стране родились философия и изящные искусства, и вскоре после этого она была завоевана **Камбизом**, потом греками, римлянами, арабами и, наконец, турками.

Посмотрите на Грецию, когда-то населенную героями, дважды победившими Азию: один раз под Троей, а второй раз — у себя на родине. Нарождающаяся письменность еще не внесла порчи в сердца обитателей этой страны; но вскоре за нею последовали успехи искусств, разложение нравов, македонское иго, и Греция — всегда ученая, всегда изнеженная и всегда поработанная — отныне стала только менять своих повелителей. Все красноречие Демосфена не в состоянии было вдохнуть свежие силы в общество, расслабленное роскошью и искусством.

Рим, основанный пастухом и прославленный земледельцами, начинает возрождаться во времена **Энния** и **Теренция**. Но после **Овидия**, **Катулла**, **Марциала** и множества непристойных авторов, одни имена которых уже пугают стыдливость, Рим, некогда бывший храмом добродетели, становится ареной преступлений, бесчестием народов и игрищем варваров. Наконец эта столица мира, поработившая столько народов, сама впадает в порабощение и погибает накануне дня, когда один из ее граждан был признан законодателем изящного вкуса.

Что мне сказать о той метрополии Восточной империи, которая благодаря своему местоположению, казалось, должна была быть метрополией всемирной, об этом убежище наук и искусств, скорее мудростью, нежели варварством изгнанных из остальной Европы? Постыднейший разврат, гнусные предательства, убийства и отравления, самые ужасные злодеяния вот из чего сплетена история Константинополя, вот чистый источник просвещения, которым славится наш век.

**ЛАЙОНЕЛ РОЙЕР.
ВЕРЦИНГЕТОРИК
БРОСАЕТ ОРУЖИЕ К
НОГАМ ЦЕЗАРЯ (1899).**

Капитуляция варваров под натиском Цезаря. Варваров завоевала молодая римская нация, которая еще не была ослаблена стремлением к наукам и искусствам

Сезострис -
фараон Древнего Египта

Камбиз -
царь Ахеменидской
династии в Персии

Энний (239-169 до н.э.) -
древнеримский поэт

Теренций (ум. 159 до н.э.) -
древнеримский
комедиограф

Овидий (43-18 до н.э.)-
древнеримский поэт

**Катулл Гай Валерий
(ок.87 - ок.54 до н.э.)**-
древнеримский поэт

Марциал (40-104 до н.э.) -
древнеримский поэт

Но к чему в отдаленных эпохах искать подтверждений истины, доказательства которой у нас перед глазами? В Азии есть обширная страна, в которой ученость почитается и ведет к высшим государственным должностям. Если бы науки очищали нравы, если бы они учили людей проливать кровь за отечество, если бы они поднимали бодрость духа — народы Китая должны были бы быть мудрыми, свободными и непобедимыми. Но если нет порока, который не властвовал бы над ними, и нет преступления, которое не было бы у них обычным, если ни просвещенность министров, ни мнимая мудрость законов, ни многочисленность жителей этой обширной империи не могли оградить ее от ига невежественных и грубых татар, — к чему послужили ей все ее ученые? Какие плоды принесли ей почести, которыми осыпаны эти ученые? Уж не в том ли их заслуги, что эта страна населена рабами и злодеями?

Противопоставим этим картинам картину нравов немногих народов, которые, не будучи заражены пристрастием к бесплодным знаниям, составили своими добродетелями собственное счастье и сделали примером для других наций. Таковы были древние персы — замечательный народ, у которого учились добродетели, как у нас — наукам, народ, который с такой легкостью покорил Азию и прославился столь несравненными учреждениями, что историю их принимали за философский роман. Таковы были **скифы**, о которых до нас дошло столько хвалебных свидетельств. Таковы германцы, простоту, невинность и добродетели которых с чувством облегчения рисует писатель, утомленный исследованием преступлений и гнусностей, творимых народом образованным, богатым и изнеженным. Таким был даже Рим в эпоху его бедности и невежества. Таким, наконец, сохранился до нашего времени безыскусственный народ, столь восхваляемый за свое мужество, которое не смогли сломить превратности судьбы, и за верность, не поддавшуюся дурным примерам.

И не глупость заставила эти народы предпочесть умствованиям иные занятия. Они знали, что в других странах жизнь праздных людей проходит в спорах о высшем благе, о пороке и добродетели, что надменные болтуны, больше всего восхваляющие самих себя, дают всем остальным народам общее презрительное название варваров, но они пригляделись к их нравам и научились презирать их ученость.

Могу ли я забыть, что в самой Греции возникло государство, столь же известное счастливым невежеством своих граждан, как и мудростью своих законов, республика, казалось, населенная скорее полубогами, чем людьми, — настолько превосходили они добродетелями все человечество! О, **Спарта** — вечное посрамление бесплодной учености! В то время как пороки проникали вместе с искусствами в Афины, где тиран собирал с такой тщательностью произведения величайшего поэта, ты изгоняла из своих стен искусства и художников, науки и ученых!

В дальнейшем это различие явственно обозначилось. Афины стали обиталищем вежливости и хорошего вкуса, страной ораторов и философов: изящество построек соответствовало там изысканности речи, повсюду были видны мрамор и холст, одухотворенные руками самых искусных мастеров. Именно из Афин вышли эти изумительные произведения, служившие образцами для подражания во все развращенные эпохи. Лакедемония являла не столь блестящую картину. Там, говорили другие

скифы -

кочевые народы,
населявшие территорию
от Дуная до Китая (VIII-IV
века до н.э.)

Спарта (другое название

Лакедемон) -

город в Древней Греции,
столица Лаконики

народы, люди рождаются добродетельными, и кажется, сам воздух этой страны внушает добродетель. От ее жителей до нас дошли лишь предания о героических поступках. Но разве такие памятники менее ценны, чем мраморные статуи, оставленные нам в наследие Афинами?

Правда, некоторые мудрецы не поддались общему течению и уберегли себя от пороков даже в самой обители Муз. Но выслушайте приговор, произнесенный над учеными и художниками того времени самым выдающимся и самым несчастным из этих мудрецов.

«Я изучил, — сказал он, — поэтов и смотрю на них, как на людей, талант которых вводит в заблуждение их самих и прочих смертных, как на людей, которые выдают себя за мудрецов и считаются мудрецами, но на самом деле вовсе не таковы.

От поэтов, — продолжает Сократ, — я перешел к художникам. Я знал искусства менее, чем кто бы то ни было, и никто более меня не был убежден, что художники владеют чудесными тайнами. Однако я заметил, что и они ведут себя не лучше поэтов и что тем и другим присущ один и тот же предрассудок: так как наиболее искусные из них блистают на своем поприще, они и полагают себя мудрейшими из людей. Это самомнение совершенно принизило в моих глазах их знание, так что, спросив самого себя, как оракула, чем я предпочел бы быть — тем ли, кем являюсь я, или тем, кем являются они, — знать то, чему они выучились, или знать, что я ничего не знаю, — я ответил и самому себе и богу: «Я хочу остаться самим собой».

Ни софисты, ни поэты, ни ораторы, ни художники, ни я — никто не знает, что истинно, хорошо и прекрасно. Но между нами есть разница, состоящая в том, что все эти люди, хотя и ничего не знают, считают себя сведущими, тогда как я, ничего не зная, по крайней мере не сомневаюсь в этом. Таким образом, все превосходство в знании, которое признал за мной оракул, сводится лишь к тому, что я твердо знаю, что ничего не знаю». Вот как мудрейший из людей, по определению богов, и ученейший из афинян, по признанию всей Греции, — **Сократ**, прославляет невежество! Можно ли думать, что если бы он воскрес в наше время, то наши ученые и художники заставили бы его изменить свое мнение? Нет, милостивые государи: этот справедливейший человек продолжал бы презирать наши пустые науки и отнюдь не приложил бы стараний к тому, чтобы увеличить вороха книг, коими нас засыпают со всех сторон, а оставил бы — как он это и сделал — в назидание своим ученикам и нашим потомкам лишь пример своей добродетельной жизни. Вот как надобно просвещать людей.

Сначала Сократ в Афинах, а потом **Катон Старший** в Риме обличали лукавых и хитрых греков, соблазнявших добродетель и ослаблявших мужество своих сограждан. Но науки, искусство и диалектика одержали

Сократ

(470-399 до н.э.)-
древнегреческий философ
в Афинах

Катон Старший

(234-149 до н.э.)-
древнеримский политик,
писатель

НАТЮРМОРТ.
Питер Клас (1597-1661)

верх: Рим наводнился философами и ораторами, там стали пренебрегать военной дисциплиной, презирать земледелие, увлекаться лжеучениями и забывать об отечестве. Священные слова: свобода, бескорыстие, повиновение законам — сменились именами **Эпикура**, **Зенона**, **Аркесилая**. С того времени, как среди нас появились ученые, говорили сами философы, добродетельные люди исчезли. До того времени римляне довольствовались выполнением правил добродетели, но как только они принялись изучать ее, все было потеряно.

О великий **Фабриций**! Что подумал бы ты, если бы, к твоему несчастью, вновь вызванный к жизни, увидел великолепие Рима, спасенного твоей рукой и прославленного твоим именем больше, чем всеми его завоеваниями? «Боги, — сказал бы ты, — во что обратились простые хижины под соломенной крышей, где обитали умеренность и добродетель? Что за гибельная роскошь сменила римскую простоту? Что за чужеземный язык? Что за изнеженные нравы? Что означают эти изваяния, картины, здания? Безумцы! Что вы сделали? Повелители народов, вы стали рабами побежденных вами легкомысленных людей! Вами управляют краснобай! Неужели вы орошали свою кровью Грецию и Азию только для того, чтобы обогатить архитекторов, художников, скульпторов и фигляров? Развалины **Карфагена** стали добычей флейтиста! Римляне! Скорей разрушите эти амфитеатры, разбейте мраморные изваяния, сожгите картины! Изгоните рабов, поработивших вас, ибо их губительные науки вас развратили. Пусть другие народы славятся бесполезными талантами: единственный талант, достойный Рима, — умение завоевать мир и утвердить в нем добродетель. Когда Киней принял наш сенат за собрание царей, он не был ослеплен их тщеславной роскошью, их прихотливым изяществом, он не слышал там пустого краснобайства, которое чарует ничтожных людей, и которому они так ревностно учатся. Но что же столь величественное увидел Киней? О граждане! Пред ним предстало зрелище, которого вам не доставят ни ваши богатства, ни все ваши искусства, — прекраснейшее из зрелищ, которые когда-либо видел свет: собрание двухсот добродетельных людей, достойных управлять Римом и повелевать вселенной».

Но перенесемся через пространство и время и посмотрим, что произошло в наших странах и на наших глазах... Или нет, лучше оставим в стороне гнусные картины, которые ранили бы нашу чувствительность, и избавим себя от труда повторять одно и то же, лишь меняя имена. Я не напрасно вызывал тень Фабриция: разве я мог бы вложить в уста **Людовика XII** или **Генриха IV** от слова до слова все то, что я заставил произнести этого великого человека? Если бы Сократ жил в наше время, он, правда, не выпил бы цикуты, но испил бы еще горькую чашу презрения и оскорбительных насмешек во сто крат худших, чем смерть.

Вот каким образом роскошь, развращенность и рабство во все времена становились возмездием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная Мудрость. Казалось бы, густая завеса, за которою она скрыла от нас все свои пути, должна была бы указать нам на то, что мы не предназначены для пустых изысканий. Но есть ли хоть один ее урок, которым мы сумели бы воспользоваться, и хоть один урок, которым мы пренебрегли безнаказанно? Народы! Знайте, раз и навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому как

Эпикур

(341-270 до н.э.)-
древнегреческий философ

Зенон

(334-263 до н.э.)-
древнегреческий
философ, основатель
стоической школы в
Афинах

Аркесилай

(315-241 до н.э.)-
древнегреческий философ

Фабриций

(313-после 275 до н.э.)-
римский полководец

Карфаген -

город-государство на
территории современного
Ливана, основанный в IX
веке до н.э.

Людовик XII

(1462-1515) -
король Франции

Генрих IV

(1553-1610) -
французский король с 1589
года, первый из династии
Бурбонов

мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых ее благодеяний. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными.

Сколь унизительны эти рассуждения для человечества! Сколь должна быть задета наша гордость! Как! Значит, честность — дочь невежества? Науки и добродетель несовместимы? Каких только выводов нельзя было бы сделать из подобных предрассудков? Но чтобы примирить эти кажущиеся противоречия, достаточно внимательно исследовать тщету и ничтожество тех горделивых названий, которые нас ослепляют и которые мы так неосновательно даем человеческим знаниям.

Рассмотрим же науки и искусства как таковые: посмотрим, что должно произойти от их совершенствования, и, не колеблясь, признаем справедливым все те положения, к которым приведут наши рассуждения, согласные с историческими выводами.

Часть вторая

Существует древнее, перешедшее из Египта в Грецию предание о том, что науки изобрел один из богов, враг человеческого покоя. Какого же мнения должны были быть о науках сами египтяне, среди которых они зародились? Ведь они видели их истоки вблизи. Станем ли мы рыться в анналах всемирной истории или, оставив в стороне сомнительные летописи, обратимся к философским исследованиям, — мы не найдем причин возникновения человеческих знаний, которые отвечали бы нашим обычным представлениям. Астрономия имеет своим источником суеверие; красноречие — честолюбие, ненависть, лесть, ложь; геометрия — корыстолюбие; физика — праздное любопытство; все науки, и даже мораль гордыню. Следовательно, наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам; мы не так сомневались бы в преимуществах наук и искусств, если бы они были порождены нашими добродетелями.

Их порочное происхождение ясно видно из их назначения. К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? Нужна ли была бы юриспруденция, если бы не существовало человеческой несправедливости? Во что обратилась бы история, если бы не было ни тиранов, ни войн, ни заговорщиков? Одним словом, кто пожелал бы проводить жизнь в бесплодном созерцании, если бы каждый, считаясь лишь с обязанностями человека и требованиями природы, отдавал все свое время отечеству, обездоленным и своим друзьям? Неужели мы созданы для того, чтобы умирать от жажды у колодца, в котором сокрылась истина? Уже одно это соображение должно было бы с самого начала остановить всякого, кто серьезно вознамерился бы просветить себя изучением философии.

Сколько подводных камней, сколько ложных путей в научных исследо-

ваниях! Истина достигается ценою множества заблуждений, и опасность этих заблуждений во сто крат превышает пользу от этих истин. Невыгода очевидна; проявления лжи — бесконечно разнообразны, тогда как истина — одна. Да к тому же, — кто ее искренне ищет? И даже при самых лучших намерениях, по каким признакам ее можно безошибочно узнать? Оглушаемые разногласием мнений, что мы примем за критерий истины? И самое трудное: если, по счастью, найдем наконец такой критерий, кто из нас сумеет правильно воспользоваться им?

Если для достижений той цели, которую ставят перед собою наши науки, они бесполезны, то по производимому ими действию они еще и опасны. Будучи порождены праздностью, они в свою очередь питают ее; первый ущерб, неминуемо причиняемый ими обществу, — непоправимая потеря времени. В политике, как и в морали, не делать добра значит творить зло, и всякий бесполезный гражданин может рассматриваться как вредный для общества. Итак, знаменитые философы, — вы, благодаря которым мы знаем законы взаимного притяжения тел в пустоте, знаем, в каких отношениях при обращении планет находятся пройденные ими за одинаковое время расстояния, какие кривые имеют точки сопряжения, уклонения и изгиба, как человек познает бога, как душа и тело, не сообщаясь между собой, тем не менее согласуются, подобно стенным и башенным часам, которые показывают одно и то же время, какие из звезд могут быть обитаемы, какие насекомые размножаются необычным способом, — вы, от кого мы приобрели столько возвышенных познаний, ответьте мне, разве мы были бы малочисленнее, разве нами хуже управляли бы, разве нас меньше пугали бы враги, разве мы не достигли бы нынешнего процветания или глубже погрязли бы в пороках, если бы вы никогда не научили нас всем этим вещам? Не считайте же столь важной свою деятельность: но если даже труды просвещеннейших ученых и лучших граждан приносят нам так мало пользы, то что же мы должны думать о толпе невежественных писателей и праздных ученых, которые высасывают соки из государства, ничего не давая ему взамен? Что я говорю «для праздных»? О, если бы с божьего соизволения они бы просто бездействовали! Тогда и нравы были бы здоровее, и общество спокойнее. Но эти пустые и ничтожные болтуны, вооруженные своими пагубными парадоксами, стекаясь отовсюду, подкапываются под основы веры, уничтожают добродетель. Они встречают презрительной улыбкой такие слова, как отечество и религия, и употребляют свои таланты в философии на разрушение и поношение всего, что священо для людей. И не то чтобы они действительно ненавидели добродетель или догматы веры: они выступают против общественного мнения из духа противоречия. Чтобы вернуть их к подножию алтарей, достаточно зачислить их в разряд атеистов. На что только не толкает желание отличиться!

Большое зло — пустая трата времени, но науки и искусства влекут за собой еще большее зло — роскошь, порожденную, как и они сами, людской праздностью и тщеславием. Редко бывает, чтобы роскоши не сопутствовали науки и искусства, последние же никогда не обходятся без нее. Я знаю, что наша философия, щедрая на странные максимы, утверждает вопреки вековому опыту, что роскошь придает государству блеск; но, забыв о необходимости законов против роскоши, осмелится ли она

вдобавок отрицать ту истину, что добрые нравы содействуют прочности государства и что роскошь с добрыми нравами несовместима. Если признать, что роскошь является верным признаком богатства, что она даже в некотором смысле содействует умножению его, то какой вывод нужно сделать из этого парадокса, столь достойного нашего времени? И во что обратится добродетель, если люди будут поставлены перед необходимостью обогащаться во что бы то ни стало? Древние политики беспристрастно говорили о нравах и добродетели, наши говорят лишь о торговле и деньгах. Один скажет вам, что человек стоит в данной стране столько, сколько за него заплатили бы в Алжире, другой, следуя этому счету, найдет такие страны, где человек и вовсе ничего не стоит, а то и такие, где он стоит меньше чем ничего. Они расценивают людей, как стадо скотов. По их мнению, каждый человек представляет для государства известную ценность лишь в качестве потребителя: на этом основании один сибарит стоил бы не менее тридцати лакедемонян. Пусть же отгадают, которое из этих двух государств — Спарта или Сибарис — было покорено горстью крестьян, а которое наводило трепет на всю Азию.

Монархию Кира завоевал с тридцатитысячным войском государь, который был беднее любого из персидских сатрапов, а скифы, самый бедный из народов, устояли против могущественнейших в мире монархов. Из двух знаменитых республик, оспаривавших друг у друга мировое владычество, одна была очень богата, у второй же не было ничего, и победила именно эта последняя. Римская империя в свою очередь, поглотив все богатства мира, стала добычей людей, которые даже не знали, что такое богатство. Франки завоевали Галлию, а саксы — Англию, хотя ни у тех, ни у других не было иных сокровищ, кроме храбрости и бедности. Толпа бедных горцев, — чьи желания ограничивались намерением добыть несколько бараньих шкур, — смилив австрийскую надменность, вслед за тем сокрушила пышный и грозный **Бургундский дом**, заставлявший трепетать европейских властителей. Наконец все могущество и вся мудрость наследника Карла V, подкрепленные всеми сокровищами Индии, разбились о горсть рыбаков, ловцов сельдей. Пусть же наши политики соблаговолят отложить свои расчеты и поразмыслить над этими примерами, и пусть они раз и навсегда поймут, что на деньги можно купить все, кроме добрых нравов и граждан.

В чем, собственно говоря, заключается вопрос о роскоши? В том, чтобы выяснить, что важнее для государства: блестящее, но мимолетное или добродетельное и продолжительное существование. Я говорю блестящее, — но о каком блеске идет речь? Пристрастие к роскоши никогда не уживается с честностью, и совершенно невозможно, чтобы умы, обремененные множеством праздных забот, возвысились до чего-нибудь велико-

Бургундский дом — средневековая французская политическая партия Бургундии (регион на западе Франции)

го: если бы у них и хватило для этого сил, — то не хватило бы мужества.

Всякий художник жаждет признания, и наиболее ценной наградой для него являются хвалы его современников. Но что же он сделает, чтобы стяжать эти хвалы, если он имеет несчастье принадлежать к цивилизованному народу и жить в такие времена, когда вошедшие в моду ученые предоставляют легкомысленной молодежи задавать всему тон, когда мужчины жертвуют собственными вкусами в угоду своим кумирам, когда один пол решается одобрить только то, что соответствует робости ума, свойственной другому, вследствие чего терпят провал великие творения драматической поэзии и отвергаются чудеса гармонии? Что же сделает такой художник, милостивые государи? Он низведет свой гений до уровня века и создание посредственных произведений, которыми будут восхищаться при его жизни, предпочтет созданию шедевров, которыми будут восторгаться лишь через много лет после его смерти.

Скажите нам, прославленный **Аруэ**, сколько мужественных и сильных красот принесли вы в жертву нашей ложной утонченности и сколько значительных истин — духу галантности, пригодной лишь для ничтожных предметов!

Так распущенность нравов — неизбежное следствие роскоши влечет за собою в свою очередь испорченность вкуса. Если случайно среди людей, выделяющихся своими талантами, найдется кто-нибудь, обладающий достаточной твердостью характера, чтобы не подчиниться духу времени и не унизиться до пустых поделок, горе ему: он умрет в нищете и забвении. Я не предсказываю, я говорю на основании опыта. **Карл, Пьер**, настанет время, когда кисть, которой предназначено высокими и святыми творениями возвеличивать наши храмы, выпадет у вас из рук или осквернит себя, украшая сладострастными картинками дверцы двухместной кареты. А ты, несравненный **Пигаль**, соперник **Праксителя** и **Фидия**, ты, чей резец в древности творил бы богов, глядя на которых мы способны оправдать идолопоклонство, — ты или решишься заняться изготовлением статуэток для будуаров, или останешься без работы.

Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с удовольствием о простоте обычаев древности. Это чудный берег, украшенный лишь руками самой природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от коего, к нашему прискорбию, мы уже далеки. Когда люди, будучи невинны и добры, хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, они жили с ними под одним кровом в своих бедных хижинах, но вскоре зло проникло в их сердца, и они пожелали отделаться от этих неудобных свидетелей и удалили их в роскошные храмы. Наконец люди изгнали их и из храмов, чтобы самим там поселиться, по крайней мере, жилища богов перестали отличаться от домов граждан. Это было полное растление нравов, и пороки укоренились как никогда, с тех пор, как их, так сказать, вознесли на пьедестал мраморных колонн у входа во дворцы вельмож и запечатлели на **коринфских** капителях.

По мере того как умножаются жизненные удобства, совершенствуются искусства и распространяется роскошь, истинное мужество теряет силу, военные доблести исчезают, и все это является плодами наук и искусств, вышедших из тиши кабинетов. Когда **готы** опустошили Грецию, то все ее библиотеки были спасены от сожжения лишь потому, что один из побе-

- Аруэ (Вольтер)**
(1694-1778) - французский писатель и философ
- Ван Лоо, Карл**
(1705-1765) - французский художник, современник Руссо
- Пьер, Жан-Батист-Мари**
(1714-1789) - французский художник, современник Руссо
- Пигаль, Жан-Батист**
(1714-1785) - французский скульптор
- Пракситель**
(395-330 до н.э.) – древнегреческий скульптор
- Фидий**
(ок. 490ок. 430 до н.э.) – древнегреческий скульптор и архитектор
- коринфский** - самый декорированный из трех классических архитектурных ордеров Древней Греции
- готы** - древнегерманский союз племен

дителей посоветовал оставить врагам эту рухлядь, которая так хорошо отвращает их от ратного дела, доставляя им праздное развлечение и обрекая на сидячий образ жизни. Карл VIII овладел **Тосканой и Неаполитанским королевством**, почти не обнажая шпаги, и все его приближенные приписали эту неожиданную легкость тому, что князья и дворяне Италии более заботились о великолепии и образованности, чем о том, чтобы быть могучими и воинственными. Поистине, говорит один здравомыслящий человек, ссылаясь на эти два примера, опыт учит нас, что на военном и ему подобных поприщах учение наук скорее пагубно, чем полезно, ибо оно не закаляет, а размягчает и изнеживает людей.

Римляне признавали, что их военные доблести стали угасать по мере того, как они начали разбираться в картинах, гравюрах, ювелирных изделиях и поощрять изящные искусства. Этой знаменитой стране как бы суждено служить вечным примером для других народов; возвышение Медичи и возрождение наук снова — и, быть может, навсегда — убили воинскую славу, которая, казалось, вновь осенила Италию за несколько веков перед тем.

Республики Древней Греции, с тою мудростью, которую блещет большая часть их установлений, запрещали своим гражданам заниматься спокойными и неподвижными ремеслами, которые, ослабляя тело, так быстро убивают бодрость духа. И действительно, как могут относиться к голоду, жажде, усталости, опасности и смерти люди, которым всякое лишение тягостно и малейший труд страшен? Могут ли воины бодро переносить тяжелые труды, к которым они не привыкли? Разве будут они ретиво совершать форсированные марши под командой офицеров, которые не способны даже ездить верхом? Пусть не указывают мне в виде возражения на хваленую доблесть прекрасно обученных и дисциплинированных современных воинов. Восхваляя их храбрость в дни сражений, обычно ничего не говорят о том, как они переносят чрезмерный труд, как они выдерживают холод, зной и непогоды. Достаточно слабого мороза, или жары, или даже отсутствия некоторых удобств, чтобы в несколько дней ослабить и развалить лучшую из наших армий. Бесстрашные воины! Выслушайте терпеливо истину, — вам так редко говорят ее. Я знаю, что вы храбры: с вами **Ганнибал** одержал бы победу при Каннах и **Тразимене**, а **Цезарь** перешел бы **Рубикон** и поработил бы свою страну, но первый не преодолел бы с вами **Альпы**, а второй не покорил бы ваших предков.

Не всегда в боях решается исход войны, и для военачальников есть более высокое искусство, чем умение выигрывать битвы. Иной офицер бесстрашно идет в огонь, но тем не менее остается очень плохим командиром. Для солдата же запас силы и бодрости, пожалуй, необходимее, чем храбрость, не оберегающая его от смерти. И не все ли равно

Тоскана -

область в центральной части Италии

Неаполитанское

королевство-
государство в Южной Италии

Ганнибал

(247-183 до н.э.)-
карфагенский полководец, непримиримый и грозный враг Рима

Тразимен -

озеро в Италии

Цезарь, Юлий

(100-44 до н.э.)-римский государственный деятель и полководец

Рубикон -

небольшая река, впадающая в Адриатическое море. В 49 г. до н.э. Цезарь, нарушив закон, перешел с войском Рубикон и начал гражданскую войну. «Перейти Рубикон» означает сделать бесповоротный шаг

Альпы -

горный хребет в Европе

для государства, от чего гибнут его войска: от лихорадки и холода или от неприятельского оружия?

Если занятие науками пагубно для военных доблестей, то тем более оно пагубно для нравственности. Бессмысленное воспитание, с юных лет украшая наш ум, извращает суждение. Повсюду я вижу множество заведений, в которых с большими затратами обучают юношество всему, кроме его обязанностей. Ваши дети, не зная родного языка, будут говорить на других языках, которые нигде не употребляются; они будут слагать стихи, почти не понимая их; не отличая истины от заблуждений, они овладеют искусством морочить людей пустыми хитросплетениями; однако они не будут знать, что означают такие слова, как великодушие, справедливость, воздержание, человечность, мужество; дорогое имя отечества будет чуждым для их слуха, а если они и будут говорить о Всевышнем, то скорее с суеверным страхом, нежели с благоговением. «Я бы предпочел, сказал один мудрец, чтобы мой ученик проводил время, играя в мяч; по крайней мере он стал бы более ловким. Я знаю, что наибольшую опасность для детей представляет праздность и что надо их чем-нибудь занять: но чему же, в конце концов, нужно их учить? Хорош вопрос! Само собою разумеется, тому, что они должны будут делать, когда станут взрослыми, а не тому, что им придется впоследствии забыть.

Как вы думаете, что изображают выставленные на всеобщее обозрение в наших садах статуи, а в галереях картины — эти лучшие произведения искусства? Защитников отечества или, быть может еще более великих людей-тех, кто обогатил его своими добродетелями? О нет, это образы всех заблуждений сердца и ума, старательно извлеченные из древней мифологии и слишком рано предложенные вниманию наших детей, без сомнения, чтобы перед глазами у них были собраны образцы дурных поступков еще прежде, чем они выучатся читать.

От чего происходят все эти злоупотребления, как не от губительного неравенства между людьми, порожденного возвеличением талантов и унижением добродетелей? Вот самое очевидное следствие всех наших ученых занятий и самый опасный их плод. О человеке уже не спрашивают — человек ли он, но — есть ли у него талант; не спрашивают и о книге — полезна ли она, но — хорошо ли написана. Расточают награды остроумию, а добродетель остается без почестей. Есть тысячи наград за прекрасные речи и ни одной за хорошие поступки. Но скажите мне, неужели слава, связанная с лучшим рассуждением, которое будет увенчано в этой Академии премией, может сравниться с заслугой того, кто учредил эту награду?

Мудрец не гонится за богатством, но он равнодушен к славе, и когда он видит, как несправедливо она распределяется, то его добродетель, которую соревнование могло бы поощрить и сделать полезной обществу, чахнет и угасает в нищете и забвении. Вот к чему рано или поздно должно повсюду привести предпочтение приятных талантов — талантам полезным, как это неоднократно подтверждалось опытом со времени возрождения наук и искусств. У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники, но у нас нет граждан, а если они еще и остались, то, затерянные в глуши деревень, гибнут в нищете и презрении. Вот до какого состояния доведены, вот какие чувства встречают с нашей стороны те, кто дает нам хлеб, а нашим детям молоко.

Тем не менее я признаю, что зло еще не так велико, как могло бы быть. Провидение, насадившее рядом с ядовитыми растениями целебные травы и наделившее многих вредоносных животных противоядием от их собственных укусов, внушило государям — своим земным представителям — стремление подражать его мудрости. Следуя божественному примеру, великий монарх, чья слава не померкнет в веках, даже из наук и искусств, этих источников всяческих зол, сумеет извлечь пользу, создав те славные общества, коим одновременно вверена опасная сокровищница человеческих знаний и священная забота о сохранении добрых нравов, которые они должны блюсти в незапятнанной чистоте, требуя того же и от всех своих членов.

Эти мудрые учреждения, упроченные его августейшим наследником и послужившие образцом для всех государей Европы, будут по крайней мере уздой для писателей, которые, добиваясь чести быть принятыми в академии, станут следить за собою и постараются заслужить эту честь полезными произведениями и безукоризненной нравственностью. Награждая премиями литературные заслуги и выбирая для конкурса темы, способные возбудить в сердцах граждан любовь к добродетели, подобные учреждения докажут, что эта любовь царит в их стенах, и доставят народам редкое и сладостное удовольствие видеть ученые общества, которые не только посвящают себя распространению просвещения среди человечества, но также дают ему спасительные наставления.

Пусть же мне не делают возражения, которое для меня явится лишь новым доказательством моей правоты. Столько предосторожностей показывает лишь, что они вызваны необходимостью: от несуществующих болезней лекарства не ищут. Зачем же еще нужно, чтобы последние по своей неудовлетворительности обладали обычным свойством лекарств? Столько учреждений, созданных к выгоде ученых, тем более способны поднять роль наук и направить умы к их изучению. Судя по принимаемым предосторожностям, можно подумать, что у нас слишком много земледельцев, философов же недостаточно. Я отнюдь не дерзаю сравнивать земледелие с философией: это ведь недопустимо, но я лишь спрашиваю: да что же такое философия? Что заключается в сочинениях известнейших философов? Какие уроки преподают эти друзья мудрости? Разве не похожи они на толпу шарлатанов, выкрикивающих на площади один перед другим: «Ко мне! Только я один не обманщик!» Один из них утверждает, что тел не существует, а есть только представление о них; другой уверяет, что нет иной субстанции, кроме материи, и иного бога, кроме вселенной. Этот возвещает, что нет ни добродетели, ни порока и что добро и зло, как их понимает мораль, — химеры; а тот заявляет, что люди — волки и могут со спокойной совестью пожирать друг друга. О великие философы! От-

чего бы вам не приберечь эти полезные уроки для своих друзей и детей? Вы бы очень скоро были вознаграждены по заслугам, а мы бы, по крайней мере, не опасались, что в наших семьях окажутся ваши последователи.

Так вот те замечательные люди, которые при жизни пользуются таким уважением современников и коим после кончины уготовано бессмертие! Вот мудрые истины, воспринятые нами от них и передаваемые нашим потомкам из поколения в поколение! Язычество, отмеченное всеми заблуждениями человеческого разума, не оставило потомству ничего такого, что могло бы сравниться с постыдными памятниками, созданными книгопечатанием в эпоху господства **Евангелия**. Нечестивые писания **Левкиппа** и **Диагора** погибли вместе с ними, потому что в то время еще не было изобретено способа увековечивать сумасбродные мысли; но благодаря искусству книгопечатания и тому употреблению, какое мы из него сделали, опасные бредни **Гоббса** и **Спинозы** сохраняются навсегда. Пусть знаменитые писания, на которые наши невежественные и грубые предки не были способны, переходят к нашим потомкам вместе с еще более опасными произведениями, запечатлевшими испорченность современных нравов, возвещая грядущим векам правдивую историю прогресса и свидетельствуя о преимуществах наших наук и искусств. Если они прочтут эти произведения, у них не останется никаких сомнений в вопросе, который мы сейчас разбираем, — и если только они не будут еще более безрассудны, чем мы, то, воздев руки к небу, они воскликнут с болью в сердце: «Всемогущий боже! Ты, в чьих руках наши души, избавь нас от наук и пагубных искусств наших отцов и возврати нам неведение, невинность и бедность — единственные блага, которые могут сделать нас счастливыми и которые в твоих глазах всего драгоценнее!»

Но если прогресс наук и искусств, ничего не прибавив к вашему истинному благополучию, только испортил нравы и если порча нравов извратила наш вкус, то что сказать о толпе посредственных писателей, которые устранили все препятствия, преграждавшие им доступ в храм муз, препятствия, воздвигнутые самой природой для испытания сил, жаждущих проникнуть в него? Что сказать о компиляторах, которые, нескромно распахнув дверь в храм наук, ввели в его святая святых недостойную чернь, тогда как следовало бы, чтобы все те, кто не может проявить выдающихся успехов в науках, вовсе ими не занимались, а посвятили себя ремеслам, полезным для общества.

Быть может, из того, кто всю свою жизнь останется жалким стихотворцем или посредственным математиком, вышел бы замечательный фабрикант. Кто создан учить — не нуждается в учителях. **Бэконы**, **Декарты** и **Ньютоны**, эти наставники рода человеческого, сами не имели учителей, да и кто мог бы привести их на те вершины, куда их вознес гений? Заурядные учителя только сузили бы их мышление, ограничив его тесными рамками собственных способностей. Только встреченные вначале препятствия приучили их к усилиям, без которых они не смогли бы преодолеть необозримые пространства. Если уж нужно позволить кому-нибудь заниматься изучением наук и искусств, то лишь тем, кто чувствует достаточно сил, чтобы не только идти по следам своих предшественников, но и опередить их. Пусть эти немногие воздвигают памятники во славу человеческого разума. Но если хотят, чтобы все было доступно их гению,

- Евангелие** - жизнеописание Иисуса Христа
- Левкипп** - древнегреческий философ V века до н. э.
- Диагор** - древнегреческий поэт и софист V века до н. э.
- Гоббс, Томас** (1588-1679) - английский философ
- Спиноза, Барух** (1632-1677) - голландский философ
- Бэкон, Фрэнсис** (1561-1626) - английский философ
- Декарт, Рене** (1596-1650) - французский философ, математик и физик
- Ньютон, Исаак** (1643-1727) - английский математик и физик

то пусть им будет доступно все, на что они могут надеяться: вот единственное поощрение, в котором они нуждаются. Дух незаметно приравнивается к занимающим его предметам, и великие события создают великих людей. Князь красноречия стал римским консулом, и едва ли не величайший из философов — канцлером Англии. Если бы первый всего лишь занимал кафедру в каком-нибудь университете, а второй пользовался лишь незначительной академической пенсией, то разве на их творениях не сказалось бы их скромное положение? Пусть же цари не гнушаются приглашать в свои советы людей, наиболее способных быть их советниками, пусть они откажутся от старинного предрассудка, созданного гордостью вельмож, будто управлять народом труднее, чем просвещать его. Точно убедить людей поступать хорошо по доброй воле легче, чем принудить их к этому силой! Пусть первоклассные ученые найдут при дворах царей почетное убежище; пусть стяжают они там единственно достойную их награду, а именно: своим влиянием служить благу того народа, который они учили мудрости. Только тогда увидят, что могут сделать добродетель, наука и власть, одушевленные благородным соревнованием и дружно работающие на благо рода человеческого. Но пока власть с одной стороны, а просвещенность и мудрость с другой не вступят в союз, ученые редко будут размышлять о государственных делах, а властители еще реже станут совершать прекрасные деяния, и народы останутся презренными, развращенными и несчастными.

Мы же, простые смертные, кого небо не наделило великими талантами и кому судьба не уготовила славы, останемся в тени. Не будем тщетно гоняться за известностью, которая, при настоящем положении вещей, не оправдала бы наших усилий, даже если бы мы и заслужили ее. К чему искать счастья во мнении других, если его можно найти в нас самих? Предоставим другим заботы учить народ его обязанностям и ограничимся исполнением своих. Это все, что от нас требуется.

О добродетель, высшая наука бесхитростных душ! Неужели нужно столько труда и усилий, чтобы познать тебя? Разве твои правила не начертаны во всех сердцах? И разве для того, чтобы изучить твои законы, недостаточно углубиться в себя и, заставив умолкнуть страсти, прислушаться к голосу своей совести? Ведь в этом и заключается истинная философия. Будем же довольствоваться ею и, не завидуя славе знаменитых людей, обессмертивших себя в литературе, постараемся установить между ними и собою славное различие, когда-то замеченное между двумя великими народами: один умел хорошо говорить, другой — хорошо поступать.

Примечания:

1. Государи всегда с удовольствием взирают на распространение среди своих подданных склонности к доставляющим лишь приятное развлечение искусствам и к некоторым излишествам — если только это не влечет за собою вывоза денег за границу, — ибо, помимо того, что таким путем они воспитывают в подданных душевную мелочность, столь удобную для рабства, они очень хорошо знают, что всякая новая потребность в то же время является для народа лишним звеном сковывающей его цепи: Александр, желая удержать **ихтиофагов** в зависимости, принудил их отказаться от рыбной ловли и питаться тою же пищею, что и другие народы. Американские дикари, не знающие одежды и промышленяющие одной лишь охотой, непобедимы: в самом деле, какое иго можно наложить на людей, у которых нет никаких потребностей? (Прим. Руссо.)

2. «Я люблю, — говорит **Монтень**, — спорить и рассуждать, но лишь с немногими людьми, и только для себя, ибо потешать сильных мира сего и выставлять напоказ свой ум и красноречие я считаю ремеслом, недостойным честного человека» (кн. III, гл. 8). Это ремесло всех наших остроумцев, кроме одного. (Прим. Руссо.)

3. Я не смею говорить о счастливых народах, даже по названию не знающих пороков, обуздываемых вами с таким трудом, о дикарях Америки, простой и естественный строй которых Монтень, не колеблясь, предпочитает не только Платоновым законам, но и лучшему из того, что только философия в силах когда-либо измыслить для управления народами. Он приводит тому множество примеров, поразительных для всякого, кто способен этому удивляться. «Подумайте, — говорит он, — ведь они даже не носят штанов!» (Прим. Руссо.)

4. Пусть они скажут по совести: какого мнения были сами афиняне о красноречии, когда они так старательно устранили его из неподкупного суда, решения которого не оспаривали даже боги. Что думали римляне о медицине, когда они изгнали ее из своей республики? И какое понятие должны были иметь о юриспруденции испанцы, когда, движимые остатками человечности, они запретили своим законникам въезд в Америку, словно надеялись одним этим загладить все зло, причиненное ими несчастным индейцам? (Прим. Руссо.)

5. Легко понять аллегорию сказания о **Прометее**, и едва ли греки, приковавшие его к скале на Кавказе, относились к нему более благосклонно, чем египтяне к своему богу Тоту. Сатир, говорится в одном древнем сказании, увидев впервые огонь, хотел обнять и расцеловать его, но Прометей закричал ему: «Сатир, тебе придется оплакивать твою бороду, ибо огонь жжет, когда к нему прикасаются». (Прим. Руссо.)

6. Чем меньше люди знают, тем обширнее кажутся им их знания. Разве **перипатетики** в чем-либо сомневались? Разве Декарт не построил мироздание из кубов и вихрей? И разве в наше время в Европе найдется хоть один физик, который не брал бы на себя смелость объяснить тайну электричества, хотя эта глубокая тайна, быть может, вечно служит предметом отчаяния для истинных философов? (Прим. Руссо.)

7. Я далек от мысли, что это влияние женщин само по себе является злом. Я смотрю на него, как на дар, которым оделила их природа, к счастью

ихтиофаги -
народ, основная пища
которых рыба
Монтень, Мишель
(1533-1592) -
французский философ
Прометей -
мифический герой,
который украл у богов
огонь и дал его людям
перипатетики -
последователи Аристотеля

всего рода человеческого, ибо, будучи лучше направляемо, это влияние творило бы столько же добра, сколько теперь оно приносит зла.

Люди еще не вполне сознают, какие выгоды сулит обществу лучшее воспитание этой половины рода человеческого, властвующей над другой половиной. Мужчины всегда будут такими, какими их желают видеть женщины, и если вы хотите от них душевного величия и добродетелей, научите женщин понимать, что такое добродетель и душевное величие. Рассуждения на эту тему, написанные некогда Платоном, заслуживали бы более подробного развития. Но за них мог бы взяться только тот, кто достоин писать после такого учителя и защищать столь великое дело. (Прим. Руссо.)

8. «Философские мысли». (Прим. Руссо)

9. Так воспитывали спартанцев, по свидетельству величайшего из их царей. «Весьма примечательно, — говорит Монтень, — что в превосходной государственной системе **Ликурга** — поистине удивительной по своему совершенству, — которая так заботится не только о питании детей, как о своей основной, впрочем, обязанности, но даже о жилище муз — почти не упоминается об учении. Словно у мужественной и свободолюбивой спартанской молодежи вместо наших учителей наук были только учителя храбрости, благоразумия и справедливости».

Посмотрим, как тот же автор отзываясь о древних персах. «Платон, — говорит он, — рассказывает о воспитании наследника персидского престола следующее: «Тотчас после рождения его поручили не женщинам, а евнухам, пользовавшимся, благодаря своей добродетели, наибольшим доверием царя. На их обязанности лежало вырастить ребенка здоровым и крепким. В семь лет его учили ездить верхом и охотиться, в четырнадцать его поручили четырем лучшим людям страны: самому мудрому, самому справедливому, самому воздержанному и самому мужественному. Первый учил его религии, второй — быть всегда правдивым, третий — сдерживать свои страсти, а четвертый — ничего не бояться». Все, — прибавлю я, — стремились сделать его добродетельным и ни один — ученым».

«**Астиаг**, — говорит **Ксенофонт**, — спросил у **Кира** о его последнем уроке. В нашей школе, отвечал тот, высокий мальчик, имевший короткий плащ, отдал его своему товарищу маленького роста, отобрав у него длинный плащ. Мой наставник предложил мне разобраться в этом случае, и я решил, что это надо так и оставить и что от такого обмена оба выиграют. На это он мне указал, что с точки зрения благопристойности я рассудил неправильно, так как прежде всего надо иметь в виду справедливость, которая требует, чтобы ни у кого не отнимали силой того, что ему принадлежит. И Кир сказал, что его высекли — точь-в-точь, как у нас в деревне секут детей, когда они забывают первый **аорист** от глагола **тупто**. Моему

Ликург

(396-323 до н.э.) – афинский государственный деятель и оратор

Астиаг

(VI век до н.э.) -мидийский царь

Ксенофонт

(430-356 до н.э.)- древнегреческий историк

Кир

(умер в 530 до н.э.) -основатель и царь Персидской империи

аорист -

форма глагола, обозначающая законченное действие

тупто -

греческое слово – бить; удар

genere -
жанр
Григорий Великий
(540-604) -
Римский папа, который
оставил богатое
литературное наследие

учителю, — добавляет Ксенофонт, — пришлось бы произнести хорошую речь in **genere** demonstrativo, прежде чем он убедил бы меня, что наша школа может сравниться с той». (Кн. I, гл. 24.) (Прим. Руссо.)

10. Наблюдая ужасные неурядицы, уже причиненные в Европе книгопечатанием, и судя о будущем по тем успехам, которые оно делает изо дня в день, легко можно предвидеть, что властители не преминут изгнать это ужасное искусство из пределов своих государств, приложив к этому не меньше стараний, чем они потратили на его введение. Султан Ахмет, уступая докучливым настояниям так называемых людей со вкусом, согласился основать в Константинополе типографию, но едва она была пущена в ход, как он приказал разрушить ее и бросить инструменты в колодезь. Говорят, что калиф Омар на вопрос, что надо делать с Александрийской библиотекой, ответил так: «Если в этих книгах заключаются вещи, противные Корану, то они дурны, и их нужно сжечь; если же в них лишь то, что можно найти в Коране, — то их также следует сжечь, ибо они излишни». Наши ученые приводили это рассуждение как верх нелепости. Между тем, если бы на месте Омара был **Григорий Великий** и речь шла не о Коране, а о Евангелии, библиотека так же была бы сожжена, и, быть может, это был бы лучший поступок в жизни этого замечательного священнослужителя. (Прим. Руссо.)

источник: Руссо, Жан-Жак. Рассуждение о науках и искусствах. Избр. соч. в 3 т. Т.1. -М.: Художественная литература, 1961. С. 41-64.

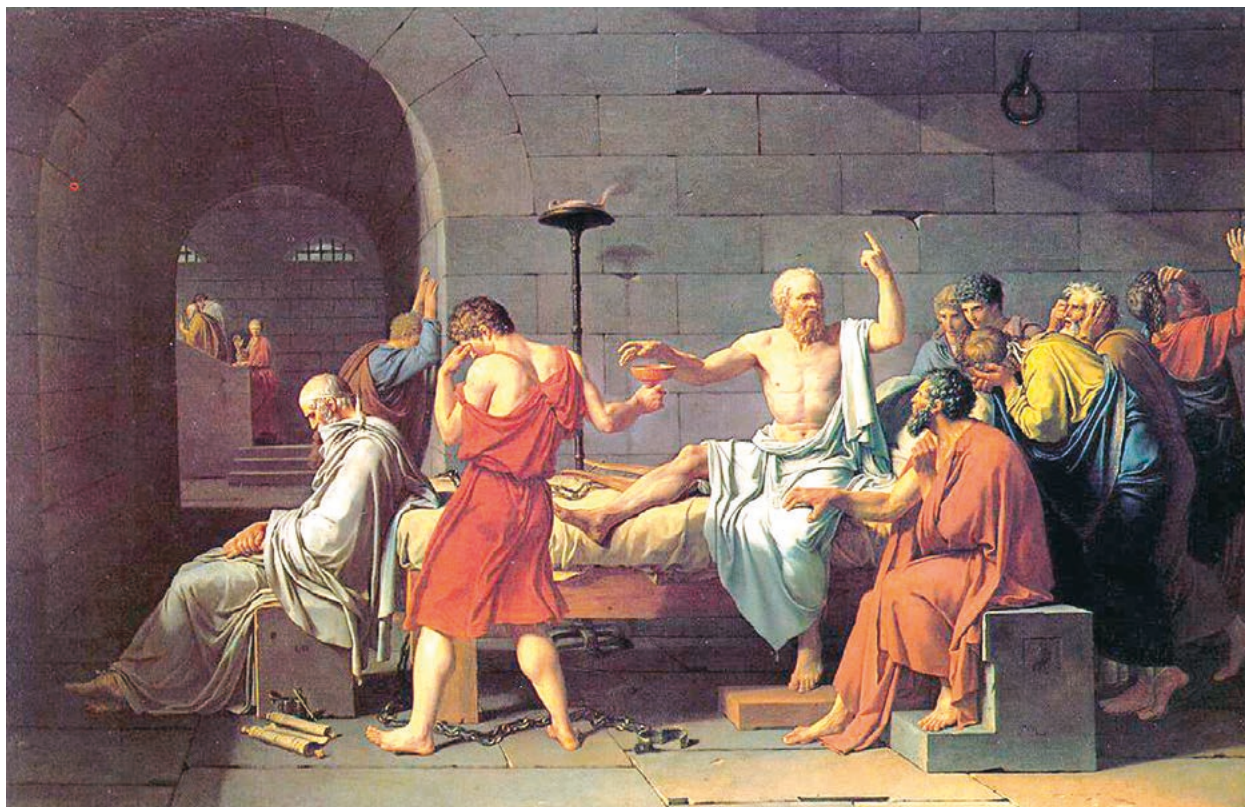
ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что означает «историческое течение человеческой цивилизации», которое Руссо представляет в своей работе «Рассуждение о науках и искусствах»?
2. Почему Руссо заявляет, что всегда существовала связь между прогрессом в науках и искусствах и упадком цивилизаций? Объясните.
3. Что же, по словам Руссо, заставляло людей по-прежнему оставаться в состоянии счастливого неведения с прогрессом в искусствах и науках?
4. Опишите различия между цивилизациями и обществами, древними и современными, которые приводит Руссо в первой части. Какова связь между этой сравнительной историей и его описанием человеческого поведения во второй части?
5. Как, по мнению Руссо, связаны простота, роскошь, добродетель и цивилизация?
6. Каким образом, по мнению Руссо, роскошь сопутствует деградации наших моральных устоев и добродетелей? Как с этим связаны искусства и науки?
7. На самом ли деле Руссо отвергает человеческий прогресс, особенно в конце своей работы «Рассуждение о науках и искусствах»? Объясните свой ответ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

303

1. В первой части «Рассуждения...» Руссо говорит, что «наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства». Соответствует ли это утверждение представлению миссис Хоупвел о хороших деревенских людях? Миссис Хоупвел нравились хорошие деревенские люди, потому что они не были развращены науками? Обратите внимание на цитату, которую прочла миссис Хоупвел в одной из книг своей дочери. Поясните свой ответ.
2. Бакунин (с которым вы познакомились в первой главе) называет научную интеллигенцию самой аристократичной, деспотичной и высокомерной. Напоминает ли это предупреждения Руссо о знаниях и науке?

СМЕРТЬ СОКРАТА.
ЖАК ЛУИ ДАВИД (1748-1825)

КАК ПИСАТЬ АРГУМЕНТИРОВАННОЕ ЭССЕ

Мы пишем **аргументированное**, а не **описательное** эссе. Описательное эссе просто отвечает на вопрос «что?». Оно описывает событие, место, организацию. Аргументированное эссе отвечает на вопросы «как?» или «почему?». Оно не просто описывает, **что** произошло, а объясняет, **почему** это произошло.

Аргументированное эссе состоит из нескольких частей.

Введение позволит вам познакомить читателя с вопросом, который будет рассмотрен в вашей работе, и как это соответствует теме или курсу. Все вопросы интересны: в вашем введении вы показываете читателю, чем интересен ваш вопрос. Введение включает исследовательский вопрос, на который дает ответ ваша работа. Хороший исследовательский вопрос — это тот, на который вы еще не знаете ответ. Работа по написанию и исследованию подскажет вам ответ на этот вопрос. Избегайте вопросов, которые ведут к простому описанию (что, где, когда) и ищите вопросы, которые позволят вам давать объяснение (почему или как).

Вам также надо избегать вопросов, на которые нет ответа. Это включает в себя общие вопросы, и вопросы, основанные на определенной системе убеждений. Попробуйте сфокусировать свой вопрос на определенной части проблемы и подумайте, сможете ли вы найти доказательства в поддержку вашего ответа.

Коротким ответом на ваш исследовательский вопрос служит **тезисное утверждение**, короткая (не более одного абзаца) версия вашего аргумента. Тезисное утверждение не просто описывает структуру вашей работы, а напрямую отвечает на ваш исследовательский вопрос. Тезисное утверждение состоит из набора положений: коротких утверждений, которые частично отвечают «почему» или «как» на ваш исследовательский вопрос. Эти утверждения должны быть связаны между собой. Если вы не можете сказать, как эти утверждения связаны, то не надо использовать их в одной работе.

Большая часть вашей работы будет представлять собой **доказательства**, которые поддерживают ваше тезисное утверждение. Вам необходимо представить доказательство на каждое положение в вашем тезисном утверждении. Какие факты или доводы показывают вам и читателю, почему это положение верно? Для каждого положения вам необходимо привести более одного доказательства. Если у вас весомый аргумент, то вы без труда найдете массу доказательств к нему.

Все ваши положения и сопутствующие им доказательства должны быть взаимосвязаны друг с другом, чтобы вместе составлять логически последовательный аргумент. Как ваше первое положение связано со вторым? А второе с третьим? И первое с третьим? Вам нужно показать эту взаимосвязь.

Вы должны показать источники для всех своих доказательств. Где вы нашли эти факты или эти аргументы? Если вы неправильно указали источники, вас обвинят в **плагиате**, а это значит, что ваша работа неудовлетворительна.

В хорошей работе будут также рассмотрены и опровергнуты **контраргументы**. Всегда найдется более одного возможного объяснения. Каковы другие возможности, и почему ваше объяснение самое лучшее. Вам нужно продемонстрировать, как предоставленные вами доказательства показывают, что ваш аргумент лучше всего подходит ко всем имеющимся фактам. Без этого – ваш аргумент спорен, т.к. он не принимает во внимание другие возможные ответы на ваш вопрос.

Анализ объясняет, каковы выводы, следующие из вашего аргумента. Если ваш аргумент верен (и вы это показали посредством доказательства и опровержения контраргументов), что это может значить? Как это может повлиять на наши жизни или на наше понимание мира? Этот шаг приведет вас от просто хорошей работы к отличной работе.

Наконец, вы заканчиваете работу сильным **заключением**. Заключение не знакомит с новой информацией, но напоминает читателю то, что вы обсуждали в своей работе, и почему важен ваш аргумент. Не повторяйте свое тезисное **утверждение**. **Найдите новый путь изложения того, чего вы достигли.**

Перевод ПАХЧ - УЦА, Душанбе, 2004.
источник: Чад Томсон//СЕР

УПРАЖНЕНИЕ ПО РАЗРАБОТКЕ ТЕЗИСА

<p>Введение: «Вот один из наиболее великих и прекрасных вопросов, который когда-либо рассматривали. Не метафизические тонкости, проникшие во все роды литературы, от которых не всегда свободны академические программы, служат предметом этого рассуждения; нет, речь идет об одной из тех истин, от коих зависит счастье человечества».</p> <p>Исследовательский вопрос: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их?».</p>		
<p>ТЕЗИСНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ: «Здесь следствие налицо — подлинное растление нравов. Наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства. Приливы и отливы воды в океане не строже подчинены движению ночного светила, чем судьба нравов и добропорядочности — успехам наук и искусства».</p>		
<p>ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: Положение: 1) Вспомните цивилизации, в которых наблюдалось исчезновение добродетели по мере развития науки и искусства</p>	<p>Доказательства: а) Египет б) Греция в) Рим г) Византия</p>	<p>Взаимосвязь: а) В Египте родились философия и изящные искусства, и вскоре после этого он был завоеван Камбизом б) Греция всегда ученая, всегда изнеженная и всегда порабощенная... общество, расслабленное роскошью и искусством в) Рим...прославленный земледельцами... эта столица мира, поработившая столько народов, сама впадает в порабощение ... г) Убежище наук и искусств... Постыднейший разврат, гнусные предательства ... вот из чего сплетена история Константинополя, вот чистый источник просвещения, которым славиться наш век</p>

<p>2) Вспомните современную Азию и древнюю Европу и сравните эффект прогресса искусства и наук в местах, где их почитают, и там, где игнорируют пустые науки</p>	<p>а) Китай б) Персия в) Скифы г) Германцы е) Американские дикари</p>	<p>а) Ученость почитается...Но если нет порока, который не властвовал бы над ними... б) Не будучи заражены пристрастием к бесплодным знаниям, составили своими добродетелями собственное счастье и сделали примером для других наций в) Замечательный народ г) Чья простота, невинность и добродетель восхвалялись д) Во времена бедности и невежества славились своей храбростью е) Промышляющие одной лишь охотой, непобедимы</p>
<p>3) Но послушайте приговор, вынесенный учеными над великими художниками</p>	<p>а) Сократ б) Старший Катон в) Фабриций</p>	<p>а) Если бы он воскрес в наше время, то ... этот справедливейший человек продолжал бы презирать наши пустые науки б) Обличал лукавых и хитрых греков, соблазнявших добродетель в) Он бы воскликнул: «Во что обратились простые хижины..., где обитали умеренность и добродетель?»</p>

4) Наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам, и наши науки, по производимому ими действию, еще и опасны	а) Праздность б) Роскошь в) Падение истинного мужества	а) Науки...будучи порождены праздностью, в свою очередь питают ее б) К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? в) Все это является плодами наук и искусств
5) Занятие науками пагубно для нравственности	а) Обучение и образование детей б) Мужество; отечество в) Неравенство	а) Дети...не отличат истины от заблуждений б) Сейчас для наших детей эти слова бессмысленны в) Порожденного возвеличением талантов и унижением добродетелей
КОНТРАРГУМЕНТЫ «Что сказать о компиляторах, которые, нескромно распахнув дверь в храм наук, ввели в его святая святых недостойную чернь...?»		Связь с доказательством: «Кто создан учить — не нуждается в учителях. Бекконы, Декарты и Ньютоны, эти наставники рода человеческого, сами не имели учителей...»
АНАЛИЗ «Если уж нужно позволить кому-нибудь заниматься изучением наук и искусств, то лишь тем, кто чувствует достаточно сил, чтобы не только идти по следам своих предшественников, но и опередить их. Пусть эти немногие воздвигают памятники во славу человеческого разума».		

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Пусть же цари не гнушаются приглашать в свои советы людей, наиболее способных быть их советниками, пусть ... первоклассные ученые найдут при дворах царей почетное убежище; пусть стяжают они там единственно достойную их награду, а именно: своим влиянием служить благу того народа, который они учили мудрости. Только тогда увидят, что могут сделать добродетель, наука и власть, одушевленные благородным соревнованием и дружно работающие на благо рода человеческого».

ПЛАГИАТ

311

ПЛАГИАТ — ЭТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧУЖИХ СЛОВ ИЛИ ИДЕЙ КАК СВОИХ СОБСТВЕННЫХ. НЕ ЗАНИМАЙТЕСЬ ПЛАГИАТОМ!

Сдать работу, написанную на самом деле вашим соседом по комнате, и заявить: «Это написал я»- явилось бы ярким примером плагиата, равно, как и покупка курсовой работы на «фабрике курсовых работ».

Самым легким наказанием за подобного рода плагиат могла бы быть оценка «ноль» за эту работу. Другим распространенным наказанием была бы неаттестация за курс или исключение из учебного заведения. Как вы видите, плагиат — это серьезный проступок в научном мире.

ПЛАГИАТ СЧИТАЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ПО НЕСКОЛЬКИМ ПРИЧИНАМ

Во-первых, это обман. Если вас попросили написать что-то в доказательство того, что вы поняли материал по предмету, то предложить чью-либо работу в качестве доказательства — это обман. Это то же самое, как если бы кто-то сдавал экзамен вместо вас.

Во-вторых, это обида, нанесенная вашим сокурсникам. Занятие плагиатом — это то же, что и списывание на экзамене, т. е. вы нечестно относитесь к тем, кто играет по правилам. Вы ищите нечестного преимущества перед ними, и вы неизбежно станете смотреть сверху вниз на тех, кто потратил свое время и силы на задание, на котором вы сжульничали.

В-третьих, когда вы используете слова и идеи других людей без их разрешения, это называется воровством. Было бы преступлением пробраться на завод и стащить продукцию, произведенную там за день. В научном мире слова, идеи, картины, сочинения, скульптуры, изобретения и другие работы — это как раз то, что мы производим. Неправильно воровать их и заявлять, что они ваши.

ПЛАГИАТ — ЭТО «БОЛЬШОЕ ДЕЛО» В НАУЧНОМ МИРЕ

Существует много форм плагиата, некоторые из них менее страшны, чем те примеры, с которых я начал. Однако вам нужно понимать и избегать всех форм плагиата. Представление чьих-либо слов или идей как своих собственных — в любой форме — является плагиатом. Некоторые формы плагиата вам могут показаться не совсем очевидными, поэтому я хочу вам их доступно объяснить в деталях. Я думаю, что плагиат часто

происходит непреднамеренно и по незнанию. Я хочу вам помочь избежать этого возможного позора.

Предположим, что вам надо написать рецензию на книгу Теодора М. Портера «Вера в числа: стремление к объективности в науке и общественной жизни». (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995). При подготовке к написанию своей работы вы увидели рецензию на книгу, написанную Лизой Р. Стаффен, опубликованную в «Современной социологии» (March, 1996, Vol. 25, No.,2, pp. 154-156).

Рецензия Стаффен начинается следующим образом: «Стало модным отвергать понятие абсолютной объективности на основании того, что объективность просто недостижима или, если и достижима, то нежелательна».

Вступительная часть у Стаффен хороша, активная проза. Предположим, вам это понравилось. Более того, вы представляете, что вашему преподавателю это очень понравится. Вы решаете начать свою работу так. (Я пометил настоящие слова Стаффен курсивом.)

ПЛАГИАТ: Я чувствую, что стало модным отвергать понятие абсолютной объективности на основании того, что объективность просто недостижима.

Вот это чистой воды плагиат, и поэтому недопустимо. Добавить «Я чувствую» в начале — конечно подход милого человека, но это ничего не меняет. Давайте скажем правду: вы, вероятно, не провели массу своего времени в мучительных раздумьях о «понятии абсолютной объективности», еще меньше беспокоясь о том, отвергнут ли эту идею другие или же примут ее с вдохновением.

ПЛАГИАТ: Я чувствую, что стало стильным отвергать идею абсолютной объективности на основании того, что объективность не может быть достигнута.

Даже редактирование отрывка, как я проделал это выше, будет равняться плагиату. Хотя вы изменили некоторые слова — «стильно» вместо «модно», «идея» вместо «понятия» и т. д. — выраженная идея, так же как и многие фразы, были взяты у кого-то другого, без упоминания этого факта.

Приписать «Я чувствую» не освобождает от ответственности. Предполагается, что все, что вы пишете в своей курсовой, является вашими собственными подлинными мыслями, за исключением тех случаев, когда вы указываете иначе. К тому же, это замечательно иметь свои мысли. Мы это действительно поощряем. Мы просто счастливы, когда ваше мнение и мысли основаны на доказательствах и на объяснениях, а не на слухах и домыслах. Вы не подумайте, что ваши профессора как-то по-особенному обрадуются бездумному копированию идей, которые они уже знают. (Я знаю, что иногда кажется именно так).

ПЛАГИАТ: Многие люди сегодня отвергают идею, что существует такой предмет, как абсолютная объективность, т. к. они не верят, что ее можно достичь.

Несмотря на то, что всего несколько слов из первоисточника осталось в вышеуказанном отрывке, выраженная идея была позаимствована у другого писателя и предложена как своя собственная. Даже если бы вы нашли способ выразить идею Стаффен, не используя ни одного слова из ее работы, это по-прежнему являлось бы плагиатом. Уж извините. Если вы собираетесь использовать чьи-то слова и/или идеи, вам нужно сообщать

об этом. Используйте чужие слова и идеи и отправляйтесь в тюрьму. Ну, на самом деле не так все плохо, но академики действительно не шутят по поводу списывания. Признаюсь, мне понравилось, когда студент сдал работу, которую написал его друг по тому же предмету, но раньше на один семестр. Он просто стер имя своего друга и поверх этого напечатал свое имя — вы даже могли бы прочитать настоящее имя с обратной стороны листа. Ему пришлось заново проходить этот предмет.

Если мы берем слова и идеи у других, мы признаем, что мы это сделали, и мы даем нашим читателям полную библиографическую справку, чтобы они смогли найти и прочитать оригинал.

Для вас полезно было бы просмотреть некоторые статьи в академических журналах. Стало бы понятно, что академики считают нормальным использовать слова и идеи других людей. Важно лишь правильно их использовать. Используйте их как ресурсы для построения вашего уникального вклада во все продолжающемся диалоге идей.

Вы могли бы захотеть создать скульптуру слона. Без проблем. Возьмите гранитную глыбу и отколите все, что не выглядит как слон. Но только не делайте вид, что вы создали гранит. (Но если вы на самом деле создали гранит, то примите мои извинения.)

Вот пример того, как вы можете правильно включить слова Стаффен в вашу курсовую работу с библиографическими данными в конце работы.

Правильное использование: Лиза Стаффен (1996:154) начинает свою рецензию на книгу Портера с предположения: «Стало модным отвергать понятие абсолютной объективности на основании того, что объективность просто недостижима или, если и достижима, то нежелательна».

Это дает читателю информацию; это должно сопровождаться правильной библиографической ссылкой в конце вашей работы.

Библиография: Лиза Р. Стаффен. Избранные эссе//Современная социология, март, 1996, том 25, номер 2, стр. 154–156.

Вот другие допустимые способы использования отрывка Стаффен. Каждый из них сопровождается библиографической ссылкой в конце работы.

Правильное использование: В своей рецензии на книгу Портера Лиза Стаффен (1996:154) говорит, что идея абсолютной объективности сейчас всецело отвергается как «просто недостижима [я] или, если и достижима [я], то [как] нежелательна [я]».

Правильное использование: Согласно Лизе Стаффен (1996:154), «стало модным полностью отвергать идею абсолютной объективности...»

Вкратце, это довольно-таки допустимо, и даже желательно, включать идеи других в свою курсовую работу. Это может быть признаком хороших знаний, так же как и заверением вашего преподавателя в том, что вы прочитали кое-что из дополнительной литературы к курсу. (Нам нравится думать, что вы кое-что из этого все-таки прочли.)

Однако очень важно, чтобы вы правильно уведомляли и ссылались на материал. Важно, чтобы ваши читатели знали, что именно вы позаимствовали и где искать первоисточники.

Кстати, если преподаватель попросит вас написать статью о плагиате, вы не копируйте то, что вы только что здесь прочитали, не сделав на это ссылку.

©. Автор. Последние изменения 26 октября 1998 года.

Перевод ПАХЧ -УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Babbie, Earl. "Plagarism." *Teaching Resources Depository*. Bakersfield, California: California State University, Social Sciences Research and Instructional Council, 1998. URL: <http://www.csubak.edu/ssric/Modules/Other/plagiarism.htm>.

БОЭЦИЙ. УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ (ОТРЫВКИ)

Боэций Аниций Манлий Северин (480-524) был римским ученым, христианским философом и государственным деятелем. Боэций хорошо знал греческий язык и его работы по музыке и арифметике поражают воображение. Обвинение в измене, выдвинутое против Боэция, усугубилось дальнейшими обвинениями в занятии магией или святотатстве, что обвиняемому было очень сложно опровергнуть. В тюрьме, в ожидании исполнения приговора, Боэций написал свой шедевр «Утешение философией», который содержит основное существующее доказательство его падения, но не дает ясного представления, в чем его действительно обвиняли. В этом знаменитом произведении Боэций описывает стремление к мудрости и любовь Бога как настоящий источник человеческого счастья.

СУДЬБА И ПРОВИДЕНИЕ

—Согласен, — сказал я. — Но поскольку открывать причины сущего и объяснять [устройство мира]— твоя обязанность, я, блуждая во тьме незнания, молю, чтобы ты решилась и растолковала мне то, что приводит мой разум в замешательство. — На это, слегка улыбаясь, она произнесла: «Предмет, о котором ты говоришь, отличается большой сложностью, и ему едва ли можно дать исчерпывающее объяснение. Такова уж его природа, что когда устраняется одна проблема, вырастает много других проблем, чтобы занять ее место, и не существует иного способа покончить с ними, как пресечь их живейшим огнем разума. Для этого следует рассказать о простоте провидения, о линии судьбы, о случайности, о божественном предзнании, предопределении, о свободе воли. Насколько это сложно, реши сам. Хотя мы и стеснены пределами времени, однако кое-что попытаемся предпринять».

И тогда она начала свою речь как бы с другого конца. «Происхождение всего сущего, развитие всех вещей, которые изменяются и движутся, имеют свои причины, порядок, формы от неизменного божественного разума. Заключение в сферу своей простоты, этот разум содержит образ многообразия сущего, подлежащего управлению. Этот образ, когда рассматривается в чистом виде в самом божественном разуме, называется провидением, если же он сопрягается с вещами, подвластными Богу, то, как еще ведется от древних, называется судьбой. Легко заметить, сколь эти два понятия различны, если только вникнуть в их смысл. Провидение есть божественный разум, стоящий во главе всех вещей и располагающий все вещи, судьба же есть связующее расположение изменяющихся вещей, посредством нее провидение упорядочивает их существование.

Провидение объемлет в равной степени все, как отдельное, так и бесконечное. Судьба же упорядочивает движением отдельное, распределяя и наделяя местом и формой. Таким образом, разветвление временного порядка, заключенное в самом божественном разуме, есть предзнающее провидение, и воплощение этого порядка непосредственно во времени зовется судьбой. Провидение и судьба, хотя и различаются, однако, взаимосвязаны между собой. Порядок судьбы вытекает из простоты провидения. Подобно тому, как мастер уже имеет в уме форму вещи, которую собирается сделать, как бы держа ее перед своим мысленным взором всю сразу, приступает к ее осуществлению во времени, так и Бог в своем провидении располагает единственным и непреложным образом того, что должно свершиться. Судьба же, предписываемая провидением, направляет относительно времени и места. И не важно, ткет ли она свою нить с помощью духов, близких к божественному провидению, или с помощью [мировой] души, или послушной ей природы посредством движения небесных светил, или силой ангелов, или хитростью различных демонов, с помощью чего-то одного из этого, или же посредством всего этого вместе взятого, очевидно, что провидение есть простой и неизменный образ всего того, что предопределено к воплощению, судьба же представляет собой беспрестанно меняющееся сплетение и временной порядок того, что Бог в своей простоте располагает к возникновению. Отсюда следует: все, подчиненное судьбе, подвластно и провидению, которому подчиняется и сама судьба, но некоторые вещи, подвластные провидению, находятся выше линии судьбы.

Действительно, есть такие субстанции, которые, пребывая в непосредственной близости от высшей божественности, избегают изменчивости порядка судьбы. Ведь из множества колес, вращающихся вокруг одной и той же оси, лежащее в непосредственной близости от нее становится, в свою очередь, как бы осью по отношению к колесам, вращающимся снаружи. Внешнее колесо, вращающееся по наибольшему кругу, охватывает тем большее пространство, чем далее оно удалено от центра. Если же какое-либо из колес соединится и сольется с осью, то оно обретет неделимость и перестанет внутри себя заключать множество мест и обширность пространства. Так и отстоящее дальше от своего начала — божественного разума — подвержено большим превратностям судьбы, ибо подвластность судьбе зависит от степени удаления от средоточия всего сущего. То, что больше всего приблизилось к неизменности высшего разума, избавившись от движения, избегает и необходимости, налагаемой судьбой. Так что изменчивая линия судьбы так относится к неизменной простоте провидения, как рассуждение относится к пониманию, как то, что рождается, к тому, что существует постоянно, как время к вечности, как движущийся круг к своему покоящемуся центру. Ходом судьбы движет небо и звезды, располагает в должном соответствии элементы и совершает цепь изменений. Оно возобновляет бытие всего сущего, даруя подобие через оплодотворение семени, чередуя рождение и смерть. Она связывает действия и ход жизни людей нерушимой цепью причин, берущих начало от неизменного провидения и также с необходимостью являющихся неизменными. Так наилучшим образом управляется мир — пребывающая в божественном разуме простота извлекает из себя неизменный порядок

причин, этот порядок удерживает изменчивый мир в своей неизменности и подчиняет себе все вещи, находящиеся в движении. Отсюда следует, что вам, не могущим понять этот порядок, все кажется беспорядочным и неустроенным, тем не менее, во всем сущем заключен порядок, направляющий его к благу. И нет ничего такого, что происходило бы по причине зла или потому, что оно задумано самими порочными, а они, как мы уже в полной мере доказали выше, отклоняются от желанного им блага из-за ошибки или заблуждения, тогда как порядок, который исходит от высшего блага в мировом центре, никого не может отклонить от его начинания.

Ты спрашиваешь, почему возникает такой беспорядок, при котором добрые бывают не только счастливы, но и несчастны, порочные же порой обретают не столько ненависть [окружающих], сколько богатство. Разве столь уж справедливы суждения людей, что кто-то, кого они считают добрыми или порочными, на самом деле таковы? Суждения людей сильно различаются, и тех, кого одни полагают достойными наград, другие считают заслуживающими наказания. Но предположим — кто-то может отличить добрых от порочных, а разве он способен понять внутреннее состояние душ так же, как и окинуть взором облик тела? ...Что же иное может быть здоровьем души, как не добродетель, и что болезнью её, если не порочность? И кто хранитель добрых и гонитель дурных, как не Бог, владыка и целитель души? Он взирает с высоты оком провидения и знает, что чему единственно соответствует, и в согласии с этим каждого наделяет. От Него берет начало замечательное чудо порядка судьбы, божественная мудрость понимает и делает то, что человек в своем незнании никогда не сможет охватить умом.

Примечания:

1. «Провидение» значит намного больше, чем «предвидение», оно также подразумевает подчиненность. Бог не только знает все, но и каким-то образом управляет всем посредством цепи причинной обусловленности.
2. Позднее Бозций определит Случай как объяснение, данное любому результату, который вытекает из последовательности, имеющей иные цели в мыслях. Например, кто-то, вспахивая поле, выкапывает сундук с сокровищами; с того момента, как обнаружение сундука с сокровищами не было в мыслях пахаря, когда он начал возделывать землю, он приписывает обнаружение сокровищ «Случаю». Существуют причины, которые находятся «над» причинами, о которых мы знаем или думаем, - будет аргументировать Бозций.

источник: Боэций. Утешение философией и другие трактаты. -М.: Наука, 1990. С. 264-269.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему, по мнению Боэция, божественная мудрость выше людского суждения и разума? Какова роль божественной силы в формировании Судьбы?
2. Как, по-вашему, человеческий прогресс сочетается с тем, что Бог решает порядок всех вещей? Происходит ли тогда прогресс в истории? Если история – понятие абсолютно метафизическое и Бог предопределяет человеческую судьбу, к чему же тогда остается стремиться людям?
3. Как Боэций объясняет человеческие стремления, несмотря на то, что Бог все уже заранее предопределил? Как соотносятся хорошее и плохое, и какое отношение может иметь к этому человеческий прогресс?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Для Руссо состояние морали определяется прогрессом искусства и науки. Как к этому относятся аргументы Боэция о божественном установлении правил, по которым живет общество?
2. Боэций также замечает, что порядок, установленный Богом, все направляет к лучшему. В чем расходятся мнения Боэция и Руссо в понимании человеческого прогресса? Чем для них определяется человеческий прогресс?
3. Руссо говорит: «Наша мораль испорчена прогрессом в искусстве и науках». В чем Боэций видит источник спасения человеческой морали и добродетели?
4. В «Рассуждении о науках и искусствах» Руссо ставит вопрос: «Но есть ли хоть один его [провидения] урок, которым мы сумели бы воспользоваться?» Дает ли Боэций на это ответ? Если да, то какой?

ОГЮСТ КОНТ. ОБЩИЙ ОБЗОР ПОЗИТИВИЗМА

Огюст Конт (1798-1857) родился в Монпелье (Франция). Он может считаться преемником французских энциклопедистов; относясь с огромным уважением к науке, он отвергал религию. Он известен как основатель позитивизма, философской системы мысли, утверждающей, что целью знания является описание испытанного явления, а не постановка вопроса о его существовании. Конт стремился применить методы наблюдения и эксперимента, что было началом их использования в науках, в области, которая нам сейчас известна как социология-наука о человеке. По мнению Конта, общество начинает движение с первоначальной теологической фазы, движется через метафизическую фазу и, наконец, приходит к позитивистской фазе. Он верил, что решение постоянных социальных проблем и прогресс человечества могут быть достигнуты посредством науки социологии.

Позитивизм состоит в основном из философии и образа правления. Они не могут быть отделены друг от друга; первая является основой, а второй — завершением одной сложной системы, в которой наши интеллектуальные способности и наши общественные симпатии тесно связаны друг с другом. Во-первых, наука об обществе, кроме того, что она является самой важной из наук, обеспечивает нас единственной логической и научной связью, которая может свести все наши различные наблюдения, явления в одно последовательное целое. Об этой науке, с большей уверенностью, чем о какой-либо другой науке ранее, можно утверждать, что ее настоящий характер нельзя понять без объяснения во всех общих чертах ее точного отношения к искусству, соответствующему ей. В этом мы найдем совпадение, которое без сомнения не случайно. Одновременно с возникновением теории об обществе открывается широкая сфера применения этой теории, а именно: направление социального возрождения Западной Европы. Ибо, если мы рассмотрим другую точку зрения и взглянем на великий кризис современной истории, в том виде, в каком его характеристики раскрываются в естественной последовательности событий, с каждым днем становится все яснее, насколько безнадежны усилия по возрождению политических институтов без предварительного изменения взглядов и жизни. Таким образом, формирование удовлетворительного синтеза всех человеческих понятий является самым срочным из всех наших социальных желаний. Оно необходимо в равной степени ради Порядка и ради Прогресса. Во время постепенного достижения этой великой философской работы по всему Западу спонтанно возникнет новая моральная сила, которая с увеличением своего влияния установит определенную основу для реорганизации общества. Она предложит общую систему образования для всех цивилизованных наций и, таким об-

разом, обеспечит все сферы общественной и частной жизни устойчивыми принципами суждения и поведения. Так, интеллектуальное движение и социальный кризис будут постоянно сводиться к близкой взаимосвязи друг с другом. Они оба объединятся, чтобы подготовить продвинутую часть человечества к признанию истинной духовной силы — силы более связанной, а также более прогрессивной, чем благородная, но поспешная попытка средневекового католицизма...

Доктрина возрождения не сможет выполнить своей работы без приверженцев; где мы можем надеяться их найти? С индивидуальными исключениями огромной ценности, мы не можем ожидать приверженности какого-либо из высших классов общества. Они все, в той или иной степени, находятся под влиянием безосновательных метафизических теорий, а также аристократических поисков себя. Они поглощены слепой политической агитацией и спорами о владении бесполезными останками старой теологической и военной системы. Их действие только пытается продлить революционное состояние до бесконечности и никогда не сможет достичь истинного социального обновления.

Говорим ли мы о его интеллектуальном характере или о его социальных целях, позитивизм явно должен искать поддержку где-то еще. Его примут только в тех классах, где разум не был испорчен нашей порочной системой образования и чьи щедрые симпатии разрешено свободно развивать. Поэтому именно среди женщин и представителей рабочего класса могут быть найдены самые сердечные сторонники новой доктрины. В действительности же она, в конечном итоге, для всех классов общества. Но она никогда не обретет настоящего влияния на высшие классы, пока их внимание к ней не будет насильно привлечено этими могущественными покровителями. Когда работа по духовной реорганизации завершена, поддержание ее будет зависеть именно от них. И поэтому их совместные усилия необходимы для ее начала. Обладая только незначительным влиянием на политическое правление, они, более чем кто-либо другой, оценят необходимость морального правления, особенной целью которого станет их защита от гнетущей деятельности временной власти.

Лишь с женской стороны можно в действительности понять человеческую жизнь в целом, рассмотренную индивидуально или коллективно. Так как единственной основой, на которой можно построить систему, действительно соответствующую всем требованиям жизни, является субординация интеллекта относительно социальных чувств: та субординация, которая явно представлена в женском характере, рассмотренном с точки зрения личных или социальных отношений...

Великая цель, которую индивидуально и социально ставит перед нами позитивизм, заключается в попытке усовершенствования. Поэтому самым важным здесь становится способность воображения, так как в каждой сфере жизни, где бы оно ни использовалось, оно стимулирует чувство совершенства. Несмотря на всю ограниченность моих объяснений в этой работе, я смогу показать вам, что позитивизм открывает новые и обширные сферы для обеспечения, и таким же спонтанным методом, — новых средств выражения.

Таким образом, я обрисую в нескольких деталях истинный характер доктрины возрождения. Все основные аспекты будут приняты во внима-

ние. Начав с ее философического основания, я естественным образом перейду к ее политической цели, от нее — к ее влиянию на людей, ее влиянию на женщин и, в конце концов, к ее эстетической силе. Завершая эту работу, которая является всего лишь вступлением к крупному трактату, я должен сказать о концепции, которая объединяет все эти различные аспекты. Как подытожено в позитивистском девизе “Любовь, Порядок, Прогресс”, — они ведут нас к концепции Гуманности, которая незаметно вовлекает и придает новые силы каждому из них. Правильно истолковывая эту концепцию, мы рассматриваем позитивизм, наконец, как полное и последовательное целое. Эта тема, естественно, приведет нас к обсуждению в общих чертах будущего прогресса социального возрождения, насколько история прошлого позволит нам сделать хоть какие-то предсказания. Это движение берет начало во Франции, и оно вначале ограничивается великой семьей западных наций. Я покажу, что в соответствии с определенными законами оно впоследствии распространяет влияние на всю белую расу и, наконец, две другие великие человеческие расы.

Перевод ПАХЧ- УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Comte, Auguste. *A General View of Positivism*. London: Routledge and Sons, 1907, pp. 1-7. Online version. Internet History Sourcebooks: 1998.

URL: <http://www.fordham.edu/halsall/mod/comte-positivism.html>

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. С точки зрения Конта, какова та единственная наука, которая в состоянии объяснить социальный феномен, почему?
2. Что является основой позитивизма, поборником которого является Конт? К чему ведет нас позитивизм?
3. Кто потенциальные носители прогресса и преобразований? Как должен развиваться позитивизм?
4. В соответствие с позицией Конта, понимаем ли мы позитивизм, или позитивную ступень в развитии как чисто научную? Только ли прогресс в науках ведет к человеческому прогрессу? Почему вы так считаете?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как прогресс в искусствах и науках повлиял на нашу мораль, с точки зрения Руссо и Конта?
2. В «Рассуждении...» Руссо говорит, что «судьба нравов и добропорядочности [подчинены] успехам наук и искусства»? Согласился бы с этим Конт? Почему да или почему нет?

322

СИЛА И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ.

Мусульмане, убегающие от прогресса и грамотности. В Бухаре. («Мулла Насреддин», №15, 1907)

ЧОЛПАН. ДОКТОР МУХАММАД-ЯР

Абдулхамид Сулейман (1893-1938), писавший под псевдонимом Чолпан, был одним из основателей современной узбекской литературы. Поэт, драматург, писатель и переводчик, Чолпан внес важный вклад в движение джадидизма – учение о реформе образования в Центральной Азии. Сын богатого торговца из Андижана в Ферганской долине, Чолпан ходил в русскую школу. После Социалистической революции 1917 года Чолпан напечатал свое величайшее произведение, продемонстрировав свою приверженность к национализму. Он был арестован Советами и казнен в 1938 году, став одной из бесчисленных жертв сталинского террора. В некоторых из его стихотворений наблюдается примечательный параллелизм с Руссо. В «XX Асыр» («Двадцатый век») он рассматривает век как время прогресса и наук, а также тревог и порочности. Приведенный рассказ был опубликован в шести выпусках газеты «Сада-уй Туркестан» («Голос Туркестана») в 1914 году, что сыграло важную роль в центральноазиатском модернизме. Этот рассказ юношеская работа, так как Чолпан его написал, когда был еще подростком. И все же рассказ освещает много основных тем современной центральноазиатской риторики: сила знания, ценность коллективных усилий, патриотизм, очарование космополитской современности и сильнейшая склонность к поучению. Во время чтения помните о приверженности Чолпана к реформе образования и его отношении к прогрессу.

В темном уголке Туркестана, в городке, жил бедный шестидесятилетний парикмахер по имени Хаджи Ахмад. Его жена умерла от чахотки после девяти месяцев мужественной борьбы с болезнью. После нее остался сын Мухаммад-Яр. Хаджи Ахмад был известен в городе как Хаджи-парикмахер, так как в пятнадцать лет он совершил **хадж** со своим отцом. Его отец умер во время хаджа, и Хаджи Ахмад в течение десяти лет до своего возвращения домой один путешествовал по Египту, Стамбулу, Фарсу, Марокко, Белуджистану, Багдаду, Ирану и Афганистану, а также по России. В результате, в конце своих путешествий он мог говорить на персидском, арабском, русском и английском языках. Но так как во время путешествия он многое претерпел из-за своей необразованности, то, как только его сын Мухаммад-Яр достиг нужного возраста, он энергично принялся за его образование.

Когда Мухаммад-Яру было десять, в город приехал учитель из России, выпускник Великой семинарии в Уфе. Он пробыл в городе всего неделю или две, когда услышал про парикмахера, «который читает газеты и знает семьдесят два языка», и отправился в его парикмахерскую для встречи с ним. Мухаммад-Яр тоже был там. По жесту отца он встал и с величайшим уважением поприветствовал учителя. Хаджи Ахмад и учитель сидели и долго разговаривали. Во время разговора Хаджи Ахмад сказал: «У меня только один сын. Я хочу дать ему образование, отвечающее требованиям нашего времени. Если вы готовы, дайте ему хорошее национальное образование, чтобы потом я смог его отдать в государственную школу». После

Хадж-
паломничество мусульман
в Мекку

некоторого раздумья учитель согласился. Хаджи Ахмад закрыл свой магазин и повел учителя к себе домой. Молодой Мухаммад-Яр с энтузиазмом брал у учителя уроки. А свое свободное время он проводил не в чайханах, не на званых вечерах и не в борделях, как делали необразованные молодые люди, а занимаясь физическими упражнениями под руководством русского офицера и читая полезные книги. В это время он усиленно изучал ислам, историю и географию. Через год Хаджи Ахмад захотел отослать своего возлюбленного сына в государственную школу. Но увы! У него не было денег. Эта бедность была очень угнетающей и грозила оставить бедного ребенка без специальности и образования.

Не имея другого выбора, Хаджи Ахмад и учитель пошли по домам всех знатных людей этого города просить помощи. Некоторые из купцов не пускали их в дом, как только замечали [современное] платье учителя, в то время как другие принимали их; некоторые, завидев красоту Мухаммад-Яра, предлагали ему место секретаря и личного помощника. Однако наш Хаджи Ахмад знал, чего на самом деле хотят эти люди, и поэтому отказывался отдать им своего возлюбленного сына. Бедный Хаджи Ахмад потерял надежду найти помощь у богатых торговцев и начал искать другие пути. В это время в городе проводилось много свадеб; пока игроки и пьяницы резали друг друга ножами, текла человеческая кровь, крича: «Невежество! Невежество!» Одно за другим закрылись студенческие общества помощи.

Тем временем учитель собрался покинуть город. В девять часов Хаджи Ахмад пришел на вокзал вместе с сыном, чтобы проводить учителя; на обратном пути они проходили мимо игроков, дравшихся из-за денег. Хаджи Ахмад пошел их разнять и дать им совет. Один из них подошел и задушил Хаджи Ахмада и ранил Мухаммад-Яра. Умирая, Хаджи Ахмад посмотрел на своего сына и сказал: «Сын мой! Вместо наследства... я... оставляю... тебе... как завещание... учись... учись... учись...»

Мухаммад-Яр решил найти убийц своего отца и отомстить им. Но настоящим убийцей его отца были не эти люди, а невежество; поэтому он мирно похоронил своего отца, и был полон решимости бороться с невежеством. Оружием в борьбе с невежеством, как говорил ему отец, служили не пушки, не ружья, не пистолеты, не кинжалы, не луки и не стрелы, а только «учеба! учеба! учеба!»

Варварское убийство его отца и тоска от осознания того, что его родина Туркестан, создавший себе когда-то имя на знании и образовании, плывет по реке невежества, свалили Мухаммад-Яра с ног туберкулезом. Болезнь начала проявляться на его лице, но она не поразила его полностью. В это время в городе вспыхнул сильный пожар и разрушил шесть или семь районов, оставив мусульман голодными на улицах. Здесь был и армянский магазин, но его убытки были меньше, так как магазин был застрахован. А что же мусульмане? Мусульмане даже не знали, что такое страховка. Те же, кто знали, думали, что она была запрещена, и поэтому ее не имели. При таком состоянии дел как можно было остаться равнодушным? Когда он увидел такое положение вещей, здоровье бедного Мухаммад-Яра стало ухудшаться.

В новом городе в **агиттеатре** показывали предостерегающий фильм «Пьянство и его ужасные последствия». Как бы плохо он себя ни чувствовал, он не мог этого пропустить. Он с нетерпением ждал вечера, чтобы узнать о последствиях этого отвратительного пьянства.

Наконец после вечерней молитвы он пешком направился в агиттеатр, где [во время показа] со двора театра раздался выстрел. Фильм остановили, и все высыпали во двор. Бедный слабый Мухаммад-Яр тоже был среди них. Что за картина! Во дворе городского театра пьяные картежники поспорили о небольшой сумме денег; один из них схватил ружье и застрелил другого. Виновный был схвачен, а раненого повезли в больницу, но он умер по дороге. Преступник, совершенно пристыженный, застрелился во дворе театра.

Два молодых мусульманина попрощались с этим миром из-за своего невежества. Ужасные последствия пьянства были налицо.

Видя такое, Мухаммад-Яр лишился сознания. Милиция увезла его в городскую больницу. У Мухаммад-Яра не было ни отца, ни матери, ни родственников... Никто о нем не справлялся. О, одиночество! О, сиротская доля! О, причина всего этого: Невежество! Уйди! Исчезни! Умри!!!

Мухаммад-Яр почувствовал себя лучше через месяц пребывания в больнице. Когда он покидал больницу, врачи посоветовали ему поехать на Кавказ поправить здоровье, а заодно и поучиться там.

Мухаммад-Яр рассказал врачам о своем безденежье. Доктора посоветовались и выписали ему бумагу, по которой ему разрешалось бесплатно проходить лечение в любой больнице Кавказа. Мухаммад-Яр вышел из больницы и пошел домой. Там никого не было: ни отца, ни матери... Какая грустная картина! Он сдал на шесть месяцев русскому дому в аренду за 225 рублей и отправился в семь часов вечера на вокзал проверить, есть ли поезда. Но ближайший поезд шел только на следующий день в девять часов утра. Грустно, но ему пришлось вернуться домой и на одну ночь стать гостем в своем собственном доме.

На следующее утро он уже был на вокзале в ожидании поезда. Наконец, фыркая, как дракон, и извергая во все стороны пар, появился конь цивилизации двадцатого века... Мухаммад-Яр собирался покинуть свою страну. На вокзале возникла странная сцена, и сердце Мухаммад-Яра бешено забилося.

Один мусульманин потерял свои сумки! Другой не знал названия станции, куда он собирался ехать, и поэтому купил билеты до другой станции. Видя это, Мухаммад-Яр остолбенел. В конце концов после второго свистка он поднялся и пошел искать себе место в третьем классе. Здесь можно было увидеть еще более грустные сцены, чем упомянутые выше. У одного мусульманина был разбит в драке нос, другого мусульманина

агиттеатр -

небольшой коллектив, в репертуаре которого драматические, музыкальные и хореографические миниатюры, основанные на злободневном материале

увели служащие поезда и избили. Мухаммад-Яр поразился. Он вышел из вагона и, встав в сторонке, стал осматриваться. Армянин из провинциального уголка Кавказа открыл на вокзале магазин и разбогател. Двое его сыновей учились в правительственной школе. Местные мусульмане, с другой стороны, тратили весь свой доход на обрезание и похороны, и все находились в состоянии бедности и унижения. Его сердце снова тонуло; снова нервозность... Он был погружен в мысли. Раздался третий свисток. Безлошадная повозка двадцатого века объявила о своем отправлении и шумно двинулась вперед. Вот так Мухаммад-Яр покинул свою священную родину и направлялся к другим землям, чтобы узнать другие общества. Он вошел в третий вагон и бесцельно по нему прогуливался. Его голова была полна забот о Туркестане. Вдруг кто-то его окликнул: «Мухаммад-Яр!»

Мухаммад-Яр поднял голову. Это был Петр, русский офицер, который руководил его физической подготовкой.

—Куда вы едете?- спросил офицера Мухаммад-Яр.

—Меня перевели на другую военную базу. А куда едешь ты? - спросил он.

Мухаммад-Яр немного подумал и ответил:

—В ссылку.

—Куда?

—Учиться — Учиться — Учиться.

—У твоего отца все в порядке?

При этом вопросе глаза Мухаммад-Яра заволокли слезы.

—Он умер, - ответил он.

Когда офицер услышал такое, его глаза наполнились слезами сочувствия. Мухаммад-Яр взял на время у офицера бинокль и вышел в коридор. Поезд продолжал нестись, привлекая внимание мусульман окрестностей. Мухаммад-Яр стоял и смотрел в бинокль на далекие горы. Его глаза наполнились слезами, и он обратился к отечеству, которое оставлял позади себя: «О, черные горы, что видели отряды **Чингисхана** и **Амира Тимура**. О, старые горы, что видели древние эпохи моей земли, Туркестана! Сейчас вы видите цивилизацию двадцатого века! Видя, что этот «конь цивилизации» двадцатого века может за десять часов покрыть трехдневный путь, почему мои соотечественники стоят вокруг, разинув рты? Почему они ничего не делают, чтобы войти в цивилизацию? Сколько они еще будут хранить эти двухколесные тележки, которые не подходят улицам?

О соотечественники! Сколько еще этого невежества? К чему эта невнимательность? В конце концов, вы же тоже люди! Почему вы не воспользуетесь плодами знаний и образования, которые перед вами? Почему бы вам в этом не поучаствовать? Пробудитесь от своего сна! Боритесь! Ищите знания, образование, навыки! На самом деле пришло время!»

В семь вечера офицер и Мухаммад-Яр расстались, и Мухаммад-Яр отправился к себе и лег спать.

Через несколько дней Мухаммад-Яр оказался на большом вокзале в **Баку**. Со своим узелком и другими пожитками в руках, он быстро сошел с поезда и взял экипаж до центра города. Город Баку, известный своими мусульманскими миллионерами, состоятельными торговцами, многочисленными тюркскими сообществами и благотворительными фондами, владеющими миллионами, показался Мухаммад-Яру прекрасным. Он

Чингисхан

(умер в 1227) -
полководец, правитель в
Центральной Азии

Амир Тимур

(1336-1405) -
тюрко-монгольский
военачальник и
завоеватель

Баку -

столица Азербайджана

зашел в офис главной городской десятистраничной ежедневной газеты «Кавказ», распространяющейся в каждом мусульманском городе. Он подробно объяснил редактору свои обстоятельства, на что тот ответил: «Я найду выход».

Мухаммад-Яр покинул офис, чтобы осмотреть город. Ту ночь он провел в гостинице «Каспийское море», которая была построена в восточном архитектурном стиле одним из городских [мусульманских] миллионеров. Утром он купил газету «Кавказ» в одном известном книжном магазине. Вверху он увидел следующее объявление:

*Объявление от Мусульманского благотворительного общества:
Мы желаем послать в государственную школу за наш счет
четырнадцатилетнего Мухаммад-Яра, нашего единове́рца,
который приехал из соседнего Туркестана в поисках знаний.
По этому поводу в благотворительном обществе сегодня в 7:30
вечера состоится заседание. Все уважаемые члены общества
должны собраться ровно в это время. Господин Мухаммад-Яр
тоже должен присутствовать. С уважением, директор.*

В половине восьмого в тот вечер, после непродолжительной дискуссии между членами, Общество постановило, что Мухаммад-Яру дадут стипендию при условии, что после окончания учебы Мухаммад-Яр проработает два года в Баку и его окрестностях. Мухаммад-Яру действительно повезло. С этих пор он сможет пожинать плоды всех пройденных им мучений. Он был готов душой и телом служить своему отечеству и своему народу.

Мухаммад-Яр, который на своей родной земле не получил помощи от своих соотечественников, осуществил свои надежды благодаря помощи бакинской молодежи. А именно: он поступил в городскую школу, что было его самой заветной целью. Теперь он послужит своей родине и соотечественникам, которые унижали его. Мухаммад-Яр вспомнил свою землю, свой дом и заплакал.

Однажды вечером он, читая газету на лавочке городского парка, увидел заголовок: «Первое театральное представление в Туркестане». Когда он закончил читать статью, то с трудом мог усидеть на месте и начал прыгать от радости. В это время подошел один из его друзей из молодых бакинских журналистов и с удивлением наблюдал, как он прыгает. Он схватил его за рубашку, усадил на лавочку и спросил: «Мухаммад-Яр! Почему ты такой счастливый?»

Мухаммад-Яр мог только сказать: «Первое театральное п..п..представление в Т..Тур..кес..тане». Бакинский журналист посидел немного, затем поднялся и ушел. Когда Мухаммад-Яр посмотрел на часы, была

уже полночь. Никого не осталось в парке, поэтому Мухаммад-Яр тоже встал и ушел.

С приближением экзаменационной поры Мухаммад-Яр работал днем и ночью. И вот, когда начались экзамены, Мухаммад-Яр стал первым среди своих одноклассников. Из-за большой нагрузки у Мухаммад-Яра вновь начала проявляться болезнь. По рекомендации своего доктора, он на месяц отправился на лечение на воды в Боржоми. Затем, при помощи того же благотворительного общества, он поступил в Бакинскую **гимназию**. Ему так нравилась учеба, что он даже на каникулы не уезжал из школы. Проходили часы, за ними дни и годы. Наконец пришло время Мухаммад-Яру закончить гимназию. Начались его выпускные экзамены. Мухаммад-Яр снова оказался первым и получил золотую медаль за свои достижения. Мухаммад-Яр поступил на медицинский факультет Петроградского университета — и снова с помощью благотворительного общества и стараний бакинских торговцев. На втором курсе он написал «Студенты за жизнь», роман, основанный на жизни студентов **медресе** в его родном Туркестане. Он состоял из двенадцати глав — до этого не было еще ни одного романа такого объема, который бы описывал жизнь народа в Туркестане. Роман был даже переведен на русский язык и опубликован в русском журнале в Петрограде. Этот роман был настолько хорошо написан, что никто, даже проведя сорок или пятьдесят лет в медресе, не смог бы лучше описать жизнь студентов медресе, как они проводят все свое время, вертясь у самовара, вместо учебы. За год до того, как он закончил свою учебу в университете, он написал «Гости столицы», пьесу о туркестанских торговцах в Москве и Петрограде. Эта пьеса с виртуозным мастерством показывала, сколько обид терпят необразованные торговцы в отелях столиц только из-за незнания языка и наук. Эту книгу Мухаммад-Яр сам перевел на русский язык и опубликовал. Вместе с несколькими друзьями Мухаммад-Яр поставил эту пьесу в Петрограде с целью заработать денег. Мухаммад-Яр сам играл главную роль и снискал массу похвал. После всех расходов, исполнителям досталось еще 3000 рублей.

В конце концов, настала пора экзаменов. Мухаммад-Яр снова был первым и получил диплом доктора. Но и тогда он не поехал домой. С помощью филантропов-торговцев из Баку и на свои деньги, заработанные в театре, этот туркестанский студент поехал в Швейцарию для приобретения практического опыта в швейцарских университетах.

Все его школьные друзья собрались на вокзале, чтобы посадить его на вечерний поезд. Бедный туркестанский мальчик, окончив русскую школу благодаря своему усердию и энергии, был готов отправиться в одну из самых продвинутых стран Европы.

Вот плоды его трудов, плоды его напряженной работы, урожай, пожатый его усилиями. Пусть это будет примером... примером... примером... Вот достоинства благотворительных обществ, продукт солидарности, плоды сплоченности...

Наш сын Туркестана приехал в столицу Швейцарии на «коне цивилизации» и записался аудитором на медицинский факультет университета. Бедный студент провел семь лет в Швейцарии, с терпением и упорством перенося все превратности судьбы. Наконец он покинул Швейцарию. Путешествуя по Италии, Турции, Румынии и Болгарии, он доехал до Одессы,

гимназия -

школа с углубленным изучением предметов гуманитарного направления

медресе -

мусульманская высшая духовная школа

а затем до Баку.

Все молодые интеллектуалы собрались на вокзале встречать Мухаммад-Яра, их «духовного отца», и устроили для него банкет на пятьдесят-шестьдесят человек. Он преподавал на мусульманских медицинских курсах, которые открылись в Баку тремя годами ранее, и после этого был готов ехать к себе на родину в Туркестан. При расставании со своим учителем в Баку он спросил у него разрешения уехать, чтобы помочь своей родине, которая, казалось, плывет в море невежества. Когда его учитель дал ему разрешение, все молодые интеллектуалы Баку собрались вечером на причале, чтобы проводить его. Его учитель подарил ему золотые наручные часы с гравировкой «Сувенир из Баку». Все присутствующие попросили его произнести речь. Мухаммад-Яр выступил на палубе с небольшой речью. Публика громко ему аплодировала и бросала ему цветы. Наконец прозвучал гудок, и пароход, бороздя морские просторы, направился в Туркестан.

Вот что сказал Мухаммад-Яр на палубе парохода:

«О духовные братья! О духовные отцы! Бедным студентом приехал я в ваш город из провинциального уголка Туркестана в поисках знаний и образования. Всеобщими усилиями ваших усердных жителей я прошел в своем образовании от русских университетов и вплоть до университетов Европы. В действительности все это результат работы благотворительных обществ и издательских домов. Я тоже, засучив рукава, буду помогать моей земле, буду стараться пробудить моих братьев, кто остался позади в неведении. Я искренне благодарю мой духовный дом, Баку, и вас, мои духовные родители, я весьма признателен вам за вашу помощь в пробуждении нас, туркестанцев, напоминающих дракон-рыбу в реке невежества, вы помогли нам в поиске нужной дороги». В это время пароход начал медленно отчаливать. «Всего хорошего, отцы и братья мои!»- закончил он.

Механическая рыба, брызгая водой, несла слугу народа на свою родину. В конце концов, он высадился в глухом месте и пересел на «коня цивилизации». Где были моря и воды с их нежным ветерком? Где была красота Альп, которую он видел в Швейцарии, Франции и Италии? Где были швейцарские деревеньки, построенные на вершинах Альп, где люди тратили свои деньги на образование своих возлюбленных детей, а не на празднества, **улок**, танцующих мальчиков или дорогие расшитые одежды для знати, мулл и других толстопузых типов? Сейчас они остались позади! Вместо них были невысокие домики из соломы и глины и мусульмане, живущие в них в состоянии сиротства. Узбеки, казахи, туркмены и другие мусульмане, истратив свои заработанные деньги на танцующих мальчиков, улок, выпивку или на дорогие одежды и парчу для учителей, знати и богачей, стали рабами своих землевладельцев.

улок -

традиционная игра, где наездники борются за обладание мертвым козлом; козлодрание

Ах! Ах! Ах! Мухаммад-Яр, который видел прогресс и цивилизацию и который все узнал, был глубоко поражен при виде низости в своей родной стране, среди своего родного народа. Иногда из его глаз катились слезы. Кроме всего этого, в поезде буйные мусульмане спали шумно и были побиты кондуктором за то, что они потеряли свои билеты. Мухаммад-Яр больше не мог этого вынести. Он вышел в коридор и со слезами на глазах смотрел на далекие величественные горы — исторические горы, на которых во времена его предков стояли огромные крепости, — на горные вершины, реки, леса, пески. Прекрасные пейзажи; далекие высокие, зеленые горы были не меньше, чем в Швейцарии. Воды рек и плодородная земля, которая одаривала любого, кто бы ее ни возделывал, были не хуже, чем в Америке. Из-за необразованных торговцев, невежественных «ученых», ложной знати и расточительства, это было ни на что не похоже. Даже китайцы не были настолько ленивыми!

Как было бы прекрасно, если бы люди понимали, что для них благо — если бы открыли национальные школы и колледжи, посылали своих детей в европейские университеты и получали докторов, юристов, журналистов, образованных торговцев и инженеров, и если бы каждый из них выполнял свои обязанности и стремился найти для наших людей только хорошее. Таковы были его мысли. Но он не мог поверить, что это может произойти. Кажется, что чем дальше мы идем, тем ниже мы падаем. Нет, нет! Если один-два интеллектуала, таких как Мухаммад-Яр, начали бы появляться в каждом городе, этого бы было почти достаточно. Мухаммад-Яр был полон мыслей всю дорогу до своего города.

Приближался его город. Со времени отъезда Мухаммад-Яра в его городе тоже появилось пять-десять интеллектуалов. Они приветствовали его. Они сели в экипаж и поехали в Старый город. В Российской стороне города произошли разного рода изменения: новые гостиницы, дома, парки, магазины, театры, школы; улицы были вымощены, аллеи были широкими, электрические лампы напоминали Швейцарию! Однако часть города, где жили мусульмане, осталась без изменения. Еще печальнее... Мухаммад-Яр вышел рядом с домом своего отца. Он был перестроен на европейский манер тем русским, которому он когда-то сдал этот дом в аренду на шесть месяцев за 225 рублей. Мухаммад-Яр увидел его и представился на русском языке.

Русский сказал:

—Я взял его у вас в аренду на шесть месяцев. Никто не приехал ни через шесть месяцев, ни через год. На третий год я построил вот это. Это мне обошлось в пять или десять тысяч рублей. Но три года назад дом уже полностью окупился. За последние три года я из трех тысяч заработал девять тысяч рублей. Очень скоро я освобожу это помещение и верну вам пять тысяч рублей. Пожалуйста, простите остальное.

Мухаммад-Яр сказал:

—Если у вас нет другого места, оставайтесь здесь. Мне двух комнат будет достаточно.

—У меня есть еще один симпатичный домик. Я перееду туда. Я бы дал вам девять тысяч рублей, но четыре тысячи ушли на ремонт.

Мухаммад-Яр с радостью согласился. На следующее утро русский освободил дом и отдал Мухаммад-Яру пять тысяч рублей. Мухаммад-Яр

счастливо зажил в этом просторном доме. Он сдал первый этаж в аренду под магазины и, с разрешения правительства, открыл наверху частную клинику, где начал лечить пациентов: богатых – за деньги, бедных – бесплатно. Только на своей врачебной практике он зарабатывал пятьдесят – шестьдесят рублей в день.

Он купил небольшой участок земли в деревне. Благодаря своим стараниям и удаче, данной Богом, Мухаммад-Яр нашел нефть. И тогда миллионеры пришли к Мухаммад-Яру, чтобы работать с ним. С одной стороны, он начал свое собственное дело, а с другой – собрал в городе несколько интеллектуалов и открыл благотворительное общество, которому делал щедрые пожертвования. В городе открылся читальный зал. В тот год Мухаммад-Яр начал печатать иллюстрированный журнал под названием «Родина» и ежедневную газету под названием «Новости». Когда он поднял вопрос о профессионально-техническом училище, нашлось много оппонентов, поэтому вместо него Мухаммад-Яр открыл летние курсы для учителей, где им читали лекции о принципах обучения. Таким образом, росло число учебных домов в маленьком городке, который стал моделью для других городов. Тюркско-татарская пресса стала называть Мухаммад-Яра «Доктор Мухаммад-Яр – Слуга Народа».

Перевод ПАХЧ -УЦА, Душанбе, 2004.

источник: Cholpan, Abdulhamid Sulayman. "Doctor Muhammad-Yar." In *Modernist Islam 1840-1940: A Sourcebook*, edited by Charles Kurzman. Oxford. Oxford University Press, 2002, pp. 264-269.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как Чолпан понимает невежество? Почему это слово так часто встречается в тексте?
2. Что означает цивилизация для вымышленного персонажа Чолпана, Мухаммад-Яра? Почему Мухаммад-Яр думает, что что граждане Туркестана – невежественны? Какому примеру они должны следовать, чтобы выбраться из «моря невежества»?
3. Каким образом Мухаммад-Яр впитывает в себя цивилизацию и прогресс? Как образование может помочь соотечественникам Мухаммад-Яра достичь прогресса европейской и мировой цивилизации?
4. Какого автора, которого вы прочли в первой главе, вам больше всего напоминает Чолпан? Почему?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. И Чолпан и Руссо осуждают невежество. Что, по их мнению, приводит людей к невежеству и что может помочь освободиться от него? В «Рассуждении...» Руссо говорит, что «воспитание... украшая наш ум, извращает суждение». Согласен ли Чолпан с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.

332

УИЛЬЯМ БЛЕЙК. ПЕРВАЯ КНИГА УРИЗЕНА. ЛОС В УЖАСЕ. ГРАВЮРА, 1794.

Олицетворение разума. «Уризен» в интерпретации автора — олицетворение разума, поработившего человечество

ТОМАС ЭЛИОТ. ПОЛЫЕ ЛЮДИ

Томас Стернз Элиот (1888-1965), американско-британский поэт и критик, родился в Сэйнт-Льюисе (штат Миссури, США) — одна из наиболее выдающихся литературных фигур XX века. В 1948 году Элиот получил Нобелевскую премию по литературе. Он учился в Гарварде, Сорбонне и Оксфорде. В 1914 году обосновался в Лондоне и в 1927 году стал британским подданным. После работы учителем и банковским клерком он начал издательскую карьеру. Он был помощником редактора «Эгоиста» (1917-1919) и редактором собственного ежеквартального журнала «Критерион» (1922-1939). В 1925 году его взял на работу издательский дом Фабер, в котором он со временем стал одним из директоров. «Полые люди» — это поэма, описывающая его видение будущего.

I

Мы полые люди,
Мы чучела, а не люди.
Склоняемся вместе —
Труха в голове,
Бормочем вместе
Тихо и сухо,
Без чувства и сути,
Как ветер в сухой траве
Или крысы в груди
Стекла и жести.

Нечто без формы, тени без цвета,
Мышцы без силы, жест без движенья;

Прямо смотрящие души
За краем другого царства смерти
Видят, что мы не заблудшие
Бурные души — но только
Полые люди,
Чучела, а не люди.

II

Я глаз во сне опасуюсь,
Но в призрачном царстве смерти
Их нет никогда:
Эти глаза —
Солнечный свет на разбитой колонне,
Дрожащие ветви;
А голоса

В поющем ветре
Торжественней и отдаленней,
Чем гаснущая звезда.

Да не приближусь
В призрачном царстве смерти,
Да унижусь,
Представ нарочитой личиной,
В крысиной одежке, в шкуре вороньей
В поле на двух шестах
На ветру —
Воробьям на страх,
Только не ближе —
Только не эта последняя встреча
В сумрачном царстве.

III

Мертвая это страна,
Кактусовая страна,
Гаснущая звезда
Видит как воздевают руки
К каменным изваяньям
Мертвые племена.

Так ли утром, когда
Мы замираем, взыскав
Нежности —
В этом другом Царстве смерти

ЭДВАРД МУНК. КРИК.

В своей знаменитой картине Мунк выразил ужас и боль, которые испытывали художники и интеллектуалы на рубеже XIX века

Губы, данные нам
Для поцелуя,
Шепчут молитвы битым камням.

IV

Здесь нет глаз —
Глаз нет здесь.
В долине меркнущих звезд
В полой долине
В черепае наших утраченных царств
К месту последней встречи
Влачимся вместе,
Страшимся речи
На берегу полноводной реки.

Незрячи, пока
Не вспыхнут глаза,
Как немеркнущая звезда,
Как тысячелепестковая,
Роза сумрака царства смерти,
Надежда лишь
Для пустых людей.

V

_Мы пляшем перед
кактусом, Кактусом,
кактусом.
Мы пляшем перед кактусом
В пять часов утра_

Между идеей
И повседневностью.

Между помыслом
И поступком —
Падает Тень
Ибо твое есть Царство

Между зачатием
И рождением
Между движением
И ответом
Падает Тень
_Жизнь очень длинна
Между влечением
И содроганием
Между возможностью
И реальностью
Между сущностью
И проявлением
Падает Тень
_Ибо Твое есть
Царство_

Ибо Твое,
Жизнь очень
Ибо Твое есть
_Вот как кончится мир
Вот как кончится мир,
Вот как кончится мир,
Не взрыв, но всхлип_

источник: Элиот Т.С. Полые люди // Бесплодная земля. Избранные стихотворения и поэмы. / Пер. с англ. Андрея Сергеева. - М.: Прогресс, 1971. С. 67-70.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Кто такой полый человек? Что означает «последняя встреча в сумрачном царстве»?
2. Как кончается мир в понимании Элиота?
3. Элиот показывает другой мир или наш мир так, как он его видит?
4. Что означает царство смерти? Это ад? Что такое «Нечто без формы, тени без цвета...»?
5. Видите ли вы человеческий прогресс в стихотворении Элиота «Полые люди»?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

335

1. «Вот как кончится мир / Не взрыв, но всхлип». Как всхлип Элиота связан с развращением современного мира, описанным Руссо? Сравните стихотворение Элиота и его слова с аргументом Руссо о том, что «прогресс... искусств, ничего не прибавил к вашему истинному благополучию».
2. В «Утешении философией» рассказчица спрашивает Бозэция «Разве столь уж справедливы суждения людей, что кто-то, кого они считают добрыми или порочными, на самом деле таковые?» Как это соотносится со строчками Элиота «Вот как кончится мир / Не взрыв, но всхлип» и «Бормочем вместе / Тихо и сухо, / Без чувства и сути»?
3. Элиот интерпретирует память истории в негативном смысле: «Видят, что мы не заблудшие / Бурные души но только / Полые люди, / Чучела, а не люди». Сравните это с позитивистским девизом Конта «Любовь, Порядок, Прогресс».

ВОПРОСЫ ДЛЯ АНАЛИЗА:

1. Могут ли знания и учения спасти человеческий прогресс от неминуемого упадка, который замечает Руссо? Как бы вы ответили на отрицания Руссо?
2. Думаете ли вы, что человеческая история развивается в лучшую или худшую сторону? Почему?
3. Каков источник человеческого прогресса в понимании Руссо:
 - цивилизация
 - разум
 - наука
 - религия?Объясните свой ответ.
4. Что Руссо думает о человеческом знании? Это ведет нас к чему-то лучшему?
5. В чем бы Огюст Конт принципиально не согласился бы с Руссо?
6. Что бы Чолпан и Бозэций сказали Руссо в ответ на его отрицание человеческого прогресса?
7. Чем схожи взгляды Руссо и Элиота на человеческий прогресс?
8. Что Азиз Эсмаил думает об истории и ее роли в нашей жизни?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

<http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/922891>
http://www.artic.edu/aic/collections/modern/73pc_wood.html
 Amin Maalouf. *Balthasar's Odessey*. Harvill Press, 2002
 Francis Robinson (ed.). *Islamic World*. Cambridge Illustrated History. Cambridge University Press, 1996, p. 205
 National Gallery of Art, Washington. Harry N. Abrams, Inc. Publishers, 1984, p. 301
 Virginia Woolf. URL: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/malcolmi/vwframe.htm>
<https://www.amazon.com/Ester-Ruzya-Grandmothers-Survived-Hitlers/dp/0385336055?asin=0385336055&revisionId=&format=4&depth=1>
 World Book Multimedia Encyclopedia, CD-RO M. Disk I. IBM, Deluxe Edition, 1997
<https://proza.ru/2011/07/17/1448>

ГЛАВА ВТОРАЯ

Friedrich, Caspar David. *Der Wanderer über dem Nebelmeer*, ca.1818. http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Caspar_David_Friedrich
 Кадр из фильма «Белое солнце пустыни».
 Кадр из фильма «Белое солнце пустыни».
 Francis Robinson (ed.). *Islamic World*. Cambridge Illustrated History. Cambridge University Press, 1996, p. 205
<http://archaeology.org/0407/abstracts/timbuktu.html>
 World Book Multimedia Encyclopedia, CD-RO M. Disk I. IBM, Deluxe Edition, 1997
 Gloria K. Fiero. *Medieval Europe and the World. Beyond The Humanistic Tradition*. Vol. 2. Third Edition. Calmann & King Ltd., 1998, p. 51
<http://www.boondocksnet.com/ai/kipling/index.html>
https://ic.pics.livejournal.com/clara1302/86695697/1751/1751_original.jpg
https://en.wikipedia.org/wiki/Suez_Canal
<https://www.nps.gov/stli/index.htm>
 World Book Multimedia Encyclopedia, CD-RO M. Disk I. IBM, Deluxe Edition, 1997

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Bridgeman Art Library, London
 Toby Lester. "What is the Qur'an?" *The Atlantic Monthly*. January 1999, p. 45
 John Esposito (ed.). *The Oxford History of Islam*. Oxford University Press, 1999, p. 119
 John Bowker. *World Religions*, Dorling Kindersley, 1997
<https://en.wikipedia.org/wiki/Kaaba>
https://en.wikipedia.org/wiki/Diet_of_Worms
 Michael Holford Houghton Mifflin Company. McKay, *A History of World Societies*, Sixth Edition
 Gloria K. Fiero. *Medieval Europe and the World. Beyond The Humanistic Tradition*. Vol. 2. Third Edition.
 "The masses". URL: <http://www.katardat.org/Stalin/visual/pictures/photos1926.html>
 World Book Multimedia Encyclopedia. CD-RO M. Disk 1. IBM, Deluxe Edition, 1997
 John Walker (ed.). *National Gallery of Art*, Washington DC, 1984, p. 422, image 601
https://en.wikipedia.org/wiki/Vladimir_Lenin
 Bertrand Russell. *Wisdom of the West*. Crescent Books, 1959, p. 270
 World Book Multimedia Encyclopedia. CD-RO M. Disk 1. IBM, Deluxe Edition, 1997

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ArchNet.org. URL: <http://archnet.org>
 ArchNet.org. URL: <http://archnet.org>
 ArchNet.org. URL: <http://archnet.org>
[https://en.wikipedia.org/wiki/Blue_Mosque,_Istanbul#/media/File:Istanbul_\(34223582516\)_\(cropped\).jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/Blue_Mosque,_Istanbul#/media/File:Istanbul_(34223582516)_(cropped).jpg)
 Photo: C. Correa. The Aga Khan Award for Architecture. Housing Process and Physical Form, Photo by W. Lim. 1980, p. 45
 Charles Correa. URL: <http://www.toto.co.jp/GALLERMA/hist/en/biogra/correa.htm>
 The Aga Khan Award for Architecture. Housing Process and Physical Form, Photo by W. Lim. 1980, p. 46
 The Aga Khan Award for Architecture. Housing Process and Physical Form, Photo by W. Lim. 1980, p. 47
https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e4/54._Briey._Cit%C3%A9_Radieuse_%28102%29.jpg
https://en.wikipedia.org/wiki/Villa_Savoye#/media/File:VillaSavoye.jpg
https://en.wikipedia.org/wiki/Central_Milton_Keynes_shopping_centre
 Milton Keynes. URL: <http://www.mkweb.co.uk/futurecmk/home.asp>
https://en.wikipedia.org/wiki/Taj_Mahal
<https://www.pravoslavieto.com/poklonnichestvo/istanbul/images/hagia/interieur1.JPG>
 База данных иллюстраций ПАХЧ
 Дизайн кыргызской юрты. Фрунзе: Издательство Кыргызстан, 1986

337

ГЛАВА ПЯТАЯ

Slavenka Drakuli. How we Survived Communism and even Laughed. Harper Perennial, cover page. 1993
www.pbase.com/ralf/zagreb
www.pbase.com/ralf/zagreb
www.pbase.com/ralf/zagreb
 URL: <http://www.globalgeografia.com/album/ungheria/budapest.jpg>
 Istoriya Mirovogo Iskusstva, "History of World Art", BMM, 1998, p. 234
 Dancing Dervishes. URL : <http://www.zweitausendeins.de/index.htm?/displayV2.cfm?dsplnr=2661&language=1>
 Halil Inalcik. The Ottoman Empire: the Classical Age 1300-1600. Phoenix Paperback, 1973, pp. 132-133
 Islam: Eyewitness Books. New York: DK Publishing, 2002, p. 37
 World Book Multimedia Encyclopaedia. CD-RO M. Disk 1. IBM, Deluxe Edition, 1997
 Philip Mansel. Constantinople: City of the World's Desire, 1453-1924, Penguin Books, 1995, pp. 256-257
 Big Brother is Watching You. URL: <http://www.fantasticpromotionsinc.com/bigbrother.htm>
 George Orwell. URL: http://www.george-orwell.org/l_pictures.html

ГЛАВА ШЕСТАЯ

https://en.wikipedia.org/wiki/Brethren_of_Purity#/media/File:Double-leaf_frontispiece_from_%22The_Epistles_of_the_Brethren_of_Purity%22.jpg
 URL: <http://gallery.euroweb.hu/tml/b/boel>
 URL: www.tesorillo.com/.../ljulio_cesar.htm
 URL: http://www.artrenewal.org/images/artists/c/Claesz_Pieter/large/Vanitas_Still_Life_WGA.jpg
 URL: <http://humanities.edu.ru/db/msg/22774>
 Wikimedia Commons URL : http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:David_-_The_Death_of_Socrates.jpg
 Roy Porter. The Greatest Benefit to Mankind. Fontana Press, 1997, plates
 Daniel Brower and Edward Lazzerini (ed.). Russia's Orient Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917, Indiana University Press, 1997, p. 192
 Архив Блэйка www.blakearchive.org.uk
 Blake: Urizen. URL: http://www.artchive.com/artchive/B/blake/blake_urizen_9.jpg.html
 Wikimedia Commons. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Image:The_Scream.jpg

ВВЕДЕНИЕ В ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

Редактор: Искандарова Зебинисо

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проект Ага Хана “Человековедение“

734013, Республика Таджикистан, г. Душанбе,

ул. Нисора Мухаммеда, 61/2

Тел. (+992-372) 44 601 44 33; 44 601 44 55

Эл. почта: akhp.dushanbe@ucentralasia.org

<http://www.ucentralasia.org>